

ISSN 1999-2629

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

POLITICAL LINGUISTICS

1(31)'2010

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

1(31)'2010

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте Уральского государственного педагогического университета: www.journal.uspu.ru
- Материал журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.
- Включен в каталог Роспечать. Индекс 81955
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 19.02.2010 №6/6

Екатеринбург 2010

УДК 409.34
ББК Ш 107
П 50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

кандидат филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

Члены редакционной коллегии:

доктор философии, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва)

доктор философии, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор философии, профессор Дж. ДАНН (Глазго, Великобритания)

ректор УрГПУ, доктор пед. наук, профессор Б. М. ИГОШЕВ (Екатеринбург)

доктор философии, профессор И. ИНЬИГО-МОРА (Севилья, Испания)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург)

доктор философии, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург)

доктор филологии, профессор П. ЧЕРВИНЬСКИ (Катовице, Польша)

Технический редактор: А. И. СУЕТИНА,

Выпускающий редактор: кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА

Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО
П 50 «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2010. Вып. 1(31). – 188 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает четыре основных раздела – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура» и «Классика политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш 107

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
ВЫПУСК 1 (31)

Подписано в печать 15.03.2010. Формат 60x84/16.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. – 23,5. Тираж 500 экз. Заказ 3255.

Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru

ISSN 1999-2629

© ГОУ ВПО «УрГПУ», 2010

© Политическая лингвистика, 2010

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

1(31)'2010

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editor-in-Chief :

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)

Vladimir N. Bazylev Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)

Petr Cerwinski Ph.D., Prof. (Katowice, Poland)

John Dunn, Ph.D., Prof. (Glasgow, the UK)

Boris M. Igoshev, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Isabel Iñigo-Mora, Ph.D., Prof. (Seville, Spain)

Vasiliy V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)

Eleonora Lissan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)

Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Patrick Seriot Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)

Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)

Ekaterinburg 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
--------------------	---

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Будаев Э.В. Нижний Тагил, Россия	Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа	9
Лассан Э. Вильнюс, Литва	О формах существования концептуальных метафор как индикаторах силы и бессилия общества	24
Синельникова Л.Н. Луганск, Украина	Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса	34
Феррари Ф. Модена, Италия	Гендер и отождествление в политическом дискурсе: Американская женщина как категория анализа	39
Червиньски П. Катовице, Польша	Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (5)	55

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Айвазова В.В. Сургут, Россия	Когнитивные аспекты фрейма-сценария «Благодарность» в политическом дискурсе (на материале Нобелевской лекции Барака Обамы)	74
Антонова А.В. Оренбург, Россия	Свойства массового сознания как мишени речевой манипуляции (на примере текстов предвыборных выступлений британских политиков)	77
Веснина Л.Е. Екатеринбург, Россия	Метафорическое моделирование миграции в российских печатных СМИ	83
Ворошилова М.Б. Екатеринбург, Россия	Кризис сквозь смех: метафорический образ мирового кризиса в русской политической карикатуре	90
Диасамидзе Л.Р. Тюмень, Россия	Гендерный аспект реализации речевых стратегий в российских и американских политических блогах	95
Елисеева С.В. Сургут, Россия	Архитектура как сфера-источник прецедентности в российских и американских СМИ: «Эйфелева башня» и «The Eiffel Tower»	100
Мохова Е.К. Сургут, Россия	Метафорический образ Америки в политическом дискурсе У.Чавеса	106
Надель-Червиньска М. Катовице, Польша	Язык совдепии и мотивация семантического переноса в языке маргинальных сред: имена собственные как этнические стереотипы в уголовных жаргонах польском и русском	109
Полякова И.С. Екатеринбург, Россия	Роль прецедентного имени в формировании эзотеричности политического текста (на материале выступлений Кондолизы Райс)	126
Попов Л.Н. Екатеринбург, Россия	Интонация политика: власть и оппозиция	131

Попова Н.П. Гронинген, Нидерланды	В России появляются новые штольцы...: о мифологеме героя в современной публицистике	135
Хохлов Д.В. Иркутск, Россия	Актуализация концепта volk в дискурсе объединения Германии (1989–1990)	143

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Борискина О.О. Воронеж, Россия	Еще один подход к изучению метафорики политического дискурса	153
Иванова Е.В. Челябинск, Россия	Персонификация природы в медийном дискурсе	158
Костылев Ю.С. Екатеринбург, Россия	Образ китайца в текстах периода гражданской войны в Китае 1945-1949 гг.	163
Мухин М.Ю. Екатеринбург, Россия	Концептуализация социально-политической сферы в произведениях Андрея Платонова (по данным статистического и тематического анализа лексики)	166
Нахимова Е. А. Екатеринбург, Россия	Дискуссия о статусе и семантике имени собственного	171

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Будаев Э.В., Камышева О.С., Лекарева Е.В., Чудинов А.П. Екатеринбург, Россия	Критика текста в американской политической лингвистике	175
Дринан Роберт Ф. Массачусетс, США	Риторика Мира	178
Спербер Х. Огайо, США Тидвелл Дж.Н. Калифорния, США	Слова и выражения в американской политике: правда и вымысел о Солт-ривер	181
Правила предоставления рукописей авторами в журнал «Политическая лингвистика»		185

CONTENTS

EDITORIAL		8
PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS		
Budaev E. V. Nizhny Tagil, Russia	Political Metaphorology: Focuses of Contrastive Analysis	9
Lassan E. Vilnius, Lithuania	Taking into Consideration Existent Forms of Conceptual Metaphors as Indicators of Power and Powerlessness of Society	24
Sinelnikova L.N. Luhansk, Ukraine	Communicative Models of Oppositional Political Discourse	34
Ferrary F. Modena, Italy	Gender and Identification in political Discourse: The (American) Woman as and beyond a Category for Analysis	39
Chervinsky P. Katowice, Poland	Language of the Soviet Reality: Semantics of Positive in Designation of Persons (5)	55
PART 2. POLITICAL COMMUNICATION		
Aivazova V.V. Surgut, Russia	Cognitive Aspects of Frame "Gratitude" in Political Discourse (on the Basis of Barack Obama's Address on Nobel Prize)	74
Antonova A.V. Orenburg, Russia	Characteristics of Mass Consciousness as Speech Manipulation Targets (on the Basis of British Politicians' Pre-election Speeches)	77
Vesnina L.E. Ekaterinburg, Russia	Metaphorical Patterns of Migration in Russian Print Mass Media	83
Voroshilova M.B. Ekaterinburg, Russia	Crisis Through Laughter: Metaphorical Image of the World Crisis in Russian Political Caricature	90
Diasamidze L.R. Tuman, Russia	Gender Aspect of Realization of Speech Strategies in Russian and American Political Weblogs	95
Eliseeva S.V. Surgut, Russia	Architecture as the Source Domain of the Precedent Phenomena in Russian and American Media: «Эйфелева башня» и «The Eiffel Tower»	100
Mokhova E.K. Surgut, Russia	Metaphorical Representstion of America in Political Discourse of Hugo Chavez	106
Nadel-Chervinska M. Katowice, Poland	Soviet Language and Motivation for Semantic Transfer in the Language of Marginal Groups: Proper Names as Ethnical Stereotypes in Criminal Slang in Polish and Russian	109
Polyakova I.S. Ekaterinburg, Russia	Role of Precedent Names in Creation of Ezoteric Component of a Political Text (on the Basis of Condoleezza Rice Speeches)	126
Popov L.N. Ekaterinburg, Russia	Intonation of a Politician: Power and Opposition	131
Popova N.P.	New Stolzes Appear in Russia...: About the Mythologeme of	135

Groningen, Netherlands	a Character in Contemporary Mass Media Discourse	
Khokhlov D.V. Irkutsk, Russia	Actualization of the Concept "Volk" in the Discourse of Unification of Germany (1989-1990)	143

PART 3. LANGUAGE – POLITICS – CULTURE

Boriskina O.O. Voronezh, Russia	On Sharpness of Non-subject Phenomena	153
Ivanova E.V. Chelyabinsk, Russia	Personification of the Nature in Mass Media Discourse	159
Kostylev J.S. Ekaterinburg, Russia	The Image of a Chinese in the Texts of Civil War Period in China 1945-1949	163
Mukhin M. Y. Ekaterinburg, Russia	Social and Political Sphere Conceptualization in Andrew Platonov's Works (on the Basis of Statistic and Thematic Lexical Analysis)	166
Nakhimova E.A. Ekaterinburg, Russia	Discussion of the Status and Semantics of a Proper Name	171

PART 4. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Budaev E.V., Kamysheva O.S., Lekareva E.V., Chudinov A.P. Ekaterinburg, Russia	Textual Criticism in American Political Linguistics	175
Drinan R. F. Massachusetts, USA	The Rhetoric of Peace	178
Sperber H. Ohio, USA Tidvell G. N. California, USA	Words and Phrases in American Politics: Fact and Fiction about Salt River	181
Manuscripts requirements		185

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редакционная коллегия представляет тридцать первый выпуск «Политической лингвистики».

Наша главная новость – ВАК включил журнал в список изданий, в которых могут быть опубликованы материалы диссертаций. Но это не приведет к изменению редакционной политики.

Мы по-прежнему верны своим традициям и сохраняем узкую специализацию с ориентацией на максимально широкий круг читателей. Наши авторы представляют различные научные школы и направления в России и в других странах.

Мы по-прежнему не платим гонораров, но и не берем денег за публикацию с авторов. Однако мы не всегда имеем возможность бесплатно выслать каждому автору экземпляра журнала, в котором опубликована его статья.

Мы сохраняем четыре основных раздела нашего журнала – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Из истории политической лингвистики».

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса. Кроме того, мы вынуждены подчеркнуть, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с политическими взглядами соответствующего политического лидера или журналиста.

Нам приятно, что для очередного выпуска предложили свои публикации известные специалисты профессора Э.Лассан (Вильнюсский университет, Литва), Л.Н. Синельникова (Луганский государственный университет, Украина),

П. Червиньски (Силезский университет, Польша), Ф.Феррари (университет Модены, Италия), но мы не менее рады и статьям относительно молодых исследователей политического дискурса.

С содержанием предшествующих выпусков данного журнала можно познакомиться на сайте cognitiv.narod.ru, а также на сайте Уральского государственного педагогического университета uspu.ru. На сайте cognitiv.narod.ru размещены и другие публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики. Мы готовы удовлетворить заявки на пересылку этого и предшествующих выпусков в отпечатанном варианте.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343) 3361592 (главный редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

Приятно сообщить, что наш журнал включен в Каталог Роспечати, оформить подписку можно в любом почтовом отделении России (индекс 81955).

Наш журнал включен также в международную систему научных журналов (ISSN), где имеет индекс ISSN 1999-2629.

В январе 2009 года журнал «Политическая лингвистика» был включен в состав базы данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

**С уважением и надеждой
на сотрудничество:**

профессор Анатолий Прокопьевич Чудинов,
доцент Эдуард Владимирович Будаев,
доцент Мария Борисовна Ворошилова,
техн. редактор Анастасия Игоревна Суетина.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Будаев Э.В.

Нижний Тагил, Россия

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРЛОГИЯ: РАКУРСЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье дана характеристика основных ракурсов сопоставительного анализа в политической метафорологии. Выделено несколько основных видов сопоставления метафорики политического дискурса: 1) межкультурное; 2) социально-дискурсивное; 3) диахроническое; 4) мультимодальное.

Ключевые слова: политическая метафорология, метафора, политический дискурс, сопоставительный анализ, методология.

Сведения об авторе: Будаев Эдуард Владимирович, кандидат филологических наук, докторант.

Место работы: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, Институт филологии и массовых коммуникаций.

Контактная информация: 622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская д. 57.

e-mail: aedw@rambler.ru

Budaev E.V.

Nizhny Tagil, Russia

POLITICAL METAPHOROLOGY: FOCUSES OF CONTRASTIVE ANALYSIS

ГСНТИ 16.21.27, 16.01.07

Код ВАК 10.02.05, 10.02.19

Abstract. The paper investigates the aspects of contrastive studies in political metaphorology. The author delineates main focuses of comparative research into political metaphors, namely 1) intercultural; 2) social-discursive; 3) diachronic; 4) gender; and 5) multimodal comparison.

Key words: political metaphorology, metaphor, political discourse, contrastive analysis, methodology

About the author: Budaev Edward Vladimirovich, Candidate of Philology, Doctoral Student.

Place of employment: Nizhniy Tagil State Social Pedagogical Academy.

Сопоставительный метафорический анализ политического дискурса относится к активно развиваемым направлениям политической метафорологии, направленной на исследование ментальных представлений, лежащих в основе категоризации политического мира. Как показывают многочисленные исследования, политические метафоры отражают и воспроизводят доминантные для определенных обществ ценности и оппозиции, оказывают значительное влияние на осмысление политической действительности, служат руководством к принятию решений и действию (А.Н. Баранов, М. Джонсон, Дж. Лакофф, Х. де Ландтсхеер, А. Мусолфф, Т. Рорер, Й. Цинкен, А.П. Чудинов и др.).

Каждый лингвист, приступая к сопоставительному изучению политической метафоры, так или иначе ограничивает материал для своего исследования. Эти ограничения чаще всего носят дискурсивный характер, то есть сопоставляются не политические метафоры вообще, а политические метафоры в конкретных дискурсах, рассматриваемых под определенными ракурсами. В современной политической метафорологии выделяется несколько основных ракурсов сопоставления:

- лингвокультурологическое (межкультурное);
- социально-дискурсивное;
- диахроническое;
- мультимодальное.

Рассмотрим подробнее эти четыре критерия сопоставления.

1. Лингвокультурологическое (межкультурное) сопоставление. Одна из актуальных

проблем политической метафорологии – сопоставление закономерностей метафорического моделирования политической картины мира в политических дискурсах различных государств. В этой сфере можно предположить постоянное взаимодействие двух тенденций. С одной стороны, как справедливо отмечает при сравнении русских и польских морбиальных метафор Т.В. Шмелева, «современные средства массовой информации составляют уже своеобразный интердискурс, в котором различия отдельных... языков – вещь чисто поверхностная. При обсуждении современных событий мировая пресса мгновенно подхватывает сказанное кем-то удачное выражение, оно разносится по изданиям и языкам... Мы смотрим на мир (или нам предлагается смотреть) очень схоже» [Шмелева 2001: 5].

С другой стороны, следует согласиться с положением Дж. Лакофф и М. Джонсона о том, что наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры [Лакофф, Джонсон 2004]. Аналогичные мысли неоднократно высказывали и отечественные специалисты (Ю.Д. Апресян, А.Н. Баранов, Е.М. Верещагин, В.Г. Гак, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, Е.С. Кубрякова, Б.А. Успенский и др.).

Сопоставляя названные тенденции, можно сделать вывод о том, что национальная метафорика в одних своих аспектах отражает современное состояние общества, национальную культуру и национальный менталитет, в других – типична для определенного культурного пространства (Запад, Россия, Восток, Африка и

др.), а в третьих – имеет общечеловеческий характер.

Для верификации этих положений рассмотрим исследования по политической метафорике в политических дискурсах стран Востока, составляющих контраст с большинством исследований, направленных на анализ политической метафорике в цивилизационном пространстве Запада и России.

Действительно, метафоры, распространенные в политическом дискурсе стран Запада, довольно традиционны и для политической коммуникации Востока. Иллюстрирующим примером может служить монография Дж. Вэй [Wei 2001], в которой проанализированы основные метафорические модели тайваньского политического дискурса. В Тайване политические сущности метафорически представляются в понятиях военных действий, семейных отношений, зрелищных представлений, торговли и др. Выводы автора вполне сопоставимы с результатами похожих монографических исследований, проведенных специалистами из разных стран на примере политических дискурсов России, США и государств Европы [Charteris-Black 2004, 2005; Musolff 2000, 2004; Santa Ana 2002; Чудинов 2001, 2003].

Схожая ситуация наблюдается и при рассмотрении метафор в политическом дискурсе Сингапура. В частности, Л. Ви [Wee 2001] показал, что разъединение Сингапура и Малайзии и возможное воссоединение двух государств в будущем осмыслялось в метафорах супружеских отношений, что является довольно устойчивым фреймом для концептуализации политических ситуаций подобного рода в политическом дискурсе России, Великобритании, Германии, Польши и других стран [Баранов, Караулов 1991, 1994; Будаев 2009; Чудинов 2001; Zinken 2002].

Метафоры египетского политического дискурса в их взаимосвязи с семиотикой арабской культуры и текущей политической ситуацией рассмотрены в монографии И. Насальски [Nasalski 2004]. Как показывает польский исследователь, египетские метафоры отражают сложности переходного периода, в котором становление демократического мировоззрения переплетается с традиционными ценностями и символами. Вместе с тем доминирующие арабские метафоры (беременность, рождение ребенка, болезнь, пробуждение, дорога и др.) вполне согласуются с аналогичными образами в традиционной политической метафорике западной культуры.

Эти примеры свидетельствуют о том, что в политической метафорике Запада и Востока существует много общего. Вместе с тем, несмотря на активную глобализацию и вестернизацию традиционных обществ, на цивилизационном пространстве Востока остается место для метафорического своеобразия.

Это своеобразие вызывает особый интерес, поскольку, с одной стороны, служит подтверждением перспективности антропоцентрически ориентированных исследовательских программ, активно реализуемых в лингвокультурологических и когнитивных изысканиях, а с другой – обладает несомненной практической ценностью. Знания об особенностях концептуализации мира в иной культуре становятся необходимым условием для межнационального взаимопонимания, ценным приобретением для специалистов из многих областей, так или иначе связанных с межкультурной коммуникацией.

Ряд примеров восточной специфики метафорического осмысления политики находим в монографии Б. Льюиса «Политический язык ислама» [Lewis 1988]. Если на Западе главы государств часто сравнивают с капитаном или рулевым корабля, то метафоры лидерства в исламе связаны с искусством верховой езды. Мусульманский лидер никогда не стоял за штурвалом, но часто сидел в седле и держал ноги в стремях. Также его власть никогда не ассоциировалась с образом солнца, потому что испепеляющее солнце не радует жителей Востока. Мусульманский лидер закрывает подданных благодатной тенью, спасающей от палящего солнца, и одновременно сам является «тенью Бога на земле». Если мы обратимся к метафорам стран Запада и России, то обнаружим, что в них метафора монарха как солнца довольно традиционна. Достаточно вспомнить французского Короля Солнце (Людовика XIV) или собирательный образ древнерусского князя Владимира Красное Солнышко.

Интересны наблюдения Б. Льюиса по поводу ориентационных метафор. На Ближнем Востоке властные отношения в большей степени представляются в горизонтальных, нежели вертикальных понятиях. Человек во власти не бывает внизу или сверху, но внутри или снаружи, рядом или далеко. В исламском обществе власть и статус больше зависят от близости к правителю, чем от ранга во властной иерархии. Правители Ближнего Востока чаще предпочитали дистанцироваться от критически настроенного окружения, чем понижать их в ранге, или отправляли неугодных в ссылку, вместо того чтобы бросить их в подземелье. Разумеется, речь не идет о бунтарях и явных мятежниках, с которыми и на Западе и на Востоке власть имущие поступали примерно одинаково.

Особенно рельефно специфика политических метафор Востока проявляются в гендерных стереотипах исламских государств. Сопоставление исследований политической метафорике Запада и Востока позволяет сделать вывод о том, что метафорическая картина политической действительности часто структурируется в соответствии с противопоставлением мужского и женского начал, но оценочные

смыслы варьируются в политическом дискурсе гетерогенных культурных сообществ.

Разумеется, Восток – это не только исламские государства, и при обращении к другим его субрегионам обнаруживаются другие культурно обусловленные концептуальные особенности.

К примеру, китайские метафоры брака несут в себе отличную от европейской концептуальную информацию. В китайском обществе браку предшествует серия замысловатых переговоров, направленных на защиту интересов обеих семей, а желания жениха и невесты – вопрос второстепенный. Это сближает рассматриваемые китайские метафоры с метафорами торговой сделки, но с моральным основанием: брак рассматривается китайцами как выполнение обязательств перед предками [Wei 2001: 63-64, 66-68].

Причины своеобразия рассмотренных метафор довольно прозрачны. Их оценочные смыслы эксплицитно связаны с климатическими условиями того ареала, на котором формировались культуры Востока, с культурными традициями, предписывающими соответствующие стереотипы поведения, и другими факторами, имеющими многовековую историю. Вместе с тем система политических метафор даже в самом традиционном обществе представляет собой не раз и навсегда заданную систему концептуальных координат для осмысления реальности, а концептосферу, меняющуюся в зависимости от экстралингвистической действительности. Изменения в инвентаре политических метафор стран Востока связаны как с внутренними потребностями, так и с инокультурным влиянием.

Примеры своеобразной интерпретации метафор «западного происхождения» обнаруживаем у Дж. Вэй. Исследователь прослеживает, как в нарративе «Выборы мэра Тайбэя» кандидаты боролись за пост с помощью метафор пищи и наименований собак. Популярный в местных кругах кандидат называл имеющего американское образование оппонента *пиццей* и *quibingou* («дорогая иностранная собачка»), связывая эти концепты с удаленностью претендента на пост мэра от насущных проблем. Себя же он позиционировал как *дворняжку* и *baози* (популярный в народе вид сдобной булочки) [Wei 2001: 62-63].

Довольно интересны наблюдения Дж. Вэй относительно традиционной китайской цветовой символики и ее взаимодействия с новообразованиями в политической метафорике. По данным исследователя, в современном тайваньском политическом дискурсе получила широкое распространение метафора шляпы как символа власти. При этом важное значение имеет ее цвет: красный цвет связан со взяточничеством, золотой – с финансовыми скандалами, черный – с культивированием nepotизма, желтый – с прелюбодеянием. Таким образом, политик, который, например, «носит красную

шляпу», косвенно обвиняется автором метафоры в коррупции [Wei 2001: 75-77].

Помимо своеобразия в концептуальных картинах мира, политическая метафорика Востока характеризуется спецификой, связанной с особенностями ситуативной интерпретации определенных политических событий. В этом отношении наиболее известна публикация Дж. Лакоффа, в которой рассмотрен контраст между метафорическим осмыслением кризиса в Персидском заливе в США и арабских странах [Lakoff 1991].

Указанная работа Дж. Лакоффа начинается фразой *Metaphors can kill* (Метафоры могут убивать). Если метафора не просто фигура речи, а механизм нашего мышления, то она действительно играет важную роль в мире политики, а метафоры не только «могут убивать», но и примирять или, по крайней мере, могут помочь избежать конфликта. В этом контексте исследование политической метафорики, особенно в иных культурах, содержит в себе значимый гуманистический смысл.

Межнациональные различия в актуализации политических метафор прослеживаются не только при анализе специфики национальной картины мира, но и при исследовании частотности или продуктивности метафорических моделей, характерных для всех сопоставляемых дискурсов. Например, израильские исследователи А. Абади и Я. Сакердоти, сравнив метафоры израильского и американского политических дискурсов, обнаружили, что метафорическая модель со сферой-источником «Война» более продуктивна и частотна в израильском дискурсе, в то время как спортивные метафоры более распространены в дискурсе США. Авторы объясняют полученные результаты тем, что жизнь рядовых израильтян в большей степени связана с армией, чем жизнь американцев. Постоянные арабо-израильские конфронтации находят выражение во всепроникающей милитаризации израильского общества. С другой стороны, в Израиле отсутствует характерный для США «культ спорта». В частности, количество популярных в США видов спорта значительно превосходит аналогичные показатели в Израиле [Abadi, Sacerdoti 2001].

Также в публикации Э.В. Будаева [2006], посвященной анализу метафорической концептуализации республик бывшего СССР в российском и британском политическом дискурсе, было показано, что метафоры родства характерны и для британской, и для российской политической коммуникации, но частотность метафор в значительной степени зависит от сферы-мишени метафорической экспансии. Например, в британском политическом дискурсе Латвия, Литва и Эстония регулярно представляются в качестве полноправных членов европейской семьи (братьев, невест, дочерей и т.п.), в то время как Россия не только не входит в европейскую семью, но и концептуализируется

как тюрьма народов, что очень далеко от образа семьи. Анализ российского политического дискурса обнаруживает противоположные результаты: прагматический потенциал сферы-источника «Родство» активно реализуется в российском политическом дискурсе для концептуализации сферы-мишени «Россия», но не задействован для осмысления сферы-мишени «Страны Балтии».

Продолжение сопоставительного исследования метафорических моделей, используемых в политическом дискурсе различных стран, позволит лучше разграничить, с одной стороны, закономерности, общие для всего цивилизованного мира или какой-то его части, а с другой — специфические признаки того или иного национального политического дискурса. Этот ракурс сопоставления является одним из основных в политической метафорологии.

2. Социально-дискурсивное сопоставление. Второй ракурс сопоставления основывается на противопоставлении метафорики, актуализированной в дискурсах различных социальных групп; других внутринациональных общностей, объединяемых представлениями об идентичности; отдельных субъектов политической деятельности. Наиболее распространенными вариантами социально-дискурсивного сопоставления метафорики являются сравнение по профессиональному, идеологическому, идиолектному и гендерному критериям.

Сопоставление по **профессиональному** критерию тесно связано с противопоставлением политического и масс-медийного (журналистского) дискурса. При отборе текстовых материалов для исследования в политической лингвистике существует два полярных подхода — узкий и широкий. При узком подходе в качестве источников исследования используются только тексты, непосредственно созданные политиками и использованные в политической коммуникации. Такие тексты относятся к числу институциональных и обладают весьма существенной спецификой.

При широком подходе к отбору источников для исследования политической коммуникации используются не только тексты, созданные собственными политиками, но и иные тексты, посвященные политическим проблемам. Как справедливо отмечает П. Серิโอ, не существует высказывания, «в котором нельзя было бы не увидеть культурную обусловленность и которое нельзя было бы тем самым связать с характеристиками, интересами, значимостями, свойственными определенному обществу или определенной социальной группе, их признающей в качестве своих. В любом высказывании можно обнаружить властные отношения» [Серิโอ 2002: 21].

Учитывая диффузность границ между различными видами дискурсов, Е.И. Шейгал [2004] предлагает подходить к политическому дискур-

су как к полемому феномену, включающему центральные и периферийные компоненты. При таком подходе предполагается, что политический дискурс включает как институциональные, так и неинституциональные формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, адресат или содержание сообщения [Шейгал 2004: 18-32]. При этом важно учитывать, что содержание сообщения нередко соотносится со сферой политики имплицитно. Как отмечает Дж. Юл, исследование дискурса направлено на изучение того, что не сказано или не написано, но получено (или ментально сконструировано) адресатом в процессе коммуникации. Необходимо обнаружить за лингвистическими феноменами структуры знания (концепты, фоновые знания, верования, ожидания, фреймы и др.), т.е. исследуя дискурс, «мы неизбежно исследуем сознание говорящего или пишущего» [Yule 2000: 84].

При полевом подходе специалисты разграничивают прежде всего институциональный политический дискурс, в рамках которого используются только тексты, созданные политиками (парламентские стенограммы, политические документы, публичные выступления и интервью политических лидеров и др.), и масс-медийный (медийный) политический дискурс, в рамках которого используются преимущественно тексты, созданные журналистами и распространяемые посредством прессы, телевидения, радио, интернета.

Масс-медийный политический дискурс создается преимущественно профессиональными журналистами, но в нем так или иначе могут отражаться коммуникативные практики политиков и даже рядовых граждан.

Идиолектный критерий связан с сопоставлением метафорики, актуализированной различными политиками, а также другими субъектами дискурсивной деятельности.

Перспективы исследования концептуальной метафоры в идиолектах политиков были намечены еще в 1980 г. Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, которые рассмотрели милитарную метафору Дж. Картера и ее следствия [Лакофф, Джонсон 2004: 184-186]. Однако комплексные сопоставительные исследования по идиолектному критерию стали появляться только спустя четверть века.

Среди публикаций, использующих данный ракурс рассмотрения метафорики, можно отметить исследование скандинавских ученых [Heradstveit, Vonham 2005]. Изучая влияние политической метафоры Дж. Буша «Ось зла» на иранское сознание, они рассмотрели интервью с 32 представителями иранской политической элиты (в том числе оппозиционной) в 2000 и 2002 гг. В процессе исследования было обнаружено, что эта метафора вызвала недоумение большинства респондентов и была воспринята

как «удар в спину» (Иран помогал США в войне в Афганистане), «убийство нарождающегося диалога между США и Ираном». Метафора Дж. Буша сплотила иранское общество и вместе с тем создала удобные условия для усиления ультрарадикальных и консервативных сил.

Ярким примером сопоставления по идиолектному критерию является монография Дж. Чартериса-Блэка [Charteris-Black 2004]. Британский лингвист проанализировал риторику англоговорящих политиков и показал, как метафоры регулярно используются в их выступлениях для актуализации нужных эмотивных ассоциаций и создания политических мифов о монстрах и мессиях, злодеях и героях. Вместе с тем сопоставление позволило Дж. Чартерису-Блэку выявить предпочтения конкретных политиков в выборе той или иной сферы-источника для концептуализации политической действительности.

Сопоставительное корпусное исследование метафор в выступлениях лидеров европейских государств провел чешский лингвист П. Друлак [Druřák 2004]. Ученому удалось показать, что метафоры политиков отражают их видение политической ситуации независимо от желания участников коммуникации эксплицитно выразить свои интенции.

Идеологический критерий социально-дискурсивного ракурса анализа связан с сопоставлением метафоры, характерной для сторонников разных политических взглядов, приверженцев различных методов решения определенных политических проблем. Довольно распространены исследования, связанные с изучением радикалистского, расистского, анти-террористического и милитаристского дискурсов [Будаев, Чудинов 2009]. Вместе с тем сопоставление между метафорами разных идеологических групп зачастую приходится делать на основании сравнения результатов нескольких исследований. Существует гораздо меньше публикаций, авторы которых проводили бы сопоставление нескольких дискурсов в рамках одного исследования.

К таким исследованиям относится диссертация Красильниковой [2005], в которой на основе анализа российских, британских и американских метафор, актуализированных для осмысления экологических проблем, проанализированы общие и специфические черты в категоризации действительности по оппозиции СВОИ – ЧУЖИЕ.

Другой пример применения идеологического критерия в социально-дискурсивном ракурсе анализа представлен Л. К. Никифоровой [2010]. В ее исследовании были выявлены особенности использования метафор сторонниками и противниками атомной энергетики. Так как исследование проводилось на примере трех национальных дискурсов (российского/советского, французского и немецкого), важным результатом исследования стал вывод о том, что идео-

логические позиции могут определять общность метафоры в большей степени, чем принадлежность к определенному культурному сообществу. К примеру, было показано, что в метафорическом репертуаре немецких, французских и российских противников развития атомной энергетики было больше общего, чем между сторонниками и противниками внутри одного национального дискурса.

Важным аспектом социально-дискурсивного анализа является **гендерное** сопоставление. Многие исследователи отмечают, что важное место в осмыслении политики занимает концептуальная метафора ГОСУДАРСТВО – ЭТО ЧЕЛОВЕК [Скребцова 2002; Чудинов 2001; Chilton, Lakoff 1995; Lakoff 1991; Luoma-aho 2002]. Государства представляются как сообщество людей, в котором каждый человек обладает своим характером, привычками, законопослушностью. В этом сообществе есть свои правонарушители и полицейские, лидеры и изгои и т.п. Можно утверждать, что в политическом дискурсе данная концептуальная метафора может получать гендерное измерение и развертываться в вариантах ГОСУДАРСТВО – ЭТО ЖЕНЩИНА и ГОСУДАРСТВО – ЭТО МУЖЧИНА, а также НАЦИЯ – ЭТО ЖЕНЩИНА, НАЦИЯ – ЭТО МУЖЧИНА и СТРАНА – ЭТО ЖЕНЩИНА, СТРАНА – ЭТО МУЖЧИНА. Более того, в зависимости от культурных традиций того или иного общества эти концептуальные метафоры согласуются с различными прототипами и зачастую обладают прямо противоположными оценочными смыслами. Особенно рельефно эти различия проявляются при метафорическом представлении «чужого» в политическом дискурсе стран Запада и Востока.

Одна из самых распространенных метафор в политическом дискурсе западных стран для представления врага или чужого – это метафора насильника, агрессивного мужчины, от которого нужно защитить слабую и подвергающуюся насилию женщину. Например, в статье Т. Рорера [Rohrer 1995] проанализированы метафоры, используемые президентом Дж. Бушем для концептуализации политической ситуации в Персидском заливе в период с августа 1990 г. по январь 1991 г. Президент США регулярно описывал иракскую аннексию через метафоры государства-насильника (Ирака) и государства-жертвы (Кувейта). Как отмечает Т. Рорер, американцы поверили метафоре «изнасилования Кувейта», потому что Дж. Буш неоднократно ссылался на доклады о реальных изнасилованиях и грабежах, имевших место в Кувейте в связи с иракской аннексией. В обществе людей всякое преступление должно караться не только ради жертвы преступления, но ради всего общества, заключившего общественный договор. Дж. Буш развивает метафору ГОСУДАРСТВО – ЭТО СООБЩЕСТВА ЛЮДЕЙ метафорой МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА – ЭТО ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР. Следуя этой логике, агрессия

Ирака – это преступление не только против Кувейта, но и против общественного договора, т.е. против всех законопослушных людей-государств, которые и должны наказать дикаря-насилльника. Подобные выводы о противопоставлении насилльника и жертвы получали и другие исследователи американской метафористики, связанной с кризисами в Персидском заливе [Lakoff 1991; Bates 2004].

Подобная гендерно ориентированная модель характерна и для метафорического представления внутривнутриполитических отношений. В монографии А.П. Чудинова [2001] продемонстрировано, что в российском политическом дискурсе распространены образы сексуального насилия или же, наоборот, сексуального бессилия (импотенции, кастрации), привносящие негативные эмотивные смыслы в концептуализацию отношений между субъектами политической деятельности. Для политического дискурса США характерно представление политических оппонентов в качестве сексуальных маньяков, насилующих страну и народ [Adamson et al. 1998].

Оценочные смыслы, которые привносят метафорическая проекция из гендерной модели на политические отношения, укоренены в общественном сознании и соотносятся с моральными ценностями той или иной культуры. Как показывает обзор исследований, в политическом дискурсе стран Запада доминирует тактика *метафорической маскулинизации «чужого»*, направленная на активизацию императива противодействия аморальному врагу. Согласно метафорической логике такого описания мира политики, враг (насилующий женщин) силен, представляет опасность для цивилизованного общества, поэтому нужна максимальная мобилизация ресурсов для сохранения традиционных культурных ценностей и восстановления справедливости.

Несколько иначе гендерный аспект проявляет себя в метафорах исламских государств Востока. Как показывает Р. Сайгол [Saigol 2000], знание о том, что женщина физически слабее мужчины, используется в современном пакистанском политическом дискурсе для метафорического представления «чужого», особенно часто Индии (традиционного соперника Пакистана). В представлении пакистанцев их государство – это взрослый мужчина-мусульманин, а Индия – это женщина. Следовательно, враг слаб и не способен оказать серьезное сопротивление, а поэтому в случае военного конфликта он будет легко повержен. Для акцентирования этого гендерного образа активно используются и другие языковые средства. Как показывает Р. Сайгол, подбор и интерпретация фактов согласуется с доминирующим метафорическим образом. Например, метафорическая феминизация Индии сопровождается указанием на тот факт, что в некоторых районах Индии до сих пор существуют «неправильные» и «от-

вергнутые всем миром» матриархальные семьи, в которых женщина – глава семьи, а дочери наследуют имущество. Индийским мужчинам не хватает маскулинности, они не могут справиться со своими женщинами и не представляют собой серьезной военной силы.

В другом исследовании Р. Сайгол [2003] показано, что в период правления Айюб Хана (1958-64) «плохое прошлое» Пакистана связывалось с бесплодием и стерильностью, а грядущий прогресс и интеграция пакистанского общества ассоциировались с возмужанием, сексуальной потенцией и «мужским характером», что в частности проявилось в военном конфликте с Индией. Как показывает исследователь, устойчивость гендерных стереотипов при осмыслении мира политики во многом связана с их воспроизводством в образовательном дискурсе, с формированием подобных представлений у подрастающего поколения.

Как показывает Э. Билгин, в турецкой культуре Оттоманского периода доминировала метафора чужого-как-женщины и соответственно Запада-как-женщины. Согласно этой метафоре, вестернизация Турции рассматривалась как ее феминизация, а гендерная парадигма осмысления мира стала способом сохранения культурных традиций и противостояния западному влиянию. Например, в представлении оттоманской элиты, молодежь, перенимавшая западный образ жизни, перенимала «женские привычки», представляла собой угрозу «отеческой власти» и символизировала «демаскулинизацию» Турции [Bilgin 2004: 63-108].

Также в современной Турции политические оппоненты во многом опираются на традиционные ценности. После революции М. Кемаля в турецкой политике наблюдается противостояние исламистов (сторонников сохранения традиционных ценностей) и кемалистов (приверженцев продолжения курса на модернизацию Турции). В дискурсе исламистов по-прежнему активно используется тактика феминизации Запада и его материалистического и механистического мира в противовес одухотворенному, «дефеминизированному» и коллективистскому Востоку [Bilgin 2004: 217]. Показательно, что гендерная модель играет важную роль и в дискурсе кемалистов, которые настаивают на продолжении модернизации турецкого общества и опираются на программу расширения прав женщин. В дискурсе кемалистов активно используется метафора «Отца и дочерей», сменившая традиционную оттоманскую метафору «Отца и сыновей». Вместе с тем «идеализированные дочери» кемалистского дискурса подвергаются дефеминизации и десексуализации, становятся «товарищами по оружию» в политической борьбе.

Вполне закономерно, что культурные метафорические стереотипы сохраняются и у иммигрантов из исламских государств. В этом от-

ношении показательна диссертация Б. Кэндела [Candel 2005], в которой показано, что среди метафор, используемых британскими и шведскими мусульманами, значимое место занимает концепт «недостаточной маскулинности» европейского ислама.

Как показывает обзор исследований, в политическом дискурсе исламских государств доминирует тактика *метафорической феминизации «чужого»*, направленная на дискредитацию и умаление качеств политического оппонента, что контрастирует с метафорическими средствами концептуализации чужого (маскулинизации) в политическом дискурсе стран Запада и России.

Другим аспектом изучения специфики гендерной политической метафористики является вопрос о влиянии мужской и женской картины мира на концептуализацию политики в дискурсе СМИ. В политике традиционно доминировали мужчины, поэтому и понятия для метафорического описания политической деятельности привлекались из традиционных мужских занятий, таких как война и спорт. Среди первых исследователей, обративших внимание на этот аспект политической метафористики, был Н. Хоув [Howe 1988]. Проанализировав американские политические метафоры 1980-1985 гг., Н. Хоув пришел к выводу о том, что наиболее укорененные и распространенные в американской культуре политические метафоры относятся к мужским занятиям.

Усилия феминистских исследователей также направлены на выявление гендерного характера агрессивности политической метафористики и демонстрацию того, что конфронтационные метафоры не оставляют возможности для поиска консенсуса и компромисса, столь необходимых в сфере политики. Как отмечает Дж. Фиске, «военные и спортивные метафоры конструируют политику как конфликт между партиями, а не как сферу общественной деятельности, направленную на улучшение благосостояния народа» [Fiske 1987: 291].

Феминистские исследования высвечивают еще одно следствие из доминирования «мужских» метафор агрессии и конфронтации в политическом дискурсе: такие метафоры воспроизводят в общественном сознании представление о политике как о мужском деле, в котором не остается места для женщин-политиков. Традиционно сфера политической деятельности считалась мужским занятием, но в современном мире женщины все чаще принимают активное участие в политической жизни общества, занимают высокие государственные должности, в том числе возглавляют государство и правительства. Вместе с тем одни и те же фреймы «мужского метафорического нарратива» по-разному концептуализируют и оценивают политиков-женщин и политиков-мужчин.

Например, в исследовании Э. Гиденгил и Дж. Эверитт [Gidengil, Everitt 1999] анализиру-

ется проблема воздействия «мужского нарратива» на метафорическое описание женщин-политиков в канадских СМИ. Для выявления гендерной специфики политической метафористики Э. Гиденгил и Дж. Эверитт сравнивали метафорическое представление участников канадских политических дебатов 1993 г. в СМИ с действительным поведением оппонентов.

Для анализа агрессивности поведения в дебатах использовалась методика Р. Тименса и Д. Моньер, согласно которой для количественного выражения агрессии политика нужно учитывать определенные маркеры. Например, учитывается, как часто оппоненты используют местоимение *you* (ты, вы), как часто перебивают друг друга и используют сжатый кулак как жест для акцентирования своих тезисов. Получив, хотя и условное, но некое количественное выражение агрессии оппонентов, исследователи сравнили эти данные с агрессивностью метафорических образов, связываемых журналистами с четырьмя участниками теледебатов – двумя мужчинами и двумя женщинами. Как выяснилось, агрессивность женщин-политиков в целом была меньше, чем у их оппонентов-мужчин. Однако метафор, актуализирующих агрессивные смыслы при описании их поведения на дебатах, было зафиксировано больше, чем при освещении поведения политиков-мужчин. Примечательно, что когда уровень агрессии женщин снизился, они по-прежнему описывались в теленовостях как более агрессивные, чем их оппоненты-мужчины.

Авторы утверждают, что когда женщины принимают мужской стиль поведения, чтобы соперничать в борьбе за власть, они изображаются в СМИ как более агрессивные, чем мужчины, потому что их политическая активность вступает в противоречие с глубоко укорененными представлениями о присущем женщине поведении. Мы не ассоциируем женщин с полем боя или боксерским рингом, соответственно женщины не обладают необходимыми для политики качествами. Особенно наглядно это проявляется в метафорах, убеждающих адресата в женской политической «некомпетентности». Как показывают Э. Гиденгил и Дж. Эверитт, в метафорическом освещении канадских теленовостей женщины, которые решили поучаствовать в «спортивном состязании» или «военной стычке», могли «забить гол в собственные ворота» или «прострелить себе ногу».

Впоследствии Э. Гиденгил, Дж. Эверитт подтвердили эти выводы на примере трех канадских политических теледебатов с участием женщин [Gidengil, Everitt 2003]. В жанре политических дебатов женщины регулярно описываются как более агрессивные, чем их оппоненты-мужчины, хотя женщины, которые участвовали в дебатах не в первый раз, уже в меньшей степени притягивали агрессивные метафоры. Также женщинам-политикам часто не остается

места в мужских фреймах: женщина в спорте-политике не может «закрутить мяч» или «просто отсиживается на скамейке запасных». В лучшем случае женщины «начинают футбольную атаку», но только мужчины «бьют по воротам».

В этом же исследовании Э. Гиденгил и Дж. Эверитт установили, что при освещении политических событий женщины-журналистки использовали агрессивные метафоры не реже, а иногда даже и чаще, чем их коллеги-мужчины. Процессы построения «мужского нарратива» протекают бессознательно, хотя авторы новостей и считают, что они освещают события объективно.

Полученные Э. Гиденгил и Дж. Эверитт данные, вероятно, имеют универсальный характер. К похожим выводам приходят и другие исследователи особенностей метафорического представления женщин-политиков. Дж. Вэй [Wei 2001], изучив метафорику тайваньского политического дискурса, пришла к выводу, что в отличие от политиков-мужчин политики-женщины описываются в СМИ или как очень агрессивные, или как недостаточно женственные, что, в общем, согласуется с выводами ее канадских коллег.

При неоспоримых достижениях феминистских исследований в области политкорректности иногда приходится констатировать, что маятник сильно качнулся в другую сторону. По верному замечанию С.Г. Тер-Минасовой, политическая корректность иногда доходит до крайностей, «становится предметом насмешек, развлечения, юмора» [Тер-Минасова 2004: 283]. Действительно, довольно странными представляются требования заменить history на herstory или бороться с «ненавистным сексистским суффиксом», отображая в написании women как womup или wimmin. Подобные крайности можно обнаружить и в исследованиях метафоры. Например, Дж. Малшецки призывает бороться с милитарными метафорами прессы, являющимися чуть ли не традиционным средством обучения мальчиков и юношей фемциду (femicide) [Malszecki 1995].

Итак, гендерная модель осмысления мира привносит как универсальные, так и культурно-специфические характеристики в понимание политической действительности. Последние выражаются в различии между доминирующими тактиками метафорической оценки «чужого» в политическом дискурсе стран с гетерогенными культурными традициями. Также гендерная специфика политической метафоры выражается в преобладании «мужской картины мира» при осмыслении политической действительности, связанного с традиционным доминированием мужчин в сфере политической деятельности. Наконец, противопоставление мужского и женского начал является часто не осознаваемым, но действенным способом метафориче-

ского конструирования политической картины мира и ее переконцептуализации в сознании адресата политической коммуникации.

3. Диахроническое сопоставление. Прежде всего, необходимо разграничить *диахронический* и *ретроспективный* анализ. Предметом диахронического анализа является процесс изменения политической метафоры во времени. Цель диахронического анализа заключается в фиксации темпоральных изменений (или констатации отсутствия таковых) в изучаемых явлениях. Ретроспективный анализ направлен на анализ политической метафоры, задействованной в определенный исторический период. По сути, предмет ретроспективного анализа совпадает с предметом анализа синхронического. И в том, и в другом случае изучаются нетемпоральные закономерности. Различие же лежит в материале, выбираемом лингвистом для изучения. В синхроническом исследовании анализируется современный материал, в ретроспективном – метафорика других исторических периодов. Иными словами, ретроспекция – это синхрония, опрокинутая в прошлое.

Из разграничения этих двух подходов следует, что диахронический метод априори сопоставительный, потому что едва ли возможен анализ изменений в определенной системе без сопоставления промежуточных состояний системы. На различиях в подходах к анализу этих промежуточных состояний выстраиваются разновидности диахронического изучения политической метафоры.

В диахроническом исследовании выделяется *континуальный* и *дискретный* анализ. В первом случае исследуется диахроническая вариативность метафоры, задействованной за выбранный период времени. Этот подход может применяться в тех случаях, когда продолжительность выбранного периода времени не очень велика. Дискретный анализ используется в тех случаях, когда рассматриваемый период настолько велик, что приходится делать выборку метафор из отдельных периодов (именно так и поступила К. де Ландтсхеер в своем известном исследовании [De Landtsheer 1991]).

При диахроническом исследовании необходимо осуществлять *фрагментацию дискурса*, т.е. делить период времени на определенные сегменты, показатели которых планируется сопоставлять. Фрагментация бывает *фокусной* и *равномерной*.

При *равномерной фрагментации* временной отрезок делится на равные части, называемые шагом фрагментации. Шаг фрагментации может быть различным. Обычно он равен году, но вполне возможен шаг фрагментации равный месяцу, неделе и другим периодам времени. Сопоставление данных из разных сегментов позволяет получать новые данные о диахроническом функционировании метафори-

ки. Особенно любопытны сопоставления данных, полученных на одном и том же материале, но с применением разного шага фрагментации.

При фокусной фрагментации разбиение временного периода связано с определенными политическими событиями, а шаг фрагментации не привязан к хронологии в астрономическом понимании. Практически исследователи определяют эти периоды как «до» и «после» определенного политического события (примером может служить исследование А.Н. Баранова [Баранов 2003]).

Не следует смешивать фрагментацию и дискретный анализ, которые являются совершенно разными методологическими приемами. Во-первых, дискретный анализ применяется из-за невозможности, нецелесообразности, большой трудоемкости континуального анализа. Фрагментация же есть разбиение временной оси на сегменты для изучения отдельных состояний системы, что никак не связано с вышеописанными техническими сложностями. Во-вторых, при дискретном анализе отсекается часть материала, осуществляется выборка материала из определенного континуума, при фрагментации материал просто особым образом структурируется. В третьих, дискретный анализ может проводиться как с применением фрагментации, так и без нее. В свою очередь, фрагментация может быть использована как в дискретном, так и в континуальном анализе.

В наиболее общем виде сопоставительное исследование политической метафоры направлено на анализ двух взаимодополняющих свойств системы политических метафор: архетипичности и вариативности.

Первое свойство выражается в том, что система политических метафор имеет устойчивое ядро, не меняется со временем и воспроизводится в политической коммуникации на протяжении многих веков. Статичность политической метафоры послужила основой для первых опытов по теории политических метафор в XX в., но нередко это свойство абсолютизировалось в духе культурно-временного универсализма. Согласно такой точке зрения, и в Древней Греции, и в средневековой Европе, и в любой стране современного мира политические метафоры остаются неизменными, отражают устойчивые детерминанты человеческого сознания или архетипы коллективного бессознательного. Применительно к политическим метафорам эта точка зрения была последовательно сформулирована М. Осборном и его единомышленниками в теории архетипичных метафор. М. Осборн в основном опирался на методологию бихевиоризма, хотя в принципе подобные выводы могут находить методологическое основание в разных теориях (структурализм В.Я. Проппа, историческая поэтика А.Н. Веселовского, аналитическая психология К.Г. Юнга, экспериенциальный реализм и теория «телесного разума» Дж. Лакоффа и М. Джонсона).

Действительно, многие метафоры фиксируются исследователями в разных культурах и в разные времена. К примеру, метафоры болезней на протяжении долгого времени используются в разных обществах для представления Чужого, угрожающего здоровью общественного организма. Так, Дж. Харрис [Harris 1998] показал, что в эпоху королевы Елизаветы и короля Якова I были очень распространены метафоры болезней Англии, а причины этих болезней общество усматривало в «чужеродных телах»: евреях, ведьмах, католиках. Подобные метафоры обнаруживаются и сто лет спустя в риторике Адольфа Гитлера [Мусолфф 2006; Rash 2005], и в современном политическом дискурсе, в котором морбиальные метафоры – значимое средство осмысления действительности и дискредитации политических оппонентов во многих странах [Муране 2002; Санцевич 2003; Чудинов 2001; Шмелева 2001 и др.]. Конечно, сферамишень для морбиальных метафор варьируется в различные эпохи. Если в эпоху королевы Елизаветы католики могли метафорически представляться причинами заболеваний, то до реформы Генриха IV или в период правления Марии Кровавой вряд ли, но аргументативный потенциал сферы-источника активно используется в разные исторические эпохи и в разных странах.

Архетипичность политической метафоры получила оформленный характер в теории концептуальной метафоры, согласно которой механизмы метафоризации бессознательны и определяются физическим опытом взаимодействия человека с окружающим миром. Таким образом, важным основанием для метафорического универсализма стала анатомо-физиологическая общность представителей *homo sapiens*, до некоторой степени предопределяющая закономерности мышления. Вместе с тем критики теории концептуальной метафоры нередко забывают, что согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона концептуальные метафоры согласованы с основными концептами той или иной культуры, что в принципе не только преодолевает недостатки культурного универсализма, но и не исключает диахронической вариативности политической метафоры.

Вариативность системы политических метафор имеет два ракурса рассмотрения.

1. Корреляции между изменением политической ситуации и количеством метафор в политическом дискурсе.

2. Доминирование отдельных метафор и метафорических моделей в различные исторические периоды.

Отправной точкой для первого направления послужила работа Х. Де Ландтсхеер [De Landtsheer 1991], в которой было доказано, что между частотностью метафор и общественными кризисами существует взаимозависимость. В ходе исследования голландского политического дискурса Х. Де Ландтсхеер удалось пока-

зять, что количество метафор увеличивается в периоды общественно-политических кризисов. Эти наблюдения послужили подтверждением того, что метафора является важным средством разрешения проблемной ситуации, и впоследствии легли в основу комбинаторной теории кризисной коммуникации (CCC-theory).

Исследования в этом направлении проводились и в российской лингвистике. Еще А.Н. Баранов во вводной статье к «Словарю русских политических метафор» [1994] отмечал, что метафоричность политического дискурса существенно возросла в период перестройки и снизилась в постперестроечный период, а в другой работе А.Н. Баранов [2003] с помощью методов контент-анализа подтверждает положение о том, что метафора является важным инструментом формирования множества альтернатив разрешения проблемной ситуации. Исследователь доказывает связь параметров креативности и относительной частоты употребления метафор в политическом дискурсе с общественно-политическим кризисом на примере лингвистического мониторинга политических метафор периода августовского кризиса 1998 г.

Второе направление в изучении вариативности политической метафоричности определяется тем, что ученого интересует не степень метафоричности политического дискурса, а конкретные понятийные сферы, доминирующие метафоры той или иной эпохи, их динамика в связи с изменением политической ситуации. Так, в уже упоминавшемся исследовании Х. Де Ландтсхеер [De Landtsheer 1991] было доказано, что в периоды экономических кризисов увеличивается количество метафор смерти и болезни, а при экономическом росте преобладают метафоры природы.

Как показывают исследования этого направления, даже самые устойчивые и укорененные понятийные области претерпевают с течением времени изменения: доминируют или отходят на второй план. Например, А. Харви [Harvey 1999] проследил историю политической метафоры «Государство – это организм» и показал, что подобное осмысление государства – одна из древнейших метафор человечества. Развертывание антропоморфной метафорической модели обнаруживается уже в древних священных текстах. В Ригведе описывается, что священство произошло из рта проточеловека, воины – из его рук, пастухи – из бедер, земледельцы – из ступней. В Ветхом Завете пророк Даниил, трактуя пророческий сон Навуходоносора, использует метафору человеческого тела. Прагматический потенциал политической антропоморфной метафоры использовался и в Древнем мире, и в текстах периода Средних веков, и в Новое время. Например, Иоанн Солсберийский предлагал следующую метафорическую картину государства: принц –

голова; органы управления – сердце; судьи – глаза, уши и язык; солдаты – руки; крестьяне – ступни ног; сборщики налогов – желудок. Метафору «Государство – это организм» использовали Ф. Сидней, Б. Барнс, Ф. Бэкон, Т. Гоббс и другие мыслители, и все-таки в эру индустриальной революции антропоморфную метафору значительно потеснили метафоры механизма.

Смена метафоричности особенно заметна в периоды общественно-политических преобразований. В этом отношении заслуживает внимания работа американского ученого Р.Д. Андерсона, направленные на анализ динамики политической метафоричности в период демократизации общества. В публикации «The Discursive Origins of Russian Democratic Politics» [Anderson 2001] автор излагает дискурсивную теорию демократизации, суть которой состоит в том, что истоки демократических преобразований в обществе следует искать в дискурсивных инновациях (под дискурсом автор понимает совокупность процедур по созданию и интерпретации текстов, под текстом – единичное коммуникативное событие), а не в изменении социальных или экономических условий. По Р.Д. Андерсону, при смене авторитарного дискурса власти демократическим дискурсом в массовом сознании разрушается представление о кастовом единстве политиков и их «отделенности» от народа. Дискурс новой политической элиты элиминирует характерное для авторитарного дискурса наделение власти положительными признаками, сближается с «языком народа», но проявляет значительную вариативность, отражающую вариативность политических идей в демократическом обществе. Всякий текст (демократический или авторитарный) обладает информативным и «соотносительным» значением. Когда люди воспринимают тексты политической элиты, они не только узнают о том, что политики хотят им сообщить о мире, но и о том, как элита соотносит себя с народом (включает себя в социальную общность с населением или отдалается от народа). Для подтверждения этой теории Р.Д. Андерсон обращается к анализу советско-российских политических метафор. Материалом для анализа послужили тексты политических выступлений членов политбюро 1966-1985 гг. (авторитарный период), выступления членов политбюро в год первых общенародных выборов (1989 г.) (переходный период) и тексты, принадлежащие известным политикам различной политической ориентации периода 1991-1993 гг. (демократический период). Р.Д. Андерсон исследовал частотность нескольких групп метафор, по которым можно судить о том, как коммунистическая элита соотносит себя с остальным населением СССР. Среди них метафоры размера (*большой, крупный, великий, широкий, титанический, гигантский, высокий* и т.п.), метафоры патернализма и субординации (*воспитание, задача,*

работник, строительство, образец). Р.Д. Андерсон пришел к выводу, что частотность этих метафор уменьшалась по мере того, как население начинало самостоятельно выбирать представителей власти. В новых условиях на смену «вертикальным» метафорам пришли «горизонтальные» метафоры. Примерами последних могут служить такие метафоры, как *диалог* (в авторитарный период метафора использовалась только по отношению к международной политике), *спектр*, цветковые метафоры, ориентационные метафоры горизонтального расположения (*левые, правые, сторонники, противники*). К примеру, с появлением ориентационных метафор *левый* и *правый* у населения появилась свобода политического выбора, возможность «горизонтальной» самоидентификации с политиками тех или иных убеждений, что, по мнению исследователя, служит свидетельством демократизации общества. Основываясь на этих данных, Р.Д. Андерсон приходит к выводу, что характерные для дискурса авторитарного периода метафоры гигантомании и патернализма присущи монархическому и диктаторскому дискурсу вообще, в силу чего странственные метафоры субординации можно считать универсальным индикатором недемократичности общества. Исследователь провел важный для своего главного теоретического вывода историко-политологический анализ, показывая, что процессы демократизации общества наблюдаются как в странах, испытывающих большие экономические трудности, так и в экономически высокоразвитых странах. Особенно подчеркивается, что смена политических метафор предшествует процессу демократизации, из чего делается вывод о том, что метафоры обладают каузальной силой. Чтобы опровергнуть это положение, отмечает автор, необходимо продемонстрировать общество, в котором процессу демократизации не предшествовали бы изменения в системе политических метафор, или найти третий фактор, всегда предвосхищающий изменение системы метафор и процесс демократизации, чего никому пока не удалось сделать.

Если использовать терминологию теории концептуальной метафоры, Р.Д. Андерсон исследовал ориентационные метафоры. Примером анализа динамики структурных метафор в период перехода к демократии может служить монография Збигнева Хейнтзе, в которой помимо исследования изменений в польском политическом языке конца 20 века рассматриваются закономерности эволюции политических метафор в их связи с изменениями в польском обществе [Heintze 2001].

Как указывает З. Хейнтзе, накануне демократических преобразований в Польше отмечается резкая милитаризация языка коммунистической пропаганды. Множество метафор из военной сферы явилось реакцией коммунистической элиты на активизацию демократического

движения, стало средством формирования образа коварного врага, с которым народ и коммунистическая партия должны вести войну. Метафоры войны не исчезли и после прихода к власти Л. Валенсы. Поляки продолжали свергать «последний бастион коммунизма», «захватывать позиции», предпринимать «тактические действия» и «торпедировать законопроекты», но уже не в такой степени, как раньше. Желание борьбы ослабло, а общество стремилось заменить все опустошающую войну на здоровое соперничество, чему в немалой степени способствовал переход к многопартийной системе.

Политическую систему в первые годы переходного периода З. Хейнтзе называет системой «многопартийной раздробленности». В те времена даже появился анекдот: «где два поляка – там три политические партии». Такое положение дел стало поводом для упорной борьбы, напоминающей о дарвинистской борьбе за существование, целью которой было попасть в парламент и удержаться в нем. Ситуация изменилась с введением 5%-го барьера, что заставило партии объединяться и ограничило число политических объединений. Открытая враждебность и непримиримость пошла на убыль, и политики стали искать не врагов, а союзников, начали объединять силы и вспомнили о «компромиссе» и «консенсусе». Соответственно в политическом дискурсе этого периода отмечается преобладание метафор разумного соперничества, особенно метафор, связанных со спортом и игрой.

Как показывает данный обзор, исследование политической метафоры в исторической перспективе свидетельствует о наличии двух свойств системы политических метафор: архетипичности и вариативности. Вариативность системы политических метафор проявляется в динамике уровня метафоричности политического дискурса и в изменении доминирующих метафорических моделей в определенные исторические эпохи и другие временные интервалы.

4. Мультимодальное сопоставление. С момента возникновения теории концептуальной метафоры исследователи политической семиотики по вполне понятным причинам сосредоточили внимание на выявлении концептуальных метафор, объективированных в виде метафорических выражений в политическом дискурсе. Вместе с тем определение онтологического статуса концептуальной метафоры поставило закономерные вопросы о корреляциях когнитивных структур со всем семиотическим пространством политической коммуникации. Внимание исследователей все чаще начинают привлекать и другие, невербальные источники данных о политических метафорах (карикатуры, агитационные плакаты, картины, жесты и др.). Как отмечает Е. Эль Рефайе, «механизмы, лежащие в основе метафоры, существуют в сознании независимо от языка», и более того,

«иногда способны передавать сложное сообщение в более непосредственной и сжатой форме, нежели язык» [El Refaie 2003: 76].

Анализ невербальной политической метафоры имеет некоторую традицию, и в современных исследованиях можно выделить две разновидности сопоставительного анализа мультимодальной метафорики: сопоставительные исследования вербальной и невербальной метафорики (представленной в различных источниках) и исследования метафор в креолизованных текстах.

Сопоставительные исследования позволяют получать интересные выводы и показывают, что многие невербальные политические метафоры имеют аналоги в метафорических выражениях политического дискурса. Однако наибольший интерес представляют работы, авторы которых сопоставляют вербальные и невербальные политические метафоры в рамках одного исследования. Это позволяет достоверно проследить, как при осмыслении определенных событий концептуальная политическая метафора реализуется на вербальном и невербальном уровнях политической семиотики.

В этом отношении очень показательным исследованием Б. Бергена [Bergen 2004]. Для определения корреляций между вербальной и невербальной политической метафорикой Б. Берген проанализировал метафорические образы в политических карикатурах, появившихся в течение недели после событий 11 сентября 2001 года. Изучив 219 политических карикатур, Б. Берген сопоставил их с метафорами, связанными с политическим нарративом «Террористические атаки 11 сентября 2001 года», из банка данных Дж. Лакоффа. Согласно Дж. Лакоффу, в осмыслении этих событий доминировали несколько концептуальных метафор: ГОСУДАРСТВО – ЭТО ИНДИВИД, АМОРАЛЬНЫЕ ЛЮДИ – ЭТО НИЗШИЕ ЖИВОТНЫЕ, 11 СЕНТЯБРЯ – ЭТО ПЕРЛ-ХАРБОР и СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ. Как оказалось, в политических карикатурах этого периода доминировали метафорические образы, выявленные Дж. Лакоффом. Как демонстрирует Б. Берген, террористы изображались в образе тараканов, а Усама бен Ладен в образе огромной крысы, что соотносилось с концептуальной метафорой АМОРАЛЬНЫЕ ЛЮДИ – ЭТО НИЗШИЕ ЖИВОТНЫЕ. Соответственно США часто представлялись в виде человека (дяди Сэма), которому в спину воткнули нож с надписью «terrorism», но который остался жив и готов к мщению. На другой карикатуре из шляпы человека-США идет дым и т.п. Также очень распространенной оказалась метафора 11 СЕНТЯБРЯ – ЭТО ПЕРЛ-ХАРБОР. Например, на одной из карикатур был изображен окутанный дымом Нью-Йорк, а изображение сопровождалось прецедентной цитатой адмирала Ямамото, произнесенной им после атаки на Перл-Харбор. На другой карикатуре изображены башни Ми-

рового торгового центра, которые тонут в океане, словно разбомбленный корабль, а в небе летит самолет, из которого доносятся крики «Terror!» (созвучные крикам «Тага!», с которыми японские летчики времен Второй мировой войны начинали воздушную атаку).

Метафорическая СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ могла отражаться с помощью образа средневекового рыцаря с американскими символами на щите, который сражается против дракона с надписью «terrorism». При этом у дракона видны в основном когти и зубы, что отражает трудность борьбы с невидимым противником.

Вместе с тем в неамериканских карикатурах эта сказка о справедливой войне часто представлялась иначе. Например, на одной из карикатур Дж. Буш изображался в одежде крестоносца с огромной, закрывающей глаза короной на голове, который с трудом волочит по земле огромный меч. Очевидно, что в сознании многих людей образ крестоносца не связан с универсальным смыслом восстановления справедливости, что и использовал автор карикатуры для привнесения сатирического смысла.

Таким образом, Б. Бергену удалось показать, что в основе осмысления определенных политических событий как в вербальных политических метафорах, так и в политических карикатурах лежат одни и те же концептуальные метафоры, что является значимым подтверждением первичности ментальной природы метафоры, которая объективируется на разных уровнях политической семиотики.

Интересным источником сведений о политической метафоре являются жесты политиков в их сопоставлении с метафорическими выражениями. Экспериментальное исследование по проверке гипотезы Дж. Лакоффа о том, что в основе «левого» и «правого» американского политического дискурса лежат две метафорические модели семьи, провел А. Ченки [Cienki 2004]. На материале текстов из предвыборных теледебатов Дж. Буша и А. Гора (2000 г.) А. Ченки и его коллега независимо друг от друга анализировали две группы выражений: собственно метафоры и метафорические следствия (entailments), апеллирующие к моделям Строгого Отца (SF) и Воспитывающего Родителя (NP). Как показал анализ, Дж. Буш в четыре раза чаще использовал метафоры модели SF, чем А. Гор. В свою очередь А. Гор в два раза чаще апеллировал к метафорам модели NP. Проанализировав метафорические следствия, А. Ченки указывает, что Дж. Буш опять же в 3.5 раза чаще обращался к модели SF. Вместе с тем исследование показало, что частотность обращения к модели NP у обоих оппонентов была очень близкой с небольшим перевесом у А. Гора (у Дж. Буша – 221, у А. Гора – 241). Эти результаты А. Ченки сопоставил с анализом жестов оппонентов и пришел к выводам, что

жесты Дж. Буша и А. Гора сильно различаются и соотносятся у Дж. Буша с моделью SF, а у А. Гора с моделью NP. При этом различия в апелляции к моделям семьи на паралингвистическом уровне оказались еще более показательными, чем на вербальном. Следует отметить, что, излагая результаты, автор не приводит бесспорных критериев соотнесения жестов с концептуальными метафорами двух анализируемых моделей и все-таки эти наблюдения наводят на мысль, что «жестовые» метафоры менее контролируемы, а потому более показательны.

Еще один подход к исследованию визуальных метафор – анализ корреляций между компонентами креолизованных текстов (т.е. текстов, состоящих из двух частей: вербальной и невербальной). Как показывают такие исследования, в основе вербальных и невербальных метафор лежат, по существу, одни и те же модели, но креолизация дает возможность не просто сложить, а значительно преумножить потенциал каждого из названных компонентов текста.

Примером такого подхода может служить раздел в диссертации Н.М. Чудаковой [2005]. Н. М. Чудакова проследила различные виды взаимодействия между вербальными метафорами из концептуальной области «Неживая природа» и иконическими компонентами креолизованных текстов и показала значимость визуального ряда в метафорическом представлении политической действительности. В частности, было продемонстрировано, что между метафорической системой и видеорядом креолизованного текста возникают или отношения взаимозависимости, при которой интерпретация визуальной части определяется доминирующей метафорической моделью в тексте, или отношения взаимодополнения, при котором изображение с метафорическим образом понятно без слов и может существовать самостоятельно.

Автор подчеркивает также тесную связь визуальных метафор с национальной культурой. Например, в современных СМИ широко представлен визуальный ряд традиционной русской концептуальной метафоры «гибель – это пропасть». Среди других концептуальных метафор из сферы-источника «Неживая природа», давших начало сериям карикатур, автор выделяет следующие: *дорога* (выбор дальнейшего пути развития), *земля и поле во время пахоты* (Россия), *солнце* (президент, власть, законодательство), *тучи* (опасность), *дождь* (неприятности), *горы* (политики), *термометр* (измерение народного недовольства), *зонтик* (защита) и т.д. Ключевые темы изображений чаще всего связаны с тем или иным абстрактным понятием, представляющим наибольшую сложность и противоречивость для возможных интерпретаций. Н. М. Чудакова отмечает, что благодаря двойному смыслу, возникающему при взаимо-

действию в креолизованном тексте знаний и оценок, актуализированных концептуальной метафорой и визуальным рядом данной метафоры, создается особая образность, усиливающая воздействие текста на адресата.

Изучение невербальной политической метафоры становится способом верификации постулата о когнитивной природе метафоры, дополняет результаты исследований вербальной метафоры и способствует более глубокому пониманию той роли, которую метафора играет в осмыслении и конструировании политической действительности.

Выделенные в настоящей статье ракурсы сопоставительного анализа политической метафоры имеют вполне отчетливые категориальные границы, вместе с тем это не исключает совмещения нескольких ракурсов в рамках одного и того же исследования. Сопоставительное изучение может объединять в себе как межкультурный, так социально-дискурсивный аспект (например, при анализе метафоры в идиолектах политиков из разных стран). Возможны и конструктивны многие другие комбинации.

В завершение отметим, что в данном обзоре выявлены не все аспекты сопоставления политической метафоры. Например, теоретически возможны сравнения между метафорами в устной и письменной речи, между метафорами в профессиональных и непрофессиональных дискурсах, между метафорами в дискурсе политиков разных возрастных групп и т.п., однако подобные аспекты сопоставления менее эвристичны и относятся к дальнейшей периферии политической метафорологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов А.Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/09.htm> – 2003.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М., 1991.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994.
- Будаев Э.В. Метафорический образ России в современном мире. – Екатеринбург, 2009.
- Будаев Э.В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы. – Нижний Тагил, 2006.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. – М., 2009.
- Красильникова Н.А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004.
- Муране С.Н. Лексика медицинской сферы в языке современной российской и латвийской прессы // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2002. Т. 8.

Мусолфф А. Политическая «терапия» посредством геноцида: антисемитские концептуальные образы в книге Гитлера «Майн кампф» // Известия УрГПУ. Лингвистика [Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Чудинов А.П.] – Екатеринбург, 2006. Вып. 19.

Никифорова Л.К. Метафорическая репрезентация атомной энергетики в политическом дискурсе России, Франции и Германии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2010.

Санцевич Н.А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003.

Серио П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинаций // Квадратура смысла. – М., 2002.

Скробцова Т.Г. Метафоры современного российского внешнеполитического дискурса // *Respectus philologus*. 2002. № 1 (6).

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2004.

Чудакова Н. М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000-2004 гг.): Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография. – Екатеринбург, 2003.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография. – Екатеринбург, 2001.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004.

Шмелева Т.В. Морбуальная оптика // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2001. Т. 7.

Abadi A., Sacerdoti Y. Source domains of metaphors in political discourse. A cross-cultural study: Israel and the U.S.A. // *RASK – International Journal for Language & Communication*. 2001. Vol. 5.

Anderson R.D., Jr. Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics // *Slavic Review*. 2001. Vol. 60(2).

Bates B.R. Audiences, Metaphors, and the Persian Gulf War // *Communication Studies*. 2004. Vol. 55. № 3.

Bergen B. To Awaken a Sleeping Giant: Cognition and Culture in 23 September 11 Political Cartoons // *Language, Culture, and Mind* [ed. M. Achard, S. Kemmer]. – Stanford, 2004.

Bilgin E. An analysis of Turkish modernity through discourses of masculinities: A thesis for the degree of doctor of philosophy in political science. – Ankara, 2004.

Candel B. Political Islam and Translation Metaphors and Frames in Media Reporting and Islamist Rhetoric: MA Dissertation. – Guildford, 2005.

Charteris-Black J. *Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor*. – Basingstoke, 2004.

Charteris-Black J. *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. – Basingstoke, 2005.

Chilton P., Lakoff G. *Foreign policy by metaphor // Language and Peace* [Ed. Ch. Schäffner, A.Wenden]. – Aldershot, 1995.

Cienki A. Bush's and Gore's language and gestures in 2000 US presidential debates: A test case for two models of metaphors // *Journal of Language and Politics*. 2004. Vol. 3. № 3.

De Landtsheer Ch. *Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communicatuon and Cognition*. 1991. Vol. 24. № 3/4.

El Refaie E. Understanding visual metaphor: The example of newspaper cartoons // *Visual Communication*. 2003. Vol. 2(1).

Fiske J. *Television Culture*. – New York, 1987.

Gidengil E., Everitt J. *Conventional Coverage / Unconventional Politicians: Gender and Media Coverage of Canadian Leaders' Debates, 1993, 1997, 2000 // Canadian Journal of Political Science*. 2003. Vol. 36. № 3.

Gidengil E., Everitt J. *Metaphors and Misrepresentation: Gendered Mediation in News Coverage of the 1993 Canadian Leaders' Debates // Harvard International Journal of Press/Politics*. 1999. Vol. 4. № 1.

Harris J.G. *Foreign Bodies and the Body Politic: Discourses of Social Pathology in Early Modern England*. – New York; Cambridge, 1998.

Harvey A.D. *The Body Politic: Anatomy of a Metaphor // Contemporary Review*. 1999. Vol. 275. Issue 1603.

Heintze Z. *Język polityki w okresie transformacji* URL: jp.bigweb.pl/index.php – 2001.

Heradstveit D., Bonham G.M. *The "Axis of Evil" Metaphor and the Restructuring of Iranian Views Toward the US // Vaseteh. Journal of the European Society for Iranian Studies*. 2005. Vol. 1(1).

Howe N. *Metaphor in Contemporary American Political Discourse // Metaphor and Symbolic Activity*. 1988. Vol. 3. № 2.

Lakoff G. *Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf*. URL: metaphor.uoregon.edu/lakoff-l.htm.

Lewis B. *The Political Language of Islam*. – Chicago, 1988.

Luoma-aho M. *Body of Europe and Malignant Nationalism. A Pathology of the Balkans in European Security Discourse // Geopolitics*. 2002. Vol. 7. № 3.

Malszecki G. M. *"He shoots! He scores!": Metaphors of war in sport and the political linguistics of virility*. – North York, 1995.

Musolff A. *Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe*. – Basingstoke, 2004.

Musolff A. *Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany*. – München, 2000.

Nasalski I. *Die politische Metapher im Arabischen. Untersuchungen zu Semiotik und Symbolik der politi-*

schen Sprache am Beispiel Ägyptens. – Wiesbaden, 2004.

Rash F. Metaphor in Adolf Hitler's Mein Kampf // *metaphorik.de*. 2005. № 9.

Rohrer T. The Metaphorical Logic of (Political) Rape: The New Wor(l)d Order // *Metaphor and Symbolic Activity*. 1995. Vol. 10. № 2.

Saigol R. Becoming a Modern Nation: Educational Discourse in the Early Years of Ayub Khan (1958-64). Monograph № 3 (Monograph Series of Council of Social Sciences). – Islamabad, 2003.

Saigol R. Symbolic Violence: Curriculum, Pedagogy and Society. – Lahore, 2000.

Santa Ana O. Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse. – Austin, 2002.

Wee L. Divorce before marriage in the Singapore–Malaysia relationship: The Invariance Principle at work // *Discourse and Society*. 2001. Vol. 12. № 4.

Wei J.M. Virtual Missiles: Allusions and Metaphors Used in Taiwanese Political Discourse. – Lanham, 2001.

Yule G. *Pragmatics*. – Oxford, 2000.

Zinken J. *Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition: Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik*. – Bielefeld, 2002.

© Будаев Э.В., 2010

Лассан Э.
Вильнюс, Литва

**О ФОРМАХ СУЩЕСТВОВАНИЯ
КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР
КАК ИНДИКАТОРАХ СИЛЫ
И БЕССИЛИЯ ОБЩЕСТВА**

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье предлагается идея существования парадигмы концептуальной метафоры, структурирующей общественную жизнь. Эта парадигма включает 1) собственно языковой уровень ее реализации, 2) дискурсивный уровень, 3) уровень практических действий. Если языковой уровень концептуальной метафоры реализуется в дискурсе лингвокультурного коллектива как элемент его языковой системы, то соотношение двух других уровней в речевой и практической деятельности социума составляет специфику переживаемого общественного периода: *делать, не обозначая через метафору, обозначать, не реализуя экстралингвистических следствий, делать и обозначать.*

Ключевые слова: парадигма, уровни существования концептуальной метафоры, общественное лицемерие, общественное бессилие, идеология.

Сведения об авторе: Элеонора Лассан, профессор, habilitированный доктор гуманитарных наук, главный редактор журнала *Respectus Philologicus*.

Место работы: Вильнюсский университет, кафедра русской филологии, Каунасский гуманитарный факультет, центр социокультурных исследований.

Контактная информация: LT0513 Vilnius, Lietuva
E-mail: eleonora.lassan@flf.vu.lt

Знаменитая работа Лакоффа и Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» положила начало огромному потоку исследований, объектом которых стало «отслеживание» слов-ключей к тем метафорам, на которых строятся ментальные схемы интерпретации действительности как у целых социумов, так и у отдельных их представителей, чья духовная жизнь определенным образом влияет на речемыслительные практики целых сообществ (речь идет о политиках, писателях и т.п. – властителях умов и судеб). Особого внимания удостоилась политическая метафора, отражающая не только речевую, но и практическую сторону деятельности социума.

Думается, что мысль американских лингвистов-когнитивистов о том, что концептуальные метафоры структурируют не только речь, но и практическую деятельность носителей культур, может быть развита в определенном направлении: наблюдения над общественной жизнью позволяют предложить идею разноразноуровневого существования политических метафор в культурных практиках тех или иных социумов.

Как известно, в качестве наиболее характерных политических метафор общественной

Lassan E.
Vilnius, Lithuania

**TAKING INTO CONSIDERATION EXISTENT
FORMS OF CONCEPTUAL METAPHORS
AS INDICATORS OF POWER
AND POWERLESSNESS OF SOCIETY**

ГЧНТИ 16.21.27, 16.21.51
Код ВАК 10.02.01

Abstract. Idea, regarding existence of conceptual metaphor paradigm which structures public life, is presented in the article. This paradigm includes: 1) linguistic level of its expression, 2) discursive level, 3) level of practical actions. If linguistic level of a conceptual metaphor is expressed in the discourse of lingo-cultural society as the element of its linguistic system, relation of two other levels in the linguistic and practical behaviour of a socium forms the particularity of a contemporary social period: *act without revealing a metaphor, reveal without expressing extralinguistic outcome, act and notice.*

Key words: paradigm, levels of conceptual metaphor existence, social hypocrisy, social powerlessness, ideology.

About the author: Eleonora Lassan, Professor Dr. Habil., Editor-in-chief of the Journal *Respectus Philologicus*.

Place of employment: Vilnius University, Faculty of Philology, Department of Russian Philology, Kaunas Faculty of Humanities, Socio-Cultural Research Centre at Vilnius University.

Universiteto, 5, Filologijos fakultetas.

жизни выступают *милитарные* метафоры, метафоры политической жизни как *шоу, спектакля*, метафоры *болезни* [Чудинов 2001] – к ним в последнее время прибавилась *маркетинговая* метафора, структурирующая политическую жизнь в терминах торговли (см. ниже).

Согласно предлагаемой гипотезе, политическая метафора, которой «живет социум», может иметь три уровня своего существования:

1) уровень структурирования практической деятельности. Поскольку регулирование практической деятельности социума осуществляется властью, постольку именно ей принадлежит внедрение метафоры в жизнь социума (организация одних форм жизни по образцу других). Сама метафора может озвучиваться в обществе или табуироваться в языке власти по определенным причинам (если власть не желает освещения подлинной сути своей политической практики). Если метафора озвучивается, она определяет языковую метафорику текстов соответствующего периода и может становиться основой развития текстов, их своеобразным предикатом, присоединяющим к себе соответствующие актанты (см. ниже). Так было с метафорой разделенного мира в дискурсе советской идеологии, где жизнь общества интерпре-

тировалась в терминах войны между двумя лагерями. Отсюда в текстах присутствовали *враги, предатели, изменники* и т.д.;

2) дискурсивный (собственно метафорический) уровень существования концептуальной метафоры. Он проявляется в текстовом развертывании метафоры, в использовании соответствующей языковой метафорике, имеющей образный характер, но не влечет за собой практических действий, вытекающих из метафоры на правах ее следствий (*враги и предатели* не уничтожаются).

При этом может существовать рассогласование между практической деятельностью власти, регулируемой определенной метафорой, и ее оценкой в речевой практике социума: метафора, используемая в независимых СМИ или дискурсе оппозиции для обозначения действия власти, несет отрицательную характеристику этой деятельности (см. ниже);

3) собственно языковой уровень существования концептуальной метафоры – она реализуется через «стертые» метафоры. Именно стертые метафоры прочно встроены в наш язык, заставляя нас думать о ситуации в определенных терминах: напр., в терминах *победы / поражения*, будь то избирательная кампания, публичная дискуссия или адаптация к сложностям бытия (*бороться с жизнью*).

Итак, проиллюстрируем сказанное наблюдениями над формой реализации той или иной метафоры, на определенном этапе используемой в социуме для характеристики его общественной жизни или для ее регулирования.

Каждая революция начинается с новой системы текстов и с новых метафор, в сущности, определяющих новизну текстовых приемов. Это положение настолько общеизвестно, что уже не требует отсылок к первоисточникам данной идеи. Так, метафора идеологической борьбы, конфронтации двух лагерей в мире с разными общественными устройствами, составлявшая основу политических текстов советского периода (будь то внешнеполитические отношения или отношения внутри страны в период 30–40-х годов) сменилась в начале 90-х прошлого века, после провозглашенной М.С. Горбачевым «деидеологизации» политики, иными метафорами – *спорта, шоу*, на данном этапе – *маркетинга*. Важно отметить характер дискурсов, использующих ту или иную метафору: если метафора борьбы была характерна для текстов власти, рупором которой были СМИ, то в последующий период общественной жизни, когда власть перестает контролировать СМИ (или оказывается неспособной это делать), в ее дискурсе и дискурсе СМИ могут использоваться разные метафоры для концептуализации общественной жизни. Говоря о мене метафор, хочется подчеркнуть, что концептуализация мира посредством тех или иных метафорических концептов определяется не «языковым вкусом эпохи», не случайным выбо-

ром определенной метафоры на роль интерпретатора действительности в тех или иных терминах – как метафорические модели политической жизни, так и смена метафор обуславливаются набором социальных факторов. Так, метафора *спорта* в российских дискурсах, пришедшая на смену метафоре *борьбы* советских дискурсов, в сущности, была ее органическим продолжением в новых условиях: метафора *спорта* очень близка метафоре *войны / борьбы*: чем, в сущности были «бои» гладиаторов – спортом? борьбой не на жизнь, а на смерть? Очевидно, что фрейм «гладиатор» в качестве одной из составляющих включает слот «смерть». Таким образом, метафора политической борьбы, войны двух лагерей, предполагающая и физическое устранение «врага», сменилась менее «кровавой», однако достаточно близкой по духу метафорой спорта (прекращение войны на время Олимпийских игр в античности можно рассматривать как сублимацию потребности в уничтожении Другого (агрессии) в потребность противоборства на спортивных состязаниях («Спорт – это имитация войны» (Джордж Оруэлл)).

Предвыборная гонка, предвыборная борьба, предвыборный марафон – спортивные метафоры не были характерны для советских кампаний выборов, где не было соревнующихся сторон; трудно даже произнести применительно к этому институту советского государства выражение «предвыборная кампания»: «Преобразование избирательной системы, начало которым положили массовый политический энтузиазм конца 80-х годов и нововведения в советском избирательном законодательстве, осуществленные в 1988-1989 годах, радикально изменили российские выборы. Выборы 1990-х годов разительно отличались от того мероприятия, которое называлось выборами в советские времена» [Бузин 2006: www]. Автор приведенных строк достаточно жестко оценивает и современные российские выборы, применяя к ним метафору *шоу*: «Несмотря на то, что российские выборы быстро приобретают черты **заранее отрепетированного спектакля**, несмотря на сужение круга избираемых органов власти, Россия не собирается отказываться от выборов вообще» [там же]. Советские выборы также можно обозначить как отрепетированный спектакль – с режиссерами, принявшими один и тот же сценарий на обозримые времена. Правда, у этого сценария была «дефектная парадигма» – не хватало для реализации всех слотов выборов, как уже было сказано, соревнующихся сторон. Но были щедрые декорации: избирательные участки украшались соответствующим образом – красными плакатами, шарами и т.п. (по воспоминаниям автора, жившего в провинциальном белорусском городке: выборы происходили в школе, где играла музыка, и в этот день – именно день, а не вечер – в фойе под музыку танцевали люди, как правило,

школьники, для которых день становился праздничным), и были актеры – и те, кто играл роль избираемых, и те, кто приходил на избирательные участки. (Можно сказать, используя термины когнитивной лингвистики, что фон доминировал над фигурой.) В сущности, советские выборы были не выборами, а референдумом по принятию кандидатур, выдвинутых партией. Метафора спектакля была скрыта: она реализовалась не на языковом, а на референтном уровне – отрежиссированная процедура, скорее, напоминала организованный поход школьников в театр, где разыгрывался спектакль под названием «выборы», – при этом «школьники» обязаны были не пропустить развивающегося действия. Эта принудительность оформилась языковой метафорой *пойти на выборы – исполнить свой гражданский долг*.

Как уже неоднократно отмечалось, начало 90-х годов характеризовалось широким использованием метафор *шоу* в дискурсе СМИ при описании политических коллизий: «звезды политической сцены играли превосходно», «в залах был полный аншлаг», «зарубежные гастроли наших либералов» и т. п. Естественно, что эти метафоры не могли быть озвучены на предыдущем этапе политической жизни, как и метафоры *борьбы* или *спорта*, поскольку, как мы уже говорили, советские выборы осуществлялись в системе, основной стилистической тональностью которой была серьезность, и по сценарию с неполным набором составляющих. Метафоры *игры*, *шоу* в начале 90-х прошлого века коррелировали с общим усилением театрализации политической действительности: избирательная кампания, проводимая с одновременным участием звезд эстрады и иногда расцениваемая как «дуэль Бабкина – Боярский» (имеется в виду выступление эстрадных звезд в поддержку «своего кандидата») подчеркивала характер выборов, происходивших в «обществе спектакля» (Ги Дебор). Автор тогда, как и известнейший российский представитель политической лингвистики А. П. Чудинов, усматривал в происходящей театрализации имитацию политической жизни, ее мимесис: «Прагматический потенциал этой метафорической модели определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности: субъекты политической деятельности не живут подлинной жизнью, а вопреки своей воле исполняют чьи-то предначертания» [Чудинов 2001: <http://www.demoskop.ru>]. Сегодня, в свете исчезновения подобных метафор из дискурса СМИ, автор по-иному оценивает прошедшее: эпоха начала – середины 90-х в России была временем освобождения от предписанной идеологией прошлого серьезности, весь «новый мир» превратился в спектакль: чета Горбачевых записала свои голоса в рэп-композиции, мэр Москвы Лужков сломал ногу, исполняя кульбит на арене Московского

цирка, что само по себе символично: на глазах овеществлялась метафора: *власть – цирк* и *власть сломала ногу*, танцевал и пел Б. Ельцин. Впрочем, пели не только в России – запел даже Иоанн Павел II: Ватиканом была выпущена пластинка, где под современную музыку, чем-то напоминающую рэп, папа читает молитвы на пяти языках. Это было время раскрепощения, отхода от традиционных форм поведения, время усталости от ужасов реальности. Примечательны события в Перу, когда в 1996 году в японском посольстве были захвачены террористами заложники – в это время возле посольства устраивались представления актеров и певцов с целью развлечь заложников. Война превращалась в шоу – и, напротив, в мире начала XXI века шоу стали пахнуть войной: так было с «Норд-Остом», так было и в Кении на конкурсе красоты 2002 года, где погибло около 250 христиан в ходе мусульманских актов возмущения статьей в газете под названием «Девушки так красивы, что каждая могла бы стать женой пророка Мухаммеда». Мусульмане не допускают десакрализации своего священного пространства, проникновения в него мирских и плотских элементов. Мы же можем констатировать, что особенности мироощущения и миропонимания в конце прошлого века структурировали действительность как театр, превращая войну в шоу, в то время как происшедшая смена мироощущения, напротив, превратила шоу в войну.

Уменьшение в политическом дискурсе театральности метафор (остаточным явлением можно считать метафору *фарса*, характеризующую дискурс современной российской оппозиции: «Я не участвую в фарсе» – акция демократов в ходе предвыборной президентской кампании 2008 года) связано, таким образом, с изменением духа экстралингвистической реальности. Тем не менее политическое действие в «обществе спектакля» продолжает носить его черты. Спектакль современных выборов совмещает в себе некоторые признаки прошлого (режиссеры – политтехнологи от власти, сценарий имеет полную парадигму и, видимо, пишется всякий раз, если иметь в виду появление новых и иногда «псевдокандидатов», как это было на прошедших президентских выборах в России, где от демократов выступал малоизвестный А. Богданов, «назначенный» на роль демократа. [«По информации одной из центральных газет, в Кремле подумывают о том, чтобы поставить Богданова во главе новой «правой» партии, которая образуется после развала старых. Пока же лидер ДПР якобы проходит «обкатку» на президентских выборах. [<http://www.democrats.ru>]. Если исходить из дискурса оппозиционной прессы, то и результат выборов (финал спектакля) является заранее написанным. Но есть принципиальное отличие настоящих выборов от референдума советского пе-

риода, также обусловленное экстралингвистической действительностью: средства массовой коммуникации – прежде всего телевидение – делают нас участниками непрерывного спектакля, в котором любой предмет, в том числе и политик, становится продаваемым товаром. На сцене этого шоу высвечиваются только отдельные стороны товара [Дебор 2000: http], поэтому те, кто на сцене, так заинтересованы в том, чтобы высветить нужный ракурс. Отсюда повышается роль зрителей спектакля – электората. Слово *электорат* прочно вошло в дискурс российских политиков, смотрящих на своих сограждан сквозь призму их участия в выборах. Показательной в этом отношении представляется реплика одного из ведущих российских политиков в одном из телевизионных интервью: в связи с недавней кончиной автора бессмертного шлягера “Besame mucho” Консуэлы Веласкес телевидение обращалось с просьбой ко многим известным людям ответить, насколько, по их мнению, сегодня современен этот шлягер. Известный политик Вяч. Никонов ответил примерно так: «Не весь электорат сегодня принимает эту песню». О ком говорил В. Никонов? Об избирателях, отдающих голоса за его партию? Ведь *электорат* (от лат. *elector* – избиратель) – ‘круг избирателей, голосующих за определенную партию на парламентских, президентских или муниципальных выборах’ (Большой юридический словарь). Может ли это слово считаться точным синонимом слова *избиратели*? Из его толкования следует наличие дополнительных семантических компонентов (‘голосующих за определенную партию’), отражающих практику многопартийной системы, чего не было в прежней политической действительности. Значит ли это, что Никонов не предполагает иных возможностей у избирателей, чем быть сторонниками его партии (тогда выборы также превращаются в спектакль), или политик, не отдавая отчета в особенностях содержания заимствованного политического понятия, просто выражает свое видение сограждан как вечных зрителей политических действий? Вообще нельзя не согласиться с Константином А. Богдановым, высказавшим мысль о том, что на русской почве многие заимствованные понятия подвергаются трансформации: «Применительно к русской культуре давно замечено и часто повторяется, что история инокультурных заимствований в России – это прежде всего история переосмысления заимствуемых ценностей» [Богданов 2006: 8]. Так, последние выборы в Государственную Думу России (2007) в некоторых российских СМИ и призывах характеризовались как «референдум в поддержку Президента» [«Выборы в Государственную думу 2 декабря станут референдумом в поддержку курса президента России Владимира Путина. Как передает корреспондент «Росбалта», об этом заявил сегодня утром журналистам секретарь президиума генерального совета «ЕР» Вячеслав

Володин» [http://www.rosbaltvolga.ru]. Подобное употребление нарушает синтаксическую сочетаемость слова (*референдум по вопросу*), и свидетельствует о трансформации его значения по сравнению с тем идеологическим полем, из которого оно к нам пришло (при референдуме объектом является не кандидат или список кандидатов на определенную должность, а определенный вопрос).

При всех несовершенствах политической жизни, структурируемой в терминах *спектакля*, сама театральная метафора оказывается гораздо гуманнее милитарных метафор, так как не предполагает физического устранения политических оппонентов. В рамках действительности, структурируемой этой метафорой, они выступают, скорее в качестве актеров одного театра, стремящихся завоевать симпатии публики и главные роли политического репертуара, не гнушаясь при этом многими не дозволенными моралью вещами (грязным технологиями), как это бывает в театре. О милитарной метафоре много и плодотворно писали известные российские исследователи «метафорического зеркала России», и прежде всего А.П. Чудинов, отметивший наличие в конце 90-годов прошлого века агрессивную тональность российских СМИ, создаваемую такими метафорами [Чудинов 2001]. Безусловно, прав и коллега А.П. Чудинова Э. Будаев, сказавший о том, что система метафорических моделей СМИ служит индикатором общественного состояния, мирования общества даже в том случае, когда общество не отдает себе отчета в состоянии собственного сознания [Будаев 2007: www] – мне бы хотелось только сказать о неизбежности этой метафоры в наших устах и о разных уровнях ее существования в общественном сознании, как, впрочем, и других базовых метафор, структурирующих на определенном этапе жизни социума его мирозидение (далее: структурных метафор).

Конрад Лоренц, как известно, различал межвидовую и внутривидовую агрессию в животном мире, наследником инстинктов которого является человек. Лоренц приводит пример того, как нереализованный инстинкт агрессивности у человека, в принципе, не чуждающегося убийства сородича (внутривидовая агрессия, по Лоренцу), может приводить к тяжелейшим неврозам: он рассказывает об индейцах племени юта, тяжело страдающих от избытка агрессивных побуждений, не реализуемых в условиях урегулированной жизни современной индейской резервации в Северной Америке. Индейцы-юта, которые в течение нескольких столетий вели жизнь, практически полностью состоявшую из войн и грабежей, сегодня чаще, чем другие люди, подвержены неврозам и склонны к самоубийству. В этом племени существует строжайший запрет на убийство соплеменника (насилие по отношению к чужим – межвидовая агрессия – в порядке вещей). Перед нами пример запрета на внутривидовую агрессию, приводя-

щего к тяжелым нервным срывам [Лоренц 1992: 18]. Таким образом, частота реализации военной метафоры, отражающей потребность человека в выплеске агрессии, есть не только наследие истории народа, но и архетип сознания, имеющий своим истоком животный мир.

Нужно сказать, что метафоры *внутривидовой борьбы* весьма популярны в современном российском дискурсе, что также связано с экстралингвистической ситуацией – отсутствием подлинно противопоставленных политических партий в спектре политических сил России. *Внутривидовая борьба в российской политике, внутривидовая борьба единороссов, КПРФ на пути внутривидовой борьбы* и т.п. – эти метафоры можно считать новинкой политических дискурсивных практик, тем не менее связанной с основной – военной – метафорой и вместе с тем отсылающей к ее биологическим архетипическим истокам.

Если миром правит метафора *борьбы*, то те, кто говорят по ее сценарию, практически произносят один и тот же текст, независимо от лагеря, к которому себя причисляют. «И "ведьмы", а вернее – красно-коричневые оборотни, наглежа от безнаказанности, оклеивали на глазах милиции стены своими ядовитыми листками, грязно оскорбляя народ, государство, его законных руководителей, сладострастно объясняя, как именно они будут всех нас вешать... Что тут говорить? Хватит говорить... Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу. Так не пора ли ее продемонстрировать нашей юной, но уже, как мы вновь с радостным удивлением убедились, достаточно окрепшей демократии?» Кому принадлежат эти слова? – Здесь и эпитеты *ядовитые, грязные*, использовавшиеся в дискурсе власти СССР против тех, в ком она видела своих врагов, и *оборотни* – слово, столь знакомое по шпионским скандалам в СССР, цель которого – расчеловечить «противника», и *наглежа*, и народ в качестве тотема и многое другое, знакомое по процессам, берущим истоки в далеких 30-х годах. А под письмом – подписи людей, глубоко уважаемых в обществе в качестве тех, кто противился торжеству репрессивной системы (Письмо 42-х 1993). Автор не хотел бы называть фамилии известнейших русских интеллигентов, как ему кажется, потерявших в этот момент «чувство стиля» – это случилось в октябре 1993 года, когда политическая борьба едва не переросла в гражданскую войну. Если продолжить разговор об октябре 1993 в Москве, то здесь произошло скрещивание метафор *войны* и *шоу*: политическая борьба стала войной, а война вокруг Белого Дома, в соответствии с правящей тогда театральной метафорой, транслировалась по телевизору (!) как шоу, и многие «зрители» (автор хранит эти воспоминания в памяти) не могли, по их словам, «оторваться от экранов».

Говоря о реализации структурных метафор, можно, как представляется, выделить парадигму базовой структурной метафоры, исходя из того, что именно находит реализацию в общественной практике: дискурсивный уровень метафор или следствия из них, имеющие вид неречевых (не только речевых) действий. При этом язык также испытывает определенную зависимость от формы реализации метафоры.

К первому (верхнему) уровню реализации метафоры можно отнести случаи, когда сфера-мишень и сфера-источник в сознании языкового коллектива отождествляются. При этом метафора регулирует деятельность социума и озвучивается в его речевых практиках, например, политическая борьба или конкуренция в бизнесе воспринимаются как настоящая война. В таком случае название оппонентов *врагами* или *предателями* ведет к таким же последствиям, как если бы это было на фронтовой полосе. Выражение *враг народа*, берущее свой исток во Французской революции (*ennemi du peuple*), было использовано в российской практике впервые Лениным по отношению к партии кадетов, которая в целом была представлена им партией «врагов народа». Как известно, Ленин определил слои населения (купечество, духовенство, прочие имущие слои), которые могут быть отнесены к *врагам народа* и на этом основании уничтожены. Интересно, что словари русского языка, начиная от словаря Ушакова и до Словаря русского языка (1981), в качестве иллюстрации к первому значению приводят *классовый враг, идейный враг*, само же значение толкуется практически тавтологичным образом: «Тот, кто находится в состоянии вражды, борьбы с кем-нибудь» (МАС), чего, естественно, нет в словаре Даля: «противник, неприятель, супостат, недоброжелатель, злорадец, (супротивник, противоборец; также в знач. общего противника рода человеческого, дьявола, сатаны или в значении военном, неприятельской земли, войска)». При таком толковании метафоричность значения в выражении *идейный враг* перестает ощущаться. *Враг* – не тот, кто реально причиняет зло, кто нападает на родную землю, а тот, кто может не соглашаться с идеей, мыслями, планами. Поэтому он должен быть физически устранен. Это и есть тот уровень жизни концептуальной метафоры *мир – фронт борьбы (мир – это война)*, при котором происходит полное уподобление сферы-источника и сферы-мишени, результатом чего являются соответствующие действия.

Второй уровень существования структурной метафоры – наличие понимания того, что имеет место уподобление, а не отождествление двух сфер. Метафора находит вербальное воплощение, но следствия из нее не реализуются в практической деятельности социалингвистического коллектива. Так, если

один из руководящих государственных деятелей говорит журналисту: «Враги прямо перед тобой, ты с ними воюешь, потом заключаешь перемирие, и все ясно. Предателя нужно уничтожить, раздавить... Знаете, Алексей, вы не предатель. Вы враг [www.newsru.com], за этим не следует соответствующих действий, то мы можем констатировать дискурсивный (собственно метафорический) уровень существования структурной метафоры и производных от нее номинаций действительности – уровень «растождествления» сферы источника и сферы-мишени. Как сказал поэт, «в России не много таких насчитаешь эпох / Прохладно-отрадных, и чудится в этом подвох» (А. Кушнер). Современный политический дискурс пестрит метафорой *врагов народа*: ср. политический бестселлер Дм. Рогозина под названием «Враг народа», список «врагов народа» на одном из националистических сайтов с именами правозащитников и сотрудников правоохранительных органов, противодействующих ксенофобии. Опасность такой концептуализации мира, даже при растождествлении членов метафорической модели, заключается в том, что второй уровень метафорической концептуализации может легко перейти в первый, что не раз случалось в истории. На названном сайте в разделе «Жертвы большой политики» указаны имена и фамилии правозащитников, следователей и сотрудников правоохранительных органов, их домашние адреса, паспортные данные, ИНН и места работы. По словам Александра Брода, фигурирующие в списке люди «очень взволнованы, поскольку опасаются насилия, учитывая, что в этом году национал-радикалы просто распоясались» (NEWS.ru.com). Автору хотелось бы привести пример, казалось бы, неожиданного случая перехода уровня растождествления членов метафорической модели мира как фронта в уровень их отождествления. Некогда, анализируя советский публицистический дискурс, автор усматривал сюрреалистический момент в таких, например, строках из литературных статей периода «оттепели»: автор статьи «Пусть камни говорят и учат» рассказывает о подписанном Лениным в 1918 года декрете «О памятниках великим деятелям социализма, науки, литературы и искусства»: «...Называя имена тех, кому предстояло стать навсегда на улицах и площадях... революционный народ имел в виду, что отлитые в бронзе, они будут не просто напоминать о себе, но и жить, бороться и действовать... Памятники должны были быть поставлены для того, чтобы сражаться в одном ряду с комиссарами, агитаторами и отважными воинами» [Цимбал 1966: 191]. Картина памятников, идущих в бой вместе с воинами Красной Армии, напоминала автору ожившего Командора, и сознанию, не пронитому духом военной метафоры, она представлялась жутковатой. Те, кто «отлит в бронзе», лишены покоя после смерти, имеют свою

«посмертную судьбу»: «жить, бороться, действовать». Однако прошло совсем немного времени, и «бронзовый солдат» в Таллине стал участником (если иметь в виду его удаление с «поля боя») и причиной подлинных сражений, с настоящими жертвами.

Нужно сказать, что иногда трудно различить уровни реализации метафоры в сознании, стоящем за определенным текстом. Так, «Независимая газета» в конце 1998 года помещает статью с названием «Верная твердыня православия», где автор Маруся Климова, рассказывая о строительстве Исаакиевского собора, возведенного, как известно, по проекту Огюста Монферана, в частности, пишет: «В поручении этого проекта молодому французскому архитектору заключался некий утонченный садизм: француз должен был воспевать мощь России, победившей в войне его родину, католик возводил памятник православной религии. Можно смело утверждать, что Монферан был первым русским коллаборационистом (и даже коллаборационистом в «квадрате»). Следовательно, начало французскому коллаборационизму было положено еще императором Александром I в 1818 году» [Климова 1998]. Отметим, что Монферан выиграл конкурс на лучший проект в 1809 году, то есть до Отечественной войны 1812 года – М. Климову, видимо, такие подробности не интересовали. Сознание, рассматривающее мир сквозь призму неизбежного военного противостояния, готово увидеть его приметы всюду, где намечаются контуры оппозиции «свой – чужой». Приведенный пример еще раз иллюстрирует и безусловную правоту А.П. Чудинова и Э. Будаева об агрессивном потенциале российской прессы в названный период, и, надеюсь, служит подтверждением мысли об архетипичности метафоры *войны / борьбы*: неявные антизападные настроения с годами переросли в открытые, агрессивный потенциал прессы стал действующим инструментом политической жизни: «Запад – враг России» [http://www.islamnews.ru]; «По мнению Илларионова, Россия пытается спровоцировать высокопоставленных чиновников западных стран на жесткие высказывания в свой адрес. Это необходимо для того, чтобы мобилизовать электорат против внешнего врага. Подобная кампания в России проводится под каждые выборы. В 1996-м году врагом были объявлены коммунисты, в 2004-м – олигархи, а в 2008-м эта роль уготована Западу» [http://www.klerk.ru].

Возвращаясь к тексту М. Климовой, думается, уместно констатировать наличие второго – дискурсивного уровня существования мультитарной метафоры: метафора военного противостояния развертывается в тексте, но никаких действий по отношению к «коллаборационисту» Монферану не может последовать. Тем не менее, если предположить, что французы решат по образцу других народов пересмотреть свою историю, может возникнуть изменение

отношения к известному архитектору: если бы соотечественники Монферана решили вычеркнуть его из своей истории на том основании, что он был «коллаборационистом», то мы бы имели реализацию первого уровня концептуальной метафоры. Остается надеется, что второй уровень существования военной метафоры все реже будет перерастать в первый – подлинного военного противостояния.

Третьим уровнем реализации (существования) структурной метафоры является употребление обусловленных ею номинаций как практически клишированных обозначений действительности, метафоричность этих номинаций ощущается, но образно-экспрессивный потенциал метафоры исчезает: на левом фланге партии, предвыборный штаб/ борьба, победить политических противников и т.п. «Стертые метафоры» представляются «эхом» концептуальной военной метафоры – именно они неизбежно присутствуют в нашей речи, независимо от предмета говорения: кинематографисты ведут борьбу на кинофестивалях, мы убиваем время и даже боремся с жизнью, не понимая того, что результатом победы над жизнью может быть только смерть. Но и третий уровень – стертых метафор – может реактуализироваться и перерасти в иные уровни существования базовой метафоры: например, конкурентные отношения в бизнесе, трактуемые в терминах борьбы и войны, приводят к подлинному «отстрелу» актантов бизнес-ситуации.

Идея разноуровневого существования структурной концептуальной метафоры в полной мере относится и к другим структурным метафорам, упоминаемым выше: так, массовый исход мастеров сцены в политику можно расценивать как полное отождествление политической трибуны и артистической сцены (*весь мир – театр*). Интересно, что живая метафорой театра, лингвокультурный коллектив перестает ощущать разницу в значении слова *роль* в таких употреблении, как *роль интеллигенции* (=значение), *социальная роль* (=функция) и *артистическая роль* (=художественный образ). Примером такого смешения прямого и метафорического значений слова *роль*, как представляется, является следующее высказывание известного российского политического комментатора: «Политик не актер, он сам себе и сценарист, и режиссер – это главная его функция. Ну и актер, исполнитель, естественно. Все люди, всякая профессия предполагает какую-то роль, у врача, у журналиста, у политика, у любого есть социальная роль. Поэтому, когда это путают с тем, что он все врет, – это немножко другое дело. Разные есть игры, разные есть актеры и режиссеры, а роль она у всех людей есть, без роли вообще жить нельзя» (Леонид Радзиховский в передаче «Радио Свобода»). Ответ на вопрос: «Должен ли политик быть ак-

тером?») [Политика и лицедейство: 2003, [http](http://)]. Отметим, что только в театре / кино роль *играют хорошо* или *плохо*, в остальных случаях роль *выполняют / исполняют*. Если же роль врача играют, то к такому врачу крайне опасно обращаться пациентам. Интеллигенция может *сыграть свою роль*, но роль эта может быть только *большой* или *незначительной* – *хорошо* же *играть свою роль* интеллигенция не может.

Как уже было сказано, исследования политической метафоры показывают, что в дискурсивной практике происходит мена доминирующих метафор. Военные метафоры могут занимать ведущие позиции в политическом дискурсе определенного сообщества и могут эти позиции сдавать, никогда не уходя, в силу своей архетипичности, из когнитивных структур социума. [В дискурсе «молодых демократий» 90-х годов, например, в Литве, в качестве наиболее популярного обвинения, предъявляемого политическим оппонентам, было обвинение *предатель нации (tautos išdavikas)*]. Как показывает время, военные метафоры сдают позиции под натиском других метафор, определяющих мироощущение социокультурного коллектива на определенном этапе его существования. И вот здесь хотелось бы отметить в российском дискурсе появление метафоры нового типа, производной от структурной метафоры, которая до сих пор не отмечалась как характерная для российского дискурса. Он заперестрел метафорами *супермаркета* для обозначения пестроты политического спектра или использования супермаркетов для проведения политических акций. [«После победных для партии выборов 2003 г., несмотря на почти неизбежное превращение массовой правящей партии в некий «идейно-социально-политический супермаркет», в ней структурировались три идеологические платформы» [<http://gazeta.rjews.net>], *сэконд-хэнда* для обозначения вторичности политических идей [«Потому что все, что делает и предлагает сегодня президент... – это все политический «сэконд-хэнд» с плеча Кучмы, который Ющенко решил поносить» [<http://narodna.org.ua>], *шопинга* («Политический шопинг ХАМАСа») [www.ng.ru], *франчайзинга* для обозначения поиска политических покровителей [«В Украине стремительно развивается политический франчайзинг – передача в управление брендов раскрученных политических блоков и партий, считает киевский политолог Андрей Ермолаев» [<http://www.newsukraine.com.ua>] и т.п.

Читатель уже понял, что речь идет о «торговых» метафорах, или метафорах маркетинга. «Современная эпоха, называемая эпохой глобализации, сопровождается объективными процессами, среди которых особенно следует выделить процесс маркетизации всех сфер общественной жизни. Процесс маркетизации в конце XX-го – начале XXI вв. приобрел гло-

бальный характер. Это связано с широким распространением и развитием рыночных отношений, которые стали пронизывать все сферы общественной жизни. В итоге сформировался особый тип массового мышления, базирующийся на рыночных подходах и рыночных ценностных ориентациях. Проникая в область политики, рыночная парадигма сделала возможным появление и распространение в общественном сознании таких понятий, как «политический рынок», «политический капитал», «политический маркетинг»... По аналогии с рыночными отношениями продавцов и покупателей начали трактоваться взаимоотношения между политическими субъектами органами государственной власти и гражданами, партиями и общественностью, кандидатами и избирателями» [Спаский 2005: http].

Весьма показательным с точки зрения построения текста как развернутой метафоры *политика – это маркетинг* представляются выдержки из следующего текста:

Госдума на пороге банкротства. Коммерческий расклад может опрокинуть политический.

С точки зрения организации бизнеса, нижняя палата парламента представляет собой достаточно локальный рынок с годовым оборотом, не превышающим \$250-300 млн., т.е. на порядок меньше, например, рынка косметических средств и сравним с оборотами интернет-рынка. Транзакции на этом рынке ограничены: их можно проводить лишь через 450 брокерских контор, персонифицированных физическими лицами-депутатами. Лицензии брокеров – четырехлетние и приобретаются в ходе так называемой «политической борьбы»

Бизнес-цикл каждого «брокера» в Думе (на деле, «депутат» – это ЗАО, а не ПБОЮЛ: без команды официальных и неофициальных помощников народный избранник практически неконкурентоспособен на рынке политических услуг) начинается с инвестиций в приобретение лицензии – а именно, депутатского мандата. Стоимость избирательной кампании на выборах 2003 года для депутата-одномандатника оценивалась в \$250-800 тыс., более или менее проходное место в федеральном списке шести партий – «Единой России», ЛДПР, КПРФ, «Яблока», СПС, «Родины» – котировалось в сумму от \$300 тыс. до \$2,5 млн., в зависимости от обстоятельств. В среднем депутат, покупавший место в Госдуме, выложил за него \$400-500 тыс [Бутрин 2003: http].

Если говорить об уровнях реализации базовой метафоры, то мы имеем при описанном положении вещей, очевидно, полное отождествление сферы политики и сферы торговли (первый уровень реализации метафоры). При этом деятельность власти регулируется метафорой маркетинга, но власть не озвучивает эту метафору в своих речевых практиках – ее вербальное воплощение происходит в дискурсе

СМИ, на данном этапе общественной жизни России не находящихся под жестким контролем властных структур. Автор приведенной выше статьи говорит, в частности, об отношении россиян к своим политикам: «большая часть населения твердо уверена в том, что российские депутаты идут на выборы за деньгами». И здесь я не могу не привести редакторский казус, происшедший с обращением Исыкульского форума интеллектуалов, который на интернет-странице [www.asiajournal.to.kg] выглядит следующим образом:

Обращение участников Исык-Кульского Форума-97 к политическим дилерам мира и международной общественности: Бишкек, 18 июля 1997 года.

В самом тексте обращения писателей и политиков, художников и ученых: «Мы призываем политических лидеров мира». Произошла описка – в столь авторитетном обращении международной общественности, взывающей к утверждению принципов толерантности в мире. Естественно, вспоминается З. Фрейд: «Прямо невероятный случай опечатки и описки произошел в редакции одного распространенного еженедельника. Редакция эта публично была названа “продажной”, надо было дать отпор и защититься. Статья была написана очень горячо, с большим пафосом. Главный редактор прочел статью, автор прочел ее, конечно, несколько раз – в рукописи и гранках; все были очень довольны. Вдруг появляется корректор и обращает внимание на маленькую ошибку, никем не замеченную. Соответствующее место гласило: “Наши читатели засвидетельствуют, что мы всегда самым корыстным образом (in eigenutzügster Weise) отстаивали общественное благо”. Само собой понятно, что должно было быть написано: «самым бескорыстным образом» (in un-eigenutzügster Weise). Но истинная мысль со стихийной силой прорвалась и сквозь патетическую фразу» [Фрейд 2006: 218]. По Фрейду, в описках и обмолвках сквозит наша подлинная, часто скрытая от нас самих мысль. Не буду утверждать, что авторы приведенного текста видят в политиках только «продавцов» чужих интересов, но волей-неволей допущенные опечатки заставляют думать, что в мире *политических брокеров, дистрибьютеров, риллторов* подобные казусы являются имплицитным выражением структурной метафоры **политика – это торговля (маркетинг)**. На данный текст и его возможную трактовку указал мне польский лингвист К. Люцинский, автор вышедшей в 2010 году в Польше книги «Языковые взаимодействия и ментальность».

Итак, в предложенном материале была высказана мысль о том, что каждая из структурных метафор, выражающих мироощущение и мировидение социума, метафора, которой «социум живет», может иметь три уровня своего существования: 1) при регулировании действительности определенной метафорой и ее

озвучивании имеет место смешение в сознании членов социума реального и метафорического видения действительности: происходит полное отождествление сферы источника и сферы мишени. Метафорический характер языковых средств перестает ощущаться. Так, для *милитарной метафоры* этот уровень проявляется, как правило, в ведении действий, предусмотренных кодексом фронтовой полосы, против «врагов», «предателей» и т.п. Для метафоры *шоу* этот уровень реализуется в отношении к любому действию, событию как к требующему визуального освещения. «Общество спектакля», в котором мы живем благодаря телевидению, практически оставляет обществу единственный уровень реализации этой метафоры – уровень смешения реального действия и игры. Видимо, можно говорить о том, что утверждение данной метафоры в сознании общества сопровождается на первых этапах вхождением людей артистических профессий в политическую жизнь общества и, напротив, стремлением людей политики «выступить» на настоящей сцене. Постепенно расцветает имиджмейкерство и политическая режиссура (политтехнологии). Применительно к метафоре *маркетинга* этот уровень реализуется в покупке депутатских мест и голосов избирателей, что рассматривается частью общества как нормальное явление, не влекущее ответственности.

Мы не останавливались на метафоре *болезни общества*, рассматриваемой многими исследователями. Думается, что действительность дала нам печальные примеры реализации первого уровня этой метафоры: заключение инакомыслящих в психиатрические больницы и лечение их соответствующими препаратами.

Таким образом, первый уровень существования структурных метафор реализуется через непосредственные действия в концептуализируемой данной метафорой действительности (возможно, обозначение этого уровня как *первого* следует считать неточным. Лучше говорить о верхней границе реализации парадигмы структурной метафоры).

2) второй (срединный) уровень существования структурной метафоры – дискурсивный (собственно метафорический). Он проявляется в текстовом развертывании метафоры, в использовании соответствующей языковой метафоры, имеющей образный характер, но не влечет за собой действий, вытекающих из метафоры на правах ее следствий. Так, *милитарная* метафора не приводит к уничтожению «врага», а только к его словесному осуждению, метафора *шоу* должна побуждать политика чувствовать свое «расколотое» Я – между сущностью и имиджем, как чувствует актер различие между собственной личностью и воплощаемым образом. «Зрители» в таком случае вправе упрекнуть «исполнителей ролей» в не-

искренности и лицедействе. [Ответ на вопрос: *должен ли политик быть актером?* – «Конечно, нет, конечно, не должен быть лицедеем. Так как артист – это буквально профессия, относящаяся к совершенно определенной отрасли, сценической, театральной отрасли. Публичный человек должен владеть навыками публичной деятельности, любой публичный человек, но что же касается политической публичности, безусловно, здесь, на мой взгляд, налагаются определенные ограничения. Он должен соответствовать своему предназначению» [Карина Гюльязизова «Радио Свобода»: <http://>].

Применительно к метафоре торговли собственноручно метафорический уровень реализации проявляется в использовании метафор *политического шопинга, супермаркета, сэконд-хэнда* и т.д. При этом отношения в политической сфере, как и во всякой другой, уподобляемые рыночным, в обществе не принимаются как естественные: «Граждане товарищи, не гоните! Надеюсь, вы смотрели вчерашние новости – и особенно «реальную политику», хе-хе. То, чем хотят выставить движение другороссов, и чем его выставляют – наиболее логичный ход властей. Касьянов – прозападный урод, Каспаров – политический брокер (Сорвав куш, он смотает куда-нить в Куршевель: <http://forum.msk.ru>). Отметим, что в случаях двух последних метафор (*шоу* и *торговли*) дискурсивный уровень реализации метафоры характеризуется выражением негативного отношения к сфере-мишени, а при переходе на первый уровень – от слов к делу – эта оценка нейтрализуется. «Игра» политиков перед «электоратом» или покупка депутатских мест начинают восприниматься как естественные явления.

К третьему уровню реализации структурной метафоры (нижней границе парадигмы структурной метафоры) было отнесено использование «стертой» языковой метафоры в дискурсивных общественных практиках. Стертые метафоры, особенно если они связаны с архетипами человеческого сознания, склонны «оживать», переводя структурную метафору на другие уровни – сознательного речевого и физического действия.

Думается, можно говорить о том, что, если третий уровень структурной метафоры реализуется в дискурсе лингвокультурного коллектива как элемент его языковой системы (дело сторонников «политкорректности» ставить запреты на пути реализации *милитарной* метафоры в языке, чтобы не провоцировать выплеск агрессии по отношению к Другому), то соотношение двух других уровней составляет специфику переживаемого общественного периода: можно *делать, не вербализуя метафору, обозначать, не реализуя экстралингвистических следствий, делать и обозначать*. Думается, исследование этих аспектов существования политической метафоры может задать

новый спектр исследовательских вопросов: **вопрос официального (общественного) лицемерия, общественного бессилия, утверждения метафоры как общественной идеологии**. Так, если власть выстраивает жизнь своих подданных на основе определенных метафор (выборов как спектакля), но не озвучивает метафору, а общество молча принимает такое регулирование жизни, то мы имеем общественное лицемерие. Конечно, здесь существует более сложный спектр общественных отношений: общество понимает и принимает/ общество понимает и не принимает/ общество не понимает и принимает. Видимо, каждая из этих ситуаций сопровождается своим набором дискурсивных практик – их характер требует отдельного исследования.

Если власть или оппозиция концептуализируют в тексте действительность определенным образом, но не прибегают к реализации на практике следствий из концептуальной метафоры (не арестовывают «врагов» или не «лечат» общественные болезни), то мы имеем ситуацию официального бессилия. Если оппозиция обозначает действия власти через метафору с негативным оценочным потенциалом (*политика-торговля*), и при этом ситуация в обществе не меняется, можно говорить об общественном бессилии. Наконец, если власть или другая общественная группа реализуют метафору и следствия из нее и в тексте и в практической деятельности, мы имеем идеологию этой общественной группы. Автор отдает себе отчет, что предложенная им схема существования концептуальной метафоры может быть серьезно уточнена и скорректирована в дальнейших исследованиях – если это произойдет, автор будет считать, что высказанная им идея продуктивна.

ЛИТЕРАТУРА

Богданов К.А. О крокодилах в России. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2006.

Будаев Э. Политическая метафора в лингвокультурологическом аспекте // Аналитика культуроло-

логии. № 3 (9), 2007. URL: analiculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=368.

Бузин А. Административные избирательные технологии московская практика. – М.: Центр «Панорама», 2006. URL: www.yabloko.ru/Publ/Book/Selective_technologies/st_003.html.

Бутрин Д. Госдума на пороге банкротства. // Глобалрус. 22.12.2003. URL: <http://www.globalrus.ru/opinions/135742/0>.

Дебор Ги. Общество спектакля. – М.: Логос, 2000. URL: http://www.nbp-info.ru/new/lib/deb_obsh/02.html.

Каринэ Гюльазизова «Радио Свобода» URL: <http://www.svoboda.org/programs/rt/2003/rt.080703.asp>.

Маруся Климова. Верная твердыня православия // Независимая газета. 22.12.1998.

Письмо 42-х // Известия. 5.10.1993.

Политика и лицедейство. 2003. URL: <http://www.svoboda.org/programs/rt/2003/rt.080703.asp>.

Фрейд З. Психология бессознательного. – СПб: Питер, 2006.

Цимбал С. Пусть камни говорят и учат. (О монументальной пропаганде) // Звезда. № 1. 1966.

Спасский 2005 URL: http://planetadisser.com/see/dis_247949.html

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное политической метафоры. (1991-2000). – Екатеринбург, 2001. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm#330>.

URL: <http://narodna.org.ua/news/2007/07/09/4256>.

URL: <http://forum.msk.ru/material/news/325968.html>.

URL: <http://gazeta.rjews.net/hanin11.shtml>.

URL: <http://www.democrats.ru/rus/news/document1216.shtml>.

URL: <http://www.islamnews.ru/news-8490.html>.

URL: <http://www.klerk.ru/more/?77485>.

URL: <http://www.newsukraine.com.ua/news/44637>.

URL: <http://www.rosbaltvolga.ru/2007/10/05/419782.html>.

URL: www.asiajournal.to/kg/ru/issues/1997/0203/final1.html

URL: www.newsru.com/russia/16sep2008/echo.html.

URL: www.ng.ru/tag/granitsa.

© Лассан Э., 2010

Синельникова Л.Н.

Луганск, Украина

КОММУНИКАТИВНЫЕ МОДЕЛИ
ОППОЗИЦИОННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье коммуникативный модус оппозиционного политического дискурса анализируется сквозь призму семантики оценки в её разнообразном языковом выражении. Жёсткая параметризация по признаку «свой – чужой», «мы – они» определяет специфику языка политической оппозиции, проявленную в мы-высказываниях, особенностях политической лексикографии, эвфемизмах, рефлексивах, тропах, политической афористике и т.д.

Ключевые слова: оппозиционный дискурс, семантика оценки, коммуникативный модус, прямое и косвенное говорение.

Сведения об авторе: Синельникова Лара Николаевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета (Украина).

Место работы: Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко.

Контактная информация: 91011, Украина, г. Луганск, ул. Матросова, д. 2-а, кв. 10.

E-mail: larnics@luguniv.edu.ua

Sinel'nikova L.N.

Luhansk, Ukraine

COMMUNICATIVE MODELS
OF OPPOSITIONAL POLITICAL
DISCOURSE

ГЧНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The communicative modus of oppositional political discourse is analyzed in the article in the light of connotation semantics in its diverse linguistic expression. The strict parameterization on the basis of 'own – strange', 'we – they' determines the language specificity of a political opposition revealed in we-statements, peculiarities of political lexicography, euphemisms, reflexives, tropes, political aphoristic etc.

Key words: oppositional discourse, connotation semantics, communicative modus, direct and indirect speaking.

About the author: Sinel'nikova Lara Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Linguistic Studies and Communicative Technologies of Luhansk National University (Ukraine).

Place of employment: Luhansk Taras Shevchenko National University.

Управление информационными потоками в современном мире – существенный фактор завоевания и удержания власти. Публичное противоборство относится к числу информационных рисков, это особый режим управления общественным мнением и сознанием, призванный обеспечивать контроль за восприятием динамических процессов в социально-политической сфере. Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса могут быть описаны прежде всего по признаку оценки, которая передаются с помощью специфических языковых средств и риторических приёмов. Семантика оценки (положительной или отрицательной) обнаруживает основные установки политической коммуникации: воздействие на ценностную картину мира и манипулирование общественным мнением. Причём «адресатный план текста» [Олейник 2006: 95-105] выстраивается таким образом, чтобы в процессе лингвокогнитивного взаимодействия оценка принадлежала равно адресанту и адресату. А далее – надежда на то, что «присвоенная» оценка будет определять характер участия адресата в политической жизни.

Современный оппозиционный политический дискурс сохраняет характерные черты публичной речевой деятельности этого типа, которые сложились на постсоветском пространстве в 90-х годах прошлого века: активность отрицательной оценочной номинации, заранее заданный характер оценок, многообразная манифестация узнаваемых адресатом оценок, преобладание

интерпретации над фактом и др. [Какорина 1996: 409-426]. Однако многое изменилось, поскольку в постсоветских государствах идёт поиск баланса между областями внутренней и внешней политики, определяется содержательная структура множества политических сил. Это (и многое другое) поместило названные выше признаки оппозиционного дискурса в новый социально-политический контекст и добавило ряд дополнительных характеристик.

«Основу политического дискурса составляет непрекращающийся диалог-поединок между «партией власти» и оппозицией, в котором противники время от времени нападают друг на друга, держат оборону, отражают удары и переходят в наступление» [Шейгал 2004: 31]. Оппозиция «свой – чужой» в политическом дискурсе имеет универсальный характер и всегда организуется на жёсткой аксиологической основе: «свой» располагается на шкале «хорошо», «правильно», «чужой» – на шкале «плохо», «неправильно», что вполне соответствует сущности власти. На определённом этапе борьба за власть может стать едва ли не основным видом политической деятельности и составлять основу политических коммуникаций, и такое положение дел рождает новые конфигурации распределения «своего» и «чужого» по большей части на основании биполярного типа оценки.

Ретранслятором оппозиционного дискурса являются издания с резко выраженной политической ориентацией. Такие издания активизируют внимание к той или иной информации и

блокируют или произвольно искажают информацию другого рода. Утвердившиеся в общественной практике признаки газетного текста, такие как принцип социальной оценочности, определяющий отбор речевых средств, важность экстралингвистического контекста (контекста ситуации), результативности коммуникативного акта и др. в оппозиционно ориентированном тексте оказываются модифицированными самым фактом оппозиционности. Информационным посредником некоего сообщения, формируемого в рамках оппозиционного дискурса, являются определённые политические силы, цель которых «отфильтровать» информацию и соответствующим образом интерпретировать её. Оппозиционные силы и стоящие за ними слои общества разделяются прежде всего информационно – через разную интерпретацию одних и тех же событий. При этом действие прагматических факторов иллюкативного и перлокутивного характера единообразно на всём пространстве оппозиционного политического дискурса и подчиняется универсальному коммуникативному модусу – «задать участие адресата в изменении окружающего мира, побудить его к реакции на содержание высказывания» [Рябцева 1994: 85]. Цели оппозиционного дискурса – воздействие, убеждение, компрометация направлены на формирование поддерживающих определённую идеологию социальных ценностей и оправдание «правил игры» политической элиты, которая разделяет эту идеологию.

Политическая коммуникация, как никакая другая, связана с экстралингвистическими мотивациями и с фактором адресанта и адресата. Оппозиционные дискурсы подтверждают прогнозы футурологов о прекращении эпохи традиционных СМИ, обращённых к универсальной по составу аудитории. Прагматическая цепочка, включающая «фактор адресанта» и «фактор адресата», дифференцируется актуальными для политического дискурса понятиями «фактор ангажированного адресанта» и «фактор целевого адресата». «Выход за рамки читательского тезауруса (в том числе культурного и языкового) может оказаться серьёзной помехой в восприятии и воздействии предлагаемого текста» [Луканина 2003: 125] – это лингвopsихологически значимое предупреждение в оппозиционном дискурсе приобрело характер нормы: адресат должен почувствовать себя включённым в «свой круг», а адресант всячески стремится утвердить это чувство.

Адресат оппозиционного политического дискурса может квалифицироваться как референтная группа, то есть как общность людей, «с которой индивид чувствует себя связанным наиболее тесно и в которой он черпает нормы, ценности и установки своего поведения» [Караулов 1997: 227]. Социально-психологические характеристики адресата в политических коммуникациях зависят от сложившихся в определённой референтной группе политических пред-

ставлений и предпочтений. Практически каждое издание ориентируется на суммарный образ адресата, моделируемый в соответствии с политической (идеологической) ориентацией издания. Такого адресата не столько нужно побудить к определённым мыслям и действиям, сколько ещё раз убедить в верности и справедливости солидаризирующей позиции. Этот факт в значительной мере определяет выбор оценочных средств, касающихся «другого адресата», и характер приёмов манипуляции как «своими», так и «чужими». Языковые средства при этом могут быть направлены не на переструктурирование образа мыслей адресата, не на изменение его принципов и позиций, не на поиск альтернативных оценок, а на подтверждение мотивации уже сделанного политического выбора. Преподносится «желаемая» оценка, удовлетворяющая потребности «своего» (целевого) адресата.

Система оценок известна политикам и их ретрансляторам, и остаётся только расставлять заданные акценты, интерпретируя новостную информацию политического характера. Значимым оказывается так называемый «читательский формат» – подключение к обсуждению острых проблем адресата, который в своей реакции на события политической жизни нередко копирует приёмы вербальной реакции, задаваемые журналистской средой «своего круга». Рефлексивность обратной связи с целевым адресатом прогнозируется и в большинстве случаев полностью соответствует заданной в той или иной публикации системе оценок. Политически ориентированные издания нередко эксплицируют обратную связь со «своим» адресатом в виде откликов читателей на актуальную публикацию. Такого рода отклики проявляют политические предпочтения определённых групп людей через набор позитивных (в виде поддержки, одобрения, похвалы) и негативных (в виде критики, недоверия, приведения контраргументов) языковых средств и риторических приёмов. Тексты, фиксирующие обратную связь с адресатом, с полным основанием могут быть включены в пространство политического дискурса. Контент-анализ вербальных признаков обратной связи может оказаться полезным для лингвополитологических обобщений.

Мы-высказывания манифестируют «свой круг», организуют стратегию солидарности с целевым адресатом и предполагают его противопоставленность «другим». «Мы» относится к числу сложных и выразительных по своему смысловому объёму категорий. Это инклюзивное местоимение стало универсальной психологической формой самосознания всякой общности людей. Но «мы» всё-таки всегда подразумевает противопоставление каким-либо – то определённым, то неопределённым – «они» [Поршнева 2007: 14]. В политическом дискурсе «мы» ещё более усложняется, поскольку в манипулятивных целях виртуальная, желаемая

взаимосвязь людей может декларироваться как реальная. В оппозиционном дискурсе безусловно реальной оказывается лишь антитеза: «мы» – это не «они».

Существенным сегментом оппозиционного политического дискурса является этноцентризм: приписывание себе (особенностям своей культуры, культурным традициям, языку) только положительных черт другим – только отрицательных. Семантика противопоставления активно эксплуатируется в политическом дискурсе как таковом. В оппозиционном дискурсе структуры и приёмы противопоставления пополняются за счёт скрываемого, но легко распознаваемого политического оппонента – обобщённого субъекта, стоящего на другой позиции. Языковые средства приспособляются к определённому способу существования в системе политических коммуникаций. Так, например, обилие новообразований с корнем *евро-* можно считать одним из показателей полярного отношения к проблеме евроинтеграции: *евроозабоченные политики, евродеградация, еврогордость, евроунижения, европрорыв, еврочленство, евроскептики*. Окаzionale словосложение само по себе является носителем двойной модальности (предметной, то есть объективной, и оценочно-субъективной), что обуславливает сжатость высказывания и даёт возможность для реализации любых иллокутивных установок – от аналитических резюме до дискредитирующей положение дел языковой игры смыслами.

Выбор языковых средств теми, кто пытается добиться власти, рвётся к ней, основывается на правилах социальной рецепции, так как подчиняется интенции вызвать поддержку определённого сегмента общества через чёткую расстановку политических сил. Необходимая для оппозиционного дискурса расстановка сил поддерживается благодаря приёму, который можно назвать жёстким разделением дефиниций. «Усвоить слова, в которых представлено всё то, что признано группой, – значит получить большое преимущество в борьбе за власть» [Корнейко 2003: 84]. Актуальные для определённого этапа борьбы за власть слова из политического лексикона начинают выполнять роль ключевых, вокруг которых разворачиваются политические баталии. Примеры оппозиционной лексикографии могут составить весьма показательный для идентификации той или иной политической силы словарь: *«На слуху преимущественно слово «репреватизация», предполагающее отъём у одного частника и перепродажу другому. ... И всё же призрак репреватизации бродит по стране. Политики – справедливости ради стоит отметить – стараются, чтобы дефиниции в их устах звучали правильно»; «Захваты названы рейдерством, а цели их определены просто – смена собственника и менеджмента в пользу захватчика (рейдера) или заказчика операции; перепрофилирование дея-*

тельности предприятия или полное его уничтожение»; «По мере нарастания хаоса загадочное слово «легитимность» стало наиболее часто употребляемым в президентском Секретариате и в выступлениях самого президента»; «Слово «справедливость» постоянно преследует простых избирателей и является одним из главных слоганов БЮТ. Однако стоит призадуматься над политико-психологическим значением слова. ... Неоднократно было подмечено: понятия имеют расплывчатый характер, когда каждый ищет личное восприятие справедливости. Риторика, основанная на данном слове, позволяет найти субъективное понимание справедливости практически любому участнику голосования». Стремление «спрятать» проблему в нужную номинацию как оптимальную для определённых политических сил упаковку демонстрирует следующий пример: «Вряд ли этот сценарий по душе рационально мыслящим массам. Но пока весь кошмар происходящего будет ими осознан, ещё немало розовых макарон будет намотано на уши избирателя, пытающегося обнаружить в магазинах «дефляцию», в государственных махинациях – «ревальвацию» национальной валюты, а в приватизации – «национализацию». Дискурсивные конфигурации, нацеленные на совпадение с адресатом, многообразны. Отсутствие непосредственного контакта с аудиторией компенсируется, с одной стороны, поиском приёмов диалогизации публицистического монолога, с другой – максимальным сокращением сроков обратной связи, вплоть до синхронизации речевых действий адресанта и адресата путём использования приёмов совмещения пространства и времени двусубъектного речевого события.

Рецептивная коннотация политических высказываний организуется с учётом сознания адресата. Отличительной чертой оппозиционных политических текстов является большое количество рефлексивов, сопровождающих информацию о положении дел. Речь – неотъемлемая часть человеческой психики, и речевые шаги рефлексивного характера со стороны адресанта способствуют переходу фактологической информации в ментальный контекст адресата. Рефлексивы фиксируют состояние психики в момент описания события. «Коммуникативная рефлексия над своими внутренними состояниями вынуждает субъекта речи превращаться в субъекта сознания: идентифицировать и квалифицировать свои чувства, эмоции, потребности, мысли, идеи, соображения, устремления, идеалы, а также осознавать своё место в социальном, культурном и ментальном пространстве» [Рябцева 1994: 92]. В оппозиционном политическом дискурсе рефлексивы «отвечают» за апперцепцию адресата, с которым адресант стремится совпасть в оценках, мнениях, предположениях и т.д. Имитируется суггестивность

непосредственного общения с адресатом, мотивы которого и степень социальной активности полностью совпадают с соответствующими установками адресанта. Политические рефлексивы обеспечивают социально-эмоциональную поддержку со стороны адресата. Примеры: «Время подтвердило нашу правоту и укрепило в позиции – не нужен Украине никакой ГУАМбат, а равно и вовлечённость – в любом виде – в дела (и «делишки» т.н. партнёров) на Кавказе»; «*В своей, можно сказать, программной статье «Как нам обустроить Украину» (название-то какое!) литератор, в последнее время немало внимания уделяющий политике, пришёл к выводу, что главной бедой нашей страны является отсутствие у жителей равнинных центра и востока Украины «духа гордой нации», присущего «западноукраинским горцам».*

Оппозиционный политический дискурс представляет собой особую сферу эвфемизации. Эвфемистически отмеченные высказывания в этом виде речевой деятельности перестают быть способом ухода от огрубления с тем, чтобы выглядеть вежливым, употребляя эмоционально нейтральные слова [Крысин 1996: 384-408]. Политические эвфемизмы не коррелируют со своими денотатами, а создают новый денотат, точнее, коннотат, так как в эвфемистическом высказывании меняются признаки денотата вплоть до противоположных (план выражения не может не влиять на план содержания). В оппозиционно ориентированном политическом дискурсе эвфемизмы трудно квалифицировать как проявление политической корректности, задача которой – поиск способов языковых выражений, не задевающих чувств и достоинств человека. Достоинство политиков и политических партий нередко заменяется набором внушаемых общественному мнению имиджевых признаков, и конкурирующие силы предпочитают сценарии, направленные на «понижение» имиджа. Эвфемистические высказывания в политическом дискурсе чаще всего оказываются способом дискредитации оппонента, в результате чего они, по сути, становятся дисфемизмами. Декодирование эвфемистических высказываний в политическом дискурсе требует от адресата в ряде случаев немалого когнитивного напряжения, объясняющегося необходимостью пресуппозиционных знаний как условий удачной в понимании сказанного, включённости в фактуру быстротекущей политической жизни.

В оппозиционных СМИ используются семантические регистры, проявляющие все приёмы номинации – прямой, переносной, перифрастической. Перифрастические номинации позиционируют политических деятелей в полном соответствии с дискурсивными стратегиями оппозиционной коммуникации: *газовый мотылёк, фурия Оранжевой революции* (о Ю. Тимошенко), *грузинский кум Ющенко, тбилисский наместник Вашингтона, кавказский Садам, Михо, Саак, Мишико, главное грузин-*

ское горе (о М. Саакашвили), *Пан-Никогда-Не-Кравшие-Руки* (о Ющенко), *терминатор* (о Луценко). Все перифразы, касающиеся персоналий политикума, представляют собой замены дисфемистического характера. Дисфемистический способ номинации антиреферентной группы обладает высокой степенью пейоративности, что превращает его в существенный ресурс политической оценки.

Стилистический компонент значения языковой единицы в политическом дискурсе тесно связан с социальным. Политический оппозиционный дискурс не имеет признака табуированности. Не случайно почти полное отсутствие в нём «извинительных» кавычек как знака отстранённости от ненормативного словоупотребления. Жаргон – активно используемый резерв оценки: *закатывание страны под асфальт, братки во власти, спагетти на уши, «разводят» призывами скинуться на очередной «прорыв».*

На эвфемистических высказываниях в оппозиционном политическом дискурсе чаще всего основывается риторический приём иронии (антифразиса). Ирония проявляет диалогичность структуры мысли говорящего и способна качественно изменить значение слова. Через иронию выстраивается драматургия отношений с оппонентом как носителем позиции, от которой иронизирующий проponent отстраняется. Ирония оказывается текстовой категорией, специфицирующей оппозиционный дискурс. Примеры можно найти в любом оппозиционном издании.

Носителями агональных оценок являются тропы, с помощью которых происходит своеобразная «раметка» зон и сфер политического влияния. Сравним: *предвыборные фишки, антироссийская нива, непропорциональная сила, американский зонтик, предбанник ЕС, политическое похмелье, оранжевый грибок Украины, цветной вирус, милитаристская горячка, политическая похоть, моральный дальтонизм, дракончик национализма, горизонталь украинского болота, болото нестабильности, политический мазохизм, украинская политическая бандура, электоральный пирог, костёр инфляции, разбитое корыто недалёковидной политики.*

В оппозиционном дискурсе оценочные номинации могут выстраиваться по принципу восходящей градации с нарастающей пейоративацией, строящейся на предикативной метафоре, в том числе развёрнутой в метафорический образ: *«То, что на самом деле происходит в высших эшелонах власти Украины, можно назвать разбродом и штанием, а проще – схваткой бульдогов»;* *«Когда-то глубокомысленные оппоненты и лояльные публицисты называли наш политикум «серпинарием». Но сегодня это обычный свинарник. ... Ведь обитатели свинарника хоть и имеют чрезвычайно сходное с нами устройство организма, не*

имеют склонности к интеллектуальным упражнениям».

Театрализованные политические баталии сопровождают политическую жизнь [Чудинов 2008: 171-181]. Представление политики как театра занимает прочное место в системе политических метафор, создаваемых любого рода оппозицией, ещё и потому, что концепт театра как игры, мистификаций и под. даёт возможность обращаться к множеству реалий лицедейства, к прецедентным фактам и именам, политической афористике, то есть всему тому, что может оценивать «других» себе на пользу. Характерная для оппозиционного дискурса изощрённая игра смыслами может организовываться путём конвергенции – схождением в одном месте текста пучка приёмов в единой стилистической функции – отрицательно оценочной. Подтверждение этой позиции можно найти в любом оппозиционном политическом дискурсе.

Некоторые обобщения. Политический язык не бывает единым, о чём свидетельствуют политические дискурсии, демонстрирующие «расслоение» оценочных номинаций, способов представления своих мнений и позиций оппонента. Политические тексты представляют собой дискурсивную формацию, свидетельствующую о позиционном единстве высказываний определённых политических групп и всех тех, кто разделяет соответствующую идеологию, и о дистанцировании от оппонента. Идеология закрепляется в дискурсивном узусе и составляет основу прагматики политического текста. Политический дискурс идентифицирует представителей определённых политических объединений, представляя их ментальность в виде оценок событий, способов описания предмета обсуждения и т.д. Стратификации отношений между политическими объединениями и их лидерами не являются абсолютно стабильными, и динамика изменений отражается в языке.

Политический дискурс распознаётся по комплексу знаковых средств, строящихся на базе некоего общего кода для передачи необходимых идеологических смыслов. Идеологизированные формы мышления находят языковое воплощение прежде всего в дискурсе оппозиционного характера, для которого характерна по большей части резкая интенциональная направленность, диктующая вполне определённый выбор смысловых и экспрессивных языковых средств и риторических приёмов со сложившейся традицией оценивания чего-либо или кого-либо через дистанцирование от объекта (приём иронии, эвфемизации высказывания, перифразирования, способы включения «чужого» слова как аргумента и контраргумента и др.). Сочетание прямых и косвенных (риторически отмеченных) высказываний создаёт необходимую для привлечения внимания общественно-

сти интригу, которая всегда интенциональна. Оппозиционность политического дискурса проявляет не сумма языковых фактов сама по себе, а их мотивированность политическими целями и одноаспектная безальтернативная оценочность *другого*, который в политике всегда конкурент и всегда чужой.

Сфера ответственности за соблюдение правил толерантности, вежливости, политкорректности в оппозиционном политическом дискурсе существенно суживается, а в некоторых случаях просто перестаёт существовать как этически маркированная категория. Вседозволенность в политике оборачивается вседозволенностью в языке политиков и в текстах о политиках и политике. Политическое расслоение оборачивается языковым противостоянием. На политическую лингвистику возлагается общественно значимая роль: разработка методов политического анализа языка в условиях разных политических практик и видов коммуникаций.

ЛИТЕРАТУРА

Какорина Е.В. Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М.: «Языки русской культуры», 1996. 409-426.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. 264 с.

Корнейко Т.Г. Основные подходы к изучению политического языка в современных политико-лингвистических исследованиях // Вестник Московского ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2003. № 5.

Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М.: «Языки русской культуры», 1996. С.384-408.

Луканина М.В. Газетный текст через призму теории коммуникации // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 2.

Олейник М.А. Адресатный план и тип текста: аспекты взаимодействия // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. – Орёл, 2006. С. 95-105.

Поршнев Б.Ф. Мыслима ли вообще коллективная психология // Политическая психология: Хрестоматия [Сост. Е.Б. Шестопал] – М.: Аспект Пресс, 2007. С. 5-14.

Рябцева Н.К. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка: Язык речевых действий. – М., 1994. С. 82-92.

Чудинов А.П. Политическая метафорика в начале XXI века // Современная языковая ситуация в свете лингвокреативной деятельности. – Екатеринбург, 2008. С. 171-181.

Шейгал Е. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.

Источник иллюстративного материала

Еженедельник «2000». www.2000.net.ua.

© Синельникова Л.Н., 2010

Феррари Ф.

Модена, Италия

Перевод Л. Шарычевой

**ГЕНДЕР И ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
АМЕРИКАНСКАЯ ЖЕНЩИНА
КАК КАТЕГОРИЯ АНАЛИЗА**

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Понятие гендера является основой телесного опыта в когнитивной теории и понятии метафоры (Johnson & Lakoff, 1980, Lakoff, 1993), и стало категорией изучения культурно-ориентированного лингвистически-когнитивного анализа убеждения в политическом дискурсе. Точнее, концептуальная метафора в своем воплощении, в сущности, затрагивает проблему гендерного восприятия и представления. Отношения между гендером и метафорой стали продуктивными в отношении названной Лакоффом «идеализированной когнитивной модели».

С этой точки зрения было бы интересно рассмотреть, как гендерные представления могли не только формировать сложную систему метафор, как общего источника изображения, но и открывать новые аналитические перспективы для рассмотрения сущности убеждения в дискурсе. В нашем сознании категории «женщина – мужчина» могут стать полезными для формирования и аргументационной основы дискурса и для создания метода убеждения для привлечения зрителя.

Изучая современный политический дискурс, печатные издания рассматривают все возможные способы анализа тактики убеждения Джорджа Буша о необходимости ведения «превентивной войны» через гендерную категорию.

Ключевые слова: метафора, эмоции, гендер, воплощение, идентификация, убеждение, политический дискурс, национальная идентичность.

Сведения об авторе: Феррари Федерика, доктор философии (науки о языке и культуре), профессор.

Место работы: Университет Модены и Реджо-Эмилии (Италия).

Контактная информация: Via Paisiello, 14, 41122, Modena, Italy.

E-mail: federica.ferrari@unimore

Сведения о переводчике: Шарычева Любовь Олеговна, аспирант.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация E-mail: L_sharycheva@mail.ru

Ferrari F.

Modena, Italy

Translated by L. Sharycheva

**GENDER AND IDENTIFICATION
IN POLITICAL DISCOURSE:
THE (AMERICAN) WOMAN AS AND BEYOND
A CATEGORY FOR ANALYSIS**

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.20

Abstract. Given the centrality of bodily experience to cognitive theory and to the notion of conceptual metaphor (Johnson & Lakoff, 1980, Lakoff, 1993), gender turns out to a possible category of research for a culturally oriented cognitive based linguistic analysis of persuasion in political discourse. More specifically, conceptual metaphor, for its very characteristic of embodiment, is intrinsically interested by issues of both gender perception and representation. The relation between metaphor and gender becomes particularly productive in consideration of what Lakoff (1987) defines “idealized cognitive models”.

From this point of view, it could be interesting to observe how gender notions could not only inform complex systems of metaphors, as common sources in mappings, but also open up new analytical perspectives to address the matter of persuasion in discourse. In this latter sense ‘Woman’ vs. ‘Man’ may turn out to be useful categories for placing both the argumentational foundation of a discourse and the persuasive mode of appealing its audience.

Focusing on contemporary American political discourse, this paper develops possible ways of analyzing G. W. Bush Jr.’s ‘preventive war’ persuasion strategy through the category of gender.

Key words: metaphor, emotion, gender, embodiment, identification, persuasion, political discourse, national identity.

About the author: Ferrari Federica, PhD in Language and Culture Sciences, Professor.

Place of employment: Università di Modena e Reggio Emilia (University of Modena and Reggio Emilia).

About the translator: Sharycheva Lubov Olegovna, a post graduate student.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Введение. Короли и принцессы, рыцари и солдаты, спасители и жертвы – кто они на самом деле? Всего лишь герои из старых детских сказок? Неужели ковбои и их подружки настолько приелись американцам [Browne 2006: 74], что мы о них больше никогда не услышим? В то время как монстры вытеснили более традиционных сказочных персонажей из мультфильмов и другой продукции, ориентированной на детскую аудиторию, а вестерн уже трудно назвать самым популярным киножанром, герои, рыцари,

солдаты и ковбои по-прежнему наполняют американский дискурс самым неожиданным и причудливым образом. Самым неожиданным становится то, что, несмотря на доминирование героя-спасителя в мужском облике, рядом с ним есть место и женской роли, цель которой – дополнить и уравновесить мужской персонаж. Сюжеты самых известных сказок, как правило, построены на определенном диалектическом противопоставлении мужского персонажа женскому. Это противопоставление, несмотря на

очевидное превосходство мужского персонажа над женским, своей природой обязано логике построения любой структурной оппозиции.

Это самое удивительное явление для современного американского политического дискурса проявляется в завуалированной форме и наблюдается в том, что эти сказочные персонажи, только уже в ином обличье, продолжают блистать в самых распространенных мечтах и фантазиях, которыми живет Америка и которые используются как средство убеждения. В этом отношении женская роль представляется не только как дополняющая и добавляющая симметрии, но и как совершенно необходимая для того, чтобы придать убеждению определенную значимость, вес и силу.

В настоящем обзоре мы предлагаем рассмотреть политическую стратегию убеждения через гендерную категорию. Наше исследование сосредоточено на выступлениях Дж. Буша, доказывающих необходимость ведения превентивной войны в Ираке. Мы также опираемся на данные нашего более раннего исследования, посвященного анализу публичных обращений Дж. Буша к американской нации в период с 2001 по 2004 годы [Ferrari 2007a].

В рамках нашего предыдущего исследования метафора рассматривалась через призму человеческих эмоций как аналитический способ, позволяющий изучать стратегии убеждения в дискурсе. Точнее, установленная нами метафорическая модель анализа исследований публичных обращений Дж. Буша к американской нации в период с 2001 по 2004 годы имела целью определение и описание выбранной им стратегии убеждения для оправдания проведения превентивной войны в Ираке. Когда мы классифицировали метафоры в зависимости от того эмоционального отклика, который они вызывают у аудитории (гнев, вера, гордость, презрение, страх, уверенность), мы получили типичный фрейм конфликта, который лежит в основе многих сказок и благодаря которому появляется линия страха. Вместе они закладывают, вносят смысл и в идеологический фундамент, и в ту стратегию убеждения, которая применяется в данном дискурсе. И фрейму конфликта, и линии страха присуща хорошо знакомая нам биполярная структура.

В данной статье мы пытаемся доказать, что эта биполярная структура также может быть рассмотрена через гендерную категорию, т.е. нам кажется, что тактику убеждения Дж. Буша можно интерпретировать с позиции гендера. Это относится и к риторическому стилю, и к его структуре.

Независимо от того, что стратегии убеждения Дж. Буша, несомненно, присущи типично мужские модели идентификации и типичный стиль мачо, во всей тактике построения его дискурса безошибочно угадывается структура гендерной категоризации, в которой опреде-

ленно есть место женскому персонажу. Роль этого персонажа задается самой структурой дискурса и воспринимается как необходимая и сама собой разумеющаяся. Кроме того, гендерная структура соотносится с указанной выше биполярной структурой.

Актуальность нашего исследования заключается в значимом потенциале гендера как категории идентификации и способа воздействия на аудиторию. Принимая во внимание то, что аудитория пользуется определенными гендерными стереотипами (в рамках как биологической, так и художественной концепций, люди определяются с гендерной стороны, т.е. мы полагаем, что аудитория, состоящая, в свою очередь, из людей, намеренно подвергается гендерной идентификации. Другими словами, как отмечала К. Бинум, все люди «разделены по гендерному признаку» [Binum 1986: 2]), и то, что процесс убеждения тоже происходит при помощи такой идентификации, мы считаем, что гендерная идентификация сначала закладывается на уровне речевых конструкций и уже потом создает нужный эмоциональный фон, столь необходимый в стратегии убеждения. Поэтому будет интересно проанализировать дискурс убеждения с точки зрения гендерных категорий.

Учитывая данные нашего более раннего исследования, основной целью настоящей работы является, во-первых, показать как согласно концепции культурных «идеализированных когнитивных моделей» (ИКМ) [Lakoff 1987] можно описать оппозицию концептов «типичная женщина» и «типичный мужчина» (несмотря на довольно скромное количество гендерных показателей первого концепта) в стратегии убеждения Дж. Буша. И во-вторых, как установленная оппозиция может одновременно соотноситься и с ранее укоренившейся национально-культурной спецификой нарратива, и с моделью, пропагандирующей национальную принадлежность и утверждающей национальную идентичность. Наша конкретная аргументация сводится к положению о том, что гендерное структурирование фрейма концепта (а именно фрейма конфликта), получающего развитие в дискурсе, приводит к появлению типичного концепта «женщина». Этот концепт, функционируя через распространенные, точно определенные структуры нарратива и методы идентификации, в конечном счете обуславливает процесс ведения и эффективность стратегии убеждения. Продуктивность подобных гендерных концептов кажется нам основанной на том факте, что они напрямую связаны с представлением о национальной идентичности.

И все же давайте посмотрим, как, действуя за рамками разделенных по половому признаку концептов «мужчина» и «женщина», категория гендера участвует в понимании и переосмыслении когнитивных фреймов и/или в формировании структур убеждения в стратегиях дискур-

са. Это может дать интересные результаты. Несмотря на то, что объекты нарратива, через которые и осуществляется убеждение, могут быть совершенно точно охарактеризованы по половому признаку, эффективность стратегии в большей мере определяется тем, какую отнесенность они получают непосредственно в контексте. Выходя за пределы вымышленного мира сказки, нарратива, на основе которого гендерные категории получают своё справедливое обоснование, мы рассматриваем гендер как структурную категорию, связанную с различием между субъектом и объектом дискурса.

Ограничивая ракурс нашего исследования и рассматривая стратегию убеждения с позиции гендера, мы приходим к истинной сути вопроса о национальной принадлежности и к тому самому, созданному в нарративе, мифу о национальной идентичности; в заключении мы опровергаем дифференциацию гендерных категорий, основанную на учёте только половых признаков. Таким образом, возникшее противопоставление американской женщины американскому мужчине – далеко не единственный вывод, который нам следует сделать.

Теоретические обоснования и методология. Наш подход базируется на когнитивном способе критической интерпретации текста в свете теории концептуальной метафоры, которая в настоящем исследовании сопряжена с двумя видами или уровнями анализа. Первый уровень является более общим, имеющим отношение к исследованиям в области литературных художественных текстов; он нацелен на способы структурирования нарратива. Второй уровень непосредственно связан с функционированием гендерных категорий, применяемых в анализе убеждения.

В плоскости первого «предваряющего» уровня анализа мы рассматриваем гендерные категории не столько в значении дифференциации по половому признаку, сколько в соотношении с такими понятиями, как национально-культурные способы представления, установленные клише, мифы (легенды) и обычаи. Таким образом, значимость гендера, с нашей точки зрения, определяется в большей степени его практическим структурным потенциалом, а не его отнесенностью к оппозиции между представителями мужского и женского полов. Те характеристики, которые Каролина Уолкер Бинум приписывает гендерно-отнесенным символам, могут относиться и к структурам гендерно-ориентированного дискурса и стратегиям убеждения. Она пишет: «Гендерно-отнесенные символы – это показатели, не только указывающие на мужскую или женскую сущность и представляющие осознание мужчинами или женщинами их принадлежности к определенному полу или их культурные представления о том, как быть мужчиной или женщиной. По своей сложной природе гендерно-отнесенные символы могут подтверждать или опровергать, поддерживать

или ставить под сомнение понятие гендера, а также, по своему основному значению, они могут и не иметь отношения к мужским или женским ролям» [Вупин 1986: 2].

В настоящей статье мы пытаемся доказать, что операционные модели гендерной идентификации в дискурсе могли бы появиться благодаря существованию признанных стереотипными мужских и женских ролей. Тем не менее эти модели выходят за рамки традиционной оппозиции по половому признаку. В этом смысле их продуктивность, как это ни парадоксально звучит, зависит от иллюзии отнесения того или иного объекта к определенному полу, которая возникает вновь и вновь благодаря самой, легко узнаваемой форме нарратива. При этом в самом тексте может и не содержаться прямых указаний на гендерную принадлежность того или иного объекта так же, как аудитория может напрямую не соотносить тот или иной объект с определенной гендерной категорией.

В когнитивном аспекте продуктивность моделей гендерной идентификации определяется действием ИКМ типичного мужчины и типичной женщины. Эти ИКМ уже глубоко укоренились к национальной культуре. Именно к ним и обращаются на подсознательном уровне, хотя в тексте может и не быть прямого обращения к таким идеальным когнитивным моделям. Обращение к этим ИКМ происходит благодаря интертекстуальности, которая, в свою очередь, возникает тогда, когда концептуальная структура дискурса вызывает в памяти структуру типичного нарратива и воспринимается аудиторией именно как таковая. Л. Лейтон [Layton 1998] предлагает интересный и глубокий анализ проблемы гендера за рамками дифференциации по половому признаку.

С нашей точки зрения, необходимость проведения исследования нарратива именно в плоскости второго уровня обусловлена следующими причинами. Проведя сопоставительное исследование романов эпохи 1890 годов и современного американского политического дискурса, Эми Каплан приходит к выводу, что политический дискурс подвержен влиянию романа: «роман может обогащать культурное развитие, которое одновременно и раскрывает и скрывает государственную политику». В более общем ракурсе мы можем предположить, что связь романа и политического дискурса может выстраиваться и по противоположному принципу: в русле политического дискурса могут использоваться, пусть недостаточно эксплицитно, характерные для романа структуры для того, чтобы первый приобрел определенный эффект убеждения. Результативность обозначенной взаимосвязи зависит от успеха выбранной структуры нарратива как национально-идентифицирующего клише или мифа, существующего независимо от «множественности и разнородности [американских] форм идентификации» [Silver 2003: 181]. Именно поэтому нар-

ративные структуры, которые с определенной долей вероятности политические деятели могли бы использовать для формирования собственных дискурсов и которым следует уделить особое внимание, когда мы анализируем дискурс политиков, относятся к самым популярным беллетристическим жанрам, таким, как, например, жанр вестерна. Убедительная аргументация причин, в соответствии с которыми жанр «вестерн» считается ключевым в формировании и укреплении национальной идентичности, приведена в работе М. Силвера [Silver 2003].

Точнее, если вслед за М. Силвером [Silver 2003], мы будем рассматривать вестерн как жанр, формирующий миф о происхождении американской нации, а Шейна – как типичного героя вестерна (его парадигму) (*Прим. переводчика. «Шейн» (англ. Shane; 1949) — роман Джека Шефера (англ. Jack Schaefer) в жанре вестерн. Действие происходит в 1889 году. Главный герой по имени Шейн – перекачиполе и меткий стрелок, побывавший не в одной переделке, – приезжает в штат Вайоминг и поселяется на ферме Джо Старрета. Когда Старрет и другие фермеры оказываются под угрозой выселения, Шейн встает на их сторону и убивает главных виновников – Люка Флетчера и Старка Уилсона. После этого он навсегда покидает штат. В романе содержится намек на то, что в момент своего отъезда Шейн чувствует приближение своей смерти*), то связь между дискурсом и жанром позволит нам выявить следующий принцип, на котором строится как [политический. – Л. Ш.] дискурс, так и вестерн: «он [политический дискурс и вестерн – Л. Ш.] позволяет американской нации оживить в памяти легенду об ее происхождении и дает возможность типичному американцу узнать в благовоспитанном, но сильном герое самого себя – того, кто принимает участие в спасении Эдема от тех, кто может его погубить» [Silver 2003: 191].

Более того, не вдаваясь в подробности жанровых особенностей, Дж. Лакофф [Lakoff 1992] признает функционирование нарративных структур в политической аргументации и, объясняя закономерности функционирования американского политического дискурса, посвященного первой Войне в Заливе, ссылается на сказку о справедливой войне. В рамках данной статьи мы не собираемся подробно рассматривать сказку как один из литературных жанров, но вышеупомянутый пример является доказательством той связи, которую можно обнаружить между нарративными структурами и нашим более широким когнитивным подходом к интерпретации дискурса.

Анализ текста в когнитивном аспекте предполагает применение теории концептуальной метафоры, разработанной Дж. Лакоффом и другими учеными, занимающимися проблемами языка и мышления [Lakoff 2003; 1980; 1993;

Kovecses 2001, Steen 1999]. С формальной точки зрения мы понимаем метафору как «перенос свойств одной концептуальной области на другую [...] со сферы-источника [...] на сферу-мишень» [Lakoff 1993: 203-207]. Что касается определения понятия «метафора» в тексте, наша позиция в большей мере обусловлена концепцией Дж. Стина [Steen 1999], согласно которой трансформация языковой метафоры в концептуальную осуществляется в пять этапов: от выявления метафорического выражения к определению концептуальной модели метафорической проекции (таблица 1, левая часть).

В отличие от концепции Дж. Стина, которая в большей мере ориентирована на «объяснение тех **предпосылок**, которые позволили лингвистам выявить модели метафорической проекции на основе анализа метафорических выражений в дискурсе» [Steen 1999: 58], в центре нашей методики идентификации мы поместили непосредственно **дискурс**. Другими словами, вместо того, чтобы исследовать метафору, начиная с ее внешнего выражения – своеобразной периферии – и заканчивая ее концептуальной ядерной частью, мы изучаем то, как метафора работает в рамках самого дискурса и какой прагматический потенциал она получает благодаря дискурсивному окружению (таблица 1, правая часть). Для полного понимания методики текстуально анализа, см. наше предыдущее исследование [Ferrari 2007].

Таблица 1

Пятиэтапный порядок метафорического переноса (Дж. Стин)	Наш подход
1. Установление центра метафорической проекции	1. = 1 Установление центра метафорической проекции
2. Установление идеи метафорической проекции	2. ~ (2 и 3) Дополнительные концептуальные смыслы
3. Установление образного сравнения	
4. Установление образного сходства	3. Эмоциональная составляющая
5. Установление образной метафорической проекции	4. Макротекстуальные модели с учетом идеологической структуры и стратегии убеждения

В данном дискурсивном направлении основное внимание уделяется стратегии убеждения как ключевому дискурсивному элементу, и точнее, эмоциональной составляющей как важному дискурсивному признаку и средству убеждения. Чувство рождается из метафоры или взаимодействует с ней, формируя стратегии убеждения. Мы пытаемся доказать, что связь метафоры и эмоций обусловлена тем же принципом идеи концептуального воплощения, согласно которому происходит развитие концепции гендерной категоризации и идентификации на её основе.

Наши основные теоретические представления относительно трактовки понятия «эмоция» базируются на идеях таких лингвистов, как Э. Вейганд [Weigand 1996] и Д. Лаптон [Lupton

1998]. Они занимаются исследованиями значимости и роли эмотивных компонентов в коммуникации и разрабатывают перспективную социокультурную методику дискурсивного описания эмоций. С точки зрения возможных методов анализа риторики на формирование нашего подхода частично оказали влияние взгляды Д. Уолтона [Walton 1996]. Д. Уолтон [Walton 1996] изучает обращение к эмоциям в процессе убеждения, рассматривая примеры неформальной логики и анализируя те типы аргументов, которые традиционно относились к «уловкам». С прагматической точки зрения, наше видение эмоции сосредоточено на ней, скорее, как на средстве воздействия на аудиторию (и её способности быть спровоцированной аудиторией), чем на том, как она выражается в тексте, что, в свою очередь, подразумевает выявление эмоции и за рамками текста.

В практическом плане выявление определенной эмоции происходит гипотетически на основе двусторонней связи между «метафорой» и эмоцией. С одной стороны, метафоре как способу концептуализации эмоций отводится главное место, когда речь идет о передаче определенного эмоционального состояния. Эмоциональные концепты часто передаются метафорически как телесный опыт [Lakoff 1987: 14, 38]. В этом смысле метафора, призванная вызвать всплеск той или иной эмоции, имеет определенную значимость для стратегии убеждения. Однако, с другой стороны, метафора как признак аргументации и риторический прием определенным образом способствует вызову эмоционального отклика читателя. Подобный отклик обусловлен дополнительными понятийными смыслами или непосредственно вызван воображением, в зависимости от природы метафоры и контекстуального окружения. Представленное метафорическое выражение, имеющее четкую аргументативную структуру, оказывается способным вызывать эмоциональные реакции, например, в случае с «образными метафорами», т.е. «единичными» метафорами, репрезентирующими «перенос одного образа на другой» [Lakoff 1993: 229]. Совершенно очевидно, что для получения эмоционального отклика необходимости в дополнительных концептуальных смыслах нет.

Метафора и эмоции связаны не только по уже описанной нами причине. Существует и теоретическое обоснование их сходства. Оно связано с их общей способностью передавать опыт человека. Человеческий опыт ложится и в основу изучения гендера. Дж. Лакофф рассматривает эмпирические основы метафоры как пережитый опыт и определяет метафору как основное понятийное средство [Lakoff 1993, 1987, 2003]. На основании тезиса о том, что «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы действуем и мыслим, метафорична по самой своей сути» [Lakoff 2003: 3], он не только представляет «понятия [метафориче-

ски] структурированными», но и утверждает, что «понятийная структура является значимой по причине идеи концептуального воплощения, т.е. она возникает и связана с нашим телесным опытом, полученным в результате восприятия действительности» [Lakoff 1987: 287]. Другими словами, согласно концепции Дж. Лакоффа, метафора функционирует как основное понятийное средство, так как «закреплена в опыте» [Lakoff 1993: 240].

В рамках нашего теоретического обзора «эмоция» тоже связана с телесным опытом: «эмоциональные концепты находят материальное воплощение» [Lakoff 1987: 14]. Определение понятия «воплощение», предложенное Д. Лаптон в русле социоконструктивистского подхода, кажется нам наиболее целесообразным [Lupton 1998]. Уходя в сторону от «основного» подхода, она переступает рамки когнитивной парадигмы, приписывая социокультурным процессам воздействие на наш телесный, сопряженный с эмоциями, опыт [1998: 32 – 33]. Согласно точке зрения Д. Лаптон [Lupton 1998] «наш проявленный опыт [следует рассматривать] как формирующийся посредством и через социокультурные процессы» [Lupton 1998: 32], и главная роль здесь принадлежит дискурсу как социокультурному феномену. В соответствии с когнитивной теорией, которая рассматривает «эмоциональные концепты [как] очевидные примеры абстрактных концептов, закрепленных в телесном опыте» [Lakoff 1987: 377, цит. по: Lupton 1998: 36], позиция Д. Лаптон во многом определяет дискурс как социокультурный фактор.

Именно это материальное воплощение, которое метафора обретает через образы эмоциональных состояний, позволяет осуществить переход от микротекстуального к макротекстуальному уровню анализа. Метафоры связаны с эмоциями не только в микро-, но и в макротексте. На уровне макротекста метафора занимает доминантную позицию в понятийной структуре (которая выступает идеологическим фундаментом) так же, как и эмоции преобладают в стратегии убеждения. Структура последних напоминает структуру первых, поскольку и эмоции, и метафоры обретают материальное выражение в форме типичной биполярной структуры. Это основное практическое положение, определяющее связь метафоры и эмоций, понятийной структуры и стратегий убеждения, лежит в основе и того продуктивного взаимодействия, которое наблюдается, когда дискурс находит отклик у аудитории. Данное продуктивное взаимодействие сопряжено с выражением как идентификацией и представляет собой эмпирическую базу для изучения категории гендера (которая уже по своему определению относится к понятию тела). Это становится следующим этапом в исследовании стратегии убеждения.

Категория гендера раскрывает смысл как стереотипных функций форм нарратива, кото-

рые согласно понятийному фрейму соотносятся со структурой дискурса, так и образов идентификации, столь зависимых от типа аудитории. Понятие ИКМ позволяет проанализировать данные явления через призму когнитивной теории. Дж. Лакофф [Lakoff 1987] ввел понятие «ИКМ» (идеализированная когнитивная модель) для того, чтобы объяснить сущность категоризации. По существу настоящая модель имеет сложную когнитивную структуру, обосновывающую общепринятые понятийные модели. Эта структура может быть представлена как «гештальт» [Sampson 2002: 499], и включает в себя четыре составляющих её компонента, соответственно отнесенных к следующим моделям: «пропозициональным», «образно-схематическим», «метафорическим», «метонимическим» [Sampson 1987: 113.4]. К пропозициональной модели относятся «вещества, их свойства и существующие между ними отношения». Дж. Лакофф приводит пример, в котором «пропозициональная модель, определяющая наши знания об огне, включает и наше осознание того, что огонь опасен» [Lakoff 1987: 113]. Второй тип модели – образно-схематическая, включает в себя «такие схематические образы, как траектория или длительный период времени, плоские и объемные формы» [там же]. Метафорические модели представляют собой «преобразования явлений одной понятийной области, относящихся к пропозициональной или образно-схематической модели, в соответствующие термины и структуры другой понятийной области» [там же: 114]. Описывая последнюю, метонимическую модель, мы обращаемся к толкованию, предложенному Дж. Сэмпсон, согласно которой «метонимия – это способность одной вещи заменять собой другую ради определенной цели; так, к метонимическим моделям относятся социальные стереотипы, типичные примеры, идеалы, образцы, генераторы, постмодели или яркие примеры» [Sampson 2002: 499]. Эти типы метонимических моделей, согласно Дж. Лакоффу [Lakoff 1987], порождают определенные прототипические эффекты. Прототипический эффект возникает тогда, когда определенные члены категории считаются «образцовыми, типичными и наиболее точно характеризующими данную категорию» по сравнению с другими. Так, например, категорию ПТИЦЫ наиболее точно репрезентируют малиновки, а не курицы, пингвины или страусы. «Характерные представители категории получили название “прототипических” членов данной категории» [Lakoff 1987: 41]. Главное, на что следует обратить особое внимание в данной ситуации, то, что социальные стереотипы, в рамках концепции об ИКМ, могут быть истолкованы как «типичные примеры» категоризации, несмотря на тот факт, что эти стереотипы не всегда обладают точными характеристиками всей категории [там же: 86]. Социаль-

ные стереотипы – «категории, функционирующие как стереотипы для других категорий. Понимание подобной категории требует осознания этой стереотипной роли» [там же]. Поэтому именно теория ИКМ оказывается способной предложить объяснение этому явлению и, кроме того, послужить ключом к пониманию процесса, при котором происходит становление и функционирование некоторых стереотипных мужских и женских понятий. Последние, однако, не всегда представляют собой характерный образец социального выражения. Выявить становление гендерных ИКМ нам поможет сравнение с известными нарративными структурами. Источник выражения гендерной категории определяет ее весомую позицию в стратегии убеждения. Изучение в корпусе языкового материала указателей на гендерную категоризацию позволяет нам говорить о необходимости исследования этого феномена в рамках описания стратегии убеждения. В таблице 2 приводится графическое представление нашей методики анализа:

Таблица 2 Методика анализа

Уровни дискурсивного анализа	Текстуальный признак / структура		Признак / стратегия убеждения
Микротекстуальный (подробный анализ)	Метафора (микротекст)	←→ воплощение	Эмоции (выраженные в тексте посредством метафорического моделирования)
Макротекстуальный (синтетический анализ)	Система концептов (идеологический фундамент) (макротекст) метафорически моделированный	←→ идентификация	Стратегия убеждения (макротекст) направленная на получение эмоциональных реакций
Уровень взаимодействия +нарратив (интертекстуальность, стереотипные роли) +гендер (идентифицирующие клише)	Структура дискурса Стереотипизированный нарратив – гендерные роли (интертекстуальность)	↑ американские мужские и женские ИКМ	Анализ, ориентированный на аудиторию Исследование дискурса (функциональное гендерное идентифицирующее клише в дискурсе происходит через гендерные стереотипные р...

Основы анализа. В настоящей части нам предстоит показать, насколько интересно взаимодействуют обозначенные уровни анализа (когнитивный, нарративный и гендерный). Гендерная категория используется в структурах стереотипного нарратива, так как формирует концептуальный фрейм посредством когнитивных моделей.

Данные нашего более раннего исследования [Ferrari 2007a] свидетельствуют о том, что при метафорическом описании событий 11 сентября наиболее часто используется «фрейм

конфликта», который также составляет ключевую идеологическую основу для ведения аргументационной стратегии, поддерживающей войну.

В терминах когнитивной лингвистики мы определяем «фрейм конфликта» как концептуальную модель, обладающую двумя противоположными сторонами. Типичный сценарий конфликта в сказке [Lakoff 1992: 466] описывает две качественно неравные между собой стороны: героя, который может быть или не быть жертвой, и которому предстоит сражаться со злодеем. Последний же – враг по определению. Подобная диспропорция представляет собой иерархический дуализм, способный в дальнейшем приводить к радикальности и появлению так называемого «манихейского фрейма». «Манихейский фрейм» как крайняя степень «фрейма конфликта» за присущее ему своеобразие и частотность проявления в нашей выборке может считаться доминантным в процессе метафорического моделирования дискурса Дж. Буша. В крупном исследовательском проекте (см. «Метафора в действии: стратегия убеждения Дж. Буша (мл.)», канд. диссертация, неопубликованная рукопись), Манихейская теория рассматривается как макро-метафора, необходимая для описания полученных в результате исследования выводов. Это именно тот случай, когда происходит обращение к вечному противостоянию Добра и Зла. «Низший» онтологический статус всего того, что совпадает со Злом (рассматривается оппозиция: Добро – это Верх, Зло – это Низ), определяет ряд концептуальных смыслов, обнаруживаемых в определениях «безопасности» и «справедливости». Например, «Творить меньше зла во имя добра – справедливо» [Lakoff 2004].

Фрейм конфликта, представленный в нашем предыдущем исследовании как идеологический фундамент дискурса Дж. Буша, в своем развитии сочетается с базисной стратегией убеждения и характеризуется присущей всему дискурсу Дж. Буша линией страха. «Линия страха» понимается нами как средство убеждения, стратегическое воздействие которого осуществляется с помощью оппозиции двух противопоставленных эмоций: страха и веры. Эта оппозиция соотносится со структурой двух противоположных пространств, представленных в дискурсе: внутреннего пространства как пространства веры и внешнего пространства как пространства страха. Другими словами, пространство веры и пространство страха метафорически соотносятся с позицией «внутри страны» и «за ее пределами», что способствует достижению целей убеждения [подр. описание стратегии эмоционального убеждения: Ferrari 2007a].

Гендерный подход позволяет нам утверждать, что роли, функционирующие во фрейме конфликта, не являются нейтральными, а имеют стереотипные гендерные характеристики,

которые были сформированы, выражены и закреплены в традиционных формах нарратива. В соответствии с традиционной структурой романтических произведений в романах XIX века так же, как и в распространенных киножанрах, одним из которых можно считать вестерн, нам следует учитывать не только то, что образ жертвы может совпадать с образом героя, а образ врага, как правило, основан на архетипе злодея, но и то обстоятельство, что герой и жертва могут иметь между собой существенную разницу, которая проявляется на операционном уровне. Подобное различие существует, несмотря на их значительное сходство, и обусловлено гендерно-структурной оппозицией.

Анализируя романтические произведения периода 1890 годов, Э. Каплан пишет: «мужество романтического героя находит свое отражение в гораздо более сложных формах, чем то самонадеянное неистовство, которое присуще бравому рубаке и которого мы неосознанно ждем от героя. Повествование с мотивами благородного спасения заставляет героя зависеть от собственных поступков, будь это освобождение или покорение страстно того желающей героини, сложной фигуры – субъекта и объекта высшей власти» [Kaplan 1990: 659].

С довольно большой долей вероятности можно предположить, что нарративная структура, пронизывающая весь дискурс Дж. Буша, в значительной степени обусловлена господством мужского англо-саксонского образа, что так присуще жанру вестерна. Вместе с тем возникает и женский образ, призванный занять позицию жертвы и должное место в оппозиции мужскому образу.

Не вдаваясь в подробности описания эпического жанра, мы считаем, что в большинстве традиционных западных нравоучительных повествований позиция жертвы, в случае ее представленности, в основном отдается женскому персонажу, а позиция героя обычно занимает мужским. Даже когда это не совсем так, эта закономерность не нарушается, поскольку случаи исключения из этого правила составляют женские образы, наделенные мужскими характеристиками (данная категория соотносится с прототипом Жанны Д'Арк), которые в терминах психоанализа можно назвать фаллическими. Функционирование особенностей, характерных для гендерных категорий, в стратегии убеждения обусловлено процессом идентификации, который неизбежным образом связывает читателя и произведение художественной литературы, общество и дискурс, аудиторию и речь. Вполне очевидно, что случай обращения к привычной композиционной структуре нарратива отвечает требованиям «необходимости присутствия чего-то старого и хорошо знакомого», которые заставляют аудиторию почувствовать «магию постоянства» [Schein; цит. по: Silver 2003: 182]. Иными словами, успех процесса идентификации также зависит от спо-

совов установления мифа национальной идентификации. Данный процесс в качестве экспериментальной базы исследования может анализироваться в рамках когнитивистики с позиции метафорического моделирования реальной действительности.

Следующим нашим размышлением выступает то, что и позиции пространства, определяемые линией страха, относятся к обыденной структуре западного повествовательного произведения, в котором сохраняется «иллюзия как всегда возникшего извне зла» [Silver 2003: 191]. Более того, в свете гендерной категоризации, они не нейтральны. Роли, отнесенные структурой нарратива к внутреннему или внешнему пространству, так же, как и сама идея внутренней и внешней позиции, сопряжены с категориями гендера.

Значимость применения этого подхода к разработке вопросов национальной идентичности заключается в получении результатов, которые напрямую связаны с изучением эмоциональной составляющей дискурса. Согласно мнению Эми Каплан [1990]: «на протяжении долгого времени история Америки наблюдала глубокую связь национальной принадлежности и мужественности в процессе расширения территориальных границ» [Kaplan 1990: 661]. «Связь мужественности и национальности», которую на материале романтических произведений описала Э. Каплан [1990], негласным образом составляет основу политической стратегии формирования своего рода империи в США в 1980-х годах и кажется довольно сходной с теми особенностями, которые призваны подсознательно воздействовать на нас в дискурсе Дж. Буша, и чертами, которые мы наметим в нашем анализе.

В свете гендерного анализа уже установленная нами линия страха в дальнейшем несёт более мощную эмоциональную нагрузку и, следовательно, приводит к эмоциональному всплеску. Наш анализ свидетельствует о том, что аргументацией в пользу проведения превентивной войны выступает идея сохранения индивидуальной идеализированной модели гражданина страны, которым гордятся, совместно с идеей защиты внутреннего идеализированного пространства (государства) от внешней угрозы (страха).

Рассматривая существование женской фигуры в структуре фрейма, на данном этапе нам предстоит выяснить роль женского образа на фоне соотношения национальности и мужественности. Каким образом и насколько ярко наблюдается проявление женского начала в анализируемом дискурсе? Остановимся на этих вопросах подробнее.

Анализ. Предваряющим этапом исследования дискурса Дж. Буша в рамках представленной нами методики, послужит обзор некоторых гендерных указателей в «корпусе Буша»

(«Корпус Буша» содержит речи Дж. Буша (176), зафиксированные за 4 года, в период с января 2001 по январь 2004, и классифицированные нами по типу трех жанровых принадлежностей: Инаугурационное обращение и ежегодное послание президента США Конгрессу «О положении в стране» (ОК), Обращения к нации (ОН) и Радио обращения (РО).). Мы обратимся к личным местоимениям в именительном и косвенном падежах, а также к притяжательным местоимениям.

Первые наблюдения показывают, что частотность употребления местоимений «она» и «её» довольно низкая (зарегистрировано 27 случаев употребления местоимения «её» и 31 случай употребления местоимения «она»). Проанализировав все случаи употребления, мы зафиксировали лишь по одному примеру на каждое местоимение, когда, употребляя «она» и «её», Дж. Буш имел в виду не взятый в отдельности женский образ, а американскую нацию в целом.

4: *Отстоим нашу свободу. Мы принесем свободу другим и восторжествуем. Да благословит Господь нашу страну и всех, кто ее защищает. END 10:20 P.M. EST (ОН 030319).*

18: *Мы по-прежнему верим в патриотизм. Мы любим нашу страну, и начинаем любить сильнее, когда она находится под угрозой. Америка – самая многонациональная в мире. Yet (РО 020706).*

Частотность проявления местоимений мужского рода, таких, как «его / свой», «ему» и «он», напротив, возрастает (94 случая употребления местоимения «его», 22 – «ему» и 128 – «он»). Однако мы не зарегистрировали ни одного случая, когда бы эти местоимения соотносились со сферой-мишенью «нация».

Любопытным оказалось то обстоятельство, что местоимения мужского рода и существительные, так или иначе обозначающие составляющие государственной, национальной системы, связаны между собой семантическими отношениями обладания. Страна выступает не как активный исполнитель действия, а лишь как вещь, которой можно обладать. Рассмотрим следующие примеры:

84: *Он пообещал ООН предоставить инспекторам по оружию неограниченный доступ в свою страну. Мы и раньше слышали подобные обещания, и они были ... (РО 021116).*

9: *... признаем, что он обладал химическим и биологическим оружием, и в прошлом он использовал химическое оружие. Секретная служба (разведка) (РО 030621).*

Принимая лексическое наблюдение, описанное выше, как отправной пункт в проводимом исследовании, далее мы попытаемся представить в рамках «идеализированной когнитивной модели» или ИКМ [Lakoff 1987] стратегии убеждения Дж. Буша то, как противопоставляется концепт «типичная женщина» кон-

цепту «типичный мужчина», несмотря на низкую частотность указателей женского рода и лексических фактов, подтверждающих наличие женского начала. Более того, нам предстоит выяснить, как данное явление соотносится и с ранее укоренившейся национально-культурной спецификой нарратива, и с моделью, пропагандирующей национальную принадлежность и утверждающей национальную идентичность. Методика проведения анализа обусловлена ранее описанной процедурой и данными, полученными в результате нашего предыдущего исследования [Ferrari 2007 a].

Данные нашего более раннего исследования, полученные в результате анализа дискурса Дж. Буша (2001 – 2004) [Ferrari, 2007a], свидетельствуют о том, что при метафорическом описании событий 11 сентября особенно часто вводится «фрейм конфликта», который также составляет ключевую идеологическую основу для ведения аргументационной стратегии, оправдывающей войну. Такие эмоциональные понятия, как «гнев», «вера», «гордость» и «презрение» имеют метафорическую репрезентацию. Постоянное обращение к подобным эмоциональным реакциям составляет макротекстуальную основу фрейма конфликта. Именно «эмоция гнева» выступает осевой, базисной в становлении фрейма конфликта. Обращение к «вере», в свою очередь, предстает значимым с двух точек зрения: во-первых, нравственных позиций, которые служат условиями появления фрейма конфликта, и, во-вторых, оправдания и легализации действий США. Во фрейме конфликта, а именно в оппозиции «мы против них», «гордость» служит для американцев положительной чертой национальной идентичности. Эмоция «презрение» во фрейме конфликта связана с отрицательным представлением врага.

Особое внимание следует уделить рассмотрению эмоционального понятия «гордость» как ключевого положения, определяющего национальную идентичность и как первозначимую эмоцию, определяющую фрейм конфликта в плоскости гендерного описания. Как показывает наш систематический текстуальный анализ (передать который полностью не представляется возможным в силу ограниченности места), такие более или менее соотношенные с национальностью понятия, как «свобода», «(наша) страна», «родина», «нация», в отдельности или вместе занимают позицию героя или жертвы. Наряду с этим, позиция «злодея» всегда отводится врагу – терроризму, в различных его видах: террористам, террористическим организациям, подобно Аль-Каиде и лидерам, например, Саддаму Хуссейну. Согласно структуре действующей стратегии убеждения, ИКМ мужчин и женщин имеют непосредственное отношение к эмоциональному проявлению гордости. Таким образом, ИКМ АМЕРИКАНСКИЙ ГЕРОЙ МУЖСКОГО ПОЛА фигурирует каждый раз, когда

американцев призывают «сохранить американские ценности» (ОН 010920):

1) *Я призываю вас сохранить (uphold) американские ценности и помнить, почему многие из вас приехали сюда. Мы сражаемся за наши принципы, жить согласно которым – наша первая обязанность. (ОН 010920, [курсив мой. – Ф. Ф.]*

Чтобы это доказать, давайте последовательно выполним все этапы нашей методики анализа стратегии убеждения, построенной на метафоризации. В первую очередь, мы обозначили глагол *to uphold* – «сохранять, поддерживать, удерживать на должном уровне» как ядро метафорического выражения «сохранять американские ценности». Так мы получаем ориентационную метафору (ХОРОШЕЕ ВВЕРХУ, ПЛОХОЕ ВНИЗУ и ДОБРОДЕТЕЛЬ ВВЕРХУ, ПОРОК ВНИЗУ [см. Lakoff 2003: 16]), хотя стоит учесть и физический аспект или аспект «телесности». В данном примере американские ценности представлены как высокие ценности (оппозиция «верх – низ»), а глагол *to uphold* интерпретируется с точки зрения физического (телесного) смысла не только как *сохранять, поддерживать*, но и как *поднимать (вверх)*. Как разновидность хорошо известных моделей таких структурных метафор, как ТЕОРИИ – ЭТО ЗДАНИЯ [Lakoff 2003: 46] или ЗДАНИЕ – ЭТО ХРАМ [Lakoff 2001] в нашем случае метафорическая проекция представлена в рамках следующих моделей: ДОБРОДЕТЕЛЬ – ЭТО СТРОЕНИЕ, ДОБРОДЕТЕЛЬ – ЭТО ХРАМ.

Аспект «телесности» актуализирован и во втором метафорическом выражении: «мы в борьбе за наши принципы (мы сражаемся за наши принципы)». Понятие «борьба» как источник «метафоры борьбы» имплицитно фрейм конфликта, который в данном примере вполне логично передается через концептуальную метафору физической борьбы. Данные метафорические выражения, рассматриваемые нами как векторы аргументации всего предложения, вносят следующие концептуальные смыслы: жизнь согласно «высоким (моральным) принципам» (первая метафора) требует от американцев быть хорошими людьми, что означает нести ответственность и, следовательно, поддерживать национальные ценности и свою нацию. Физический аспект, который также присутствует в данном контексте, подразумевает силу (выносливость) американцев, чтобы быть способными «сохранить, поддержать, удержать на должном уровне» свои ценности (идея всемогущества). Таким образом, «гордость» и «честь» выступают той эмоциональной реакцией, которую и должно было вызвать разбираемое предложение.

Концептуализация действительности посредством метафоризации осуществляется благодаря процессу идентификации. В большинстве случаев идентификация происходит по мужскому сценарию, что обусловлено наличием

ем у мужчин характерных для них признаков силы, и самой моделью борьбы (достаточно вспомнить её прототип, и мы непременно увидим двух персонажей мужского пола с мечом или пистолетом или двух борцов, которые сошлись в поединке). Тот, кто «сражается или борется за наши ценности», становится идеальной когнитивной моделью ведущего борьбу героя, солдата, морально и физически стойкого мужчины. С эмоциональной точки зрения в данном конкретном примере дискурс призван вызвать гордость как то чувство, которое должно возникнуть, когда слушатель безошибочно узнает присутствие мужского начала (которое противопоставлено женскому началу, несмотря на то, что оппозиция здесь выражена не очень ярко). Другими словами, метафорические концепты вместе с эмоциональным откликом, который вызывают формы аргументации, позволяют президенту взывать к чувству национальной гордости (мужскому началу), ощущение которого косвенно усиливает чувство принадлежности и приверженность нации (женское начало). Подобный исход наблюдается благодаря обращению к укоренившемуся национально-культурному образу героя, идентификация которого сводится к такому исключительно мужскому представлению, как всемогущий герой в центре героических действий.

Любопытным может показаться то, что ИКМ американского героя не только выступает как идеализированная модель для граждан Америки, укрепляющая чувство гордости и усиливающая дух национальной принадлежности, но она также переносится на самого президента всякий раз, когда он представляет себя в образе спасителя. Ранее проведенное исследование стиля Дж. Буша позволяет отметить среди основных его характеристик так называемую двойственность занимаемой им во время выступлений позиции (внешнюю как позицию наблюдателя и внутреннюю как позицию обращающегося к аудитории). Подобное двойное позиционирование имеет особую значимость, так как собственный двойной образ президента одновременно позволяет ему быть обычным гражданином своей страны (один из всех, равный другим в обществе) и героем (отличный от других, вне общества, непохожий, исключительный).

ИКМ американского героя, прототипическим образом которой служит мужчина, используется и в более прозрачных призывах к американцам защищать нацию в том «действии», которое означает военные действия. Последние же уже спланированы и изображаются как ближайшее будущее.

2) *«Приближается час, когда Америка начнет действовать, и вы сделаете все, чтобы мы вами гордились».* (ОН 010920).

В данном случае функционирующая ИКМ героя вновь является типично мужской (растущее в настоящее время число солдат женского

пола – это изменение привычного стандарта). Герой мужского пола предстает как воплощение, протагонист «американской миссии», мститель за ту «рану», которую нанесли американской нации. В то же время он же выступает и как избавитель той части мира, которая стремится «быть цивилизованной», и «примкнуть к американской стороне».

Вернемся к дискурсу Дж. Буша. Преобладание в этом дискурсе мужских доминант не означает, что он оказывает влияние только на мужскую часть аудитории. До тех пор, пока убеждение сопряжено с процессом идентификации, женский образ появляется в позиции, соответствующей позиции жертвы.

В следующем примере параллельно с понятием «свобода» в предложение введено сочетание трех метафорических моделей: страна, как спящий человек, «разбужена угрозой опасности», т.е. угроза подвергается олицетворению. Далее: страна призвана защитить «свободу», которая изображена как уязвимое создание.

3) *Сегодня вечером мы – страна, которая проснулась, чтобы взглянуть в глаза угрозе и отстоять свободу.* (010920).

Из анализа вышеприведенной ситуации мы получили следующее: *страна – это спящий человек / солдат, опасность – это нарушитель спокойствия, мирного существования, свобода – это человек, которого необходимо защищать, подобно ребенку или женщине.* Следовательно, позиция жертвы требует появления женского образа, которой служит оппозицией мужскому персонажу как объект, ради которого совершаются героические поступки. С точки зрения стратегии убеждения симметричное присутствие женской фигуры обуславливает эффективность воздействия мужской модели идентификации на женскую часть аудитории. Более того, обращаясь к вопросу национальной принадлежности, стоит упомянуть, что женский образ усиливает эмоциональную реакцию при обращении к чувствам национальной гордости и принадлежности, так как является источником метонимического переноса в представлении национальной идентичности. Наш пример служит явным тому подтверждением. Идея национальной принадлежности проявляется с двух сторон: со стороны активной мужской позиции спасителя, где страна (как солдат) пробудилась, чтобы защищать, и со стороны пассивной женской позиции или позиции атакуемой жертвы – «свободы», которая определяется как «высшая ценность Америки» и является метонимией понятия «американская нация».

Олицетворение «свободы» фигурирует и в отрывке, приведенном ниже, но теперь она не принимает пассивную позицию жертвы. Организаторы террористического акта 11 сентября названы «врагами свободы». Это дает прием генерализации, который в точности совпадает с тем духом риторики абсолютизма, где всегда

присутствует противостояние добра и зла. При этом добро символизирует свободу – высшее благо для американцев, которое находится «под угрозой». В результате олицетворения «свободы» мы получаем яркий пример симметричного функционирования гендерных категорий. Приём олицетворения свободы, помимо образа жертвы, расширяет границы других составляющих контекста. Так, в качестве возможных вариантов метонимических связей понятие «свобода» может замещать понятие «страна». Этот приём позволяет «свободе» занимать мужскую активную позицию исполнителя действия. В то же время «свобода» воплощает в себе высшую ценность Америки, таким образом выступая в качестве метонимии и выполняя женскую пассивную роль объекта действия:

4) *11 сентября враги свободы совершили военные действия, направленные против нашей страны. Американцы познали войны, но за последние 136 лет они воевали на чужой земле, кроме одного воскресенья 1941 года. Американцы познали катастрофы войны, но не в центре великого города в одно мирное утро. Американцы познали непредвиденные нападения, но никогда эти нападения не уносили жизни тысяч наших граждан. Все это случилось с нами в один день, а ночь наступила уже в другом мире – в мире, где сама свобода находится под угрозой. (010920).*

Разнообразные признаки проекции «свободы» (свобода – это жертва, свобода – это наша страна, свобода – это добро), приобретённые поочередно в зависимости от контекстуальной реализации и, следовательно, ведущие к олицетворению понятия «свобода», свидетельствуют о сложности и автономности данного феномена. В выражении «сама свобода находится под угрозой» «свобода» представлена как жертва нападений (т.е. сама Америка или ДОБРО в целом). Вследствие этого и речи нет о множественности способов обозначения нападающих на уровне концептуального фрейма – они лишь «враги свободы». «Враги» определяются как вторая составляющая фрейма конфликта, идеологическая сущность которого уже задана в дискурсе и его предполагаемом восприятии [См. также: Ferrari, 2007b] *Враги свободы*, противопоставленные «олицетворенной свободе», характеризуются как *нападающие (в противопоставление жертве), вне нашей страны (в отличие от нашей страны) и как зло (в противопоставлении добру)*. На основе описанной оппозиционной структуры проявляется идеологический сценарий конфликта, согласно которому ранее существовавшее разделение мира сводится к наличию в нем двух полюсов: за или против свободы / Америки. С этих же позиций можно проанализировать конструкцию «военные действия» (*конфликт – это война*), объясняющую то, что случилось. Данная соче-таемость подразумевает то, что Америка, пострадав не только от нападения, но и от факта

объявления войны, имеет право на оборонительный ход как проявление самозащиты.

В том случае, когда в развитии концепта «свобода» происходит колебание между пассивной позицией жертвы (представляющей нацию объектом любви) и активной позицией олицетворенного существа (воплощающей нацию как форму жизни и активного участника, находящегося в оппозиции к злу), позицию жертвы занимает «государственность», одновременно понимаемая как «Родина».

5) *Многие люди прилагают большие усилия, чтобы защитить Америку. Но, в конце концов, лучшим способом защитить нашу родину, лучшим способом быть уверенными в том, что наши дети могут жить в мирных условиях, является ведение сражения против врага, чтобы остановить его.*

Таким образом, «Родина» репрезентирует внутреннее пространство, которое необходимо защищать от внешних вмешательств.

Далее нам предстоит показать, каким образом можно рассматривать соотношение государственности и внутреннего пространства в свете гендерной концепции. В приведенном выше контексте «Родина» занимает женскую позицию, т.е. позицию, принадлежащую жертве, которую необходимо спасти. Она выступает как «героиня», как объект героических действий героя, направленных на её спасение.

Таким образом, женская фигура предстает как часть дискурса национальной защиты (в выражении «защищать американскую свободу») и дискурса национальной принадлежности («наша родина»), укрепляя принципы национальной идентичности (в выражении «мы – американцы»).

С аналитической точки зрения следует прокомментировать, как фрейм конфликта, составляющий идеологическую основу дискурса, может соотноситься с «линией страха» – значимой чертой стратегии убеждения. Этот эффект достигается с помощью употребления пространственных метафор, вызывающих эмоциональные реакции «страха» и «веры». Основанием для появления *линии страха* становится введение в дискурс оппозиции двух прямо противоположных пространственных категорий, построенной по аналогии с оппозицией двух эмоций. Так, «внешнее пространство» (точка «страха») ассоциируется с опасностью и угрозой при приближении врага, а «внутреннее пространство» (точка «веры») представляет спокойствие и идеал совершенства. Как показывает большинство фильмов ужасов, достигнуть максимального эмоционального эффекта можно при помощи нарушения равновесия между двумя противоположными пространствами (по терминологии Дж. Чартерис-Блэка: «глубины проникновения в контейнерное (замкнутое) пространство» [Charteris-Black 2006: 576]. В подобных фильмах мы можем наблюдать неожиданное появление «монстра» на территории

спокойствия (т.е. «страх» врывается в пространство «веры»). Мы считаем, что концептуальный фрейм, который лежит в основе подобной стратегии убеждения и одновременно и передается через нее (фрейм конфликта + линия страха), также получает дополнительные смыслы благодаря гендерным ИКМ.

Мы видим две причины того, что внутреннее пространство, появляющееся под влиянием чувства национальной принадлежности и как необходимая составляющая линии страха, вынуждено занимать женскую позицию. Во-первых, пространственные метафоры согласуются со «схемой контейнера», предложенной П. Чилтоном [Chilton 1996]. Согласно его взглядам, «то, что внутри – близко, дорого человеку, а то, что снаружи одновременно находится вне закона» [цит. по: Charteris-Black 2006: 575] (подобное обстоятельство усиливает эффективность линии страха, применяемой параллельно с напоминаниями о террористических угрозах). Самым главным в концепции П. Чилтона ставится утверждение о том, что «с помощью пространственной схемы контейнера своя собственная страна (родина) концептуализируется как закрытый контейнер, который можно запечатать и вскрыть» [Chilton 2004: 118]. Если интерпретировать схему контейнера с элементарных фаллических позиций психоанализа, то страна воспринимается как закрытый контейнер и занимает нефаллическую позицию, т.е. ИКМ типичной женской роли налицо. К тому же для американцев образ родины выступает образом матери, который вновь относит нас к типичной позиции женщины, хотя и не исключает возможности появления мужского образа в нефаллической позиции или в материнской роли. Вследствие этого гендерная категоризация применима и к структуре линии страха, в которой она четко выражает возможности вторжения, проникновения во внутреннее целостное пространство государства извне (несколько иначе понимается идея завоевания нетронутых, девственных земель, они воспринимаются как еще неизведанное пространство, которое необходимо покорить). Доказательством тому служат примеры, в которых опасность передается в терминах нарушителя спокойствия.

Оставляя в стороне внешнее пространство и типичные черты угрозы, обратимся теперь к уровню внутреннего пространства и посмотрим, как на основе метафорического фундамента проявляются категории «женщина» и «мужчина», как они развиваются, вводят новые черты в стратегию убеждения и становятся интересным объектом исследования. Контекст (6) дает пример образной речи, цель которой – показать настоятельную необходимость защиты и обратиться к гражданам с призывом о помощи. Здесь вступают в действие метонимический перенос по типу ЧАСТЬ ВМЕСТО ЦЕЛОГО и онтологическая метафора. Во-первых, мы име-

ем дело с человеческими органами чувств, выступающими как метонимия бдительности: «глаза» и «уши». Во-вторых, согласно формальной структуре предложения, «защита» подается как «контейнер» [Lakoff 2003: 29]. Защита принимает статус вместилища, способного увеличиваться за счет участия каждого гражданина страны. Ценность каждого «вашего» вклада как гражданина страны определена с помощью «метонимии глаз и ушей», т.е. выделения человеческих чувств, обостряющих человеческую бдительность. В этой прямой просьбе, непосредственном обращении к слушателю заложены такие дополнительные эмотивные смыслы, как гордость и честность.

6) *Будьте бдительны: для защиты нашей родины нужны ваши глаза и уши.*

Родина рассматривается с позиции пассивной жертвы, нуждающейся в защите, позицию стереотипического представления женской добродетели. В то же время неизбежно должен появиться и мужской персонаж, который будет олицетворять собой «защиту», ради которой «вы» как «защитник» вашей собственной «родины» и как «покровитель» её безопасности обязаны наострить «свои глаза и уши».

В ракурсе эмоциональной составляющей онтология позиции жертвы как пассивного, характерно-женского, нефаллического положения определяет ряд характерных черт, присущих женщине как ИКМ и сфере-источнику метафорического моделирования. Среди таких черт следует назвать: ценность женской добродетели, уязвимость и пассивность (инертность). В рамках стратегии убеждения первая черта связана с национальной идентичностью и ассоциирующимися с ней ценностными принципами и взывает к чувству национальной гордости. Вторая черта относится к понятию государственности посредством онтологической перспективы и влечет за собой необходимость предоставления защиты. Третья черта, дополняя первые две, укрепляет аргумент о необходимости ведения превентивной войны.

Другими словами, если исходить из нашей гипотезы о гендерно-ориентированном нарративе, то категория гендера функционирует в стратегии убеждения следующим образом. Если применительно к настоящей ситуации ориентироваться на выстроенный в дискурсе фрейм конфликта и принять во внимание аргумент оправдания ведения войны во имя ликвидации внешней угрозы и сохранения единого государства и жизни в нем, то настойчивость и принятие конкретных действенных мер будут восприняты не только как необходимые, а как единственно возможные способы защиты нашей собственной национальной идентичности (аргумент линии страха), и одновременно как обязательные условия индивидуально-личностной идентичности таких граждан, которыми могла бы гордиться страна (аргумент гендерной категоризации).

Иными словами, аргумент «линия страха» оправдывает ведение превентивной войны ввиду того, что «страх» распознается как внешняя угроза, которая требует немедленного реагирования либо в силу своей онтологической природы (терроризм – это болезнь или сорняк), либо по причине стремительной динамики своего развития (терроризм как персонифицированная угроза, способная ворваться в страну).

7) *Мы предпочитаем незамедлительно обнаружить такую угрозу, места, где она зарождается, прежде чем она внезапно наступит нас с неба или в городах. (ОН 030317, [курсив мой. – Ф.Ф.]).*

Приведенная выше ситуация служит доказательством того, что благодаря олицетворению и «пространственному разделению» «угроза» становится тем, что может появиться внезапно и нависнуть над нами (подобно атомной бомбе). Подобное представление призвано вызвать у аудитории эмоциональные реакции страха и ужаса. Такая концептуализация страха служит еще одним веским аргументом в оправдание ведения «превентивной войны» («защита лучше ликвидации последствий»).

Следующим, более завуалированным аргументом в оправдание ведения «превентивной войны», выдвигаемым той самой линией страха, обусловленной концептуальным фреймом дискурса, служит именно тот, что основан на гендерной категоризации. Другими словами, государственность подается в метафорах женской ИКМ («родина» – это женщина, «нуждающаяся в защите»). Это призвано вызвать чувство гордости и «принять бой» как «лучший способ защитить родину». Проведя подобный разбор, обратимся еще раз к примеру (5) и проследим за взаимодействием метафор и категорий:

5) *Многие люди прилагают большие усилия, чтобы защитить Америку. Но, в конце концов, лучшим способом защитить нашу родину, лучшим способом быть уверенными в том, что наши дети могут жить в мирных условиях, является ведение сражения против врага, чтобы остановить его.*

«Ведение войны» имплицитно несет такие смыслы, как: быть достойными носить звание граждан своей страны, быть способными стать «героями» (действующими лицами) в героических действиях, одним словом, воспользоваться всеми возможностями, чтобы показать себя «настоящими мужчинами» по отношению к своей стране. Данный гендерный способ идентификации также способствует осознанию необходимости ведения превентивной войны.

Гендерный способ идентификации, однако, не подразумевает воздействие только на определенную часть аудитории. Благодаря данной гендерной ИКМ не только мужская часть аудитории узнает себя как адресата обращения. Это происходит с каждым из слушателей, когда под влиянием описываемых стратегий он ощущает себя второй половинкой нации. Данный тезис

находит своё подтверждение, или, по крайней мере, соответствует концепции Вернера Соллорса [Sollors 1986], в которой проблема национальной принадлежности и национальной преданности рассматривается в свете оппозиции «принятия» и «отвержения» [там же: 146]. Американская идентичность проявляется, скорее, как то, что каждый выбирает для себя сам, как то, частью чего он хочет быть в отличие от того, что «приписано ему от рождения». Американская идентичность призывает граждан относиться к своей нации с позиции «одного из супругов», а не с позиции, относительно которой нация выступает «родителем» по отношению к своим гражданам. Следовательно, «сфера отвержения сама по себе подвержена перерождению в сферу принятия. Она обусловлена культурой и пониманием, и [что наиболее значимо здесь. – Ф.Ф.] у нее появляются мужской и женский полюсы» [там же: 165]. Подробное описание понятий «принятие» и «отвержение» представлено в работе Вернера Соллорса [Sollors 1986]. Часть идей Вернер Соллорс заимствует у Дэвида Шнайдера [Schneider 1980].

Вновь обращаясь к описанию отличительных черт и особенностей функционирования дискурса Дж. Буша, отметим, что в позиции американской женщины, т.е. в нефаллической, пассивной, типично женской роли, выступают определенные составляющие понятия «государственность». На уровне текста это имеет следующее выражение: женская позиция – это чувство национальной принадлежности, которое можно испытывать, но которое само по себе не является исполнителем действия, а выступает в синтаксической роли дополнения или семантической функции объекта действия. Его дополняет мужская активная позиция национальной идентификации. При соотношении с национальным стереотипом героя появляется и исполнитель действия в лице американца, президента и т.д. На уровне конкретных фигур речи мы наблюдаем прием метонимии для передачи пассивной линии понятия «государственность» и прием метафоризации и метафорического олицетворения для передачи активной линии. Эта активная линия создает образ деятельного существа, которому угрожает зло на его собственном жизненном пространстве. Две линии – активная и пассивная – формируют оппозицию.

Заключение. Проведенный анализ показывает, насколько важным и необходимым в изучении концептуальных фреймов стратегии убеждения является гендерный подход. Его значимость по отношению к стратегии убеждения заложена в процессе концептуального воплощения, который связан с идеей идентификации как фундаментального действующего принципа убеждения. Как в методологическом, так и в теоретическом аспектах результаты анализа свидетельствуют о том, что гендерные категории зависят не только от прямой половой принадлежности и могут относиться и к более широкому

кругу лиц и объектов. Это формирует структуру дискурса, обеспечивает его аргументативную силу и обуславливает наличие в нем таких элементов, которые, с одной стороны, противопоставлены друг другу, а с другой – дополняют друг друга. В этом отношении гендерные категории способствуют развитию конфликтной тематики. Так, подобные парные оппозиции, как внутренний – внешний, пассивный – активный, объект – субъект, в конечном счете, сочетаются с символическими функциями, которые выполняют женские и мужские образы. Ради укоренения принципов национальной идентичности женский образ выступает объектом в дискурсе о национальной защите, национальной принадлежности. Условия возникновения идентификации в практическом плане зависят от выразительности форм нарратива, которые выполняют роль деликатных интертекстуальных линий (здесь рассматривается композиционная структура дискурса), а также от стереотипов идентификации наряду с легендами о национальной принадлежности (здесь имеется в виду восприятие дискурса аудиторией).

Как показывают результаты проведенного анализа, форма нарратива, которая присуща дискурсу Дж. Буша и воздействует на уровень подсознания, соотносится с манихейской структурой, послужившей своего рода прародителем, а также имеет связь со структурой укоренившихся в национальной культуре и получивших широкое распространение форм нарратива, одной из которых можно считать вестерн.

Позиция, занимаемая американским президентом во время его выступлений, характеризуется двойственностью или амбивалентностью, согласно чему, американский президент предстает и как типичный американский гражданин, и как человек иного сорта. Данное обстоятельство отражает двойственность позиции героя, которую могут занять и американские граждане, и президент как спаситель своей страны. Подобная амбивалентность поистине ставит президента в позицию героя – того, от которого зависит спасение «(райского) сада» – страны, но чье пребывание на этой территории носит временный, ограниченный характер: этот самый герой однажды уйдет и, в конце концов, исчезнет. Именно такая парадоксальная амбивалентность, существование между внутренней и внешней позициями, соотносит такого героя со Спасителем. Подобное представление в некотором роде имеет отношение к Манихейскому учению, в котором Мани выступает как «ипостась» священной воли.

В целях исследовательского интереса общее представление о Манихействе можно получить у Х. Пуеха [Puech 1995].

Прим. переводчика. Манихейство – составленное из вавилонско-халдейских, иудейских, христианских, иранских (зороастризм) гностических представлений синкретическое религиозное учение перса

Мани, или Манеса (род. 14 апреля 216, Мардину, Селевкия-Ктесифон, Вавилония – ум. 273 или 276, Гундишапур, Вавилония: убит по требованию священников – последователей Заратустры – брошенным в него камнем периода античности. Наряду с зороастризмом и митраизмом манихейство было одной из самых влиятельных иранских религий.

Учение Мани – это дуалистическое учение о борьбе света и тьмы, добра и зла. Поскольку Мани, считавший себя последним и главным из пророков Бога добра (до него пророками были Аврам, Моисей, Заратустра, Иисус, Будда), стремился совместить все основные вероучения и заменить их, он стал преследуем всеми ими, в частности зороастрийскими священниками, от рук которых и умер. Несмотря на это, манихейство приобрело известное влияние и за пределами государства Сассанидов, а позднее – Аббасидов: на восток – вплоть до Китая и Сибири, на запад – до Испании и Галлии.

Основные положения этого учения таковы. Соотношение сил Света и Тьмы в мире менялось на протяжении разных эпох. Вначале существовало абсолютное и идеальное равновесие между силами Света и Тьмы. Свет располагался сверху, а Тьма – внизу, они являлись прообразами лёгкого, светлого, чистого неба и тяжёлой, тёмной, загрязнённой земли. Затем наступила вторая эпоха – промежуточная, или настоящая, когда изначальное равновесие было нарушено. Свет и Тьма перемешались, одно проникло в другое, и между ними началась борьба. Успех в этой борьбе сопутствует то одной, то другой стороне, и ни одна сила не может одолеть другую. Когда настанет в будущем третья, завершающая эпоха, силы Света окончательно возьмут верх над силами Тьмы.

Манихейская космогония так трактует дальнейшие события. Основной её элемент – это понятие «вызова» или «призыва», точнее – череды вызовов, которые посылают друг другу светлые различные божества. Вызов и отклик на него, который в свою очередь также может являться вызовом, являются ключевыми понятиями в манихействе, суть которых станет ясна из дальнейшего изложения.

Правитель Царства Света путём сложных актуализаций послал своего единородного сына, Первочеловека (или Сына Света), в Царство Тьмы для решительной борьбы с миром зла. По другим версиям, в результате «первого вызова» возникли два духовных начала, фактически воплощения самого Отца Величия – Мать Жизни и Первочеловек. Первочеловек был вооружён пятью священными силами, или чудесными элементами, – светом, ветром, огнём, водой и воздухом (эфиром). Во многих легендах Первочеловек вызывает себе на подмогу пять светоносных божеств, или сыновей, каждый из которых и соответствует одному из светлых элементов. Но Первочеловек не учёл коварства и подлости, на которые был способен князь Тьмы, – он был усыплен, а пять священных элементов поглощены тьмой.

Когда Сын проснулся, он понял, в каком плачевном состоянии находится, и воззвал о помощи. Отец, услышав крик Первочеловека, направил к нему особых посыльных – Духа Живого, Друга Света и Великого Зодчего. Дух Живой (Михрйазд) – центральная фигура в этой триаде. По другой версии, на этом этапе следовала целая череда «призывов»: Друг Света вызвал Великого Зодчего, Великий Зодчий воззвал к Духу Живому, а тот, в свою очередь, призвал к себе на помощь пятерых сыновей.

Посланцу следовало поторопиться, иначе пребывание Первочеловека (по некоторым трактовкам – вместе с Матерью Жизни) в Царстве Тьмы могло бы закончиться его гибелью. А потому Дух Живой из всех сил устремился к чертогам зла. Достигнув границы, которая пролегла между Царством Света и Царством Тьмы, он громогласно ответил на призыв Первочеловека, возвестив тем самым о приближающейся помощи. Но окончательной победы над злом достичь не удалось: пять священных элементов остались в плену у Царства Тьмы и должны быть освобождены.

Вокруг «запертых частиц света» строилась вся космогония манихеев. Например, по объяснениям Мани, Дух Живой осознал, что запертые элементы так просто не высвободить из Царства Тьмы, и разработал целую стратегию их освобождения. Прежде всего, он сотворил весь космос для того, чтобы очистить или «вытянуть обратно» свет, поглощённый Царством Тьмы. Из частиц света, которых не коснулась тьма, Дух Живой создал солнце и луну. Из света, уже затронутого тьмой, были созданы звёзды, ветер, огонь и вода, находящиеся в постоянном движении. Материальный мир был сотворён из остатков поверженных демонов: в частности, из их костей возведены горы, из шкур созданы десять небес, из мяса и нечистот – восемь земель (иногда речь идёт о четырёх землях).

По некоторым версиям, творцом мира явился не Дух Живой, а сам Отец Света. Три высших божества – Первочеловек, Дух Живой и Мать Жизни – умоляют Отца Света сделать последний, «третий вызов», в результате появляется Третий посланник, который в свою очередь вызывает 12 дев. Они вынуждают мужских демонов тьмы извергнуть семя, от которого происходят растения, а женские демоны дают начало животному миру. Силы тьмы идут на очередную уловку. Супруга Царя Тьмы создаёт два пола, воплощённых в Адаме и Еве, для того чтобы закрепить плотское, физическое начало в мире, привязать чистый дух к тяжёлому телу. И хотя в мужчине преобладают светлые элементы, а в женщине – тёмные, оба они (и соответственно каждый человек) являются результатом смешения частиц света и тьмы.

Чтобы пробудить Адама от сна, Третий посланец призывает Иисуса Сияние, новую эманацию. Иисус Сияние раскрывает глаза Адама, заставляя вкусить от древа жизни. Тем самым Иисус Сияние проложил тропу, по которой, все остальные души должны так же быть отделены от тьмы. Для помощи душам Иисус Сияние перерождается в Ум Света, который будет с этого момента прояв-

ляться во всех следующих пророках. В манихейском учении важную роль играют луна и солнце. Из наиболее хорошо сохранившихся световых осколков создаются солнце, и луна. На обоих этих светилах находятся троны Отца Величия.

Манихейство имело невероятный успех в разных концах мира и на протяжении многих лет успешно соперничало с религиями, которые на то время уже сформировались и в большинстве своем были государственными. Причина этой популярности в удивительной простоте и наглядности манихейского мифа, а также в удивительной способности приспособливаться к различным культурным окружениям, в которых оказывались манихеи. Четкая и структурированная церковная система, благодаря которой была развернута широкая миссионерская и переводческая деятельность. Этическое учение манихеев давало право верующим самим выбрать, каким путём они пойдут: либо строжайшим путём «совершенного», либо соблюдением простых дел, которых обычному верующему достаточно для спасения.

Несмотря на все это, почти всюду манихейство стало «мировой ересью», существование которой иногда попускалось властями. Но все же стать той религией, которой было суждено быть единственной верой, объединившей все религиозные воззрения людей, манихейству не удалось. Просуществовав примерно тысячу лет, манихейство кануло в лету, оставив широкий простор для исследований.

В ходе наших размышлений нам удалось установить, что манихейская основа, формирующая фрейм конфликта и стратегию убеждения, может быть истолкована с гендерных позиций. Биполярная основа учения и категория гендера могут соответствовать друг другу во многом с точки зрения их общей функциональной структуры.

Конкретное подтверждение того, что категория гендера встраивается в логику Манихейства, представлено появлением женского рода как формирующего положительную сторону («мы», «благо») функционального элемента во фрейме конфликта «мы» против «них». Эта женская пассивная позиция, т.е. позиция жертвы, в противопоставление активной, служит основным условием существования героя. Женская роль также структурирует внутреннее и внешнее позиционирование в рамках линии гендерно маркированной страха.

Осуществляя подобное разделение, гендер формирует дополнительные концепты в представлении национальной идентичности, которая воспринимается как родина, нуждающаяся в защите (пассивная, женская сущность) и как Америка, ведущая за собой весь мир в борьбе со злом (активная, мужская сущность).

С позиции нарратива логика манихейской дуалистической идеи вновь оказывается рациональной не только по причине противостояния, в силу качественного неравенства, сил добра и сил зла, но потому что, как и в вестерне, «никто и никогда не задается вопросами о причинах необходимости возникновения и существ-

вованя сил зла, прояснить которые, скорее всего, невозможно» [Silver 2003: 191]. Поэтому, «цена подобного обстоятельства заключается в необходимости пересказывать этот миф снова и снова» [Там же: 191]. Но то, что хорошо для киноискусства, не очень приемлемо в политике и политическом дискурсе.

Согласно принципу повторяемости подобной оппозиции, действующей как способ укоренения национальной идентичности, герои и героини не умирают, потому что они обязательные участники, необходимые для раскрытия основных сущностей государственности. Обращение к нации изначально выстроено в женской (национальная принадлежность) и мужской (национальная идентичность) терминосистемах, в зависимости от того, какую позицию или роль хотят вывести на первый план. Концепт «женщина» появляется в результате необходимости передать в метафорическом фрейме слабую, уязвимую позицию, позицию жертвы. И именно этот концепт отражает черты существа, с одной стороны, полного заботливой любви, а с другой – хрупкого, уязвимого и любимого создания. Именно в таком метафорическом облике, близком к облику невесты, и предстает американская нация перед американским гражданином.

ЛИТЕРАТУРА

- Browne R.B. King of the Cowboys/Queen of the West: Ray Rogers and Dale Evans // *The Journal of American Culture*. 2006. № 29:1. P. 74.
- Bynum C. W. Introduction: The Complexity of Symbols / *Gender and Religion: On the Complexity of Symbols*. – Boston: Beacon Press, 1986.
- Charteris-Black J. *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. – Palgrave Macmillan, 2004.
- Charteris-Black J. Britain as a container: immigration metaphors in the 2005 election campaign // *Discourse & Society*. 2006. № 17 (5). P. 563-581.
- Chilton P.A. *Security Metaphors. Cold War Discourse from Containment to Common House*. – New York: Peter Lang, 1996.
- Chilton P.A. *Analysing Political Discourse*. – London and New York: Routledge, 2004.
- Driver S., Martell L. Blair and Britishness: Blair's Britain // *Polity Press*. P. 461-474.
- Ferrari F.G.W. Bush's Public Speeches to the Nation: Exploiting Emotion in Persuasion: Discourse Analysis and Contemporary Social Change // *Linguistic Insights*. [Ed. by Peter Lang]. 2007a. Vol. 54. P. 381-404.
- Ferrari F. Metaphor at Work in the Analysis of Political Discourse: Investigating a 'Preventive War' Persuasion Strategy // *Discourse and Society*. 2007b. Vol. 8 (5).
- Johnson M., Lakoff G. *Metaphors we Live By*. – Chicago: University of Chicago Press, 2003 [1980].
- Kaplan A. Romancing the Empire: The Embodiment of American Masculinity in the Popular Historical Novel of the 1890s // *American Literary History*. 1990. № 2:4. P. 659-690.
- Kovecses Z. *Metaphor: A Practical Introduction*. – Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things*. – Chicago: The University of Chicago Press, 1987.
- Lakoff G. *Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // Thirty Years of Linguistic Evolution* [ed. by Putz M.] // *Studies in Honour of Rene Dirven on the Occasion of his Sixtieth Birthday*. – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company: Matsunaga Institute for Peace, 1992. P. 463-481.
- Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Ortony A. (ed.) *Metaphor and Thought* (2nd edition). – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 202-251.
- Lakoff G. *Metaphors of Terror // Don't Think of an Elephant*. – Chelsea Green Publishing, 2004. P. 53-68.
- Layton L. *Who's that Girl? Who's that Boy? Clinical Practice Meets Post-modern Gender Theory*. – NJ: Jason Aronson, 1998.
- Lupton D. *The Emotional Self*. – London: Sage 1998.
- Plantin C. Les raisons des emotions // Bondi M. (ed.) *Forms of Argumentative Discourse*. – Bologna: Heuresis, 1998. P. 3-50.
- Puech H.-C. *Sul manicheismo*. – Torino: Einaudi Paperbacks, 1995.
- Reddy M.J. The Conduit Metaphor: A Case of Frame Conflict in Our Language about Language // Ortony A. (ed.) *Metaphor and Thought*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 284-324.
- Sampson J. Understanding Categorization: an Experiential Perspective // *ECIS*. – 2002. June 6-8. Gdansk, Poland. P. 497-505.
- Schneider D. *American Kinship: a cultural account*. – Chicago: The University of Chicago Press, 1980.
- Semino E.M. Masci Politics is Football: Metaphor in the Discourse of Silvio Berlusconi in Italy // *Discourse and Society*. – 1996. № 7/2. P. 243-269.
- Silver M. Ricareare il mito americano delle origini. "Shane" e il Western [Bussi E., Leech P. (Eds.)] – *Schermi della dispersione*. – Torino: Lindau, 2003.
- Sollors W. *Beyond Ethnicity: Consent and Descent in the American Culture*. – Oxford University Press, 1986.
- Steen G. From Linguistic to Conceptual Metaphor In Five Steps [Gibbs R. W., Jr., Steen G. J. (Eds.)] *Metaphor in Cognitive Linguistics*. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999. P. 57-77.
- Van Dijk T. A. *Discourse and Manipulation // Discourse and Society*. – 2006. № 17 (3). URL: <http://www.discourse-in-society.org/teun.html> (Downloaded 22/06/05).
- Walton D. *The Place of Emotion in Argument*. – Pennsylvania: Penn State Press, 1992.
- Weigand E. *Emotions in Dialogue // Dialogue Analysis*. – 1998. № 6/1, P. 36-47.
- White R. E. *King of the Cowboys / Queen of the West: Ray Rogers and Dale Evans*. – Madison: Popular Press, 2005.

© Феррари Ф., 2010

© Шарычева Л. (перевод), 2010

Червиньски П.
Катовице, Польша

Chervinsky P.
Katowice, Poland

ЯЗЫК
СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ:
СЕМАНТИКА ПОЗИТИВА
В ОБОЗНАЧЕНИИ ЛИЦ (5)

LANGUAGE
OF THE SOVIET REALITY:
SEMANTICS OF POSITIVE
IN DESIGNATION OF PERSONS (5)

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

ГЧТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

Аннотация. Статья содержит разработку последующих параметров фрагмента системной модели, лежащей в основе советского образа и представления действительности в отношении позитивных признаков человека. В своей семантике и отношении к месту в модели описываются номинативные единицы двух соотносимых параметров, определенных как принадлежность (активист (член актива), правдист, известинец, кировец, пролеткультовец, красноармеец, интербригадовец, кухаркины дети, подписчик, штабист и др.) и нужность (плановик, кадровик, агроном, председатель, мастер, бригадир, монтажник, высотник, пограничник, дружинник и т.п.). Представленная как многоуровневая система может служить примером идеологических и политических вербально-концептуальных и смысловых построений.

Abstract. The article contains elaboration of subsequent parameters of a fragment of system model underlying the Soviet image and representation of reality concerning the positive attributes of a man. In their semantics and position in the model units of two correlated parameters are described defined as belonging and necessity. Introduced as multilevel the system can serve an example of ideological and political verbal-conceptual and semantic constructions.

Ключевые слова: язык советской действительности, обозначения лиц, семантика позитива, советская языковая картина мира, язык и идеология, парадигматическая модель описания.

Key words: language of the Soviet reality, designation of persons, semantics of a positive Soviet language world picture, language and ideology, paradigmatic model of description.

Сведения об авторе: Червиньски Петр, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка.

About the author: Chervinsky Petr, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of the Russian Language.

Место работы: Силезский университет.

Place of employment: Silesian University.

Контактная информация: ul. Grota-Roweckiego, 5, 41-206, Sosnowiec, Poland.

E-mail: czerwinski.piotr@gmail.com

Третья пара параметров описываемой парадигмосистемы, определенная как причастность / поставленность (см. [Червиньски 2009/1: 136-137]), предполагает своим проявлением отнесенность к устройству системы с позицией обозначаемого лица как деятеля в этой системе. Отличие между причастностью и поставленностью, отчасти предполагающее противоположение динамического, точнее, заряженного динамикой проявления проявлению статическому, с позиционностью как отнесением, назначением к месту, а потому заряженности динамикой не предусматривающего, это отличие отображает соотношение внутренне свойственного, исходящего от себя, тому, что в структуре находится в ней в силу наличия для нее характерных позиций, ролей и мест.

Причастность / поставленность, в связи со своей непосредственной отнесенностью к устройству, очень сильные в своем объяснительном отношении к описываемой парадигмосистеме параметры. В известном смысле их можно было бы воспринимать как отображающие порядок и логику установления системы. Порядок и логику установления ее самой, а также порядок и логику как ее отражение, объяснение

и, как следствие ее развертывающегося, последовательного парадигматического описания. Пользуясь этим свойством рассматриваемых параметров, предоставляемой ими возможностью более или менее явно себя обнаруживающего и концентрированного объяснения, попробуем, теперь изнутри, от системы себя устанавливающей, становящейся как бы советской действительностью присмотреться к порядку и логике используемых для описания в качестве фаз становления и позиций устройства семантических признаков. Материал параметров содержит, как представляется, равным образом то и другое.

Причастный как свойство, приписываемое советскому человеку, его обладателю, следует понимать в отношении его приобщенности к чему-то важному, нужному – определяющему, окрыляющему, дающему и открывающему, необходимому для советского общества, всех советских людей (в аспекте установления и становления советской системы). Этим важным и определяюще сущностным могут реально быть (в приписываемом реальному факту, предмету, событию представлении либо описываемом, представляемом как нечто реальное, т.е. ус-

ловно реальном) – какая-то стройка, почин, производство, строительство, освоение (= расширение) пространства. Этим существенно важным, как открывающим то привносимое новое – новую эру, страницу истории, человека и человечества, отношения между людьми, к человеку и к ним, а потому и пронизывающим собой, освящающим все, что содержит в себе полагаемая здесь и сейчас и на все времена идея и представление революционно меняющей всё системы советскости, – этим всем, как в себе содержащий в зачатке исток и начало дальнейшего разворачивающегося, было и представлялось первособытие Октября и последовавшее сразу за этим установление советской власти. В силу такой его непреходящей идейно-концептуальной значимости, в нем самом, в этом событии, как полагающем основание достигаемого, созидаемого будущего первоначала, можно было увидеть в свернутом виде идею, в ее ступенях и фазах, того, что затем воплотит (воплощает) себя, отразив (отражаясь на каждом отдельном этапе) в последующих, поступательно осуществляемых, распределенных во времени, новом советском времени, и направляемых партией семимильных, сжимающих время как таковое, шагах. Шаги эти осуществляются обществом в его совокупном советском целом, а также и одновременно каждым его представителем и в объединяемых по коллективному признаку составных частях. Советское общество, советского человека, любое советское объединение-коллектив тем самым можно и следовало бы рассматривать как входящие и составляющие элементы рассматриваемой системы, квантитативный, количественный, числовой ее показатель, или квантум ее, заряжаемый неотъемлемо связываемым с ним показателем модуса – целенаправленного направляемого приписываемого стремления, в сжимаемом этим стремлением времени и расширяемом им же пространстве, к достижению финитной цели, построению общества, т.е. тем самым себя самого, но на новом качественном формозтапе.

Начало и смысл такому приписываемому придаваемому финитному устремлению системы, в ее оформляющем, обустроивающем себя постепенно и постоянно, развертываемом в развитии через движение, продвижение к целевому концу, – начало, идея и смысл всего этого были положены, а потому и должны себя обнаруживать, давать себя ощутить уже в первоисточке, обозначаемом как событие непреходящей важности, революционным, по объявляемому духу и замыслу, нелегитимном, по своему существу, захвату и расширению, распространению, внедрению идейной и политической власти. Революционность и нелегитимность, себя дополняющие, переплетаясь и замещаясь, находят свое отражение (первое – как ассертивный мотив и заряд, второе – как апологетиче-

ская необходимость) в самой системе, ее устройстве и расширении, а также, естественно и неразрывно, как первопричина всего последствия, в том, как представляется и потому каким образом можно себе вообразить это ее революционно-переворотное первоначало. Имело бы смысл поэтому его еще раз, по известным из общего представления фазам осуществления результата, для определения смысла описываемых параметров, т.е. с точки зрения приобщенно-вставленного вхождения в систему (причастности / поставления к ней и в ней), рассмотреть.

Причастный, как внутренне свойственный, имеющий отношение к системе (ее структуре, созданию, конструированию, появлению), возможен в своих проявлениях в таких проекциях:

- начала, появления, создания – искра, пламя, возгорание, заря, горение;

- точка исхода (начало начала – искра, факел, призыв, начало революционного пробуждения, предвещающего будущий революционный подъем): в качестве возможного примера для разбираемого случая в контексте обозначения человека это может быть *искровец*;

- наполнение (начала смыслом, придание ему значения, насыщение, подготавливание, мобилизация сил, а также, внутри и по точкам, как и все остальное, – пробуждение сознательности в массах, организация пробуждающихся восстающих масс, их подъем, придание направления, нацеливание, задачи и цели подъема, поддержка, обеспечение будущих действий созданием Красной гвардии и революционных бригад): (*профессиональные*) *революционер(ы)*, *большевик(и)*;

- устройство (структурирование начала – революционное движение, массовый подъем, охват): *восставший*, *восставшие* (солдаты, рабочие, матросы);

- расширение (продолжение начала – пламя, луч, прожектор, подхват): *авроровец*;

- действие, проявление (начала) в действии и достижении его результата: *взятие* (*Зимнего дворца*), *смена правительства* (*Которые тут временные – слазь!*);

- обозначения-символы: Искра, Аврора, Луч, Революция, Заря, Зарница, Молния, всполохи, мировой пожар, вспышка (негодования, возмущения);

- обеспечение существования достигнутого начала, закрепление результата, его продолжение и подхват – борьба, одоление противника (*в боях за...*):

- точка исхода: создание Красной армии, ее создатели, организаторы;

- расширение: гражданская война – *буденовец*, *чапаевец*, *щорсовец*;

- устройство: укрепление обороноспособности;

- наполнение (как одно из возможных): проверка в Великой Отечественной войне – отсто-

ять, не сдаваться, бороться до последнего: *матросовец*;

- действие: победа, одоление: *воины-победители*;

Бой, Борьба, Победа, Одоление

- укрепление (сила, работа, труд): исходное – распространение (число) – создание обязательной основы, без чего нельзя, создание структуры жизненного обеспечения – автомобили, тракторы, комбайны, хлеб: *автомобилестроитель, комбайнстроитель, кораблестроитель, хлебороб* (ср.: *землероб* – хлеб и земля), внутри него и далее свое число, наращивание, увеличение, норма+1, почин: *стахановец, бусыгинец, кривоносовец, злобинец, ипатовец, многостаночник, пятисотник, скоростник, ударник*;

- расширение, распространение (пространство):

- начало освоения пространства (точка, исход) – *первопроходец, первоцелинник, геолог-разведчик, космонавт, покорители космоса (Вселенной), летчик, чкаловец, челюскинец*;

- освоение пространства (распространение, расширение, число) – *целинник, покоритель целины, полярник, сибиряк, новосел, папанинцы* – прибывший, чтобы освоить;

- строительство объектов освоения пространства (устроение, закрепление) – *бамовец, турксибовец, каналаоармеец, дальстроевец, метростроевец* – утверждающий строительством объектов освоение пространства;

- наполнение;

- действие;

- развитие, продолжение, подхват (время, переход, эстафета, поколения, следование, развитие новых качеств): *гайдаровец, тимуровец, внуки (революции, Ильича), внучата (Ильича), дети партии* (комсомольцы, ср., как отличие в *детях: все лучшее детям и дети разных народов*), *наследник (Октября), правнук (Ленина), продолжатель (гениальный, учения, дела Ленина)* и пр.

Причастность тем самым как признак и свойство, в своих проявлениях в человеке будучи связана с системой в различных ее составляющих, потенциально может быть обнаружена, имеет возможность себя проявить в исторически значимых, обозначаемых как исторически значимые фазах установления, закрепления, сохранения, развития и достижения этой системы – советской власти и советской истории. Каждая точка, каждый этап ее становления, от начала к открытому в своем недостигнутом завершении концу, может быть внутренне подразделен и развернут в последовательности собственных проявлений начала с его продолжением и развитиями к достигнутому / недостигнутому, но предполагаемому завершению и концу, подхватываемому в последующем каком-то начале и разворачивающемся в своих продолжениях, развитиях, переходящих к началам и продолжениям концах и т.п.

Устройство тем самым будучи матричным, в каждой точке своей может быть как развернуто в продолжение и/ли на глубину, так и не обозначено, не проявлено номинативно, своего рода купировано в общественном и языковом сознании носителей советской картины мира. Проявленность или нет, развернутость или оборванность какого-либо узла зависят от многих причин, определение и рассмотрение которых не входило в задачу, поскольку причины могут быть и политическими (например, отсутствие в номинативах точки исхода для создания Красной Армии, связываемой с деятельностью Троцкого), и идеологическими (меняющиеся задачи, программы, ориентиры), и социопсихологическими (что-то не отражается, поскольку не воспринимается и как явление поэтому не осознается), и другими. Сама проявленность / непроявленность может быть значимой и показательной, но ее отследить, последовательно отобразить, с тем чтобы затем объяснить в значениях, поводах и причинах, имело бы смысл, определив в отношениях к целому, после выведения и описания его самого. Для нашей задачи представляется важным своего рода пунктирное прохождение, приближение к этому целому, определение в нем того, что должно бы быть и что может быть определенным образом номинативно отражено, поскольку имеется в собранном материале.

Этот собранный материал для причастности представляет, как, впрочем, и все остальное, далеко не полный список возможных в параметре единиц. Полным подобный список быть и не может, являя собой вкрапленные, выборочные отображения номинативно осознаваемых, освоенных и поэтому воплощаемых элементов концептуальной системы, осознанно воспринимаемой коллективным носителем советской картины мира далеко не во всех узлах. Распределение этих выборочно отображающих целое элементов может осуществляться в плоскости одного измерения – для актуального (осознаваемого) восприятия, со связями парадигматико-виртуального соотношения между ними как единицами языка (советизированного русского языка), равно как и с подразделением измерений на темпоральную, концептуальную, идеологическую, политическую, социальную, историческую или другую какую-то глубину. Попробуем пояснить эту мысль на примерах.

Выбранные нами номинативные единицы причастности, такие, к примеру, как *авроровец, буденовец* (боец Первой Конной), *искровец, матросовец, стахановец, многостаночник, ударник, первоцелинник, геолог-разведчик, космонавт, челюскинец, бамовец* и др., могут быть определены и распределены по позициям точек в их отношениях друг другу с точки зрения места каждого представляемого ими признака в парадигмосистеме советской языковой картины мира. И могут быть определены и распределены в представлениях, скажем, как та-

кие, которые репрезентируют знание, идейно заряженное и управляемое, пропагандистской советской картины мира в ее проекции к советской истории, ее этапам и достижениям в ее героях. И эти же единицы в их признаках, но как-то еще представляемых, могут быть определены и распределены в виртуально-парадигматических соотношениях как репрезентанты иного знания – советской общественной психологии, советского образа мысли, советских идейных манипуляций и искажений истории, советской неискаженной истории, советской идеи-мечты, советского коммунизма, советского воспитания человека и т.д. В чем-то и как-то выражаемые номинативно-вербальными единицами смысловые признаки могут пересекаться, но далеко не полностью и не во всем, представляя в своих комбинациях каждый раз для каждого вертикального построения какую-то собственную парадигматическую фигуру. Не просто сразу было бы определить поля этих предполагаемых пересечений, хотя их идею и смысл должны были бы составлять понятийные узелки советской языковой картины мира, обусловливаемой привычными, узуальными для советской действительности, речевыми и текстовыми словоупотреблениями. Предпринятое нами в данной работе парадигматическое описание семантики советского позитива задумано было как приближающее к этой задаче. Одним из искомым выходов такого исследования хотелось бы видеть, в частности, распознавание, узнавание, а с этим, как следствие, диагностирование советски заряженных элементов, ориентиров и признаков речевого высказывания. Рассматриваемый параметр советской причастности, понимаемый как приобщенность лица, человека, в обозначенных, названных признаках, приписываемых ему лексической единицей, советизированной ее семантикой, этот параметр, так воспринимаемый, довольно тесно представляется связанным с подобным образом определяемой задачей. К мысли о признаках советизированности речевого высказывания в связи с семантикой и устройством параметра на примере причастности хотелось бы и имело бы смысл возвратиться, однако после ее (причастности как параметра) распределенного рассмотрения.

Выбранные слова, как номинативные единицы параметра, для начала можно было бы в последовательности некоторого порядка, о котором будет сказано позже, подразделить, к примеру, следующим образом:

причастный (чему-то важному, нужному – стройка, почин, производство, строительство, освоение, расширение, овладение новым, захват – носитель как воплощение новых свершений, деяний, нового отношения и новых взаимоотношений между людьми, отношения к людям, к труду). Начало – продолжение – развитие:

- начало, инициальность, исход (легендарность, бой, борьба, переворот, обрыв, обрывание со старым, обрыв-переход с обращением к новому, способствованием ему, созиданием его, своими сердцами, делами, руками – партиципация и абруптив (лат. *abruptio, ruptum* 'отрывать, срывать, вырываться; внезапно прерывать, прекращать; ломать, разрушать', в том числе и также ~ *pontem* – 'мост', как сжигание мостов в своем замысле) – горячие сердца, самопожертвование во имя идеи и общего, риск, отдача себя, жизнь не ради себя, ради общего, целого, т.е. советской системы как будущего в его ожидаемом, приближаемом, способствуемом становлении, к которому данное лицо, человек ощущают причастность, причастны, представляются, передаются причастными, на глазах и делами, сердцами которых и из которых оно рождается, появляется, возникает к реальной жизни и создается ими, на их материале, из них – отсюда причастный можно и следует понимать как часть, неотъемлемое и свойственное, порождающее из себя и порожденное, порождение власти, системы, организменная неотрывная часть, орган общего организма): *авроровец, буденовец* (боец Первой Конной), *искровец, матросовец, чапаевец, щорсовец*;

- продолжение-подхват в последующем и развитие (нового отношения к труду как обрыв со старым, партиципация и абруптив) – отдача всего себя, максимально и полностью, неустанное увеличение, наращивание способностей, потенциала, дел, результата, отсутствие предела, неумение, неспособность и нежелание останавливаться, постоянное, вечное, моторное (само)раскручивание, человек-машина, действующий механизм, вечный двигатель, пламенный мотор – *стахановец* и последователи, другие, такие, как он, – *бусыгинец, кривоносовец, злобинец, ипатовец, многостаночник, пятисотник, скоростник, ударник*;

- производство, обеспечивающее самостоятельность становящейся (становящейся) советской системы: *автомобилестроитель, комбайностроитель, кораблестроитель, хлебороб*;

- появление и развитие в своем продолжении, своих продолжениях нового отношения к людям, обществу, действительности, будущему – *гайдаровец, тимуровец, внуки (революции, Ильича), внучата (Ильича), дети партии (комсомольцы), наследник (Октября), правнук (Ленина), продолжатель (гениальный, учения, дела), революционер* (как начало, источник, образец подобного отношения, с этим связываются партиципация и абруптив – участие не ради себя, с отдачей, передачей себя совместному, общему делу, людям, другим, товарищам, партии, делу партии, во имя и благо будущего, и полный разрыв, отрыв со всем предыдущим, прошлым, предшествующим, не таким, не сво-

им, абсолютный, не знающий исключений отказ от этого, непризнание его как такового, непризнание его права на существование, обреченность и неизбежная гибель, потому необходимость стремления и способствования уничтожению, гибели, оправдывающие вместе с тем и одновременно такое не признающее его права на существование отношение к нему – прошлому и/ли другому; непризнание этого права вводит, включает право для своего – отношения, порядка и обладания, того, что данному состоянию, месту, позиции, роли (при)надлежит, как продолжение, отражение, развитие идеи, заложенной в абруптиве как проявлении нелегитимности, совмещаемой с революционностью и замещающей регулярно ее собой);

- освоение пространства (земного, воздушного, водного, космического) и новых с ним и на нем человеческих масс – как дальнейшее развитие, закрепление и обеспечение захваченного и уже имеющегося, расширение, раздвигание границ, рубежей;

- начало освоения пространства (точка, исход) – *первопроходец, первоцелинник, геолог-разведчик, космонавт, покорители космоса (Вселенной), летчик, чкаловец, челюскинец;*

- дальнейшее расширение освоения пространства (распространение, продвижение от начальной, исходной точки, увеличение, возрастание, наращивание количества, число) – *целинник, покоритель целины, полярник, сибиряк, новосел, папанинцы* – прибывший, чтобы освоить;

- строительство объектов освоения пространства (устроение, закрепление) – *бамовец, турксибовец, каналармеец, дальстроевец, метростроевец* – утверждающий, закрепляющий, захваченное, имеющееся, строительством объектов на нем, включающий его тем самым в сферу действия, использования, в партиципирующий обиход;

- наполнение смыслом действия, включения, использования;

- действие, результирование, проявление, реализация участия (партиципированного проявления) на нем.

Тем самым причастность как проявляемый в соотношениях признаков воспринимается в некоей целостности, предполагающей распространение, развертывание и проективность по точкам единой парадигматической схемы, способной себя проявлять и накладываться в другом, в других таких же параметрах, находящихся также в каких-то соотношениях между собой. Одновременно с этим начало, исход и следующее за этим развитие идеи причастности, отобразившей себя в семантике соответствующих единиц, определяют себя в проекциях установления, становления, распространения, утверждения и результирования (овеществленного, субстанционального результата) самой советской системы – в ее начале, исходе установления и следующего затем расширения по ука-

занным точкам. Проекция этого становления к советской истории, далеко не случайная, дает представление о развитии заложенной (или закладываемой каждый раз, на переживаемом и вызываемом в немалой степени к жизни субъективными определениями и предопределениями) в ней идеи советской системы, с необходимостью ее реализации в достигаемом, условно достигаемом, обозначаемом как достигнутый результат. Историко-философский, или историософский (можно и так это определять) аспект проблемы, имеющий в данном случае смысл, поскольку как бы сверху определяемый, для нашей задачи оборачивался бы, скорее, аспектом концептуального (идеологического, политического по существу, но не это в данном случае важно) управления. Этапы и значимые периоды советской истории, всенародные стройки, почины, кампании, действия, мероприятия, затеваемые и устрояемые, поддаваясь концептуальной обработке, включаясь и подключаясь к системе, будучи, с одной стороны, отражением и воплощением стоящей за всем этим системной идеи, с другой и одновременно, вне зависимости от реального получения вида и результата, интерпретировались для общего и языкового сознания носителей советской картины мира и говорящих на собственном ей языке, в нужное для системы, оправдывающее ее существование и утверждающее его, это существование, русло. Потому другим и не мог быть полученный, равно как и получившийся, для системы, ее историософского воплощения, концептуальный и семантический результат. Потому и причастность как свойство, наиболее тесно с системой связанное, повторяет в себе, своих семантических следствиях и отражениях в людях, воплощения, проекции этого концептуального историко-философского результата.

Причастность возможно представить, по отношению к семантическим проявлениям-признакам обозначаемого номинативом лица, как парадигматическую идею по крайней мере в двух положениях – как развертывающуюся от точки исходного последовательность концептуальной системной истории (логика советской истории в ее преподнесении для сознания) и как каким-то образом связанную с этим первым, но более отвлеченную и связываемую со всем остальным в изучаемой парадигмосистеме, а потому менее «историчную» и более «языковую», ее, парадигмосистемы, константу. Исходя из сказанного, можно было бы получить две взаимодействующие и пересекающиеся, накладывающиеся проекции определяемой причастности – с позиции социотемпорального концептуально отмеченного разворачивания системной идеи, отмечаемого в осуществляющих эту идею людях (персонифицируемая история) и с позиции мироустройства советской системы, того, чем и что она есть для всех тех, кто ее собой насыщает и воплощает, кто ею, для нее и

в ней, как вольно, так и невольно, живет. Первое уже отчасти было представлено, дадим его ниже в развернуто-уточненном виде. Второе, знакомое по представлениям всего предыдущего, отобразит отношение к первому, с одной стороны, и послужит задаче предпринимаемого описания парадигмосистемы для рассматриваемого параметра советской причастности, как продолжение этого описания, с другой.

«Историософское» наполнение	«Концептуально- языковое» определение
Исток, начало, открывающий первый, ведущий за собой авангард, впереди стоящий, образец для последующих: <i>авроровец, искровец, буденовец, стахановец, ударник, дедушка Ленин, революционер, первопроходец, первоцелинник, геолог-разведчик</i>	Выдвижение (исход): <i>авроровец, искровец, чапаевец, щорсовец, революционер, первопроходец, первоцелинник, геолог-разведчик, гайдаровец, тимуровец, челюскинец, полярник, папанинцы</i>
Подхват – чего, какого почина, какой системно важной идеи, в подражание кому, повторяя подвиг кого, вслед за кем: <i>матросовец, бусыгинец, шатовец, гайдаровец, тимуровец, продолжатель, чкаловец</i>	Собирание (мобилизация готовности): <i>буденовец, стахановец, ударник, бусыгинец, шатовец, многостаночник, скоростник</i>
Расширение – претворение, воплощение получившей начало системной идеи в своем дальнейшем развитии-продолжении: <i>чапаевец, щорсовец, кривоносовец, злобинец, дети партии (о комсомольцах), правнук (Ленина), космонавт, покорители космоса (Вселенной), летчик, челюскинец, целинник, покоритель целины, полярник, папанинцы, бамовец, турксибовец, метростроевец</i>	Поддержка выхода направленной силы: <i>продолжатель, чкаловец, кривоносовец, злобинец, дети партии (о комсомольцах), покорители космоса (Вселенной), целинник, покоритель целины, метростроевец</i>
Усиление – сила и мощь, опора, гарантия, оправдание, неуклонность и продолжение продолжения: <i>многостаночник, скоростник, внуки (революции, Ильича), внучата (Ильича), автомобилестроитель, комбайнстроитель, кораблестроитель, хлебороб</i>	Обеспечение надежности (безопасность, сохранность): <i>матросовец, дедушка Ленин, летчик, бамовец, турксибовец, автомобилестроитель, комбайнстроитель, кораблестроитель, хлебороб, сибиряк</i>
Закрепление, утверждение системной идеи как достигнутого в овестьвленном ее результате, как то, что дано как достигнутое, то, что имеется, есть, несомненность достоинства: <i>пятисотник*, наследник Октября, сибиряк, новосел</i>	Достижение результата: <i>правнук (Ленина), космонавт, внуки (революции, Ильича), внучата (Ильича), пятисотник, наследник Октября, новосел</i>

* Участник движения машинистов – передовиков железнодорожного транспорта, обеспечивавших пробег локомотивов дальностью 500 км в сутки при безаварийной работе. [ТСЯС; МСЭ]

Распределение номинативных единиц по позициям точек предполагает выбор определенной логики соотношений, закладываемой в их семантику. Выбор этот можно представить, и в этом не следует видеть противоречия, как некоторый субъективный способ объективного положения субъективно воспринимаемых, субъективно интерпретируемых и субъективно определяемых вещей. Как способ один из возможных, в большей либо меньшей степени общий, свойственный либо по крайней мере не чуждый, не противоречивый другим. Указанную закономерность, своего рода особенность, можно рассматривать как следствие всякой концептуально организуемой и создаваемой, во многом сознательными и целенаправленными усилиями, вербальной семантики (чтобы не говорить идейно, идеологически, политически организуемой, поскольку проблема как в целом, так и в интересующем нас случае, видится шире и обобщеннее). Во многом выбор, тот или иной, равно как и тот, а не иной, следовало бы рассматривать как отражение в первую очередь логики даже не столько определяемых смыслов, сколько оттенков, акцентов смыслов, укладываемых и распределяемых, раскладываемых в каком-то порядке, наборе и соотношении. В связи с чем, не настаивая, как и во многом другом, на единственности, правильности, очевидности предлагаемого решения, представим видящуюся нам в данном случае логику соотношений левой и правой части для ряда примеров с тем только, чтобы наметить один из возможных путей, способов определения анализируемой нами семантики.

Исходя из закладываемой в противоположение левой и правой части логики соотношений, можно было бы предположить такое примерно определение и восприятие (не обязательно осознаваемое в деталях и до конца) того, что слева, и того, что справа, а также в завитости от положения в ячейке:

Авроровца левой части – как того, кто, будучи членом экипажа «Авроры», причастен к началу, легендарному выстрелу, ставшему первым сигналом новой эры для человечества, воплотившей себя в создаваемой советским народом советской системе (причастность ее провозвестию).

Авроровца правой части – как того, кто причастен (будучи членом того же легендарного экипажа, но это уже не так важно, поскольку во внутренней форме, как «исторически» объясняющей части значения, для его мотивации) начавшемуся подъему, выходу из состояния покоя, выдвижению, пробуждению новых, заявивших о себе, своем праве на существование, свое место под солнцем и свои действия, сил, начавших затем, благодаря произошедшему выходу, свое дальнейшее продвижение (*славный путь* в «историческом» восприятии) к стоящей, поставленной, поставляемой для дос-

тижения, цели – *построению социализма и коммунизма* (применительно к исторической их, этих пробудившихся и разбуженных сил, задаче и перспективе).

Искровца левой части – как того, кто своими делами, работой, участием, посвящением, был причастен созданию и распространению в массах идей, пробудивших сознание угнетаемых и угнетенных к необходимости революционных, вплоть до насильственного свержения, перемен, со сменой власти и несправедливого строя на справедливый и лучший, ведущий к созданию социализма и коммунизма (причастность к призыву, возбуждению того положения, которое обеспечит возможность установления советской системы).

Искровца правой части – как того, кто причастен к началу начал, кто стоял у самых истоков того зарождающегося, намечающегося и намечаемого, побуждаемого, вызываемого к жизни подъема, который в последующем оказался способным себя овестить как вышедшее из состояния покоя, пробудившееся, выдвинувшееся движение направляемых к поставляемой для достижения цели ударных, активных сил.

Чапаевца левой части – как того, кто своим боевым участием и проявленным героизмом в гражданской войне, причастен достигнутой в результате победе советской власти над силами контрреволюции, открывшей и предоставившей (победе) возможность для расширения, претворения в жизнь революционных идей Октября, для построения социализма и коммунизма в советской стране.

Чапаевца правой части – как того, кто причастен началу, исходу сил выдвижения в их обеспечивающей возможность реализации защитной поддержке, кто причастен всем тем, кто в самом начале, при самом зарождении, а потому в особо опасный и трудный период, когда решаются судьбы, стоит вопрос быть или не быть, отстоял, отвоевал, защитил, обеспечив возможность дальнейшего продвижения к намеченной (только еще намечаемой) цели.

Буденовца левой части – как того, кто, будучи бойцом Первой Конной, стоял у истоков, в начале (причастен началу) славного боевого пути доблестных воинов Красной, а затем и Советской, Армии, в ходе гражданской войны и затем проявив, показав себя как отважный, не знающий страха, не боящийся трудностей, верный славному своему командиру боец за советскую власть, беспощадный к ее врагам, дав, тем самым, пример для всех последующих поколений не только советских воинов, но и всех советских людей.

Буденовца правой части – как того, кто готов всегда поддержать, кто всегда начеку, в состоянии постоянной мобилизованности, на кого можно и нужно рассчитывать, кто представляет собой ту потенциально имеющуюся, находящуюся в состоянии кумуляции, сжатой

пружины, силу советских людей, которая есть порождением создаваемой, вызванной к жизни системы, будучи одновременно обеспечением, гарантией готовности для возможной реализации ее самой.

Челюскинца левой части – как того, кто, будучи участником первого рейса по Северному морскому пути на пароходе «Челюскин», в 1933-1934 гг. [ТСЯС], причастен к распространению, расширению, освоению пространства, к выходу советской державы к водам Северного Ледовитого океана, закреплению ее на этих своих рубежах, укреплению своей силы и мощи, причастен к возможности передвижения по этим морям, обеспечению связи, доставке грузов между портами и пр.

Челюскинца правой части – как того, кто, будучи первопроходцем, причастен к исходу, истоку, началу, выдвижению сил дальнейшего освоения водных, морских пространств далекого севера, его неисчерпаемых богатств и нераскрытых еще, не использованных возможностей.

Бамовца левой части – как того, кто, так же, как и *челюскинец*, но в ином отношении и иной связи, будучи участником всесоюзной стройки, причастен к распространению, расширению, освоению пространств, закреплению советской державы на самых дальних ее рубежах, укреплению ее силы и мощи.

Бамовца правой части – как того, кто, принимая участие в таком важном строительстве, как Байкало-амурская магистраль, причастен к укреплению и обеспечению безопасности, обороноспособности, технической и транспортной оснащенности советской системы, способствуя обеспечению надежности и сохранности, защищенности совместно осуществляемых для реализации ее достижений действий.

Различными по своему характеру и насыщению могут оказываться тем самым и представляющиеся парадигматическими ряды, в соотношениях для того и другого. Ряды левой части предполагают внутренние соотношения, отличающиеся по виду, смыслу и характеру от возможных парадигматических рядов правой части.

Первым таким рядом, включающим все или почти все значения причастности в ее проекции к советски представляемой истории, распределяя их по соответствующим местам первоисточка (1) и затем начала (2) с продолжением в подхвате (3), дальнейшем разворачивании (4), освоении (5), обеспечении (6) и закреплении в последующем (7) мог бы быть для левой части *искровец – авроровец – чапаевец (буденовец, щорсовец) – стахановец (бусыгинец, ипатовец, кривоносовец, злобинец, скоростник, многостаночник, пятисотник) – матросовец – целинник (покоритель целины, полярник, папанинцы, бамовец, турксибовец, метростроевец) – автомобилестроитель (комбайностроитель, кораблестроитель, хлебороб) – наследник Октября (внуки (революции, Ильича), внучата (Ильич), дети партии).*

Отмеченные в соответствующих позициях номинативные единицы следует воспринимать как не единственные и не полностью покрывающие представляемое ими место репрезентанты, в своих значениях к тому же большие, чем то значение позиции, которое они представляют, а потому способные вступать в другие соотношения. Другим таким рядом для левой части может быть парадигма ударничества: *ударник – стахановец – бусыгинец, ипатовец, кривоносовец, злобинец – скоростник – многостаночник – пятисотник*. Или ряд парадигмы первопродвижения (первооткрывательства, идущего впереди, ведущего за собой, в их распределении к проекциям данного смысла): *искровец, авроровец, революционер* (того или тех в советской истории, кто зажег, возбудил, понес первым факел, открыл, способствовал открытию новой страницы и новой эпохи) – *первопроходец* (того, кто первый, идет впереди, открывает, прокладывает пути для идущих следом) – *геолог-разведчик* (того, кто отважно, невзирая на трудности, открывает для родины необходимые залежи ископаемых, закладывает возможность их разработки) – *первоцелинник, покорители космоса (Вселенной)* (того, кто первым едет, отправляется осваивать новые рубежи) – *гайдаровец, тимуровец* (того, кто своим отношением к поручению, к делу, к людям, своим посвящением, заботой о старших, о младших, о слабых показывает пример остальным) – *челюскинец, полярник, папанинцы, метростроевец, турксибовец, бамовец* (того, кто, невзирая на суровые испытания, в трудных условиях Севера, далекой Сибири, полярного круга, под землей, прокладывает пути, одолевает, осваивает пространства для всех советских людей, для последующих поколений) – *новосел* (того, кто первым едет на еще не освоенные, не обжитые человеком места, смело включаясь в процесс их начавшегося, заданного строителями, первостроителями, освоения-обживания). Ряд парадигмы последователей, продолжателей, верных сынов (подхват заложенного в славном начале и развитие в не менее славном его продолжении): *авроровец, буденовец, стахановец, дедушка Ленин, революционер – продолжатель (гениальный, дела Ленина) – чкаловец – гайдаровец, тимуровец – дети партии, внуки (революции, Ильича) – внучата (Ильича) – правнук (Ленина)*. Или ряд парадигмы тружеников, создателей, строителей, тех, кто своим трудом обеспечивает создает народное благополучие, строит будущее: *ударник, стахановец, многостаночник, скоростник, первоцелинник – целинник, покоритель целины, новосел – сибиряк – автомобилестроитель, комбайнстроитель, кораблестроитель, хлебороб*.

Парадигматические ряды правой части, в соотношениях по пяти точкам выделенного для них развертывания, применительно к концепту-

ально-языковому представлению системы, могли бы выглядеть для некоторых слов-репрезентантов примерно следующим образом:

- ряд неуклонного победного движения вперед и вверх (от выстрела «Авроры» до освоения космоса): *авроровец – буденовец – чкаловец – матросовец – космонавт*;

- ряд революционного, преобразующего действия, воздействия (большевистского по своему происхождению) движения в создаваемой, продуцируемой им системе: *революционер – искровец – стахановец (многостаночник, скоростник) – первоцелинник (папанинцы, челюскинец) – наследник Октября*;

- ряд одоления, преодоления сопротивления, преград, победы над врагом, тому и тем, кто противится, создает препятствия, мешает: *чапаевец (щорсовец) – буденовец – чкаловец – матросовец – внуки революции*;

- ряд освоения, расширения, распространения создаваемого, включения в него все новых сфер: *первопроходец (первоцелинник, геолог-разведчик, полярник, челюскинец, папанинцы) – стахановец (бусыгинец, ипатовец, многостаночник, скоростник) – покорители космоса (Вселенной), целинник, покоритель целины, метростроевец – летчик, бамовец, турксибовец – внуки (революции, Ильича), внучата (Ильича), пятисотник, наследник Октября, новосел*;

ряд достижения участием, активным проявлением, трудом: *авроровец (искровец, революционер, первопроходец) – стахановец (ударник, бусыгинец, ипатовец, многостаночник, скоростник) – продолжатель (дела Ленина), целинник, метростроевец – летчик, бамовец, турксибовец, автомобилестроитель, комбайнстроитель, кораблестроитель, хлебороб – внуки (революции, Ильича), внучата (Ильича), наследник Октября, новосел*.

Возможны также и другие вписывающиеся в позиции пяти точек, по-разному соотносимые между собой, ряды, заполненные и не заполненные в номинативных единицах, такие, например, как ряд почина, начала новых отношений в новых, последующих поколениях, в молодежи, в детях, производимого ими преобразования в сознании людей (*гайдаровец, тимуровец – ... – дети партии – ... – внучата Ильича*) или ряд стальной закалки, твердости, выдержки, несгибаемости, свойственных советским людям (*чапаевец, полярник, папанинцы – ... – целинник, метростроевец – бамовец, турксибовец, сибиряк – космонавт*), или другой какой-нибудь не менее значимый и важный, но не пронизывающий собой всю парадигматику соотношений, ряд. Отношения между представленными и не представленными рядами могут быть включающими, параллельными, производящими, отношениями общего и частного, развития-подхвата, проекции к какой-то сфере и т.п. Парадигматическая их системность, обу-

словливая возможность проявления и развития того либо иного ответвления и частного, существует как концептуальная потенция, порождающая матрица сознания, мотивирующая и вписывающая все возможное в себя, далеко не обязательно при этом в составляющих элементах выражаемая, мало того, в номинативных единицах (= сгустках знакового и обозначенного смысла) воплощаемая далеко не полно, лишь какими-то представляющимися значимыми и/ли конденсирующимися репрезентантами. Парадигматическая системность – дискурсивна, посажена, вписана в производимый, продолжающийся, развертывающийся текст и контекст советского мировоззрения, советского общественного воспитания (воздействия) и его действительности. В совокупности целого, во всем его объеме она, эта системность, обнаруживает и воссоздает себя. Анализируемые номинативные, лексические единицы отображают, воплощают ее в себе лишь в самой малой части, концентрированными, мозаично рассыпанными в пространстве целого смысловыми сгустками осознаваемого, вводимого и объективированного в связи с этим восприятия.

Дальнейшее подразделение по точкам в левой и правой частях таблицы, с учетом сказанного и на основе выявляемой логики, могло бы выглядеть примерно следующим:

Левая часть таблицы

Начало (1)

- 1.1. *искровец* – 1.2. *авроровец* – 1.3. *буденовец*
- 2.1. ...
- 3.1. *первопроходец* – 3.2. *геолог-разведчик* – 3.3. *первоцелинник*
- 4.1. ... 4.2. *ударник* – 4.3. *стахановец*
- 5.1. ... 5.2. *революционер* – 5.3. ... 5.4. ... 5.5. *дедушка Ленин*

Правая часть таблицы

Выдвижение (1)

- 1.1. *искровец* – 1.2. *революционер*
- 2.1. *авроровец* – 2.2. *чапаевец* 2.3. ... 2.4. *щорсовец*
- 3.1. *первопроходец* – 3.2. *геолог-разведчик* – 3.3. *первоцелинник*
- 4.1. ... 4.2. *полярник* – 4.3. *челюскинец* – 4.4. *папанинцы*
- 5.1. ... 5.2. *гайдаровец* – 5.3. *тимуровец*

Позиции точек предполагают характер соотношений, который для приведенных номинативов может восприниматься в том смысле, что *искровец* левой части занимает позицию 1.1. для (1) как точка исхода в начале начала, тот, кто, как провозвестник, собой открывает все остальное, последующее; *авроровец*, соответственно, как мобилизующее, собирающее, вызывающее к жизни начало начал; *буденовец* – как ударная, направляемая сила (3) осуществления его (этого 1. для (1) – начало начала) достижения в отсутствующей, не выраженной отдельным и собственным номинативом (но имплицитно присутствующим), через поддержку, обеспечение в 4, в точке 5. Подобным же

образом следует воспринимать все последующее в представленной схеме. *Авроровец* – 2.1. для (1) правой части – как мобилизующего своим выступлением, сигналом, призывом, вызовом, зовом силы намеченного выдвижения; *чапаевец* – как того, кто своей готовностью, собранностью, решительностью (подвиг, готовность к подвигу, подвиг – как по-движение, следующее за выдвижением первой фазы), причастен к намеченному в 2. для (1) (мобилизации готовности в отношении задуманного начала) результату, обеспечением и поддержкой которого в точке 4 воспринимается *щорсовец* (победа в гражданской войне на окраинах и в тылах – Украина).

Левая часть таблицы

Подхват (2)

- 1.1. *продолжатель*
- 2.1. *гайдаровец* – 2.2. ... – 2.3. *тимуровец*
- 3.1. ... – 3.2. *ипатовец* – 3.3. ... – 3.4. *бусыгинец*
- 4.1. ... – 4.2. *матросовец* – 4.3. *чкаловец*

Правая часть таблицы

Собирание (2)

- 1.1. *буденовец*
- 2.1. *ударник* – 2.2. ... – 2.3. *ипатовец*
- 3.1. *стахановец* – 3.2. ... – 3.3. *многостаночник* – 3.4. *бусыгинец* – 3.5. *скоростник*

В соответствии с указанной логикой соотношений, учитывающей, хотя и не в полной мере, возможные парадигматические ряды, *продолжатель (гениальный, дела Ленина)* левой части таблицы может быть определен как начало начала в подхвате той системно важной, определяющей в известном смысле идеи, которая связывалась в общем советском сознании с именем Ленина как основателя партии и государства, действующий, точнее определяющий, открывающий своим указанием, руководством, вождем (*гениальный вождь*) системные действия всех остальных. В связи с такой его исключительной ролью последующие позиции ряда 1. для (2), видимо не случайно, оказались не занятыми. *Гайдаровца* левой части имело смысл отнести к позиции 2.1. в силу его ведущей, открывающей роли стоящего впереди, начинателя, для движения (*Гайдар шагает впереди*), видящего свою задачу в мобилизации, подготавливании, собирании будущих сил, т.е. сил, еще только мобилизуемых к действиям в будущем. По той же причине *тимуровца* возможным представилось отнести к проявлению в действии (забота о людях, помощь старшим, добрые дела, отмечающие это движение) того же мобилизующего по своему смыслу движения, что и в *гайдаровце*, но на последующей, в поддержке выхода, фазе. *Ипатовец* и *бусыгинец*, представляя собой проявления идеи подхвата почина в действии, соотносимы по признаку того, кто действует, используя метод, дающий эффект (ипатовский метод), т.е. мобилизует(ся) к выполнению, и того, кто вводит,

продолжает движение, начатое Стахановым, в автомобильной промышленности, как последователь А.Х. Бусыгина, поддерживая, обеспечивая, распространяя и расширяя начатое. *Матросовец* и *чкаловец* отнесены к 4. как защитники Родины, надежная опора, гарантия ее безопасности, повторив собой – подвиг (позиция 2) А. Матросова и направляемую силу ударного проявления в действии (позиция 3) В. Чкалова.

Логика правой части отображает идею движущегося проявления направленной силы от точки 1 в его выдвигении и исходе к точке 5 в своем завершении в достигнутом результате, осуществленном стремлении к нему. В связи с этим *буденовца* можно воспринимать как начальную точку, исход собирающего, мобилизующего начала в его воздействии на носителей советского языкового сознания. *Ударника* и *ипатовца* – как точки такой же мобилизации, собирания, в его исходе и действующем проявлении. Последующий ряд представляет собой отражение той же идеи мобилизации в действии в позициях к ее началу (*стахановец*), проявленной силе (*многостаночник*), обеспечению (*бусыгинец*) и результату (*скоростник*).

Левая часть таблицы

Расширение (3)

- 1.1.1. *чапаевец* – 1.1.2. *щорсовец*
- 1.2.2. *злобинец* – 1.2.3. *кривоносовец*
- 2.1. *полярник* – 2.2. *челюскинец* – 2.3. *папанинцы*
- 3.1. *летчик* – 3.2. *космонавт* – 3.3. *покорители космоса (Вселенной)*
- 4.1. *целинник* – 4.2. *покоритель целины* – 4.3. *бамовец* – 4.4. *турксибовец* –
- 4.5. *метростроевец*
- 5.1. ... – 5.2. *дети партии* – 5.3. ... – 5.4. *правнук Ленина*

Правая часть таблицы

Поддержка выхода (3)

- 1.1. *продолжатель*
- 2.1. *чкаловец* – 2.2. ... – 2.3. *злобинец* – 2.4. *кривоносовец*
- 3.1. *покоритель целины* – 3.2. ... – 3.3. *целинник* – 3.4. *метростроевец*
- 4.1. *покорители космоса (Вселенной)* – 4.2. ... – 4.3. ... – 4.4. *дети партии*

Согласно описанной логике левой части отнесение *чапаевца*, *щорсовца*, *злобинца* и *кривоносовца* к точке начала для расширения, связываясь с представлением их места в советской истории, предполагает далее, на следующем этапе, такое подразделение, которое учитывало бы идею прорыва, рвущегося в бой, стоящего впереди, образца героизма в отношении *чапаевца*, с тем же самым, но более в сторону твердой готовности биться и защищать, решительно собранной силы, для *щорсовца* – и, соответственно, мобилизованность в проявлении, применительно к тому же началу, отсюда подразделение к 1.2. – в сторону собирания к действию (злобинский метод подрядной работы) для *злобинца* и действия в действии, удво-

енной силы действия (инициатор повышения вдвое скорости грузовых поездов) для *кривоносовца*. Отнесение *полярника*, *челюскинца* и *папанинцев* к точке 2 раскрывает в порядке их ряда идею второго последующего в советской истории как подхвата внутри расширения, проявляющегося в готовности, мобилизации силы в точках ее начала, кумуляции и направления к действию. Позиции остающихся точек как проявления направленной силы (3), обеспечения (4) и достижения в результате (5) применительно к приводимым примерам, в силу того, что уже говорилось, и во избежание повторений, можно оставить без комментариев.

В отношении точек правой части хотелось бы еще раз обратить внимание на возможность и значимость соотношений, в силу описываемого парадигматического устройства, как по вертикали, в последовательности уровня предвещающего, инициального, открывающего (1) (2) (3) (4), для выражаемого (в данном случае) в *продолжателе* – *чкаловце* – *покорителе целины* – *покорителе космоса*, так и по горизонтали, уровня подхватывающего и развивающего, а потому и более внутреннего, для каждого из того, что следует в точках от вертикали. Пояснение их значений применительно к занимаемым и не занимаемым языковым материалом позициям мало бы что добавило к тому, что уже говорилось, а возможные сомнения и колебания в его размещении, предполагающие способность номинативов к смысловым поворотам и обращениям, не отменяли бы в целом наличия данных мест. В связи с чем позволим себе объясняющие их включения опустить. Поэтому эти, а также дальнейшие, не поясняемые, подразделения хотелось бы дать и представить как иллюстрирующий описываемую систему материалов, полагая, что механизм продвижения смыслов по уровням и позициям точек (по вертикали и в горизонтали) был показан, а значения вводимых в точки номинативов возможности предлагаемого разрешения (с учетом относительности и аспектуальности их советизированной семантики) не исключают.

Левая часть таблицы

Усиление (4)

- 1.1. ... – 1.2. ... – 1.3. *многостаночник* – 1.4. *скоростник*
- 2.1. *внуки (революции)* – 2.2. *внуки (Ильича)* – 2.3. ... – 2.4. *внучата (Ильича)*
- 3.1. *кораблестроитель* – 3.2. *комбайностроитель* – 3.3. *автомобилестроитель* – 3.4. *хлебороб*

Правая часть таблицы

Обеспечение (4)

- 1.1. *матросовец*
- 2.1. *турксибовец* – 2.2. ... – 2.3. *бамовец* – 2.4. ... – 2.5. *хлебороб*
- 3.1. *летчик* – 3.2. ... – 3.3. ... – 3.4. *сибиряк*
- 4.1. ... – 4.2. ... – 4.3. ... 4.4. ... – 4.5. *дедушка Ленин*
- 5.1. *автомобилестроитель* – 5.2. *комбайностроитель* – 5.3. *кораблестроитель*

Левая часть таблицы

Закрепление (5)

2. наследник Октября
3. пятисотник
4. сибиряк
5. новосел

(В силу небольшого числа единиц в этой части возможным представилось показать их в соотношениях по вертикали, без отнесения к точкам горизонтали, поскольку нет соответствий, позволяющих их каким-либо образом уточнить; то же самое следует отнести и позициям достижения результата для правой части таблицы)

Правая часть таблицы

Достижение результата (5)

- 1.1. внуки (революции, Ильича) – 1.2. правнук (Ленина) – 1.3. ... – 1.4. внучата (Ильича)
2. наследник Октября
3. космонавт
4. пятисотник
5. новосел

Причастность системе как семантический признак рассматриваемого параметра характеризуется той особенностью, что, помимо указанных свойств соответствующей отнесенности, ее отличает некая внутренность приспособления, втягивания, включения, подключения к единицам, часто не в языке, а в употреблении, в речи и тексте, дающая себя ощутить. Свойскость, восприятие говоримого в устном и письменном воплощении как отмеченное свое, не всегда принимаемая сознанием, не распознаваемая в нем как советскость, как признак, делающий его таковым, эта свойскость при этом себя нередко явно не обнаруживает. Система представлений, типичная для советского мировосприятия, мироощущения и, тем самым, мировоззрения, действует как бы отдельно от слов, присутствуя, имеясь в сознании до и после употреблений, лишь втягивая их в орбиту, в поле какого-то действия, заряжая и намагничивая, подчиняя себе, наслаиваясь на их семантику, встраиваясь в нее. Вопрос о действии этой системы внутренних ощущений и представлений достаточно сложен в своей объясняющей полноте, необходимой для цельного описания. Система, будучи внутренней, органично присутствует в тексте, управляя им и организуя его в самых разных регистрах, формах и отношениях. Необходимо, видимо, полное представление объявленной и описанной в своем целом системы для того, чтобы с убеждающей очевидностью можно было судить о том, где, каким образом и конкретно в чем она проявляет себя для высказывания. Причем проявленность эта будет множественна как в отношении способов подключения, так и средств, их оттенков, степени релевантности, эксплицитности, уровня погруженности на глубину, вида, характера концептуального и референциального отнесения к внешнему либо внутреннему – объектам действительности, знанию, опыту. Как таковая, она предстает органично встроенной, неотделимой по своему

существу от содержащего ее в себе речевого вербального воплощения. Не замахиываясь поэтому на осознаваемую сложность ее отделения от выражаемого в форме, только для иллюстрации отмеченных ранее в отношении причастности особенностей, с целью их отличия от тех, которые будут свойственны находящейся к ней в паре поставленности, как признаку внешнего подключения и потому более явному, можно было бы показать отражение характеристик, связываемых с причастностью, на примере внешне почти никак себя не проявляющего типично советского употребления. Рассматриваемый далее пример можно было бы определять в указанном отношении, хотя и с известными оговорками, как любой и случайный, немотивированным образом цепляющий своей какой-то внутренней, а потому и представившей интерес для данной задачи советскостью. Именно тем, что можно было бы формулировать как свойство причастности, но не для лексических единиц языка советской действительности (как в описываемой парадигмостеме), а в отношении текста и словоупотреблений. Оознавательным свойством определяемой причастности советской системе было выведено особым образом переплетающееся, замещаемое соотношение признаков, охарактеризованных как революционность (прорыва, прерывания, прерывания, обрывания с прежним, отказ от него и выход к новому в **абрупттиве**) и нелегитимность (присваивания, освоения не (при)надлежащего, приписывания его себе, выдавание за свое, положенное и надлежащее, связываемые с необходимостью подтверждения данного права в **аффирмативе**, что можно рассматривать также как следствие скрытого социальностного **дезацептива** – боязни общего, со стороны авторитетов и окружения, непризнания, неодобрения, неуверенности, страха быть исключенным, отвергнутым ими, требующие, предполагающие необходимость компенсаторных следствий и проявлений).

Понимаемую таким образом «революционно-нелегитимную» заряженность речевого и текстового употребления можно было бы определять как его «советскость» в ее отношении к причастности советской системе. Попробуем увидеть ее отражение на следующем примере, взятом из МАС (т. II, с. 224):

Алька сказал, что у него на квартире собираются ребята – бывшие одноклассники, что-то вроде мальчишника – поболтать, отчитаться друг перед другом, кто кем стал. Щербановский, Ловцы трепангов.

Советский, советской действительностью создаваемый и ощущаемый, контекст проявляет себя в самых различных признаках и сторонах приведенного предложения (= сообщения), в органике его целого, поэтому отделение, отсечение от нее в какой-то разумной последовательности чего-то одного, а затем другого, третьего и дальнейшего впечатления общего не

передает. Такое отделение понадобится для аналитической по своему замыслу иллюстрации, заключающейся в поиске вероятных, способных себя проявить показателей охарактеризованной революционно-нелегитимной причастности. И, что не менее важно, показатели эти, действуя в своей совокупности в советизированном поле-ключе, в других контекстах и употреблениях, не заряженных советской причастностью, сочетаясь, организуясь иначе, в каком-то ином задаваемом тоне и смысловом повороте, могут быть показателями чего-то другого, каких-то иных, не советских, характеристик и свойств. Эти различия их, смысловые и тоновые, однако, не будут входить в решаемую задачу. Ограничимся поиском и определением их для формата характеризуемой причастности.

Алька сказал – Ванька сказал – Маслов сказал – Иван Иваныч / Иваныч сказал – Леня сказал – Саша сказал – Шурик сказал – Федор сказал... Каждый из приведенных примеров введения какого-то далее следующего за этим развития представляется заряженным в отношении возможной, предполагаемой как типовая, в том числе и для советской действительности, коммуникативной среды. Эта среда может быть производственной, компанейской, внутрисемейной, родственной, приятельской, дружеской и т.п. Не будем входить в обусловленности того либо иного выбора, ограничившись указанием на то, что форма личного имени *Алька* в наибольшей степени тяготеет к возможному, заключаемому в ней представлению о компанейской свойскости, близости, свойственности, принадлежности кругу ровесников – молодых парней и девчат, с их представлениями об отделяющем их от других, от старших, от окружения, собственным кодексом (= кодом) поведения и отношений, между собой, друг к другу, в своем кругу, равно как и вне его. Указанная черта может быть охарактеризована, минуя свои опосредования, как проявление абруптива, т.е. того, что было определено как признак советской системной революционности. В общем контексте знаковым представляется слово *сказал*, могущее быть воспринятым как проявление, признак авторитетности утверждения, его неотменимости, несомненности – *сказал*, и все тут, как точку поставил. Совсем другие могли бы возникнуть оттенки, если бы он *сообщил, рассказал, пояснил, говорил, объяснил* или *Как я узнал от Альки*. Это *сказал* в продолжающемся далее контексте вписывается в органику свойств проявления аффирматива – необходимости утверждения, подкрепления надлежащего права, в данном случае на то, что свое (*у него на квартире*), чем он способен, может, вправе распоряжаться, о чем открыто и прямо заявлять и судить. И, в связи с этим, как продолжение аффирматива, поскольку *его, у него на квартире* и *собираются* – квартира эта, что подчеркивается, его (хотя может быть и

скорее всего родительская, но в этом и состоит аффирмативный смысл представляемого), а потому он и вправе, в утвержденном и заявляемом, *сказанном*, праве, может на ней, по своему вызову и желанию-выбору, кого-нибудь собирать. *Собираются ребята* – сбор, собиранье, собрание, слет, съезд, коллективность и *на квартире (у кого-то) собираться*. И то и другое можно было бы рассматривать как признаки революционности и абруптива – «конспиративности собрания», отделенного, отделяющего, обособляющего(ся) от других, только свои, для своих, и в этом отделении вместе действующие и думающие, как группа, молодые, юные, ровесники, единомышленники, мальчишки, мужское посвященное инициальное свое. *Бывшие* и *одноклассники*, без долгих объяснений 'бывшесть' и 'одноклассничества', 'школы' (школьных годов, учения, обучения, пионерии, комсомолии, школьничества, школьного товарищества, школьной дружбы, школьной ностальгии, связываемой с «бывшестью» как тем, что когда-то и забываемо было и чего на всю последующую жизнь остается, отпечатывается, дает себя почувствовать неизгладимый след – *учительница первая моя* и пр.), – в отношении советски значимых и знаковых знаний-представлений эти *бывшие* и *одноклассники* ложились бы тем самым в ряд «революционности» и абруптива. *Что-то вроде мальчишника* – как не до конца, не в полной мере акцептируемое, воспринимаемое и одобряемое советское свое, а потому требующее оправдания в этом *что-то вроде* (аффирматив) и неизбежно следующего за этим абруптива самого *мальчишника*, как «революционного», переворачивающего, отрывающего, обрывающего от других и от того, что было, наступило после состояния *бывшего*, противопоставления себя, своего мужского общества и коллектива, собрания посвященных и друг с другом связанных (общими воспоминаниями, школьной дружбой как объединяющей и отделяющей их в абруптиве деятельности). *Поболтать* и *отчитаться* – такое же контрастное соединение абруптива в *поболтать*, с подчеркнуто несерьезным, отделяющим от всего остального и серьезного, в своем кругу, внешне выглядящим пустым, времяпрепровождения в болтовне, возможно камуфлирующей для других, скрывающей от посторонних глаз-ушей что-то непонятное для них свое, и аффирматива в *отчитаться* – советски заряженном и определенном, предполагающем необходимость постоянного (само)оправдания и доказывания своих способностей, своих возможностей, претензий, прав, как следствия сомнений в них, общественного наблюдения и постоянного контроля. Ср.: *отчитаться – перед обществом, перед (советскими) людьми, перед самим собой, перед товарищами, перед (всем) собранием, перед родной (которая тебя вырастила, дала обра-*

зование, воспитала), в своих делах, в совершенном, достигнутом и т.п., – необходимость отчета, внутреннего самоотчета, (постоянного) самоконтроля, как апологетическая необходимость и неизменно следствие нелегитимности, точнее, внутренне нелегитимизированного, а потому имплицитного, но беспокоящего, будоражащего, тревожащего, постоянного самооправдывающего(ся) определения себя как такового и себя в кругу и в окружении других. Показательно при этом не случайное в начале *поболтать*, переходящее в контекст-синоним *отчитаться*. Не просто *поболтать*, так только выглядит, что *поболтать*, поскольку *поболтать* для советских – это слишком мало и далеко не все, и не так просто, и мало ли что за этим всем (ср.: *болтун находка для шпиона, хватит болтать, пора работать* и т.п.). Поэтому еще в этом *поболтать* должно быть что-то важное и большее, чтоб оправдать, как в *отчитаться*, тем самым показав другим, и *друг перед другом* (как перед совестью и теми, кто тебя знает, знал, был близким – аффирматив в абруптиве), кто ты и что ты и *кто кем стал*. В этом *кто кем стал* – кем быть и кто есть кто – также ощутим, видим, наглядно воплощаем советский аффирматив, необходимость убедить других и доказательства. Своего определения во времени, в последующем после бывшего (т.е. отношение к будущему и в настоящем прошлом), необходимости определения и доказательства себя в кругу своих, своего места среди них и сознательности состоявшегося выбора – с кем ты, за кого ты и, следовательно, *кто ты*: свой или не свой, советский или контра, надежен или нет (*кто не с нами, тот против нас* – революционность и абруптив).

Если бы все сказанное в анализируемом предложении было оформлено иначе, скажем, хотя бы для примера так: *Алек (Саша) сказал, что он у себя на квартире устраивает встречу (вечеринку, сборище, сабантуй(чик), собирается компашка) – придут те, кто с ним учился, такой вечер, только в мужской компании, поговорить, повспоминать, рассказать о себе, о своих успехах.* (или как-нибудь еще), – то представленных в разборе аффирмативов-абруптивов обнаружить вряд ли бы удалось. Таким образом, не факт, не событие, а его оформление, представление в высказывании делают их ощутимо, значимо советскими, советизированными, и в этом внутреннее свойство анализируемой причастности системе.

Поставленность, как семантическое проявление параметра, ведет себя иначе. Ее признаки связываются с внешним отношением к системе, функционирование которой обуславливается наличием определенных мест, назначением, направлением к которым, откомандированием с наделением соответствующими полномочиями и обязанностями осуществляет-

ся, обеспечивается ее работа, необходимое, желательное, требуемое, задаваемое (извне и сверху) движение в ней. Лицо, обозначаемое той или иной номинативной единицей, предполагающей либо допускающей отнесение ее к поставленности, следует рассматривать как место назначения, место поставления в системе, позицию, способную, в соответствии с пятью предложенными точками, оказаться тем, что обеспечивает 1) включение в систему либо включение системы, как правило, ее какой-то части, вход, запуск, начало движения, предвидимого для занимаемой им позиции; 2) мобилизацию готовности, организацию, собрание, кумуляцию сил предполагаемого состава; 3) поддержку выхода направляемых на достижение цели сил, ее возможное осуществление в действии; 4) обеспечение надежности, сохранности, защиты производимого движения, а также сил и средств его осуществления; 5) достижение результата, осуществление, получение, обладание достигнутым. Поставленный к месту действует, как правило, не сам, организуя, направляя, собирая тех, кто, собственно, и производит действия, кто призван, предназначен, избран к этому. Система, таким образом, действует и проявляет себя в действии как организуемая конструкция работающих человеческих объектов, подлежащих обуславливающим достижение стоящей перед ними (ставящейся) цели и направляющим их к этому, формирующим со стороны поставленного лица, воздействиям.

Трудность и неоднозначность отнесения номинатива к точке связывается с невозможностью выбора в целом ряде случаев ведущей функции как определяющей для занимающего позицию лица. В связи с чем распределение единиц будет иметь характер допускаемо условный, через соответствие к позициям других. При этом позиции этих взаимодействующих других следует воспринимать не в непосредственно прямом, а в опосредованном и смещенном отношении, поскольку в представляемых номинативах невозможно выводить цепочку некоего одного движения в системе. Движение это следует воспринимать как общее, единое в цепи совместного стремления к цели. Иначе говоря, слова, к примеру, *генсек*, или *группкомсорг*, или *завкадрами*, равно как и другие, не должны, не могут и не будут соотноситься с обозначениями тех, кто входит, в условиях реальности, в область совместного с ними, осуществляемого в единой деятельности, профессиональной сфере общего движения. Над кем стоит *генсек*, кем руководит, кого организует *группкомсорг*, кто взаимодействует, сотрудничает с ними, развивая, направляя задаваемое ими движение, этих лиц, ни в их отдельности, ни в совокупности, номинативы не отражают. Тот и другой, тем самым, как и все прочие, выступают обозначениями ролевых позиций к целому для всей системы. На этой основе по-

этому их следует выводить и так же воспринимать в структуре описываемого параметра.

Для постепенности представления, в целях его обозримости, возможные для описания уровни и подуровни покажем не одновременно, а в предполагаемой последовательности.

I. Вход, включение в систему, открывание, запуск движения:

генсек, главный (конструктор космических кораблей), *зам, заместитель, замзав, зампред, командарм, командир, комбат, комбриг, комзавода, комдив, комкор, комполка, комроты, комзэк, комзэска, первый* (руководитель), *староста*

II. Собрание, кумуляция сил дальнейшего проявления, мобилизация готовности:

агроуполномоченный, двадцатипятилетиячник, группкомсорг, группорг, завклубом, завлит, завуч, замполит, куратор, ответсек, оторг (ответственный организатор), *партгруппорг, партторг, пионервожатый, проректор, профгруппорг, профорг, профорганизатор, профуполномоченный, спортторг, физорг*

III. Поддержка выхода направляемых на достижение сил, их возможная реализация в действии:

возвращенец («Тот, кто возвращается из города в сельскую местность, чтобы жить и работать там.» [ТСЯС]), *вожатый-производственник, дежурный, инструктор, клубный работник, кружковод, пионер-инструктор, поллитбоец, поллитинструктор, поллитинформатор, продовольственник* (член продотряда), *санитар, секретарь, технорук, техред, физрук, худрук*

IV. Обеспечение надежности, защиты, поддержки выхода направляемого к достижению движения сил:

вохровец, домоуправ, домоуправляющий, завгар, завкадрами, завхоз, завэтажом, классный, классрук, особист, паспортистка, помдеж, помкомзавода, помнач, помощник, помполит, продкомиссар, райпродкомиссар, управделами, управдом, чекист

V. Достигнутое, его охват, обладание, осуществление, получение результата:

депутат, заседатель (народный), кавторанг, нарком, начдив, политком (комиссар), поллитпросвет (работник), поллитпросветработник, поллитпросветчик, поллитработник, полпред, предгориспокома, предзавком, предисполкома, предправления, председатель, предсельсовета, предсовнаркома, предсовнархоза, предфабкома, судья (народный), трибуналец

Сомнения в обоснованном отнесении к соответствующим позициям могут вызвать номи-

нативы, стоящие в общем ряду, однако внешне и внутренне в своей семантике между собой не согласующиеся. Так, к примеру, не слишком оправданным может выглядеть в группе включения (I) совмещение таких единиц, как *генсек, главный, командарм, командир, первый*, с одной стороны, и *зам, заместитель, замзав, зампред*, с другой, с добавлением к этому *старосты* (сельского, деревенского, как управляющего, и школьного или вузовского, как ответственного за дисциплину и распорядок). При всей условности и относительности предложенного подразделения хотелось бы вместе с тем обратить внимание на то, что позиция предполагает не должность и социальный статус, а место в действующей системе, т.е. ее запускающую в данном случае роль. С этой точки зрения позиция генерального секретаря, обеспечивающего, задающего начало движения, мало чем отличается по своему существу от такой же задающей начало движения роли, пусть и второго по своему положению и значению по сравнению со стоящим первым над ним, заместителя, зампреда, зама, выполняющих на отведенном участке системы такую же задающую, запускающую ход движения роль. Различия между ними, достаточно уловимые, можно было бы определять в связи с этим как различия последующих уровней.

Таковыми последующими 2 представляющимися достаточными для описания уровнями могли бы быть уточнения а) роли поставления, связываемой с позицией-местом, и б) степени активности участия, вхождения в действие, втягиваемых в сферу задаваемой местом роли, предполагаемых для него и осуществляемых, реализуемых не самим поставленным лицом, а теми, над которыми или к которым он поставлен.

Роль поставления применительно к ее актуализации в условиях описываемой действительности могла бы представляться в следующих отношениях:

1) решающий, определяющий, задающий, располагающий исходным, распорядитель, расставляющий, поставляющий (поставщик) задания – диспонент²;

2) проводящий, наблюдающий, курирующий, разводящий – своего рода мобилизатор;

3) ответственный за исполнение;

4) обеспечивающий реализацию;

5) сводящий в результат, охватывающий, синтезирующий, собирающий.

По степени участия (вхождение в исполнение, связываемое со сферой роли представляется) возможным выделить:

1) устанавливающего;

2) приделывающего;

3) включаемого (включенного) в исполнение;

4) отвечающего за производимое;

5) приставленного к результату.

Исходя из представленного различения ролей вход, включение в систему, тех, кто производит запуск (1), можно было бы подразделить на последующем уровне в таких соотношениях:

1. *генсек, первый, комдив*;
2. *зам, командир, комкор, комэск, комэска*;
3. *главный, зампред, комбат, комполка*;
4. *замзав, командарм, комбриг, комроты*;
5. *заместитель, староста, комзвода*.

Ряды образуют представления о лицах, точнее, занимаемых ими позициях, которые, связываясь с некоей идеей, на основании более или менее не противоречащих ей ассоциативных впечатлений, допускают или же предполагают ту либо иную соответствующую позиции проекцию. Тем самым, *генсек, первый, комдив* воспринимаются как те, кому свойственна, советским языковым сознанием и знанием действительности предписывается, роль стоящего над всеми и за всем – что делается, должно производиться, от кого зависит, но не осуществление (в точке 3), не разделение ролей (в точке 2) для исполнения, а само исходное, запуск, вворачивание в ход того и тех, кто далее, затем, на следующем шаге разделяет, распределяет роли для дальнейшего за этим исполнения. Это вворачивание в ход, инициирование через посредство выстраивающихся в поэтапный ряд посредников предназначаемой к исполнению, стремящейся по замыслу к финитной цели, деятельности, в приведенных единицах следовало бы понимать не столько как условно с ними соотносимое, сколько как такое, которое воспринимается как свойственное им более других и по сравнению с другими. Таким же образом интерпретировались бы и все прочие примеры. Иначе говоря, *генсек* понимался бы как тот, кто (пред)определяет и от кого зависит – последующее и направленное, направляемое другими к исполнению и достижению финитной цели, осуществляемое, реализуемое совместное движение масс трудящихся, советских организаций, предприятий, коллективов. Не важно при этом, как в данном, так и другом каком-то случае, действительно ли это так или он только ширма, компромисс, игрушка для какой-то группы, не вполне или совсем не самостоятельный итог каких-то политических условий, внутривнутрипартийных и прочих обстоятельств, важно, что он такой для представления, концептуального и языкового впечатления о нем. Аналогично *первый* и *комдив* воспринимались бы как те, для советского языкового знания и представления, кто проявляют себя в сфере отводимого им действия таким же образом, над которыми (в принятии соответствующих решений) никто не стоит, кто сам решает, и запускает все последующее, и разводящим, распределяющим в дальнейшем роли (в точке 2) их роли и затем положенное, причитающееся им по их заслугам раздает.

Отнесение номинативной единицы к точке может связываться как с более или менее ус-

тойчивым характером сложившихся о называемом представлений, так и с возможным, предполагаемым смещением акцентов в представлениях о нем. Так, *командир, главный, комбат, комполка, командарм, комбриг, комроты, староста, комзвода* были распределены по соответствующим местам исходя из первой названной причины, а *зам, комкор, комэск, комэска, зампред, замзав, заместитель* – из второй. *Командир* тем самым воспринимается как лицо, тяготеющее по своей роли к значениям точки 2 – организующий, мобилизующий в своих подчиненных готовность к действиям, подвигающий их на задание, как тот, кто в первую очередь разводит и раздает, чем что-то другое, в приделенной ему по его командирскому положению сфере. *Главный* (конструктор), а с этим *комбат, комполка*, эту роль свою для своего положения определяют прежде всего в контексте ответственных за исполнение подчиненными уже приделенных, спускаемых сверху, назначаемых кем-то заданий. *Командир*, согласно имеющимся о нем представлениям, обладает более разнообразным и множественным, по сравнению с этими тремя последующими, полем руководящей деятельности, воспринимаясь как стоящий над подчиненными в менее предопределенном контексте, командующий ими в отношении как придаваемых заданий, так и возможного выбора их исполнения. В то время как *главный, комбат, комполка*, в первую очередь, предполагают связь, отношение к заданию, и в нем, как наделенные соответствующей ответственностью, должны проявлять свою руководящую роль, будь то конструирование космических кораблей для *главного* или задачи, стоящие перед полком, батальоном, для двух последующих.

Аналогичным образом *командарм, комбриг, комроты* можно было бы, опираясь на те же типичные о них представления, интерпретировать в первую очередь как тех, кто обеспечивает реализацию порученного задания, гарантирует осуществление его со стороны подчиненных. И производит это на самом выходе, почти что в конечном его результате, при достижении, что неизбежно включает в себя значения предыдущих точек (прежде всего 3 и 2), концентрируясь, однако, на точке обеспечения выхода (4). Соответственно *староста* и *комзвода*, как отвечающие за все и про все, собирающие и отчитывающиеся, синтезирующие самые разные стороны поручаемой деятельности, отвечающие в целом за общее состояние группы и взвода, те, кто ближе других к своему коллективу, – тяготеют по этой причине к вбирающей все это точке 5.

Касаясь вопроса, скорее, акцентов, чем собственно представлений, заложенных в обозначаемом, с учетом знания, актуализируемого к советской действительности, хотелось бы рассмотреть представляющуюся несущественным в семантическом отношении различие

эквивалентных обозначений типа *зам*, *зампред*, *замзав*, *заместитель*, с одной стороны, и не слишком активных в употреблении *комкор*, *комэск*, *комэска*, с другой (в этом втором ряду два последних обозначения также и эквивалентны, но, в силу их неактивности их различие имело бы смысл производить на последующем уровне). *Зама*, в силу его динамичности по сравнению с полной формой (*заместитель*) и обобщенности по сравнению с двумя другими, можно было бы воспринимать как тяготеющего к точке мобилизующего (2). Соответственно, *заместителя*, в силу его большей солидности, обстоятельности, предполагаемых в полном обозначении, имело бы смысл относить к позиции синтезирующего, охватывающего, включающего и сводящего, отвечающего за все (5). *Зампред* и *замзав* тогда бы распределились по точкам 3 и 4 как для себя акцентирующим – ответственного за исполнение, придающего направление, определяющего возможные действия (*зампред*) и более близкого к реализации, гарантирующего, обеспечивающего ее (*замзав*). Меньшая по сравнению с другими активность для языка советской действительности названий *комкор*, *комэск* и *комэска* предполагала бы, в данном случае, отнесенность их, скорее, к точке мобилизации (2), как определяющей смысл руководства, осуществляемого на месте, начальника, над которым кто-то имеется, сверху стоит, т.е. начальника как разводящего, мобилизатора и проводника, без знания уточняющих представлений о роли.

С учетом предполагаемой степени проявления дальнейшее подразделение в пяти позициях запускаящего (I) можно было бы выстроить следующим образом:

1. задающий, располагающий – диспонтент:
 - 1.1. *генсек* (в позиции устанавливающего);
 - 1.2. *первый* (в позиции приделывающего);
 - 1.3. *комдив* (в позиции включенного в исполнение);
2. проводящий и разводящий – мобилизатор:
 - 2.1. *командир* (устанавливающий);
 - 2.2. *комкор* (приделывающий);
 - 2.3. *комэск* (включаемый в исполнение; относимый к позиции 3 как более активный и динамичный в означаемом по сравнению с обеспечивающим, надежным, гарантом осуществления в непосредственно-разговорном *комэска*);
 - 2.4. *комэска* (отвечающий за производимое);
 - 2.5. *зам* (приставленный к результату);
3. отвечающий за исполнение:
 - 3.1. *главный* (устанавливающий);
 - 3.2. *зампред* (приделанный и приделывающий);
 - 3.3. *комбат* (включаемый в исполнение);
 - 3.4. *комполка* (ответственный за производимое)

(отличие между *комбатом* и *комполка* укладывается тем самым в представление о большей заряженности динамичностью и близости к действию, полю военных действий для первого и большей ответственности за совершаемое, за достигаемый всем полком результат, за обеспечение активного, действенного состояния вверенной его командованию войсковой единицы для второго);

4. обеспечивающий реализацию:
 - 4.1. *командарм* (устанавливающий);
 - 4.2. *замзав* (приделанный и приделывающий);
 - 4.3. *комроты* (включаемый в исполнение);
 - 4.4. *комбриг* (ответственный за производимое);
5. собирающий, синтезирующий, охватывающий:
 - 5.2. *заместитель* (приделывающий);
 - 5.3. *комвзвода* (включаемый в исполнение);
 - 5.4. *староста* (отвечающий за положение дел).

Внутренние и не случайные соотношения между уровнями и по уровням таких единиц, как *генсек* (1.1.) – *командир* (2.1.) – *главный* (3.1.) – *командарм* (4.1.) или *первый* (1.2.) – *зампред* (3.2.) – *замзав* (4.2.) – *заместитель* (5.2.); *комдив* (1.3.) – *комэск* (2.3.) – *комбат* (3.3.) – *комроты* (4.3.) – *комвзвода* (5.3.); *комэска* (2.4.) – *комполка* (3.4.) – *комбриг* (4.4.) – *староста* (5.4.), равно как и другие возможные и выводимые на основе позиций, могут рассматриваться как парадигматические. Предполагающие, иными словами, развертывание, а с ним динамику и корреляции распределяемых представлений чего-то общего, какой-то собирающей идеи советского поставления к системе. Той идеи, которая реализует, отображает себя в согласующихся структурах и композитах руководящих, начальствующих позиций-ролей, ставящихся в начало, к началу действия, имеющего свое продолжение в последующем как в неуклонном и обязательном для всех стремлении к общей, объединяющей их всех, финитной цели.

Подразделение единиц для группы мобилизации (II), с учетом представления о выполняемой функции, на следующем уровне можно представить примерно следующим:

1. *пионервожатый*, *проректор* (позиция определяющего, располагающего исходным);
2. *группорг*, *замполит*, *партагруппорг*, *парторг* (позиция разводящего);
3. *агроуполномоченный*, *завлит*, *ответсек*, *оторг*, *профуполномоченный* (позиция ответственного за исполнение);
4. *двадцатипятидесятник*, *завклубом*, *завуч*, *профгруппорг*, *профорг*, *профорганизатор*, *спорторг*, *физорг* (позиция обеспечивающего реализацию);
5. *группкомсорг*, *куратор* (позиция синтезирующего, сводящего в результат).

Наиболее представительной в этом ряду оказалась позиция обеспечивающего реализацию (4), что можно связывать с особенностями группы мобилизации, собирания сил для дальнейшего проявления. Мобилизация, подготовка, собирание, организация тех, кому предстоит назначаемое исполнять, концентрируется в первую очередь для поставленного, приставляемого к этой роли лица, на необходимость обеспечивать, гарантировать совершение. В то время как роль задающего, определяющего задания (1), а также охватывающего, сводящего в результат (5) для кумулятивной группы оказывается в целом не свойственной, в связи с чем отнесение к этим позициям номинативов имеет характер соотносительный, представляемый в отношении к другим. По этой причине *пионервожатого, проректора* следовало бы воспринимать в первую очередь как руководителя, лицо, занимающее определенный начальственный пост, иными словами, скорее, по должности, чем по характеру выполняемых обычно функций, как отвечающего и отчитывающегося, того, с кого спрашивают и на которого возлагают обязанности. *Группкомсорга, куратора*, соответственно, как отвечающего за все и про все, роль которого состоит в собирании и охвате, необходимости ориентироваться и вмешиваться, входить, вникать во все. Таким же образом, в его ролевом, должностном, исполнительном, партиципаторном, развороте можно было бы интерпретировать каждого, с учетом закладываемых, не до конца, нередко намеренно, оформляемых, приделаемых, назначаемых функций в не всегда очевидных и явных различиях и оттенках, с тем чтобы поставляемый был ответственным потенциально почти за все и у начальства имелась возможность спрашивать и находить, кому надлежит быть готовым на этот их спрос отвечать. Относительность выводимых в акцентах отличий у функций поэтому, следовало бы рассматривать и определять как валентностно-парадигматическую, а сами отличия – как соотносительные, наблюдаемые и воспринимаемые в сопоставляемых по позициям отношениям друг к другу.

Дальнейшее подразделение в пяти позициях группы II могло бы быть следующим:

1. определяющий, располагающий исходным:

1.4. *пионервожатый* (отвечающий за производимое);

1.5. *проректор* (приставленный к результату);

2. мобилизующий, разводящий:

2.2. *парторг* (приделяющий);

2.3. *группорг* (включаемый в исполнение);

2.4. *партгруппорг* (отвечающий за производимое);

2.5. *замполит* (приставленный к результату);

3. ответственный за исполнение:

3.1. *профуполномоченный* (устанавливающий);

3.2. *завлит* (приделяющий);

3.3. *ответсек* (включаемый в исполнение);

3.4. *оторг* (отвечающий за производимое);

3.5. *агроуполномоченный* (приставленный к результату);

4. обеспечивающий реализацию:

4.1. *завклубом* (устанавливающий);

4.2. *завуч* (приделяющий);

4.3. *двадцатипятитысячник* (включаемый в исполнение);

4.4.3. *физорг* и 4.4.5. *спорторг* (отвечающие за производимое, с акцентом к включению в исполнение для одного и приставленности к результату для другого);

4.5.2. *профорг*; 4.5.3. *профгруппорг*; 4.5.4. *профорганизатор* (приставленные к результату, с отличием, относимым к контекстам употребления, которое, при учете его типичной привязанности, может быть определено в отношении большей нацеленности на функцию кумуляции (2) для первого, на функцию партиципации (3) для второго и функцию отвечающего (4) для третьего);

5. позиция синтезирующего, сводящего в результат:

5.1. *группкомсорг* (устанавливающий);

5.4. *куратор* (отвечающий за производимое).

Подразделение единиц остающихся групп поставленности, с учетом сказанного о соотношениях и акцентных различиях, можно было бы дать как возможную иллюстрацию, без дальнейшего объяснения позиций и предлагаемых номинативных выборов, что немного бы добавляло к производимому описанию.

III. Поддержка выхода направляемых сил:

1. *политбоец**, *политинструктор*, *секретарь***, *технорук*;

2. *вожатый-производственник*, *инструктор*, *пионер-инструктор*;

3. *клубный работник*, *кружковод*, *техред*;

4. *возвращенец*, *дежурный*, *санитар*, *физрук*;

5. *политинформатор*, *продовольственник*, *худрук*.

* Коммунист, направленный на политическую работу в армию [ТСЯС].

** Выборной руководитель партийной, комсомольской и других общественных организаций [ТСЯС].

1. задающий, расставляющий, поставляющий:

1.1. *секретарь* (устанавливающий);

1.2. *политинструктор* (приделяющий);

1.3. *технорук* (включаемый в исполнение);

1.4. *политбоец* (отвечающий за производимое);

2. мобилизующий, организующий:
- 2.2. *инструктор* (приделяющий);
- 2.4. *пионер-инструктор* (отвечающий за производимое);
- 2.5. *вожатый-производственник* (приставленный к результату);
3. ответственный за исполнение:
- 3.2. *клубный работник* (приделяющий / приделенный);
- 3.3. *кружковод* (включаемый в исполнение);
- 3.4. *техред* (отвечающий за производимое);
4. обеспечивающий реализацию:
- 4.1. *физрук* (устанавливающий);
- 4.3. *возвращенец* (включаемый в исполнение);
- 4.4. *дежурный* (отвечающий за производимое);
- 4.5. *санитар* (приставленный к результату);
5. синтезирующий, собирающий:
- 5.1. *политинформатор* (устанавливающий);
- 5.2. *худрук* (приделяющий);
- 5.3. *продовольственник* (включаемый в исполнение).

IV. Обеспечение надежности направляемого движения сил:

1. *домоуправ, домоуправляющий, завгар, управдом*;
2. *завхоз, завэтажом, классный, классрук*;
3. *помдеж, помкомзвода, помнач, помощник, помполит*;
4. *вохровец, продкомиссар, райпродкомиссар, управделами*;
5. *завкадрами, особист, паспортистка, чекист*.

1. задающий, расставляющий, поставляющий:

- 1.1. *управдом* (устанавливающий);
- 1.2. *домоуправ* (приделяющий);
- 1.3. *завгар* (включаемый в исполнение);
- 1.5. *домоуправляющий* (приставленный к результату);
2. мобилизующий, организующий:
- 2.1. *завэтажом* (устанавливающий);
- 2.2. *завхоз* (приделяющий);
- 2.4. *классный* (отвечающий за производимое);
- 2.5. *классрук* (приставленный к результату);
3. ответственный за исполнение:
- 3.1. *помнач* (устанавливающий);
- 3.2. *помощник* (приделяющий / приделенный);
- 3.3. *помдеж* (включаемый в исполнение);
- 3.4. *помкомзвода* (отвечающий за производимое);
- 3.5. *помполит* (приставленный к результату);
4. обеспечивающий реализацию:
- 4.1. *продкомиссар* (устанавливающий);

- 4.2. *райпродкомиссар* (приделяющий / приделенный);
- 4.3. *вохровец* (включаемый в исполнение);
- 4.4. *управделами* (отвечающий за производимое);
5. синтезирующий, собирающий:
- 5.1. *завкадрами* (устанавливающий);
- 5.2. *особист* (приделяющий / приделенный);
- 5.3. *паспортистка* (включаемый в исполнение);
- 5.4. *чекист* (отвечающий за производимое).

V. Достигнутое, его охват, обладание, получение результата:

1. *нарком, начдив, полпред, председатель*;
 2. *кавторанг, политпросвет (работник), политпросветработник, политпросветчик, политработник*;
 3. *политком (комиссар), предправления, предсельсовета, предсовнаркома, предфабкома*;
 4. *депутат, заседатель (народный), судья (народный), трибуналец*;
 5. *предгориспокома, предзавком, предисполкома, предсовнархоза*.
1. задающий, расставляющий, поставляющий:
- 1.1. *нарком* (устанавливающий);
 - 1.2. *начдив* (приделяющий);
 - 1.3. *полпред* (включаемый в исполнение);
 - 1.4. *председатель* (отвечающий за производимое);
 2. мобилизующий, организующий:
 - 2.1. *кавторанг* (устанавливающий);
 - 2.2. *политработник* (приделяющий);
 - 2.3. *политпросвет* (включаемый в исполнение);
 - 2.4. *политпросветработник* (отвечающий за производимое);
 - 2.5. *политпросветчик* (приставленный к результату);
 3. ответственный за исполнение:
 - 3.1. *предправления* (устанавливающий);
 - 3.2. *предсовнаркома* (приделяющий / приделенный);
 - 3.3. *предсельсовета* (включаемый в исполнение);
 - 3.4. *предфабкома* (отвечающий за производимое);
 - 3.5. *политком (комиссар)* (приставленный к результату);
 4. обеспечивающий реализацию:
 - 4.1. *судья (народный)* (устанавливающий);
 - 4.2. *заседатель (народный)* (приделяющий / приделенный);
 - 4.3. *депутат* (включаемый в исполнение);
 - 4.4. *трибуналец* (отвечающий за производимое);
 5. синтезирующий, собирающий:
 - 5.1. *предгориспокома* (устанавливающий);

5.2. *предисполкома* (приделяющий / приделенный);

5.3. *предзавком* (включаемый в исполнение);

5.4. *предсовнархоза* (отвечающий за производство).

Представленное описание, при дальнейшем пояснении и углублении, с учетом прорисовки реально имевшихся соотношений, может позволить дать обстоятельное парадигматическое объяснение местам и ролям в советской действительности таких институтов и руководителей при них, как профсоюзы, комсомол, культурный (клубы), спортивный секторы, армия и пр., что выходило бы уже за рамки поставленной в предпринимаемом исследовании задачи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. описание в предшествующих работах [Червиньски 2008/3; 2009/1; 2009/2; 2009/3; 2009/4].

2. Термин заимствован у Е. Бральчика [Bralczyk 2001: 26].

ЛИТЕРАТУРА

Малая Советская энциклопедия. Энциклопедический словарь. В 3-х тт. (МСЭ) [Гл. ред. Б.А. Введенский] – М.: БСЭ, 1955.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. (ТСЯС) – СПб.: Фолио-пресс, 1998.

Словарь русского языка в 4-х томах. (МАС) [Гл. ред. А.П. Евгеньева] 2-е изд. – М.: Русский язык, 1981-1984.

Червиньски П. Семантика советского позитива в контексте продуцируемого представления действительности (на материале обозначения лиц) // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26). С. 110-127.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 132-147.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (2) // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 46-62.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (3) // Политическая лингвистика. 2009. № 3 (29). С. 69-86.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (4) // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30).

Bralczyk J.O. języku polskiej propagandy politycznej lat siedemdziesiątych. – Warszawa: Trio, 2001. 212 s.

© Червиньски П., 2009

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Айвазова В.В.
Сургут, Россия

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ
ФРЕЙМА-СЦЕНАРИЯ «БЛАГОДАРНОСТЬ»
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на материале Нобелевской лекции Б. Обамы)

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Данная статья посвящена когнитивному исследованию фрейма-сценария «благодарность» в политическом дискурсе на материале речи президента США Барака Обамы по поводу награждения его Нобелевской премией. По результатам анализа речи, произнесенной президентом, фрейм-сценарий можно представить в виде 2-х фреймов, определяющих ситуацию благодарности в контексте награждения Нобелевской премией. Детальное изучение фреймов позволяет выявить особенности восприятия сообщения о награде и своеобразии чувства благодарности в ментальном пространстве президента, его отношение к полученной награде и столь высокому признанию его деятельности на мировой арене.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, сценарий, фрейм, когнитивная модель, политическая лингвистика, речевая тактика.

Сведения об авторе: Айвазова Валерия Вячеславовна, преподаватель, аспирант.

Место работы: Сургутский Государственный университет ХМАО-Югра.

Контактная информация: 628412, г. Сургут, ул. Энергетиков, д. 26, кв. 5.
E-mail: valeriya_aivazov@mail.ru

Aivazova V.V.
Surgut, Russia

COGNITIVE ASPECTS OF THE FRAME “GRATITUDE” IN POLITICAL DISCOURSE
(on the basis of Barack Obama’s address on Nobel Prize)

ГСНТИ 16.21.27, 16.21.51

Код ВАК 10.02.20

Abstract. The present article is devoted to a cognitive analysis of the script “gratitude” in the political discourse which is based on models found in the president of the USA Barack Obama’s address on receiving the Nobel Prize. According to the results of the analysis, the script can be divided into two frames, defining the situation of gratitude within the framework of awarding the Nobel Prize. Detailed analysis of the frames allows to cover the perception of gratitude in president’s mental space in regard to the received prize and general acknowledgment of his activity on the world stage.

Key words: cognitive linguistics, script, frame, cognitive model, political linguistics, communicative tactics.

About the author: Aivazova Valeria Vyacheslavovna, Lecture, Post-graduate Student.

Place of employment: Surgut State University of KhMAO-Ugra.

628412, g. Surgut, ul. Energetikov, d. 26, kv. 5.

Теория публичного выступления или ораторского искусства имеет долгую историю, истоком которой является античность. Уже в то время блестящие политические ораторы публично отстаивали свою точку зрения, используя различные языковые средства, закладывая тем самым основы политического дискурса. Как показывает практика, за всю историю человечества интерес к политическому красноречию не только не ослабевает, но растет и углубляется. Над созданием политических речей работают самые квалифицированные специалисты, так как общество заинтересовано в вербальном отражении моделей мира, чутко реагирует именно на языковые стороны тех или иных явлений.

Вслед за целым рядом учёных (М.В. Гаврилова, Т.В. Юдина, А.П. Чудинов, U. Porksen, R. Herzog, P. Kammerer, J. Kopperschindt), политическая речь, обладая всеми общими чертами публичной речи, выделяется нами как отдельный вид дискурса на основании *особой прагматической направленности*: задачи формирования общественного мнения путем воспроизведения оценки событий, явлений и процессов социальной жизни, которые согласуются с главной специфической функцией по-

литической публицистики – оказывать *постоянное и глубокое влияние на формирование общественного мнения* [Морозова 1986: 961].

Целью данной статьи является построение фрейма-сценария «благодарность» и выявление базовых концептов в речи Барака Обамы по поводу награждения его Нобелевской премией.

Одним из самых ярких и противоречивых событий на политической арене в недавнее время стало объявление о вручении Нобелевской премии новому президенту США – Бараку Обаме «за экстраординарные усилия в укреплении международной дипломатии и сотрудничестве между людьми» (“for his extraordinary efforts to strengthen international diplomacy and cooperation between peoples”) 9 октября 2009 года в Осло. Премия присуждена за его выдающиеся усилия в сфере международной дипломатии, сокращении ядерных вооружений и создания нового климата сотрудничества между народами.

Необходимо отметить, что столь высокая награда молодому президенту, который только приступил к своим обязанностям, вызвала большой резонанс в мировом сообществе. Многие общественные деятели, политологи,

журналисты утверждали, что Нобелевская премия дана президенту пока еще незаслуженно, он еще не сделал того, за что обычно дают такую премию.

Тем больший интерес представляет анализ речи Барака Обамы по поводу награждения его Нобелевской премией и выбранной им речевой тактики для выражения своих чувств, мыслей и устремлений.

Фреймы-сценарии («скрипты») вслед за Шенком и Абельсоном определяются нами как **когнитивные структуры, описывающие нормальную последовательность событий в частном контексте** [Shank, Abelson 1977: 125].

Контекст рассматривается в когнитивном смысле, а его понимание исследуется как процесс, при помощи которого люди *приравнивают то, что они видят и слышат, к группам действий, уже имевшихся в их опыте*. В статье рассмотрены компоненты когнитивного фрейма-сценария «благодарность» при получении награды.

Первый компонент сценария – «Сообщение о получении награды».

Нобелевский комитет сделал исключение – не стал оповещать будущего лауреата, президента США Барака Обаму, за час до вручения премии. Президент узнал о награде от своих детей и, по его собственному признанию, был буквально шокирован (*I am both surprised and deeply humbled by the decision of the Nobel Committee*).

Компонент II сценария – «Чувства президента по поводу получения награды».

Лауреат был крайне серьезен и смущен. Настаивая на том, что премию присудили не лично ему, а всему американскому народу, Обама пообещал сделать все возможное, чтобы как-то оправдать такой большой аванс:

I am both surprised and deeply humbled by the decision of the Nobel Committee. Let me be clear: I do not view it as a recognition of my own accomplishments, but rather as an affirmation of American leadership on behalf of aspirations held by people in all nations.

To be honest, I do not feel that I deserve to be in the company of so many of the transformative figures who've been honored by this prize – men and women who've inspired me and inspired the entire world through their courageous pursuit of peace.

Таким образом, сообщение о награде вызвало у президента двойственное чувство: он был в удивлении и замешательстве (*both surprised and deeply humbled*), но, в то же время, принял её как бы от имени всего прогрессивного человечества, так как еще не считает себя причастным к заслугам великих поборников мира, тех носителей Нобелевской премии, которая вдохновляет людей бороться за мир (*I do not feel that I deserve to be in the company of so*

many of the transformative figures who've been honored by this prize).

На языковом уровне его чувства подтверждаются использованием параллельных конструкций (*I do not feel... / I do not view*), лексических единиц (*surprised, deeply humbled*) подчеркивающих его смятение, удивление.

Компонент III. «Отношение к награждению Нобелевской премией» является ключевым в нашем исследовании.

Нобелевскую премию он скорее рассматривает как поддержку политики Америки со стороны мирового сообщества (*affirmation of American leadership on behalf of aspirations held by people in all nations*), что можно трактовать как элемент его речевой тактики: уже первыми своими репликами президент отсекает опасения политологов о том, что он попал в западню награды, которая уменьшит пространство в его выборе внешней политики и заставит отступить от любого рода агрессивных действий, характерных для политики Джорджа Буша.

Президент отмечает, что премия отражает стремление людей всего мира следовать заветам людей, создавших те истины, которые заложили основы нашего существования: *I also know that this prize reflects the kind of world that those men and women, and all Americans, want to build – a world that gives life to the promise of our founding documents.*

Президент присоединяет американский народ к тем, кто получил премию, борясь за мир с главным условием: он воспринимает награду как **призыв к действию**: *And I know that throughout history, the Nobel Peace Prize has not just been used to honor specific achievement; it's also been used as a means to give momentum to a set of causes. And that is why I will accept this award as a call to action – a call for all nations to confront the common challenges of the 21st century.*

Таким образом, в рассматриваемом фрейм-сценарии *благодарность присутствует имплицитно*, поскольку президент не благодарит мировое сообщество напрямую, фрейм-сценарий «благодарность» в данной речи представлен в виде двух динамических фреймов:

Фрейм 1. «Благодарность за признание заслуг Америки в борьбе за мир»

Фрейм 2. «Благодарность как будущие действия США в борьбе за мир»

Награда выделяет лауреата среди других людей, дает ему возможность выступить с лекцией, в которой он может поблагодарить комитет, как за признание своих достижений, так и наметить дальнейший курс действий:

Рис. 1 Взаимодействие элементов фрейма-сценария «благодарность»

Отношение к награде как к ядерному элементу фрейма-сценария, легло в основу ключевой когнитивной модели «НАГРАДА – ПРИЗЫВ К ДЕЙСТВИЮ», через которую опосредовано рассмотрено фреймов.

Основой когнитивной модели является простой или сложный сигнификат, являющийся гносеологической формой отражения в сознании человека предметов, процессов, объективной действительности, отношений и связей между ними. В роли сложного сигнификата выступает понятийный комплекс в системно-категориальном плане, являющийся результатом *мысленного подведения обозначаемой ситуации под определенный класс ситуаций* [Lakoff 1987: 14].

Проведение анализа фреймов с опорой на данный понятийный комплекс позволит выстроить ментальное пространство президента в рамках его речи по поводу полученной премии и определить его отношение к столь почетной награде.

Фрейм 1. «Благодарность за признание заслуг Америки в борьбе за мир».

В заключительной части речи (Компонет IV) прослеживается ярко выраженное чувство коллективизма, которое в рамках когнитивного исследования позволяет выделить **концепт «коллективное»**, поскольку Нобелевская премия воспринимается президентом как **награда за коллективные действия** американского народа и американского руководства. Президент воспринимает награду как признание достижений его страны в борьбе за стремления **всех наций** (*as an affirmation of American leadership on behalf of aspirations held by people in all nations*), рассматривает возможность своего пребывания **в компании** великих поборников мира, (*to be in the company of so many of the transformative figures who've been honored by this prize*), которые вдохновили как его, так и **весь мир** на бесстрашное стремление к миру (*men and women who've inspired me and inspired the entire world through their courageous pursuit of peace*), который хочет достичь **вся американская нация** (*this prize reflects the kind of world that those men and women, and all Americans, want to build*). Данный концепт проявляется в его отношении к администрации, которую он **объединяет под своим руководством** и которая должна создать новую эру во **взаимоотношениях во всем мире** (*my administration has worked to establish a new era of engagement in which all nations must take responsibility for the world we seek*). Недовольство текущим положением дел президент выражает призывом к **всеобщим действиям** (*all nations have the responsibility to demonstrate their peaceful intentions*) под руководством Америки, главнокомандующим которой он является (*I am the commander in chief of a country that's responsible for ending a war and working in another theater to confront a ruthless adversary that directly threatens the*

American people and our allies). Он отмечает, что каждый день он сталкивается со многими трудностями, выступая **от лица всей американской нации** (*These are concerns that I confront every day on behalf of the American people*), готовый решить их.

В концепт «коллективное» также входят и единичные действия, **вклад отдельного индивида во всеобщую борьбу за мир** (*this award must be shared with everyone who strives for justice and dignity: for the young woman who marches silently in the streets on behalf of her right to be heard even in the face of beatings and bullets; for the leader imprisoned in her own home because she refuses to abandon her commitment to democracy; for the soldier who sacrificed through tour after tour of duty on behalf of someone half a world away...*), который будет достигнут только совместными действиями.

Таким образом, награда представляет заслуги не только его самого и его администрации, а **всех людей в мире** (*This award is not simply about the efforts of my administration – it's about the courageous efforts of people around the world*) и должна быть **разделена** среди **всех тех**, кто жаждет справедливости и достоинства (*must be shared with everyone who strives for justice and dignity*)

На основе проведенного анализа языковых средств можно определить следующие когнитивные признаки, формирующие концепт «коллективное»:

Рис. 2 Когнитивные аспекты, формирующие концепт «коллективное»

Подобный анализ когнитивных аспектов концепта в рамках рассматриваемого фрейма позволяет прийти к выводу, что президент, с одной стороны, благодарит все страны за международное стремление к миру, но, с другой стороны, на фоне провозглашения идеалов равенства и всеобщего единения, в речи президента ярко проявляется позиционирование Америки как мирового лидера. В нашем исследовании подобное выдвижение Америки выступило в качестве ядра концепта, выраженного такими когнитивными аспектами, как **американская нация**, воспринимаемая президентом как единое целое в борьбе за мир, **связь американского лидера с историческими деятелями**

ми – поборниками мира, возводящая Обаму в один ранг с ними, *президент и его администрация*, стоящие у руля мировой политической власти, что подтверждается заключительными словами речи: *That has always been the cause of America. That's why the world has always looked to America. And that's why I believe America will continue to lead.*

Сделанный вывод подтверждает релевантность выделения фрейма 2, в котором получение Нобелевской премии воспринимается как благодарность американскому народу за то, что он взял на себя функции мирового лидера по воплощению стремлений всей Земли.

Фрейм 2. «Благодарность как будущие действия США в борьбе за мир»

Как нами уже было установлено, получение столь высокой награды президент воспринимает как *призыв к действию*, что подтверждается провозглашением президента своего дальнейшего политического курса (компонент V).

Отрывок речи, рассматриваемый в фрейме 2 выстроен на основе противопоставления текущего положения дел в проблемных областях и путей решения проблем в них.

На языковом уровне это противопоставление выражено *сквозным употреблением повторов (анафор) и параллельных конструкций* с использованием модальных глаголов *can* (в значениях «негодование», «упрек») и *must* (в значении «обязательство»), которые позволяют повысить эмоциональный тон высказываний президента, сделать их более настойчивыми: *We cannot tolerate a world in which nuclear weapons spread to more nations and in which the terror of a nuclear holocaust endangers more people. And that's why we've begun to take concrete steps to pursue a world without nuclear weapons, because all nations have the right to pursue peaceful nuclear power, but all nations have the responsibility to demonstrate their peaceful intentions.*

We cannot accept the growing threat posed by climate change, which could forever damage the world that we pass on to our children – sowing conflict and famine; destroying coastlines and emptying cities. And that's why all nations must now accept their share of responsibility for transforming the way that we use energy.

We can't allow the differences between peoples to define the way that we see one another, and that's why we must pursue a new beginning among people of different faiths and races and religions; one based upon mutual interest and mutual respect.

Таким образом, президент и его администрация *не могут* мириться с текущим положением дел и *должны* принять меры, чтобы оправдать полученную ими награду.

Правительство Обамы не намерено мириться с угрозой ядерного «холокоста» (terror of nuclear holocaust), угрожающего людям и соби-

рается принять решительные действия по его уничтожению и использованию ядерной энергии в мирных целях. Президент говорит о снятии угроз, вызванных климатическими изменениями, о терпимости к вероисповеданиям, мирном урегулировании конфликтов, решении вопросов, связанных с глобальным кризисом.

Планируемые действия президента можно представить в виде набора **слотов**, которые в нашем исследовании трактуются как **составная часть фрейма, элемент ситуации, который составляет определенный аспект его конкретизации** [Чудинов 2005: 76]. В данном случае каждый слот репрезентирует намерения президента и объективизирует языковые средства, использованные в речи.

Рассмотрим типичные слоты, составляющие фрейм 2:

- слот 1. **Применение ядерного оружия и отношение к его использованию**: *not tolerate* (не терпеть), *to take concrete steps* (принимать конкретные шаги), *to pursue a world without nuclear weapons* (добиваться мира без ядерного оружия), *to pursue peaceful nuclear power* (добиваться мирного использования ядерной энергии), *to demonstrate peaceful intentions* (демонстрировать мирные намерения), *have the responsibility* (быть обязанными).

- слот 2. **Прекращению климатических изменений**: *not to accept* (не принимать), *to transform the way we use energy* (изменить способ использования энергии)

- слот 3. **Толерантность к вероисповеданиям**: *not to allow the differences between peoples to define the way that we see one another* (не позволять различиям между людьми определять их взаимодействие), *mutual interest* (взаимный интерес), *mutual respect* (взаимное уважение),

- *pursue a new beginning among people of different faiths and races* (добиваться нового начала во взаимодействии людей разной веры и расы)

- слот 4. **Мирное урегулирование конфликтов**: *to resolve conflicts* (решить конфликты), *unwavering commitment* (непоколебимая решительность), *to live in peace and security* (жить в мире и безопасности), *to end the war* (прекратить войну), *to confront a ruthless adversary* (встретить беспощадного врага лицом к лицу)

- Слот 5. **Решение вопросов, связанных с глобальным кризисом**: *to deal with the impact of crisis* (принимать меры по решению проблем, связанных с кризисом)

Заключительным компонентом речи президента (компонент VI) выступила *формальная благодарность* за внимание мирового сообщества к его лекции, выраженная традиционно в рамках этикета (*Thank you very much*).

Таким образом, мы рассмотрели структуру речи Барака Обамы после вручения Нобелев-

ской премии и выделили лингвистические средства реализации фрейма-сценария «благодарность».

Прежде всего, речь Обамы была разделена на 6 компонентов: 1) сообщение о получении награды; 2) чувства президента по поводу получения премии; 3) отношение к Нобелевской премии 4) чувство коллективизма 5) провозглашение политического курса; 6) формальная благодарность

Компонент III. «Отношение к Нобелевской премии» оказался ключевым в нашем исследовании. Награда, будучи ядерным элементом фрейма-сценария сценария, выделяет лауреата среди других людей, дает ему возможность выступить с лекцией, в которой он может поблагодарить комитет, как за признание своих достижений, так и наметить дальнейший курс действий. Подобное восприятие премии позволяет нам выделить два ключевых фрейма:

а) «Благодарность за признание заслуг Америки в борьбе за мир»

б) «Благодарность как будущие действия США в борьбе за мир»

В рамках *первого фрейма* представилось возможным выделить концепт «коллективное» и, на основе анализа речи президента, выделить формирующие его когнитивные элементы. Такие когнитивными элементами, как *американская нация*, воспринимаемая президентом как единое целое в борьбе за мир, *связь американского лидера с историческими деятелями – поборниками мира*, возводящая Обаму в один ранг с ними, *президент и его администрация*, стоящие у руля мировой политической власти свидетельствуют о позиционировании Америки как мирового лидера. Подобные высказывания показывают политику президента, направленную на мировое господство, Обама чувствует себя частью великой нации, которая достойна любых наград (*That has always been the cause of America. That's why the world has always looked to America. And that's why I believe America will continue to lead*)

В рамках *второго фрейма* планируемые действия президента оказалось возможным представить в виде набора *слов*, объективирующих политический курс президента.

Ключевая когнитивная модель в речи президента «НАГРАДА–ПРИЗЫВ К ДЕЙСТВИЮ» можно рассмотреть как элемент его речевой тактики: уже первыми своими репликами президент отсекает опасения политологов о том, что он попал в западню премии, которая уменьшит пространство в выборе внешней политики и заставит отступить от любого рода агрессивных действий, характерных для политики Джорджа Буша.

В рассматриваемом фрейме-сценарии его речи *благодарность* присутствует в основном *имплицитно* и выражена различными нетрадиционными языковыми средствами, поскольку президент *не благодарит мировое сообщество напрямую*, а обязуется оправдать его доверие своими дальнейшими действиями.

Таким образом, выявленные когнитивные аспекты фрейма-сценария «благодарность» показывают особенный подход к выражению благодарности в речи Барака Обамы.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации: монография. – М.: Флинта: Наука, 2008. 248 с.

Гайкова О. В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации: на материале английского языка: Дис. ... канд. филол. наук – Волгоград, 2003. С. 85-91.

Морозова О.Н. Некоторые общие характеристики общественной публичной речи // Культура общения и её формирование: материалы V регион. науч.-метод. конф. (20-21 апр. 1998 г.) – Воронеж: Полиграф, 1998. С. 11-13.

Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. What categories reveal about the mind. – Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1987.

Shank R., Abelson R. Scripts, Plans, Goals and Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures – New York: Hillsdale, 1977. 248 p.

© Айвазова В.В., 2010

Антонова А.В.
Оренбург, Россия

**СВОЙСТВА МАССОВОГО СОЗНАНИЯ
КАК МИШЕНИ РЕЧЕВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ
(на примере текстов предвыборных выступлений
британских политиков)**

УДК 808.5:316.64
ББК Ш 100.3

Аннотация. Статья посвящена изучению некоторых свойств массового сознания как значимых социетально-эволюционных мишеней манипуляции в политическом дискурсе, а также выявлению основных лингвистических средств актуализации исследуемых мишеней.

Ключевые слова: массовое сознание, речевая манипуляция, продуцент, реципиент, мишень манипуляции.

Сведения об авторе: Антонова Анна Владимировна, заведующий кафедрой теории и практики перевода, кандидат филологических наук.

Место работы: Оренбургский государственный университет.

Контактная информация: 460050, г. Оренбург, ул. Терешковой, д. 134/1, кв. 7.

E-mail: aavvmt@mail.ru

Antonova A.V.
Orenburg, Russia

**CHARACTERISTICS OF MASS CONSCIOUSNESS AS SPEECH MANIPULATION TARGETS
(on the basis of British politicians' pre-election speeches)**

ГСНТИ 16.21.27, 16.41.21
Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article deals with some characteristics of mass consciousness as important societal and evolutionary manipulation targets in the political discourse. The main linguistic means of revealing the manipulation targets under study are considered as well.

Key words: mass consciousness, speech manipulation, speech producer, recipient, manipulation target.

About the author: Antonova Anna Vladimirovna, Head of the Department of Theory and Practice of Translation, Candidate of Philology.

Place of employment: Orenburg State University.

Известно, что наиболее продуктивными с точки зрения достижения желаемого перлокутивного эффекта мишенями речевой манипуляции являются инстинкты и потребности человека. Однако изучение текстов выступлений британских политиков, размещенных в Internet, показывает, что свойства массового сознания, обладателем которого, безусловно, является коллективный реципиент сообщения, также становятся манипулятивными мишенями. Мы предлагаем называть данные мишени социетально-эволюционными, то есть представляющими собой не что иное, как характерные особенности и свойства массового сознания на конкретном этапе развития общества. При этом в качестве свойств массового сознания, представляющих особый интерес для продуцента-манипулятора, мы предлагаем рассматривать следующие:

1) порог доступности [Грушин 1987: 31-314]. Исследователи, изучающие содержание массового сознания, утверждают, что идеи, играющие в нем достаточно значительную роль, не могут представлять собой сложных теоретических построений [Маслов 2003: 14], так как массовое сознание отличается ограниченными познавательными способностями. Анализ текстов предвыборных агитационных речей показывает, что, определенным образом «подстраиваясь» под порог доступности массового сознания, продуцент-политик придерживается стратегии намеренной симплификации или «обытовления» выражаемых им идей. С лингвистической точки зрения соблюдение принципа доступности для массового (неспециализированного, фольклорного) восприятия проявляется в использовании большего количества бытовых метафор, экспликативных (разъясняющих)

фраз, лексем и фраз со значением достижения перлокутивного эффекта понимания, повторов фактической информации, отступлений в виде примеров из жизни, мнемически максимально усваиваемых простых синтаксических конструкций. Например:

a) *Brick by brick we will build a more responsible country where obligation and duty are common currency, where everyone understands that life is about 'we', not just 'me'* (David Cameron: Speech to the Royal College of Nursing, <http://www.conservatives.com>)

b) *You spoke of having to cut costs, of having a bonfire of inefficiencies, but I must point out that, over the past 10 years, it is this Labour Government that has created the firewood. We identified 1 per cent of savings that would be achievable in our manifesto commitments, but your numbers seem very unachievable. After all this time of waiting for the draft budget, it reminds me of a pot of jam; our pot is very small, and instead of concentrating the jam on front-line delivery of services, you have spread it very thin – no doubt to appease Plaid and your backbenchers, with all their ideological pet projects (Angela Burns: Frontline services to suffer under Labour-Plaid budget, <http://www.conservatives.com>).*

Несмотря на то, что в примере а) бытовая метафора выполняет скорее эмфатическую функцию, созидательный образ строительства призван наглядно объяснить характер намерений представляемой продуцентом партии, планирующей постепенно, но прочно (*brick by brick*) создавать в стране общество ответственных людей, обладающих чувством долга.

Достаточно яркий образ маленького горшочка с джемом, который приходится сильно

экономить и потому «намазывать очень тонким слоем», используемый в примере b), позволяет продуценту сообщения объяснить реципиенту – носителю массового сознания сложную ситуацию с бюджетом, создавшуюся в результате неправильных действий партии оппонентов, оценка которых также представлена метафорически (*that has created the firewood*) вместо перечисления конкретных действий.

a) *I want to explain how the old way of doing things – the top-down government model – has run its course. And I want to explain how the Conservative Party will be different, of how we instinctively understand that real change – proper change – comes from below – from people, not government. That has some big consequences, which I will try and explain. First, though, I want to explain why we need new answers to old problems. Britain has social problems which have been around for generations, high crime rates, poor public health, rising family breakdown to name three and many of them keep getting worse (David Cameron: The power of social innovation, <http://www.conservatives.com>).*

b) *At this early stage in the debate, I should clarify that, when I say waste and recycling, I am talking about that which is often referred to as refuse and rubbish – and that is not a reference to the efforts of Labour, Plaid or their policies (Darren Millar: Reducing waste in Wales, <http://www.conservatives.com>).*

c) *From day one, a Conservative Government will launch the most far-reaching, thorough and zealous commitment to improving standards in all our schools. That means a commitment to discipline. So when a head teacher says a disruptive pupil has got to go – we'll make sure they'll go. That means a commitment to rigour. So when some exam board wants to dumb down and passes are handed out for substandard work – we'll say no.*

And that means a commitment to the right methods. So when the educational establishment tries to drive through more changes like getting rid of proper subject teaching changes which will only ensure our children end up learning less then we will stop them in their tracks and ensure parents get what they want – every child taught the right disciplines with the right methods. That way, we can get the basics in place from the start so that our children develop a passion for learning – for life (David Cameron: Maths Taskforce launch with Carol Vorderman, <http://www.conservatives.com>).

В примере а) повтор пропозиции речевого акта волеизъявления с последующим экспликативным глаголом (*I want to explain*) определенным образом подготавливает реципиента к последующим разъяснениям относительно заявленной фактической информации. Это своеобразный стимул к концентрации на объясняемом факте, сигнализирующий реципиенту о необходимости сосредоточиться на определенной мысли продуцента. В примере b) продуцентом

для этих же целей используется глагол *clarify*, а в примере с) повтор фразы *that means* с последующим детальным разъяснением в виде конкретных примеров. Стоит отметить, что в экспликативных фразах, вводящих разъяснения и наглядные примеры, наиболее часто используются такие лексемы и лексемные сочетания, как *to explain, to clarify, to mean, to make clear, to give an explanation, to throw light upon smth* и некоторые другие.

Языковые средства, номинирующие перлокутивный эффект понимания предоставляемой продуцентом фактической информации (такие лексемы и лексемные сочетания, как *to understand, understandable, quite clear, explicit, transparent* и т.п.), программируют данный эффект, не допуская возможности обратного. Кроме того, данные средства создают эффект ссылки на авторитетность мнения коллективного реципиента, представляя явления и процессы действительности как осознаваемые и понимаемые всеми без исключения, а также разделяемые партией продуцента (ощущение общности сознания). Например:

a) *This brings us to the vexed question of the Joint Strike Fighter. It is understandable that savings should be sought in America's defence equipment programmes. Other things being equal, it is also understandable that regard should be had to America's own not to anyone else's priorities (Liam Fox: Security and Defence – Making sense of the special relationship, <http://www.conservatives.com>).*

b) *In the coming months, however, it is quite clear that the issues around financial supervision and regulation will be at the top of the European agenda and the subject of some intense parliamentary battles both in Brussels and in national capitals. So this is an extremely timely moment for me to talk to you about our political approach in the new European Parliament (Timothy Kirkhope: Delivering our change agenda in Europe, <http://www.conservatives.com>).*

Повторы фактической информации, чаще всего содержащиеся в информативном компоненте речевых актов и применяемые для соблюдения принципа порога доступности, обеспечивают своеобразный эффект «заучивания». Они облегчают процесс восприятия информации и возвращают коллективного реципиента к основной мысли продуцента сообщения. Такие повторы не всегда выполняют эмфатическую или персуазивную функцию. Например:

a) *I want to explain how our plans for our health service fit into our wider vision for the country...*

...the change this will bring...

...and what it means for you and your colleagues in nursing.

Our vision for the country is based on one simple value: responsibility (David Cameron: Speech to the Royal College of Nursing, <http://www.conservatives.com>).

Отступления в виде примеров из жизни (часто из жизни самого продуцента) также обеспечивают принцип соблюдения порога доступности и создают эффект близости к реципиенту, его потребностям и проблемам. Частные примеры из обыденной жизни доступно и наглядно объясняют носителям массового сознания причины тех или иных действий продуцента, сложные механизмы политической и экономической жизни страны, давая продуценту возможность избежать специальных терминов и тем самым быть понятным, конкретным и доступным. Например:

a) Another area where we are now setting the agenda is poverty. I think many people were struck by the response of our conference to the point that I made about the crushing marginal tax rates on the poorest in society.

I gave the example of a single mum with two kids earning just £150 a week. With the withdrawal of benefits and additional taxes, for every extra pound she earns she keeps just four pence (David Cameron: Setting out our progressive priorities, <http://www.conservatives.com>).

В примере а) экономическое явление (marginal tax rates), причины возникновения и последствия которого могут быть непонятны носителю массового сознания, объясняются с помощью частного примера из жизни матери-одиночки.

Анализ текстотипов предвыборной агитационной речи показывает, что информативные интенциональные компоненты речевых актов, совершаемых продуцентами-политиками, редко бывают оформлены в виде сложных синтаксических конструкций с большим количеством причастных и иных оборотов, парентетических введений и т.п. Очевидно, что соблюдение принципа порога доступности в данном случае связано с мнемическими особенностями человека и объемом его кратковременной памяти. Иначе говоря, чем короче вербальное выражение каждой конкретной идеи продуцента, тем больше вероятности, что она будет понята реципиентом. Например:

a) So I have asked every member of the Shadow Cabinet Minister to learn from Labour's mistakes and to think carefully, now, about their reform priorities.

Not some dream wish-list of 101 things they'd love to do.

Not vague aspirations or vacuous pledge card promises.

But a tight focus on the three, four or five big changes they want to make.

Key priorities that I will be able to hold them accountable for, if we win that election.

Key priorities that the public can hold them accountable for, if we win that election.

We will be discussing these priorities as part of our access programme with senior civil servants.

But I don't see why this should be something that only happens behind closed doors (David Cameron: Setting out our progressive priorities, <http://www.conservatives.com>).

2) принцип целесообразности. Исследователи содержания и свойств массового сознания отмечают тот факт, что значимыми для его носителей могут быть только идеи, касающиеся сферы актуальных интересов масс [Маслов 2003:14], непосредственно связанные с повседневными потребностями людей, их привычками и образом жизни [Здравомыслов 1980: 79]. Данный философский принцип перекликается с лингвистической теорией релевантности Уилсон и Спербера, которые утверждают, что лишь при условии релевантности информации возможна правильная интерпретация интенции говорящего на уровне метареферентаций [Sperber 1994: 179-198]. Если предположить, что результатом процесса языковой манипуляции должна стать правильная (запрограммированная, нужная манипулятору) интерпретация интенций продуцента, то можно утверждать, что принцип целесообразности является одной из ключевых мишеней воздействия на коллективного реципиента. Стоит также отметить, что принцип целесообразности тесно связан с вышеописанным принципом порога доступности. Однако если последний больше связан с формой подачи информации и ее вербального оформления, то принцип целесообразности больше касается непосредственного содержания сообщения продуцента. Например:

a) And, under this Labour government, we can all see what I call a broken society. I'm sure you know what I mean.

More marriages breaking down.

Rising levels of violent crime.

Record truancy rates from schools.

More domestic violence.

Increasing numbers of suicides.

Too many young people, especially young men, with no role models, running wild in our communities.

And we need to deal with a whole range of other social problems facing us (Liam Fox: Together we will win, <http://www.conservatives.com>).

3) ожидание осуществления социального идеала. Недавние исследования в области проблем утопии, эсхатологии, революционного сознания и ряда других явлений культуры показали, что ожидание осуществления социального идеала является доминирующей моделью осмысления исторического будущего в массовом сознании. Кроме того, данный феномен демонстрирует укорененность в фундаментальных свойствах сознания человека [Маслов 2003: 8]. Очевидно, что социальный идеал (или лучшее будущее) является значимой мишенью манипуляции для продуцентов-политиков, чьи сообщения носят явный промиссивный харак-

тер. На основании интенционального анализа текстотипов предвыборной агитационной речи можно с уверенностью утверждать, что интенция обещания является доминирующей в сообщении подобного типа. При этом партия производителя представляется как инструмент достижения социального идеала, а партия оппонентов – как нечто, ему препятствующее, или нежелающее его осуществления. Микротексты, актуализирующие данную мишень, обычно содержат сложные промиссивные речевые акты и имеют футуральную ориентацию [Антонова 2007]. Кроме того, это могут быть высказывания, которые можно назвать модально-интенциональными, то есть содержащими в перформативной части модальный глагол, указывающий на желание или возможность автора сообщения совершить действие, выраженное последующим интенциональным глаголом ряда промиссивов. Например:

a) We need to cut the red tape that makes the lives of our businesses so difficult, to help them compete in the global economy, grow and develop, to take on more people and create more wealth, and to lift us out of this recession and set us on the path to recovery.

That's why today, with this pledge, we promise:

To support the return of social and employment legislation to national control.

To cut the administration costs of all EU legislation by a quarter.

And to defend our opt-out from the Working Time Directive (David Cameron: European Election Campaign Launch, <http://www.conservatives.com>)

b) There will be a day of reckoning but today is not that day. Today we must do everything necessary to protect the stability of the system because everyone's jobs, savings, pensions and mortgages depend on it.

Today is a day for safety, for security, and for protection. Everyone needs to know that we are doing everything we can to help you keep your job, your savings, your pension, your mortgage safe, that we are not playing politics with this, that we will always do the right thing to protect your life and your future (David Cameron: Together we will find a way through, <http://www.conservatives.com>).

c) The 'progressive' half of progressive conservatism represents the ends we are fighting for – our vision of the good society and the good life. This vision is not exclusive to the Conservative Party, or any other party. I've always thought it's silly to deny the truth – that in politics most of us are actually fighting for the same things. So what are those things? For me, they can be summed up in four central aims – the four aims of progressive conservatism. First, a society that is fair, where we help people out of poverty and help them stay out of it – for life. Second, a society where opportunity is equal, where everyone can, in Michael Gove's brilliant phrase, "write their own life-story." Third, a society that is greener, where we pass on a planet

that is environmentally sustainable, clean and beautiful to future generations. And fourth, a safer society, where people are protected from threat and fear (David Cameron: Making progressive conservatism a reality, <http://www.conservatives.com>).

d) And in this post-bureaucratic age, the information revolution makes such detailed accountability possible for the first time. That's why last year, we introduced a Bill in Parliament to force the government to list on a public, easily searchable website, every item of public spending over £25,000.

Unsurprisingly, Labour blocked it – but I can promise you that this will be one of the first innovations of a Conservative Government (David Cameron: Living within our means, <http://www.conservatives.com>).

В примере а) говорящий выражает промиссивную интенцию эксплицитно, посредством классического речевого акта, совершаемого от первого лица в индикативе активе. Информативный компонент представлен в виде последовательности инфинитивных оборотов, выражающих желаемые для реципиента изменения. Пример б) представляет собой микротекст с имплицитным выражением интенции обещания. На поверхностном уровне представлен только информативный компонент промиссивного речевого акта, усиленный персуазивным элементом (we will always do the right thing to protect your life and your future). Кроме того, в качестве косвенного промиссивного речевого акта можно рассматривать имплицитный ассертив (Everyone needs to know that we are doing everything we can to help you keep your job, your savings, your pension, your mortgage safe), в котором сообщается о желании партии производителя во что бы то ни стало помочь реципиентам сохранить их работу и сбережения. В микротексте с) говорящий подробно описывает свое видение «хорошего общества и хорошей жизни» (our vision of the good society and the good life), соответствующее социальному идеалу реципиентов (a society that is fair, a society where opportunity is equal, a society that is greener, a safer society) и, хотя данное сообщение не содержит промиссивных экспликативов, создается определенный эффект принятия обязательства за воплощение в жизнь представленной модели социального идеала, усиливающийся с помощью перечисления. В примере d) интенция обещания выражается посредством модально-интенционального речевого акта.

4) бинаризм мышления и оценки. По мнению некоторых ученых, бинаризм мышления и оценки, свойственный человеческому (и массовому) сознанию, объясняется двоичным строением нашей нервной системы, дихотомическим устройством самого человека, обусловленным процессом «сравнением признаков» (matching), лежащим в основе нашей познавательной деятельности [Фет 2005: 321]. Однако,

несмотря на то, что и поведение человека, и поведение низших животных указывает на сходную двоичную структуру мировосприятия (А.И. Фет в книге «Инстинкт и социальное поведение» приводит следующие доказательства своеобразной «эволюционной достаточности и рациональности» двоичного характера мышления живых организмов: «Азбука Морзе, долго используемая в телеграфии, была избыточной, поскольку содержала не только точку и тире, но еще и пробел (отсутствие знака, или интервал в сигнализации). Для передачи любого сообщения достаточно выдавать на каждом шаге один из двух сигналов или [...] выдавать или не выдавать единственный знак. Таким образом, простейший возможный алфавит двузначен, и эволюция воспользовалась именно этим алфавитом, чтобы выработать у живых организмов аппарат восприятия и обработки информации»), мы все же склонны отнести бинаризм мышления массового сознания не к группе этофизиологических мишеней, а к группе мишеней социетально-эволюционных, так как в процессе эволюции человек выработал чрезвычайно сложную систему обработки информации, а идентичность выбора у разных людей не представляется возможной, даже в случае, если выбор осуществляется всего лишь из двух представленных позиций (например, голосовать или не голосовать за данную партию), тогда как для низших животных выбор всегда является однозначным в связи с ограниченным количеством ситуаций выбора, детерминированным исключительно инстинктами и условиями существования. Несмотря на то, что попытки ввести промежуточные звенья в бинарные оппозиции, заложенные в мышлении человека (истинное – возможное – ложное), оформленном «в виде логических рассуждений, всегда построенных на дуализме истины и лжи не привели к интересным результатам» [Фет 2005: 323], можно утверждать, что человек всегда имеет возможность выбора промежуточного звена (серое в оппозиции черное – белое, оба правы / оба виноваты в оппозиции прав – виноват и т.п.). В связи с этим, любопытным представляется тот факт, что многие продуценты манипулятивных политических сообщений строят свои рассуждения по принципу бинарных оппозиций, намеренно навязывая реципиенту более примитивный тип мышления, не допускающий промежуточных звеньев. При этом само «внутреннее» свойство бинаризма мышления коллективного реципиента – носителя массового сознания поддерживает такой тип восприятия и оценки информации, представляя собой потенциально слабую мишень манипуляции. В текстотипах предвыборной агитационной речи свойство бинаризма мышления и восприятия информации проявляется в виде текстовых антитез и ключевой, обусловленной самой спецификой условий суще-

ствования политического дискурса, оппозиции «положительно оцениваемое мы, свои» vs «отрицательно оцениваемое они, чужие». По сути, механизм манипуляции в данном случае сводится к формированию у реципиента единственно возможной «программы» выбора оценки: мы – это хорошо, правильно, полезно (защита, стабильность, покой, возможность удовлетворения потребностей и инстинктов); они – плохо, неправильно, вредно (угроза, тревога, невозможность удовлетворения инстинктов и потребностей). Текстовые антитезы, не привязанные к основной оппозиции, выполняют функцию «настройки» сознания на бинаризм. Например:

a) We all know how bad things are, massive debt, social breakdown, political disenchantment. But what I want to talk about today is how good things could be (David Cameron: Putting Britain back on her feet, <http://www.conservatives.com>).

b) Today thousands of our fellow countrymen are afraid – afraid to stay in their homes, afraid to leave them; afraid to summon help, afraid not to; afraid to barricade their doors, afraid to be trapped behind them. But in Conservative Britain I want the criminals to be afraid – afraid of being caught and afraid of being punished (David Davis: Action on drugs and crime, <http://www.conservatives.com>).

Пример а) содержит антитезу: bad things – good things, указывающую на очевидную разницу между реальным и желаемым положением вещей. Микротекст б) является примером косвенного противопоставления, так как содержит непрямую ссылку на противника (today – при настоящем правительстве), но прямое указание на сторону, представляемую производителем (Conservative Britain). Противопоставление строится на представлении неадекватности (с точки зрения закона) ситуации: при настоящем правительстве боятся простые жители, тогда как бояться должны те, кто их пугает (our fellow countrymen are afraid – I want the criminals to be afraid). Кроме того, притяжательное местоимение our, употребляемое с существительным fellow countrymen, усиливает ассоциативную оппозицию «свои» – «чужие» (our fellow countrymen – their [имплицитное] criminals). Эффект противопоставления также усиливается соответствующим маркером (but).

Анализ текстов выступлений британских политиков позволяет нам сделать вывод о том, что свойства массового сознания становятся достаточно часто используемыми производителем мишенями речевой манипуляции. Однако стоит отметить, что в них не прослеживается соответствий «мишень – речевое средство-актуализатор мишени»: продуценты используют достаточно большой набор средств для реализации своего намерения (лексемы-номинанты, средства создания образа, эпитеты, перформативные глаголы, повторы и др.) для всех мише-

ней манипуляции, выделенных нами на данном этапе исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Sperber D. *Understanding Verbal Understanding // What is Intelligence?* – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Антонова А.В. Средства выражения промиссивной интенции в английском языке. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007. 119с.

Грушин Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. – М.: Политиздат, 1987.

Здравомыслов А.Г. Массовое сознание в фокусе идеологической борьбы. *Научный диалог // Проблемы мира и социализма.* – Л., 1980. № 11.

Маслов Е.С. Ожидание осуществления социального идеала как феномен массового сознания: Автореф. дис. ... к. филос. н. – Казань, 2003.

Фет А.И. Инстинкт и социальное поведение. – М.: Сова, 2005.

© Антонова А.В., 2010

Веснина Л.Е.

Екатеринбург, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
МИГРАЦИИ
В РОССИЙСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

УДК 81'42

ВВК III 100.3

Аннотация. В статье рассматриваются когнитивно-дискурсивные вопросы исследования метафоры как способа представления миграции в дискурсе российских печатных СМИ. Представлены наиболее продуктивные метафорические модели, репрезентирующие миграцию в российских печатных СМИ 2000 – 2010 гг.

Ключевые слова: метафорическое моделирование, дискурс СМИ, миграция, фрейм, слот.

Сведения об авторе: Веснина Людмила Евгеньевна, ассистент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, к. 285.

E-mail: levesna@yandex.ru.

Контактная информация: E-mail: ma6570@gmail.com.

Доминирование в современной науке антропоцентрической парадигмы, которая от просто структурного описания знания обращается к изучению роли человека в формировании этих знаний, обеспечивает понимание того, что «лучший доступ к сознанию – это наблюдение за языком как формой отражения и выражения мыслительных процессов» [Болдырев 2001: 7]. В рамках такой научной парадигмы новую интерпретацию получает понятие «метафора», определяющееся в исследованиях, посвященных проблеме метафоры, как феномен не лингвистический, а ментальный, где «языковой уровень лишь отражает мыслительные процессы. Метафорические значения слов – это не украшение мыслей, а лишь поверхностное отражение концептуальных метафор, заложенных в понятийной системе человека и структурирующих его восприятие, мышление и деятельность» [Будаев, Чудинов 2008: 41].

Когнитивная теория концептуальной метафоры акцентирует то, что в основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки структур знаний – фреймов и сценариев. Знания, в свою очередь, представляют собой обобщенный опыт, получаемый в результате взаимодействия человека с окружающим миром. Эти знания, функционирующие в виде метафорических словоупотреблений, нуждаются в структурировании, что объясняет возникновение в когнитивной лингвистике теории метафорического моделирования.

Метафорическая модель, по определению А.П. Чудинова, представляет собой «существующее в сознании носителей языка типовое соотношение семантики находящихся в отношениях непосредственной мотивации первич-

Vesnina L.E.

Ekaterinburg, Russia

METAPHORICAL MODELLING
OF MIGRATION
IN RUSSIAN PRINT MASS MEDIA

ГЧНТИ 16.21.27, 16.21.51

Код ВАК 10.02.01

Abstract. The article describes the cognitive-discursive points in research on metaphors which are considered the means of representation of migration in the discourse of Russian print mass media. The most productive metaphorical models referred to migration found in Russian print mass media of 2000-2010 are shown.

Key words: metaphorical modeling, mass media discourse, migration, frame, slot.

About the author: Vesnina Ludmila Evgenievna, Assistant of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

ных и вторичных значений, являющееся образцом для возникновения новых вторичных значений» [Чудинов 2001: 35]. Она включает фреймы и слоты. Фрейм, – это «описание типизированной ситуации» [Баранов, Караулов 1991: 186], «структура данных для представления стереотипной ситуации» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 188], а *слот* – определенный аспект конкретизации фрейма.

Цель данной статьи – дать характеристику наиболее продуктивных метафорических моделей, репрезентирующих миграцию в дискурсе российских печатных средств массовой информации 2000-2010 гг.

В ходе нашего исследования при описании метафорической модели, представляющей миграцию в дискурсе российских печатных СМИ, будут учитываться следующие параметры: во-первых, понятийная сфера-источник метафорической экспансии, при характеристике которой мы опираемся на разряды русской метафоры, выделенные А.П. Чудиновым [подр. см.: Чудинов 2001: 52]); во-вторых, степень продуктивности метафорической модели (т.е. способность к развертыванию и образованию новых фрейм-слотовых структур); в-третьих, прагматический потенциал (типичные особенности эмоционального воздействия на адресата).

Особое значение исследование метафорического моделирования какого-либо явления действительности приобретает именно в дискурсе средств массовой информации, так как современные СМИ давно перестали быть просто источником информации, они, по словам М.Н. Володиной, «являются неотъемлемыми компонентами социального бытия современно-го человека, основными средствами его приоб-

щения к событиям окружающего мира, посредниками в формировании культуры» [Володина 2008: 3]. В последнее время наблюдается всё возрастающий интерес лингвистов к вербальным особенностям средств массовой информации, так как «СМИ оказывают на нас не только сильнейшее влияние, но и сильнейшее давление» [Кубрякова, Цурикова 2008: 183]. Можно говорить о том, что средства массовой информации – зеркало общественной жизни, в котором, с одной стороны, отражаются все социально-значимые процессы; с другой стороны, это отражение несколько трансформировано с целью максимального воздействия на массового адресата, формирования его мировосприятия и культуры.

В средствах массовой информации освещаются практически все явления действительности, значимые для общества: внешняя политика и внутренняя жизнь страны, войны, теракты, болезни и т.п. Не последнюю роль в представлении событий играет метафора, так как поведение человека определяется не столько объективной реальностью, сколько системой репрезентаций человека, из чего следует, что выводы, которые мы делаем на основе метафорического мышления, могут формировать основу для действия [Будаев, Чудинов 2008: 51].

Одной из самых популярных тем, обсуждаемых в отечественной прессе, является тема миграции на территорию Российской Федерации. Современная реальность демонстрирует нам большое количество мигрантов в российском обществе, что порождает целый ряд объективно возникающих социальных проблем: адаптация мигрантов к проживанию в России, восприятие иностранцев «коренным» населением, особенности межкультурной коммуникации и т.д. Однако российские исследования по метафорическому моделированию миграции единичны, тогда как особенности конструирования и восприятия россиянами миграции посредством доминирующих метафорических моделей, функционирующих в дискурсе российской прессы, являются отражением естественного способа описания ситуации в области миграции и отношения к мигрантам россиян.

Деятельность СМИ рассматривается в рамках современной науки о языке как деятельность дискурсивная, т.е. тексты СМИ анализируются как входящие в особый тип дискурса – дискурса публицистического (М.Н. Володина, Е.С. Кубрякова, Л.В. Цурикова, В.И. Карасик, В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова, Л.Н. Синельникова, Е.А. Нахимова, А.П. Чудинов и др.). В рамках данной статьи необходимо уточнить значение термина «дискурс» и, в частности, «дискурс СМИ».

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психоло-

гическими и другими формами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмом их сознания (когнитивных процессах)» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 136].

Мы понимаем под дискурсом совокупность тематически или культурно взаимосвязанных текстов, допускающую развитие и дополнение другими текстами [Баранов, Караулов 1994: 179]. Следовательно, основное внимание при формировании и понимании смысла текстов должно уделяться социокультурным обстоятельствам дискурса, целям адресанта, характеристикам адресата, собственно передаваемой в пределах текста информации.

Как отмечают современные исследователи дискурсивной деятельности СМИ, в качестве ведущей функции в рамках масс-медиа выступает коммуникативно-когнитивная функция [Кубрякова, Цурикова 2004: 7]. Специфика ее заключается, с одной стороны, в ориентации на массового адресата, общение с которым, по сути, носит односторонний характер, а с другой – в распространении «особым образом препарированной, обработанной и сиюминутной информации» [Кубрякова, Цурикова 2004: 155]. Так как «дискурс СМИ отражает определенные СТРУКТУРЫ ЗНАНИЯ и ОЦЕНОК МИРА, ориентирующие адресата на определенное ОСМЫСЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» [Кубрякова, Цурикова 2008: 184], то именно целостный анализ метафорических моделей, функционирующих в текстах средств массовой информации, позволяет лучше осмыслить многие процессы, происходящие в российском обществе: отношение людей к существующему политическому, экономическому, культурному укладам.

Изучение метафор, используемых для репрезентации миграции в отечественных печатных и электронных изданиях, позволяет полнее осознать особенности восприятия нашими соотечественниками людей других национальностей, въезжающих на территорию Российской Федерации на постоянное место жительства или сезонные работы. Как справедливо заметил С.И. Виноградов, по семантике метафор можно изучать политическую историю страны, по распространенности тех или иных метафорических моделей – составить представление о ситуации, в которой она оказалась [Виноградов 1994: 71].

Использование когнитивно-дискурсивной методики предполагает изучение метафоры с учетом многообразных взаимоотношений между языком, мышлением и коммуникацией, спецификой СМИ и политическим состоянием общества, что, по мнению А.П. Чудинова, означает «исследование каждого конкретного текста с учетом политической ситуации, в которой он создан, и его соотношения с другими текстами» [Чудинов 2008: 419].

Материалом для исследования послужили различные по жанровой принадлежности публицистические тексты из печатных и электронных высоко тиражных российских СМИ: *Аргументы и факты*, *Комсомольская правда*, *Время новостей*, *Известия*, *Независимая газета*, *Правда*, *Российская газета*, *Новая газета*, *Газета.ru*. Всего проанализировано 4500 текстов (за период с 2000 по 2010 гг.), из которых отобрано 1500 метафорических словоупотреблений. Все рассмотренные тексты относятся к одному тематическому блоку (проблемам миграции в Россию) и рассчитаны на массового адресата. В данной статье представлен обзор наиболее продуктивных метафорических моделей, репрезентирующих миграцию в дискурсе российских СМИ.

Наиболее продуктивными (способными к развертыванию и образованию новых фрейм-слотовых структур) и частотными являются милитарная и экономическая метафорические модели, ниже представлена их краткая характеристика.

1. Метафорическая модель со сферой-источником «Война», представляющая мигранта как внешнюю угрозу для России и обладающая негативным прагматическим потенциалом. В отечественном медиа-дискурсе выделяется следующая фреймово-слотовая структура данной метафорической модели:

1. Фрейм «Образ врага». Метафорические определения мигранта в данном случае затрагивают не только его описание по этническому признаку, но и по характеру угрозы приезжего для коренных жителей страны. В рамках указанного фрейма можно выделить следующие слоты.

1.1. Слот «Этническое лицо врага»

Как ни описывай китайскую диаспору в Екатеринбурге, а пока она захватила только один микрорайон, расположенный вокруг вещевого рынка (Китайская грамота – *Время новостей*, № 14, 29.01.01); В связи с проблемой миграции в обществе начинает отчетливо проявляться «охранительная» тенденция... В отношении мигрантов из южных республик экс-СССР, а также Юго-Восточной Азии позиция однозначно негативная (Говорит и показывает народ – *Известия*, 28.07.03); Кем мы будем? Кто будет составлять наше общество через десять лет? «Азеры», «чурки», «косоглазые», «русские свиньи», ненавидящие и одновременно боящиеся друг друга? (В России создается образ мигранта-врага – *Время новостей*, № 69, 22.04.08).

В первую очередь, метафоры этого ряда касаются китайцев, особенно часто их метафорические определения появляются в статьях, посвященных миграции на Дальний Восток, так как эта часть страны граничит с Китаем, и по статистике такие мигранты занимают первое место в количественном отношении. Далее

следуют выходцы с Кавказа и из Центральной Азии: таджики, азербайджанцы, дагестанцы, узбеки, афганцы. Причем, как видно из примеров, метафорические единицы, используемые при их описании, имеют негативный прагматический потенциал не только на уровне лексического окружения (типа «коварный горец»), но и на уровне единичных лексем: «азеры», «чурки», «чебуреки», «хачики», «косоглазые», «узкоплечные». Подобные наименования возникают в силу идентификации «своих» и «чужих» на основе внешней инаковости, непохожести мигрантов на обладателей европейской внешности.

1.2. Слот «Характер угрозы»

В современных отечественных СМИ моделируется образ мигранта, как несомненного потенциального или реального источника всевозможных конфликтов (социальных, религиозных, этнических). Ср.:

Дети мигрантов – лишь одно из возможных лиц многоликой угрозы для нас и наших детей (Дети чужаков – *Газета.ru*, 14.05.09); Ирония истории заключается в том, что главную угрозу стабильности глобализованного мира видят сегодня в предприимчивых непоседах и переселенцах, то есть тех, кто на заре времен был застрельщиком глобализации (Национальные страхи и будущее глобализации – *Время новостей*, № 93, 29.05.08); Мы регулярно слышим стоны чиновников о засилье мигрантов, которые нарушают законы, не платят налоги и являются благодатной почвой для роста преступности (Некоторые городские сектора экономики уже захвачены иностранцами – *Известия*, 22.10.04).

Наиболее частотны здесь метафоры, отражающие восприятие мигрантов в качестве угрозы для российской экономики: приезжая на территорию РФ, переселенцы или гастарбайтеры активно вовлекаются в экономическую жизнь страны и влияют на нее. Подробнее данный аспект рассмотрен в ходе анализа экономической метафорической модели, представляющей миграцию.

2. Фрейм «Организация военной службы»

2.1. Слот «Специализация воинов»

Метафоры данного слота представляют собой прецедентные «милитарные» имена и названия: из истории Римской Империи, татаро-монгольского нашествия и проч.: орда, легионеры, гунны. Ср.:

Если центральная власть и дальше будет заниматься только полицейским регулированием миграции, закрывая глаза на ее социальные и экономические причины, если не озаботится экономическим развитием других регионов, орды мигрантов и дальше будет покрывать столицу (Гостей в столице ждут, но немного бояться – *Известия*, 06.06.07); Граждан СНГ – около половины всех «легионеров» (Патентованный

арматурщик – Время новостей, № 54, 31.03.05); ...держат себя иностранные рабочие около построек, *как гунны в завоеванной стране*, и решительно не желают считаться ни с чьими интересами (Шестиэтажные громады (книга «Москва повседневная») – Газета. ru, 01.11.05).

Все используемые прецедентные наименования отражают восприятие мигрантов как захватчиков-варваров, превращающих завоеванные земли в колонии, ср.:

Еще большие сложности с «родной» среднеазиатской миграцией. Она часто носит *«колониальный» характер* (Столица России не знает своего настоящего лица – Известия, 17.06.02).

Используются прецеденты, отражающие безусловную победу захватчиков: римские легионеры, покорившие весь мир; варвары-гунны, разрушившие Римскую Империю; татарская орда, пленившая Русь.

2.2. Слот «Воинские подразделения»

Этот слот представлен в описании мигрантов и миграционных процессов использованием самого крупного воинского подразделения – армии, так как все мигранты, пребывающие на территории России, воспринимаются как единая и сражающаяся заодно армия – за «место под солнцем». Ср.:

В результате у нас есть *многоязычная армия гастарбайтеров*, которые имеют на руках все документы для работы, но чем они занимаются и где находятся – этой информацией мы не располагаем (Тянут за язык – Время новостей, № 107, 19.06.08); Собираются в МВД решить и проблему поступления денег от использования *рабочих-иностранцев*, которых в России сейчас уже *целая армия*, не дающая, однако, поступлений в казну (Шесть миллиардов долларов от МВД – Время новостей, №130, 23.07.02).

Подобные метафорические образования, естественно, имеют негативные коннотации, так как речь идет о захватнической и разрушительной силе, а не об освободительной армии.

3. Фрейм «Военные действия и вооружение»

Слот «Военные действия»

Первую группу метафор слота составляют военные действия, предпринимаемые мигрантами в отношении России и россиян, здесь широко используются такие метафорические определения: *оккупировать, штурмовать, атаковать, завоевать* и мн.др. Ср.:

Гастарбайтеры штурмуют столицу: сейчас доступ к некоторым должностям для москвичей фактически закрыт благодаря сговорчивости гастарбайтеров по части зарплаты (Гастарбайтеры штурмуют столицу – Известия, 27.02.07); Проблема неконтролируемой миграции стоит очень остро и угрожает экономике Москвы. *Некоторые городские экономические сферы уже захвачены* (Некоторые городские сектора экономики уже захвачены иностранцами – Известия,

22.10.04); По словам Ирины Рукиной, *проблема оккупации мигрантами* в Москве есть («Они приезжают, рожают детей и *захватывают государство*» – Известия, 13.01.05).

Мигранты предстают как захватчики определенных социальных, экономических и других сфер жизни страны.

Вторая группа слота «Военные действия» представлена метафорами, отражающими «освободительные» военные манипуляции коренных жителей России против «засилия» мигрантов, чаще всего это: *зачистка, создание фильтрационных лагерей, партизанских отрядов и охранительных заслонов, формирование «черносотенной дружины*». Ср.:

Между тем *борьба с гастарбайтерами* объявлена в Москве чуть ли не основным приоритетом антикризисной политики города (Негражданам мы скажем: «Извини, дорогой!» – Газета.ru, 29.01.09); Чтобы спасти русских *нужно создавать партизанские отряды...* (Известия, 18.05.04); Станут они (пограничники) *единым заслоном и на пути мигрантов* и религиозного экстремизма (Налоговое лицо евразийского происхождения – Известия, 12.09.02); *Российские прилавки «освободили» от иностранцев* (Известия, 02.04.07); ... г-н Ткачев учреждает *«фильтрационные лагеря» для мигрантов*. Молодцеватый губернатор Громов поддерживает идею создания *«депортационных лагерей»* (Управляемая ксенофобия – Газета. ru, 02.11.04).

Очевидно, что метафоры указанного слота демонстрируют конфликтный характер отношений между «коренными» и приезжими, точнее – восприятие приезжих как злейшего внешнего врага, против которого необходимо вести священную освободительную войну.

4. Фрейм «Начало войны и ее итоги»

Слот «Начало и завершение военных действий»

«Захват» мигрантами территории России представлен в СМИ как процесс свершившийся и завершённый. Ср.:

«Захват рынка труда мигрантами» вызывает недовольство у россиян, влечет протестные акции, создает почву для экстремистских проявлений, а в совокупности с растущей безработицей среди граждан России ведет к росту преступности в целом», – резюмировали прокуроры (Голикову представили к экстремизму – Газета. ru, 18.06.09); Есть *захватившие землю русскую таджики-мигранты*, ушлые евреи, пытающиеся оседлать любой ценой народную инициативу (Автор ЖЖ-жжот – Газета. ru, 02.08.07).

Так как «захват земли русской» преподносится в СМИ как факт уже случившийся, то данный слот содержит глагольные метафоры в форме будущего времени лишь при описании усиления позиций мигрантов на «завоеванной территории» и пополнения рядов «свежими силами»:

В частности, по словам г-на Виноградова, в августе в столицу должны пойти «первые эшелоны» трудовых мигрантов, которых город «заказал» у партнеров в Узбекистане и Армении (Личная квота – Время новостей, № 112, 24.07.08).

5. Фрейм «Военное пространство». Данный фрейм включает в себя неотъемлемые составляющие любых военных операций либо на этапе их подготовки, либо в процессе непосредственного проведения военных действий: полигон, штаб, гетто, фронт и т.п. Ср.:

Российский Дальний Восток действительно похож на полигон, где все миграционные процессы протекают наиболее бурно (Привлечь и удержать – Время новостей, № 141, 07.08.02); Вчера на заседании городского «штаба по миграции» чиновники решили, что столичная квота на привлечение гастарбайтеров в 2008 году не превысит 300 тысяч человек (Придется поработать за двоих – Время новостей, № 212, 20.11.07); По мнению авторов обращения, «китаизация» этих районов «превратит юго-восток столицы в настоящее гетто с затрудненным выездом и преобладанием граждан иностранных государств с совершенно отличным от российского образом жизни и менталитетом...» (Капотня не Шанхай! – Время новостей, 22.07.09); Трудовой фронт ждет пополнения (Известия, 15.06.06); Кубанские власти первыми в стране создают депортационные лагеря. Внутри «пансионата», рассчитанного на 50 человек, будут «отдыхать», как выразился начальник РУВД края Кучерук, «всякие абреки, хачики и т.д.» (Режимные пансионаты – Известия, 18.04.03).

Особенно частотным при описании «военного пространства», организованного мигрантами, в СМИ является понятие «гетто»: граждане России опасаются, что на территории страны появятся кварталы «инородцев» и «иноверцев». Таким образом, посредством военной метафоры в дискурсе отечественных СМИ моделируется однозначно негативный образ миграции.

II. Метафорическая модель со сферой-источником «Экономика», состоящая из следующих фреймов и слотов:

1. Фрейм «Экономические операции, совершаемые с товаром»

1.1. Слот «Купля-продажа товара»

Метафоры данного слота недвусмысленно представляют мигранта как «живой товар», который покупается и продается. Ср.:

На бирже продаются легальные таджики (Газета. ru, 27.01.06); Россия является и страной-донором, и страной-получателем «живого товара» (Россия стала мировым центром по торговле людьми – Известия, 27.04.06); Москва хочет купить сантехников, служащих казино и футболистов: Валентина Матвиенко поручила превратить «осмысленную мигра-

ционную политику» России в «серьезный инструмент роста нашей страны» (Лимит на лимитчиков – Известия, 05.07.02).

Посредством подобных метафорических образований мигранты оцениваются как объект покупки и продажи их работодателями, данные метафоры обладают явно негативным прагматическим потенциалом, так как речь идет о купле-продаже живых людей, определяемых печатными средствами массовой информации словосочетанием «живой товар».

1.2. Слот «Контрабанда товара»

Рассматриваемый слот в равной степени можно отнести к криминальной метафоре, но любая контрабанда осуществляется в рамках экономического взаимодействия поставщика и покупателя, поэтому в подобных метафорах присутствует экономическая составляющая. Ср.:

«Ничего вредного я в этом не вижу, если все это будет проходить в рамках закона и мигранты будут официально регистрироваться. Т.е. не будет контрабанды живого товара», – Л. Бурмистров, вице-президент компании «Развитие общественных связей» (Бьют по паспорту – Известия, 20.02.02); Все силовые ведомства в России – и те, кто несет ответственность за пребывание иностранцев в России (МВД), и те, которыми пользуются люди, зарабатывающие деньги на нелегальных перевозках «живого товара» (Лягушки-нелегалы. Как немцы учили россиян мигрантов отлавливать – Известия, 25.11.01).

1.3. Слот «Доставка товара»

Доставка «живого товара» заказчику может производиться всеми известными и неизвестными путями: морским, авиационным, сухопутным. Ср.:

Гастарбайтер почтой: жизнь гастарбайтеров стала проще. Теперь они могут встать на учет по почте и всего за 10 дней получить право на работу в России (Мигранты влетели в одно окно – Газета. ru, 15.01.07); Но для того, чтобы действовать в этом вопросе силой, по крайней мере нужно иметь со странами, из которых вы собираетесь «выписывать» рабочую силу, соглашение по квотам (Последний верблюд – Известия, 22.07.07).

Нередко метафоры данного слота связаны с метафорами предыдущего, так как доставка дешевой иностранной рабочей силы зачастую осуществляется нелегально и имеет отношение к теневой экономике России. Ср.:

Широко распространенная в среде коммерсантов-москвичей практика «сливания» бесправной рабочей силы иногда дает сбои (Понаехали тут... – Известия, 04.08.02); Например, Кудышев упомянул о проблеме внутренних рейсов из Минвод, Краснодара, транзитом из Казахстана, которые по закону не подлежат миграционной проверке и пополняют ряды нелегалов в области и «товара» для пере-

броски за границу (Калининградцы ждут мигрантов с распростертыми объятиями – Известия, 16.07.02).

1.4. Слот «Импорт товара».

Пополнение мигрантами российского рынка труда в печатных СМИ определяется как *импорт «живого товара», «рабочих рук», «трудовых ресурсов»* из таких стран-экспортеров, как Китай, Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан. Ср.:

Скорректировать параметры «импорта» трудовых ресурсов заставил очевидный факт... (Лимит на гостеприимство повышен – Время новостей, № 186, 08.10.08); *Иммигрантов поставляют* главным образом Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан («Армии» рабочих мигрантов не способны остановить вымирание населения в России – Известия, 06.04.06); *А на третьем месте... Китай, «экспортировавший» в Россию 800 тысяч своих граждан* (Ручной кризис – Аргументы и факты, № 5 (91), 31.01.08).

Метафорическая характеристика мигранта как импортируемой единицы является одной из самых распространенных в рамках экономической модели.

2. Фрейм «Качественные характеристики товара». Метафоры, составляющие данный фрейм, как правило, обладают положительным прагматическим потенциалом, так как, по мнению авторов публикаций, главные качества, присущие мигрантам – это *низкая стоимость, удобство в эксплуатации, большое количество благ для российской экономики*.

2.1. Слот «Стоимость товара»

Метафорические характеристики мигранта в анализируемом слоте представляют собой оценку стоимости *иностранной рабочей силы* как *дешевой*. Если указывается, что *миграция в Россию – явление дорогостоящее*, то подается это в СМИ в явно негативном ключе. Ср.:

Сколько стоят мигранты? (Узкое горло в Россию – Газета.ru, 22.07.07); *«В стране невольничий рынок дешевого труда», – заметил Ромодановский. По его словам, гастарбайтеры, как правило, бесправны...* (МВД ведет мигрантов к свету – Газета.ru, 16.03.06); *Иностранец отныне станет дорогим удовольствием* (Сколько стоит гастарбайтер? – Время новостей, № 219, 27.11.02).

Мигрант, как прочие товары и услуги, имеет рыночную стоимость. Одно из ведущих преимуществ гастарбайтеров по сравнению с «коренными» трудовыми ресурсами – неприхотливость и мизерная оплата их труда – послужило поводом для оценки мигрантов как «дешевого труда».

2.2. Слот «Эксплуатация товара»

Метафоры в рамках данного слота подчеркивают *удобство в эксплуатации мигрантов* и характеризуют ниши в российской экономике, которые *последние способны заполнить*.

Еще немалое число предпринимателей в России пользуется выгодами нелегальной ми-

грации, ведь бесправный иммигрант особенно удобен для неограниченной эксплуатации (Пропуском в Россию должна быть не платежеспособность, а квалификация – Время новостей, №199, 26.10.05); *Строительный комплекс является главным потребителем мигрантов в столице – около 40 % от общей квоты привлекаемых иностранных граждан используются на строительных объектах Москвы* (Квартирный провал – Газета.ru, 22.12.08); *Мигранты – двигатель торговли, так как законодательное вытеснение их с розничных рынков после введения полного запрета на торговлю для иностранцев не заставило россиян занять их места за прилавками* (Мигранты – двигатель торговли – Время новостей, № 69, 19.04.07).

2.3. Слот «Блага товара для потребителя»

Потребителем в данном случае является Россия, с ее экономическими, демографическими и кадровыми проблемами, которые в состоянии решить *квалифицированные мигранты*. Метафорические образования этого слота имеют позитивный прагматический потенциал: мигрант оценивается как неоспоримое благо для страны. Ср.:

Конечно же, миллионы мигрантов – это огромное богатство, получив которое после распада Союза, Россия могла бы стать, как считает Егор Гайдар, «Америкой XXI века» (Меня оштрафовали на 4,5 тысячи за разбитый унитаз – Известия, 31.03.06); *Валентина Матвиенко поручила превратить «осмысленную миграционную политику» России в «серьезный инструмент роста экономики нашей страны»* (Лимит на лимитчиков – Известия, 05.07.02).

Таким образом, существование экономической метафорической модели, репрезентирующей образ миграции и мигранта в российских печатных СМИ, отражает представление о приезжих из других стран как о значимом для экономики России факторе. Стоит отметить, что образные характеристики рассмотренной модели зачастую обладают положительным прагматическим потенциалом, представляя иммигрантов как «благо и ценность» для экономического роста России.

Кроме рассмотренных метафорических моделей, миграция в российских печатных СМИ представлена также стихийной, зооморфной, морбиальной, криминальной, театральной метафорическими моделями, обладающими негативным прагматическим потенциалом. Если учесть, что роль скинхедов и подобных им организаций в нашем обществе сильно преувеличена: количество человек в них во всех регионах РФ составляет 40-45 тысяч человек [Беккер 2005: 25], то недооценить в этом вопросе силу воздействия медийных средств нельзя. Отрицательный образ миграции, моделирующийся в дискурсе СМИ, подтверждает ту мысль, что именно СМИ, а никакой иной инструмент, в

первую очередь формируют общественное мнение, в том числе этноксенофобию в сознании россиян.

В перспективе данного исследования – расширение источников материала, сопоставление данных, полученных в результате ассоциативного эксперимента, с метафорами, функционирующими в текстах печатных СМИ, с целью объективного описания целостной картины представления о миграции в национальном сознании россиян.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. С. 184-193.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М.: Помовский и партнеры, 1994. 330 с.

Беккер В. Пассионарная арифметика // Политический журнал. 2005. № 41.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. Изд. 2-е, стер. 123 с.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации: монография. – М.: Флинта: Наука, 2008. 248 с.

Виноградов С.И. Выразительные средства в парламентской речи // Культура парламентской речи. – М., 1994.

Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов [под ред. М.Н. Володиной] – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. С. 6-24.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во МГУ, 1996. 247 с.

Кубрякова Е.С., Цурикова Л.В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык средств массовой информации: Учебное пособие по специализации. В 2-х ч. Часть 2. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 126-159.

Кубрякова Е.С., Цурикова Л.В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов [под ред. М.Н. Володиной] – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. С. 183-209.

Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энцикл., 1990. 682 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): Монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование метафоры в текстах СМИ // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов [под ред. М.Н. Володиной] – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. С. 419-435.

© Веснина Л.Е., 2010

Ворошилова М.Б.
Екатеринбург, Россия

**КРИЗИС СКВОЗЬ СМЕХ:
МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ
МИРОВОГО КРИЗИСА
В РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ**

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. В ситуации современного мирового кризиса в политическом дискурсе особое значение приобретает неформальная коммуникация, одним из самых эффективных орудий становится политическая карикатура, которая позволяет открыто и довольно точно выразить общественное, часто критическое мнение. В рамках настоящей статьи мы представляем результаты исследования метафорического образа мирового кризиса в современной русской политической карикатуре.

Ключевые слова: политическая коммуникация, неформальная политическая коммуникация, политическая карикатура, кризис, политическая метафора.

Сведения об авторе: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, к. 285.

E-mail: shinkari@mail.ru.

Voroshilova M.B.
Ekaterinburg, Russia

**CRISIS THROUGH LAUGHTER:
METAPHORICAL IMAGE
OF THE WORLD CRISIS
IN RUSSIAN POLITICAL CARICATURE**

ГЧТИ 16.21.27, 16.21.33

Код ВАК 10.02.01

Abstract. In terms of the world crisis the important role in political discourse is given to informal communication, one of the most effective tools of which is political caricature, it allows openly and clearly express opinion of the public, which is often critical. In this article we present the results of analysis of the metaphorical image of the world crisis in contemporary Russian caricature.

Key words: political communication, informal political communication, political caricature, crisis, political metaphor.

About the author: Voroshilova Maria Borisovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

26, k. 285.

Неформальная политическая коммуникация. В современном политическом дискурсе особое место занимает неформальная коммуникация, что отчасти обусловлено как резким падением доверия к официальным средствам массовой информации, так и спецификой неформальных каналов коммуникации, которые нацелены не столько на передачу информации в политической сфере, сколько на выражение отношения к ней. Придавая представлениям о политике эмоциональную окраску, они упрощают восприятие информации, делая ее доступной для всех социальных групп. Неформальная политическая коммуникация и такие ее формы, как слухи, анекдоты, пародии, граффити и карикатуры, несомненно, играют заметную роль в процессе восприятия и понимания происходящего в политике, они позволяют ориентироваться в многообразии политических процессов и явлений, формировать отношение к ним, влияют на поведение людей в политике.

Одним из основных «орудий» неформальной политической коммуникации является смех, точнее сказать (используя современную терминологию) политический юмор. Именно смех в русской национальном сознании является лучшим «лекарством, единственно верным оружием со всемирным злом», в том числе и с мировым кризисом. Неслучайно, говоря о значимости юмора политическом дискурсе, А.В. Дмитриев называл его «пятой ветвью власти» [Дмитриев 1996: 4].

Юмор, и в том числе политический юмор, позволяет в яркой, сконцентрированной, «сжатой как пружина» форме вскрыть противоречия, двойные стандарты столь распространенные в политике, нередко наглядно демонстрируя абсурдность ситуации. Еще Джордж Оруэлл в свое время писал: «каждая шутка – это крошечная революция». Шутка дает возможность открыто выразить общественную, как правило, критическую оценку того или иного явления и, прежде всего, действия властей. Таким образом, политический юмор, в первую очередь, дает нам свободу самовыражения, дает силы сказать то, что мы зачастую боимся сказать прямо. Он «очищает общество и защищает часть населения от авторитарных поползновений властей» [там же].

Но все же главная цель политического юмора заключается не столько в обличении, в раскрытии тайн, сколько в попытке «пережить», «переварить», «победить» ту или иную сложную, кризисную ситуацию, подняться над проблемой. Эту компенсирующую функцию юмора в рамках политической коммуникации точно подметил еще М.М. Бахтин в своем исследовании смеховой культуры Средневековья. Итак, недовольство политической обстановкой, выраженное в юмористической форме, в первую очередь, позволяет снять напряжение и почувствовать свое превосходство над ситуацией или политиками [см. в частности Разуваев 2002].

Поэтому в кризисные, и особенно посткризисные, периоды развития общества особую актуальность приобретает именно неформальная политическая коммуникация, что и определило повышенный интерес к ней современных исследователей и специалистов из различных областей науки, в том числе и лингвистов-когнитологов.

Каждый новый поворот в историческом развитии общества, по мнению представителей когнитивной лингвистики, приводит к определенной языковой «перестройке», создает свой особый набор лексического, когнитивного инструментария, включающего концептуальные метафоры, в том числе прецедентные образы и символы. Смена концептуальной парадигмы обычно совпадает с неким кризисом, переворотом в обществе и культуре. Концептуальные метафоры не просто отражают существующее общественное сознание, они предлагают некий выход из сложных ситуаций, настраивают на определенный тип поведения (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, О.П. Ермакова, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, Н.А. Кузьмина, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Т.Г. Скребцова, А.П. Чудинов и др.).

Политическая карикатура. Карикатура как жанр искусства появилась довольно давно – по некоторым свидетельствам, первым создателем карикатур был Леонардо да Винчи. Название «карикатура» происходит от итальянского слова *caricare*, которое означает «нагружать», «преувеличивать». Понятие карикатуры современными исследователями определяется двояко. Во-первых, это сатирическое или юмористическое изображение, в котором комический эффект достигается с помощью неожиданных сопоставлений или уподоблений, а также путем преувеличения и заострения каких-нибудь черт. Во-вторых, карикатура – это жанр изобразительного искусства, являющийся основной формой изобразительной сатиры, часто обладающий тенденциозной социально-критической направленностью, подвергающий осмеянию какие-либо социальные, общественно-политические, бытовые явления, реальных лиц или характерные типы людей, произведение или отдельный художественный образ, в котором в юмористической или сатирической форме передаются характерные признаки.

Карикатура формировалась в основном в рамках сатиры, поэтому основные пики ее развития исторически совпадали с периодами самых напряженных социальных преобразований и острой идейной борьбы. В России пик развития жанра карикатуры приходится на XX век, при советской власти она использовалась не только в борьбе с классовыми противниками, но и для критики целого ряда явлений в собственных рядах. Ею активно пользовался Демьян Бедный, а Владимир Маяковский с ее помощью издевался над мировой и отечественной бур-

жуазией в «Мистерии-Буфф» и «150 000 000». И в настоящее время карикатура остается одним из самых действенных орудий в политической борьбе.

Глобальные социальные изменения, происходящие в России в начале XXI века в условиях мирового кризиса привели к коренному преобразованию социальных и культурных отношений и системы ценностей, и, как мы уже отметили выше, своеобразным откликом на произошедшие преобразования стало актуализация неформальной политической коммуникации и особенно ее визуальных средств. Особое место в современном политическом дискурсе справедливо заняла карикатура. Ее роль и значение определяются в первую очередь наглядностью передаваемой информации, используя концептуальные образы, автор может очень точно передать суть какого-либо социального явления, отношение свое и общества к изображенным персонажам, проблемам. «Визуальные средства в отличие от вербальных или интеллектуальных (слово, понятие, теории) позволяют человеку практически мгновенно воспринимать запрограммированное воздействие (хотя сработать оно может значительно позднее), причем это воздействие является и более глубоким, поскольку визуальные системы влияют не только на интеллект, но и на эмоционально-чувственный базис человека» [Розин 2006: 26].

Но мы должны отметить: если такие традиционные формы неформальной коммуникации, как слухи и анекдоты, действительно, в последние годы все чаще привлекают внимание исследователей, то семантически осложненные тексты политической коммуникации, в том числе карикатуры, еще ждут своего детального анализа, что обусловлено отсутствием разработанного и утвердившегося инструментария исследований текстов подобного рода.

Переход к новой научной парадигме в лингвистике на рубеже XX-XXI веков, постановка новых вопросов, «экспансионизм» (Е.С. Кубрякова) современной науки, несомненно, обусловили расширение круга изучаемых явлений, тем или иным способом связанных с передачей и восприятием информации в современном мире. Теперь на первый план были выдвинуты задачи всестороннего исследования языка во всем многообразии его связей, в том числе с другими семиотическими системами. За последние годы в рамках современной лингвистики интерес к невербальным средствам коммуникации, так называемой «визуальной информации», значительно возрос, что отмечается в большинстве исследований, посвященных не традиционной лингвистике текста, а лингвистике семиотически осложненного, «нетрадиционного», видеовербального, составного, поликодового, креолизованного текста (Е.Е. Анисимова, В.М. Березин, Л.С. Большакина, Н.С. Валгина, Л.В. Головина, Е.В. Горина, А.Ю. Зенкова, О.Л. Каменская,

В.М. Клюканов, Э.А. Лазарева, Н.В. Месхишвили, О.В. Пойманова, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, L. Bardin, B. Karlavaris, S.D. Sauerbier и др.). Но в настоящий момент до сих пор не сложилась комплексная методика анализа креолизованного текста. Как правило, современные исследователи, занимающиеся изучением креолизованного текста, ограничиваются изучением соотношения вербальной и иконической, визуальной знаковых систем, то есть описанием невербальных, графических средства, сопровождающих письменную речь [подр. см. Ворошилова 2006, 2007, 2007а, 2008].

Мировой кризис – это. В рамках настоящей статьи мы представляем результаты исследования метафорического образа мирового кризиса в современной русской политической карикатуре. Методом сплошной выборки нами были отобраны 100 русских политических карикатур о мировом кризисе, представленные в Интернет. Основные «герои» данных текстов, иначе говоря, сферы-мишени метафорической экспансии – это:

- кризис (главное действующее лицо),
- ипотека и чиновник (как основные «провокаторы» данного кризиса),
- экономика, деньги, банк, народ, как правило, рабочий (в роли пострадавших).

Мировой кризис – это главное действующее лицо во всех анализируемых текстах, именно его метафорический образ мы представим в настоящей статье.

Наиболее частотной (32%) ментальной сферой метафорического представления кризиса в современной русской политической карикатуре является артефактный образ катастрофы: кризис изображается авторами как авиакатастрофа, крушение корабля, падение воздушного шара и т.д. Таким образом, в значении образа мирового кризиса актуализируется семантика «трагических последствий» [Ожегов 1997: 269], которая в официальных российских СМИ активно скрывалась, затиралась, нас убеждали, что кризис – это лишь очередной виток развития, что для нас кризис не страшен, мы к нему готовы. Но когда падает самолет, погибают люди, быть к этому готовым нельзя. Обращение авторов к образам катастроф актуализирует и неизбежность данных трагических последствий, остановить падение самолета невозможно, также как невозможно остановить развитие кризиса.

Данный информационный конфликт был представлен в карикатуре «Дед Мазай и зайцы» (рис. 1.). Автор использует метафорическую модель КРИЗИС – ЭТО ЦУНАМИ, цунами, смывающее и уничтожающее все на своем пути, его первая волна, как правило, всего лишь предупреждение, и в тот момент, когда нам говорят, «самое страшное позади», появляется самая разрушительная вторая волна, на сей раз дед Мазай не спасет зайцев.

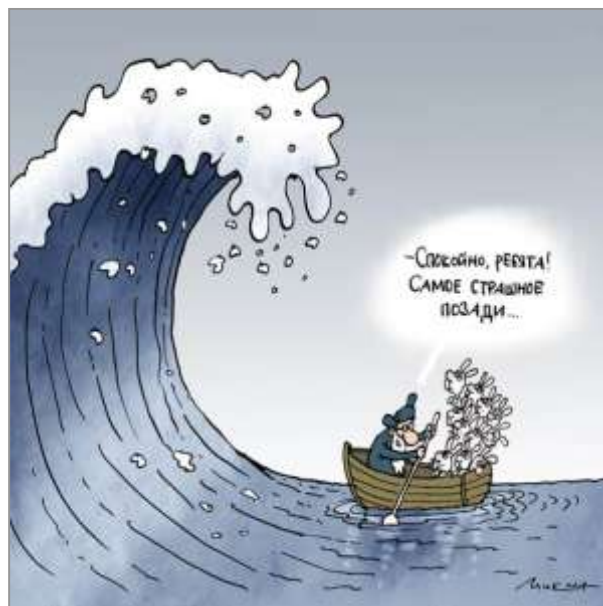

Рис. 1

Таким образом, в анализируемых креолизованных текстах политической карикатуры, где эмоциональная составляющая часто является ведущей, именно семантический компонент трагических и неизбежных последствий задает общий тон. Лишь в одном примере, автор актуализировал семантику аварии, «повреждения, выход из строя... во время движения» [Ожегов 1997: 16], представил мировой кризис как сбой в работе некоего механизма самолета, образ, нередко используемый в российских СМИ, описывающих современный мировой кризис как некий сбой в экономической системе, необходимо лишь заменить или отремонтировать вышедший из строя механизм, и вопрос будет решен.

Однако, такая трактовка образа мирового кризиса в анализируемом дискурсе единична, чаще авторы акцентируют именно страшные результаты кризиса, которые еще ждут нас впереди. Так например, близким по своему прагматическому потенциалу к описанной выше метафорической модели, на наш взгляд, является используемый авторами метафорический образ кризиса-монстра, чудовища, безжалостного и равнодушного к человеку, уничтожающего все на своем пути. В данной метафорической модели, обладающей ярко выраженными агрессивно-прагматическим потенциалом, на первый план выходит, уже отмеченный нами ранее, семантический компонент неизбежности: бороться с кризисом бесполезно, все предпринимаемые меры безрезультатны. Так в одном из текстов в невербальном компоненте представлен скучающий дракон, головы которого ведут следующий диалог: «А что это были за богатыри, которых мы только сожрали?» – «Да, какие-то антикризисные меры...». В другом примере автор обращается к прецедентному тексту И. Крылова «Слон и моська», только моська на

сей раз серьезно вооружена, а кризис-слон «себе идет» и давит моську. Таким образом, авторы русской политической карикатуры представляют кризис не просто неким очередным эволюционным витком в экономике, а как страшный, разрушительный процесс, который уже набрал свою силу и остановить его невозможно, также как невозможно избежать те трагические последствия, которые он несет.

Отметим также, что все описанные выше визуальные образы нередко объединены семантикой падения, данная ментальная сфера не только традиционна для экономического дискурса (см. напр., Колотнина 2001), но и несомненно актуальна в современной экономической ситуации, что подтверждается обращением авторов в анализируемых текстах и к таким метафорическим моделям, как КРИЗИС – ЭТО ДВИЖЕНИЕ ПО СКЛОНУ, КРИЗИС – ЭТО ОБВАЛ. Но, обращаясь к стертым экономическим метафорам, авторы «оживляют» их, используя классический прием оппозитивной корреляции, когда содержание, переданное невербальными средствами, вступает в противоречие с вербальной информацией, на основе этого часто возникает комический эффект, столь актуальный в тексте карикатуры. Так например, описанный выше информационный конфликт, вновь становится в центре внимания авторов следующей карикатуры (рис 2.). Вербальный компонент несет яркую позитивную оценку происходящего, представляемую официальными российским СМИ, но обращаясь к невербальному компоненту, мы понимаем, что остановить это «радостное» движение вниз уже невозможно, нас ждет не только столкновение, но и неизбежно падение с обрыва.

Рис 2.

Отметим, что в данной карикатуре автор поднимает вопрос о причинах столь стремительно развития кризиса, и основной называет человеческий фактор: главной причиной кризи-

са – является сам человек, а не некие таинственные экономические механизмы; ведь выбрав иное поведение, можно было избежать падения.

Данный семантический компонент наиболее ярко представлен в карикатурах, обыгрывающих метафорическую модель КРИЗИС – ЭТО ПАДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. Наиболее частотными в анализируемых текстах являются образы несчастного случая, когда человек подсаживается на кожуру банана, в луже грязи и т.д. – падает. В данных текстах причиной кризиса является неряшливость человека, бросившего эту кожуру, разлившего лужу, и невнимательность, недалекость идущего.

Второй по степени частотности (17%) в анализируемых текстах является метафорическая модель КРИЗИС – ЭТО КАЧЕЛИ, ключевой семантический компонент которой – нестабильность, за кажущимся улучшением – вновь падение. Но преимущество данной модели в том, что она позволяет не только представить кризис, но и объяснить его причину. Экономические качели раскачивают банки, мировые валюты (доллар и веро), чиновники, вновь утверждающие, что «у нас все под контролем». Помимо этого данный метафорический образ актуализировал и семантику взаимозависимости, нельзя выйти из кризиса решив лишь одну проблему, стабилизировав положение в одной из отраслей, в одной из стран. Так в представленной ниже карикатуре автор поднимает вопрос о зависимости экономики России от мировой экономической ситуации (рис. 3): только общая стабилизация позволит выйти из кризиса.

Рис. 3

Семантика трагичности, уже указанные нами в начале статьи, вновь актуализируется в морбиальных метафорических образах, тяжелой болезни и смерти, занимающих по степени частотности третье место (12%). Данные метафорические образы, как отмечают современ-

ные исследователи, традиционны для экономического дискурса и как правило активизируются именно в кризисные периоды [Колотнина 2001: 67]. Поэтому в качестве основного конфликта авторы вновь обращаются к проблеме информационного диссонанса (рис. 4): вербальный компонент гласит, что «в Америке все хорошо», только кризис-смерть стоит уже за спиной.

Рис. 4.

Морбиальная метафора тяжелого больного вновь актуализирует семантику нестабильности, за кажущимся улучшением может скрываться очередная и более страшный кризис. В одном из примеров семантический компонент нестабильности актуализируется в вербальном компоненте, за счет использования прецедентного высказывания, не раз обсуждаемого в СМИ: «Доктор Кудрин, мне уже лучше» – «Не-не-не, это временная коррекция».

Итак, в ситуации современного мирового кризиса в политическом дискурсе особое значение приобретает неформальная коммуникация, одним из самых эффективных орудий становится политическая карикатура, которая позволяет открыто и довольно точно выразить

общественное мнение, которое, как мы увидели, часто не соответствует мнению, формируемому в официальных СМИ.

Метафорический образ мирового кризиса в современной русской политической карикатуре основан на трех ключевых метафорических моделях: кризис – это падение (в том числе, катастрофа), кризис – это качели, кризис – тяжелая болезнь, смерть. В качестве определяющих семантических компонентов образа кризиса можно отметить следующие: нестабильность, неизбежность и трагичность последствий.

ЛИТЕРАТУРА

Щенникова О.Н. Неформальная коммуникация в политике. URL: <http://izvestia.asu.ru/2008/4-1/poli/TheNewsOfASU-2008-4-1-poli-08.pdf>.

Разуваев В.В. Политический смех в современной России. – М.: ГУ-ВШЭ, 2002.

Мищенко И.Е. Юмор в политике (функции и технологии): магистерская диссертация. – М., 2005.

Дмитриев А.В. Социология юмора: Очерки. – М., 1996.

Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика: сб. научн. тр. [Урал. гос. пед. ун-т] – Екатеринбург, 2006. Вып. 20. С. 180-190.

Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика: сб. научн. тр. [Урал. гос. пед. ун-т] – Екатеринбург, 2007. Вып. (1)21. С. 75-80.

Ворошилова М.Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика: сб. научн. тр. [Урал. гос. пед. ун-т] – Екатеринбург, 2007а. Вып. (3)23. С. 73-78.

Ворошилова М.Б. Политическая карикатура как креолизованный текст // Русский язык: человек, культура, коммуникация: сб. научн. тр. – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2008. С. 256-263.

Розин В.М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и воспринимает мир. – М., 2006.

Колотнина Е.В. Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе (спец. 10.02.20. – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание): Дис... канд. филол. наук – Екатеринбург, 2001.

© Ворошилова М.Б., 2010

Диасамидзе Л.Р.
Тюмень, Россия

Diasamidze L.R.
Tumen, Russia

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ
РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ В РОССИЙСКИХ И
АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОГАХ

GENDER ASPECT OF REALIZATION
OF SPEECH STRATEGIES IN RUSSIAN AND
AMERICAN POLITICAL WEBLOGS

УДК 81'42

ГСНТИ 16.21.27, 16.41.21

ББК Ш 100.3

Код ВАК 10.02.19

Аннотация. В статье рассматриваются речевые стратегии, употребляемые в российских и американских политических блогах, а также предпринимается попытка определения гендерно обусловленных предпочтений их употребления.

Abstract. This article deals with speech strategies, used in Russian and American political weblogs and attempts to identify preferences of their usage, conditioned by gender of authors.

Ключевые слова: политическая лингвистика, речевая стратегия, гендер, интернет.

Key words: political linguistics, speech strategy, gender, internet.

Сведения об авторе: Диасамидзе Любовь Романовна, ассистент кафедры английского языка, аспирант.

About the author: Diasamidze Lubov Romanovna., Assistant of the Chair of the English Language, Post-graduate Student.

Место работы: Тюменский государственный университет.

Place of employment: Tumen State University

Контактная информация: 625034, Тюмень, ул. Домостроителей 4а, кв. 61.

E-mail: luba.diasamidze@gmail.com

Актуальные проблемы современной лингвистики переходят в область междисциплинарных исследований, образуя новую область знаний. Одно из стремительно развивающихся в настоящее время направлений этого знания – политическая лингвистика.

А.П. Чудинов и Э.В. Будаев выделяют следующие признаки современного этапа развития политической лингвистики.

1) «глобализация» (расширение географии исследований, освоение методологий, методик и тем, недоступных ранее);

2) расширение сферы научных интересов, внимание к новым проблемам и аспектам взаимодействия языка, власти и общества (таким как дискурс терроризма, политкорректность, социальная толерантность и др.);

3) самостоятельность, наличие собственных традиций, научных школ и методик [Будаев, Чудинов 2006: 75-94].

Направлениями политической лингвистики являются риторическое, когнитивное и дискурсивное [Будаев, Чудинов 2008: 82-90]. В рамках последнего выполнено исследование, представленное в нашей статье. Наше внимание сосредоточено на средствах, которые социальная власть использует для формирования мнения граждан (читателей блогов) и воздействия на них, а также на контент-анализе дискурса политических блогов.

В статье мы рассмотрим дискурс участников виртуальной коммуникации – авторов сетевых дневников, «веблогов». Дискурс этот будет являться политическим, отвечая определению Т. ван Дейка [Teun Van Dijk 1998], согласно которому политический дискурс – это класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно политикой. Кроме профессиональных рамок, ученый отмечает, что политический дискурс в то же время является формой институ-

ционального дискурса (дискурсы, производимые в институциональных окружающих обстановках съезда партии, заседания правительства, политических дебатов и т.д.). Таким образом, у нас возникает дополнительный интерес при исследовании политического дискурса на новой виртуальной «арене».

По нашим наблюдениям, основными целями, которые преследует политический блоггинг, являются:

- информирование читателей о событиях на политической арене страны и в кулуарах;
- побуждение читателей к совершению определенных действий (голосование, митинг, подписание письма–обращения и т.д.);
- дефамация политических противников и свое положительное позиционирование.

Цели эти определяются «высшей целью» политики, которой является борьба за власть. Их реализацию мы наблюдаем в речевом поведении политика, который является отправителем сообщения. Чтобы понять, достигнет ли сообщения цели или нет, мы прибегаем к инструментам прагматики.

Прагматика на современном этапе развития лингвистической науки представляет собой междисциплинарную проблемную область, в которую включены практически все лингвистические, многие логико-философские, психологические, социологические, этнографические и некоторые кибернетические направления. Речевая деятельность в прагмалингвистике рассматривается как деятельность отправителя текста по осознанному, мотивированному, целенаправленному выбору языковых единиц в конкретных условиях речевого акта для достижения оптимального результата общения [Матвеева 1998: 83; Эрвин-Трипп 1975: 336-362]. Единицей исследования речевой деятельности выступает высказывание, которое, прежде все-

го, общепринято считается единицей речи. Ее основным свойством считается законченность выражаемого содержания. Выбор нужной для адресанта единицы речи определяется целями и мотивами, которые являются экстралингвистическими факторами обоснования выбора и которые объясняют нам тот факт, что выбор адресантом продумывается и направлен на достижение конечного оптимально результата.

При выборе высказывания адресант учитывает все внешние компоненты речевого акта. По вопросу о количестве и качестве учитываемых компонентов речевого акта также нет единства среди ученых. Выделяется от 3 [Бюлер 2000: 34] до 7 [Хаймс 1975: 58] компонентов речевого акта. Три компонента, безусловно, самые важные и учитываются всеми: отправитель – текст – получатель. Адресатом является все множество пользователей сети интернет, которые посещают блог данного политика. Массовость и неоднородность адресата сообщения требует от отправителя тщательности при продумывании сообщения, чтобы оно достигло адресата, и политическая коммуникация достигла своей цели. Причем отправитель и получатель – участники речевого акта обладают целым рядом свойств нелингвистического характера, которые влияют на выбор текста отправителем. К ним относятся: социальные свойства – пол, возраст, образование, культура, социальный статус; психологические свойства – черты характера и темперамента; ситуативные свойства – социальные роли участников, степень знакомства, официальная/неформальная обстановка речевого общения [Эрвин-Трипп 1975: 336-362]. При даже частичном неучете этих экстралингвистических факторов цели отправителя текста не достигаются, более того, возможно возникновение конфликтной ситуации общения [Матвеева, Петрова: URL]. Блог является реализацией одностороннего общения. Тем не менее, чтобы коммуникация состоялась успешно, необходимо, чтобы читатель чувствовал себя вовлеченным в разговор, чувствовал внимание ведущего дневник.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают когнитивно-речевые стратегии, поскольку они являются вербальным выражением целей, мотивов и интенций. Согласно О.С. Иссерс, речевая стратегия – это планирование речевой коммуникации в зависимости от условий общения и личностей коммуникантов, а также реализация этого плана [Иссерс 2002: 140]. Для анализа мы воспользуемся классификацией речевых стратегий Т. Ван Дейка, который выделяет: обобщение, приведение примера, поправка, усиление, уступка, повтор, контраст, смягчение, сдвиг, уклонение и пресуппозицию, в одном ряду с которой стоит предположение, импликация, косвенный речевой акт [Ван Дейк 1989: 294-300]. Данные стратегии являются эмотивно-ориентированными, поскольку связаны с отправителем текста [Матвеева: URL].

Далее представим конкретные речевые стратегии в русских и американских политических блогах.

В нашем исследовании мы рассмотрели 11 русскоязычных политических блогов, авторами которых являлись мужчины и 13 блогов, авторами которых являлись женщины. Нами было выделено 137 речевых стратегий в 34 записях в блогах, сделанных мужчинами и 111 стратегий в 36 записях, сделанных женщинами. Результаты исследования русскоязычного материала представлены в таблице 1.

Таблица 1

Речевые стратегии	Частотность употребления		% от общего кол-ва	
	(М)	(Ж)	(М)	(Ж)
Обобщение	15	21	11%	19%
Пример	15	4	11%	3,5%
Поправка	–	2	–	2%
Усиление	29	24	21%	21,5%
Уступка	11	6	8%	5,5%
Повтор	1	4	1%	3,5%
Контраст	24	10	17%	9%
Смягчение	6	4	4%	3,5%
Сдвиг	1	–	1%	–
Уклонение	8	2	6%	2%
Импликация, Пресуппозиция, Предположение, Косвенный речевой акт	27	34	20%	30,5%

Итак, можно говорить о том, что для мужчин наиболее распространенными речевыми стратегиями в политических блогах являются: усиление, предположение (косвенный речевой акт) и контраст. Стратегия усиления (21% от общего количества) направлена на подчеркивание автором негативных сторон рассматриваемых фактов и проблем, что можно наблюдать в следующих примерах:

- «я профессиональный военный, отдавший нашим Вооруженным Силам 24 года службы, с болью наблюдаю за тем, во что ныне превратилась «непобедимая и легендарная» (блог В.И. Алксниса);
 - «Политический сепаратизм недопустим, он просто смертелен» (блог Б.Е. Немцова);
 - «На самом деле нам предъявлен какой-то уж совсем запредельный образец политического цинизма» (блог А.В. Богданова).
- Почти так же часто употребляются стратегии, выражающие предположение, импликацию, косвенный речевой акт (20% от общего количества). Например:
- «Впрочем, может быть, эти ценности уже исчерпали себя?» (блог Л. Невзлиной);
 - «Кто вы теперь? Некоторый инструмент влияния внутри одной из башен Кремля? Ну, допустим» (блог В. Шендеровича);

• «Что-то подобное наверняка произойдет. Но мы к этому готовы» (блог Л. Невзлина).

С помощью контраста автором создаются оппозиции я – он, мы – они, где подчеркиваются положительные и отрицательные стороны участников отношения контраста. Например:

• «под эти идеи я (Богданов Андрей) пришел в партию и с тех пор от них не отказывался (в отличие от того же Травкина)» (блог А.В. Богданова);

В некоторых случаях у авторов-мужчин стратегия контраста не подразумевает разделение на «хороших» и «плохих», а просто структурирует информацию. Например:

• «... все ключевые и даже совсем не ключевые решения принимает «еще тот» президент и его администрация, его правительство, его парламент, а вот политическая ответственность за эти решения уже, как минимум, делится между «еще тем» и «уже этим» (блог В. Новоселова).

Женщины в российских политических блогах в основном прибегают почти к такому же набору речевых стратегий, что и мужчины, но с измененными приоритетами. Женские речевые стратегии это предположение (косвенный речевой акт), усиление и обобщение.

Предположение, импликация – самые распространенные тактики в женских политических блогах (30,5% от общего количества), служащие для смягчения негативных выводов. Например:

• «Полагаю, таких оговорок мы услышим в ближайшее время немерено...» (блог Д. Митиной);

• «Судьи Верховного суда тогда, правда, отказали потерпевшим, однако, может быть, их хотя бы мучает совесть» (блог М. Литвинович);

• «У Татфондбанка, по-видимому, в результате огромного наплыва народа возникли проблемы с выдачей средств» (блог И. Ясиной).

Цель употребления стратегии усиления такая же, как у мужчин – за счет подчеркивания негативных сторон явления сформировать и удержать мнение читателя. Эта стратегия одинаково популярна у мужчин (21% от общего количества) и у женщин (21,5% от общего количества). Например:

• «Вполне объяснимо, что новая политическая конструкция, до сих пор абсолютно беспрецедентная, пока порождает больше вопросов, чем даёт ответов» (блог Д. Митиной);

• «Позорно, когда очевидная для всей Москвы вещь признается судом несуществующей» (блог М. Литвинович);

На третьем по частотности употреблений месте у женщин тактика обобщения (19% от общего количества). Возможно, такой выбор формируется при общей установке женской

коммуникации на сотрудничество (у мужчин – соперничество), ранее упоминавшуюся исследователями женского речевого поведения. Например:

• «голосование НЕ лучший способ отбора кадров, о чем знает каждый руководитель чего угодно коммерческого» (блог Э. Панеях);

• «Традиционно повеселили официозные СМИ» (блог Д. Митиной);

• «В последние годы все не то, конечно. Все повторяют заученные фразы, даже не заботясь о том, чтобы они звучали хоть сколько-то убедительно» (блог Е. Винокуровой).

Для сопоставительного анализа нами было рассмотрено 14 американских политических блогов, принадлежащих авторам-мужчинам, и 13 блогов, авторами которых являлись женщины. Нами было выделено 176 речевых стратегий в 27 записях в блогах, сделанных мужчинами и 145 стратегий в 37 записях, сделанных женщинами. Результаты исследования англоязычного материала представлены в таблице 2.

Таблица 2

Речевые стратегии	Частотность употребления		% от общего кол-ва	
	(М)	(Ж)	(М)	(Ж)
Обобщение	30	17%	37	25,5%
Пример	33	18,5%	15	10,5%
Поправка	3	1,5%	–	–
Усиление	22	12,5%	32	22%
Уступка	14	8%	2	1,5%
Повтор	7	4%	10	7%
Контраст	28	16%	8	5,5%
Смягчение	11	6%	6	4%
Сдвиг	1	0,5%	3	2%
Уклонение	5	3%	14	9,5%
Импликация, Пресуппозиция, Предположение, Косвенный речевой акт	22	12,5%	18	12,5%

В англоязычном материале исследования мы также проследили разницу в выборе речевых стратегий авторами-мужчинами и женщинами. Было выяснено, что мужчины отдают примерно одинаковое предпочтение трем речевым стратегиям – примеру (18,5% от общего количества), обобщению (17%) и контрасту (16%).

Англоязычные политические блоги ведутся, как правило, политическими обозревателями, журналистами и аналитиками, людьми, профессионально связанными с законодательством и т.д. Для этой категории авторов характерно тщательное исследование проблемы с нескольких точек зрения, нежели простое выражение эмоций. Этим, на наш взгляд и обусловлена распространенность примеров у мужчин:

• «There's a famous antecedent that John Glenn, moments before he was about to become

the first American in orbit, realized that he was sitting on a billion dollars worth of low bids» (Mark Sumner's blog);

- «1968, Paul Ehrlich brought together many of the threats then facing society in his book, *The Population Bomb»* (Mark Sumner's blog);

- «Christianity, on the other hand, seems unmistakably vital, aggressive, powerful and influential, as the recent visit of the Pope demonstrated in unmistakable terms» (Michael Medved's blog).

Посредством обобщения мужчины подкрепляют возможное общее мнение. Например:

- «At the beginning of the year, the Gallup Poll (with responses gathered between December 6 and 9, 2007) showed that Americans remain a remarkably happy and satisfied people» (Michael Medved's blog);

- «Since an overwhelming majority of the world's population would welcome the demise of American exceptionalism, they are delighted with Obama» (John Bolton's blog)

- «For decades, business has focused on efficiency, on the elimination of all redundancy, on "right sizing," on "just in time" on "zero inventory» (Mark Sumner's blog)

Речевой стратегией контраста мужчины подчеркивают существующий конфликт интересов или обнаруживают новый конфликт. Например:

- «the most visible gap on the left is one most often ignored – the yawning chasm between working-class Democrats and the so-called creative class, well-educated liberals who tend to populate the blogging ranks» (Tom Watson's blog)

- «I am not criticizing those churches or the faith itself; I am criticizing the leaders for spreading a divisive counter-Jesus message under the cloak of being a faith leader» (Steve Soto's blog)

- «The Obama promise of "a more perfect union" directly contradicts the Jeremiah Wright insistence on unbridgeable racial difference and distinction» (Michael Medved's blog)

Основными женскими речевыми стратегиями в англоязычных блогах являются обобщение (25,5% от общего количества стратегий), усиление (22%) и импликация (косвенный речевой акт) (12,5%).

Обобщение используется женщинами чаще, чем мужчинами и в русских и в американских блогах в то время как контраст может считаться «мужской» стратегией. На наш взгляд, эта особенность говорит о меньшей конфликтности женщин в обеих культурах и о значимости коллективных действий и переживаний. Например:

- «But that's what everybody is accustomed to. That's what everybody is used to. It works for a lot of Americans» (Amanda Terkel's blog)

- «And everyone in Detroit has a lot of contact with Arab-Americans» (Dana Houle's blog)

- «Mr. Wallace finished the interview with the questions that concern every American; John

McCain; maverick or super maverick?» (Barbara Morrill's blog)

Усиление в американских женских блогах встречается в два раза чаще, чем в мужских, в то время как в российских блогах эта стратегия одинаково популярна у мужчин и у женщин. Таким образом, можно сделать вывод, что политические блоггеры-мужчины в США склонны предоставлять наиболее объективную оценку событий, в то время как женщины стараются удерживать внимание посредством негативной оценки. Например:

- «On the 45 minute long march from the stadium to the Capitol, things degenerate toward the level of farce» (Barbara Ehrenreich's blog);

- «Even worse, he suggested that a new detention law may be necessary to continue the practice of extra-judicial detainment» (Daisy Cutter's blog);

- «Other famous unrealistic expectations in Iraq have been the mission accomplished» (Barbara Morrill's blog)

Косвенный речевой акт, импликация и предположение в американских блогах употребляются в равной степени мужчинами и женщинами (12,5% от общего количества речевых стратегий). У женщин это является третьей по популярности стратегией, в то время как у мужчин другие предпочтения. Стратегии этого типа позволяют нейтрализовать негативную оценку в частных суждениях за счет их переноса и абстрагирования от них. Например:

- «That should be worth something, right? Or is that left?» (Barbara Morrill's blog)

- «And wouldn't have been wonderful if Obama had shown up?» (Barbara Ehrenreich's blog)

- «Then she demands a poison apple and falls to the floor in a beautiful swoon. Pass the Rohypnol-faced margarita, please» (Barbara Ehrenreich's blog)

- «Wouldn't rec'ing that comment indicate your agreement without turning an argument between two people into a brawl?» (by BarbinMD)

Таким образом, можно проследить, что предпочтения российских блоггеров – мужчин и женщин – в выборе речевых стратегий для записей в блогах сходятся, а в США являются отличными. В то же время стоит отметить, что популярные речевые стратегии женщин в обеих странах совпадают, различаясь лишь в количественном показателе, что может говорить о том, что выбор речевых стратегий является гендерно обусловленным. Мужчины в свою очередь демонстрируют большую вариативность речевых стратегий, которые различаются в двух культурах качественно и количественно.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Становление и эволюция зарубежной политической лингвистики // Политическая лингвистика. 2006. № 20. С. 75-94.

Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. – М.: Прогресс, 2000. 528 с.

Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. С. 294-300.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактика русской речи. – М.: Едиториал УРСС, 2008. 288 с.

Матвеева Г.Г. Диагностирование личностных свойств автора по его речевому поведению. – Ростов-на-Дону: ДЮИ, 1998. 83 с.

Матвеева Г.Г. К вопросу о речевых стратегиях скрытого воздействия отправителя текста на его получателя [электронный ресурс] // Интернет-сайт Пед. Ин-та Южного федерального ун-та. URL: <http://rspu.edu.ru/> (дата обращения 30.10.2009)

Матвеева Г.Г., Петрова Е.Е. «Речевая деятельность и речевое поведение как составляющие речи»

[электронный ресурс] // Интернет-сайт Научная школа прагмалингвистики. URL: <http://rspu.edu.ru/projects/deutch/note44.html>

Хаймс Д. Этнография речи // Новое в лингвистике. Вып.7. Социоллингвистика. 1975. с. 42-95

Чудинов А.П., Будаев Э.В. Дискурсивное исследование политической коммуникации в зарубежной лингвистике // Вестник Тюменского государственного университета. №1. 2008. с. 82-90.

Эрвин-Трипп С.М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социоллингвистика. 1975. с. 336-362

Teun A. van Dijk homepage [Электронный ресурс] // URL: <http://www.hum.uva.nl/~teun> (Дата обращения 20.09.2009)

© Диасамидзе Л.Р., 2010

Елисеева С.В.
Сургут, Россия

АРХИТЕКТУРА КАК СФЕРА-ИСТОЧНИК
ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В РОССИЙСКИХ
И АМЕРИКАНСКИХ СМИ:
«ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ»
И «THE EIFFEL TOWER»

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. На основе материала из российской и американской прессы рассматриваются особенности ментальной области «Архитектура» как сферы-источника прецедентности. Сравнительный анализ смысловых компонентов, составляющих идеализованную когнитивную модель прецедентного феномена, позволяет определить характеристики его функционирования в различных лингвокультурах. Модели «Эйфелева башня» и «The Eiffel Tower» обладают схожей структурой и содержанием, но отличаются по частотности актуализации смысловых компонентов.

Ключевые слова: прецедентный феномен, сфера-источник, архитектура, когнитивная модель.

Сведения об авторе: Елисеева Светлана Викторовна, преподаватель кафедры английского языка и лингводидактики, аспирант.

Место работы: Сургутский государственный университет

Контактная информация: 626400 Тюменская обл., г. Сургут, ул. Дзержинского, д. 6, кв. 89.

E-mail: lana-eliseev@rambler.ru

Eliseeva S.V.
Surgut, Russia

ARCHITECTURE AS THE SOURCE DOMAIN
OF THE PRECEDENT PHENOMENA
IN RUSSIAN AND AMERICAN MEDIA:
«ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ»
AND «THE EIFFEL TOWER»

ГСНТИ 16.21.27, 16.21.51

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The characteristics of the mental sphere «Architecture» as the source domain of precedent phenomena are investigated on the basis of the material taken from the Russian and American press. The comparative analysis of the sense components that constitute the idealized cognitive model of the precedent phenomena helps to define peculiarities of their functioning in different lingo cultures. The models «Эйфелева башня» and «The Eiffel Tower» have similar structure and content but differ in sense component actualization frequency rate.

Key words: precedent phenomenon, source domain, architecture, cognitive model.

About the author: Eliseeva Svetlana Viktorovna, Teacher of the Chair of the English Language and Lingodidactic, Post-graduate student

Place of employment: Surgut State University.

Одной из наиболее характерных тенденций современного стиля общения является размытость границ между разными коммуникативными сферами. «Своеобразными скрепами служат проникающие повсюду «фразы дня», различные выверты, намеки, скрытые и прямые, перифразированные и цитируемые ссылки в текущем потоке информации, требующие постоянного пополнения «фонового знания» [Костомаров 1999: 44]. Авторы монографии «Феномен прецедентности и преемственность культур» полагают, что «Культура не может существовать иначе, нежели воспроизводя найденные ранее различные образцы» [Феномен прецедентности... 2004: 300]. Такими регулярно воспроизводимыми образцами обработки сведений о мире и являются прецедентные феномены, которые мы рассматриваем как феномены: 1) известные значительной части представителей лингвокультурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение к которым обнаруживается в речи представителей соответствующего лингвокультурного сообщества [Нахимова 2007: 177].

Прецедентный феномен – «комплексный прототип, образец когнитивной обработки некоторого фрагмента действительности <...> во всей его сложности и противоречивости связей с иными фрагментами» [Феномен прецедентности... 2004: 135] в большинстве случаев имеет вербальное выражение. С одной стороны, этот

специфический языковой знак может сохраняться в дискурсе того или иного лингвокультурного сообщества в течение длительного времени, но с другой стороны, его внутреннее смысловое содержание может претерпевать различные трансформации, отражающие непрерывные социально-культурные изменения.

Подобная чувствительность к происходящим в обществе переменам характерна в целом для дискурса СМИ. «Средства массовой информации моментально фиксируют стремительно меняющуюся картину окружающего мира подобно гигантскому зеркалу, которое отражает все вокруг, и отражение это меняется в зависимости от освещения» [Добровольская 2005: 17]. То есть, СМИ не только фиксируют изменения, происходящие вокруг, но и интерпретируют их на основе набора определенных культурных ценностей и установок. Все это обуславливает важность изучения использования в текстах СМИ прецедентных феноменов. Подобные исследования позволяют в перспективе получить «важные сведения о доминирующих ценностных ориентациях носителей культуры, их ментальности и так называемом национальном характере» [Феномен прецедентности... 2004: 302].

Так как прецедентные феномены, или прецедентные культурные знаки, являются образцами когнитивной обработки получаемых сведений о мире, они представляют живой интерес для когнитивной лингвистики, или когнитологии,

которая рассматривается как «зонтиковый» термин для объединения научных дисциплин, ставящих перед собой цель объяснить один из самых важных феноменов природы: человеческое сознание [Кубрякова 1996: 58].

Прецедентный знак моделируется и структурируется путем переноса знаний из сферы-источника в сферу-магнит. В процессе переработки знаний через когнитивные механизмы сферы-магнита факты культуры сферы-источника кроме национальной маркированности и культурной значимости транслируют в новое ментальное пространство различные оценочные характеристики, элементы эмоциональной окрашенности и другие значимые компоненты смысла. Современные исследования в области прецедентных феноменов часто посвящены изучению ментальных сфер их происхождения и притяжения [Бирюкова 2005: 55-63; Курбакова 2006: 65-67; Нахимова 2007: 89-90; Боярских 1998: 107-109 и др.].

Архитектура является одним из наиболее ярких проявлений человеческой культуры, воплощением творческой, профессиональной, эстетической и практической деятельности человека. Внешней стихийности природы человек противопоставил согласованность и меру, структурность и упорядоченность, воплотившиеся в дереве, камне, или другом используемом человеком материале, под воздействием разума приобретшими практическую и эстетическую ценность. Именно с этих двух позиций архитектуру можно рассматривать как (1) формирование действительности при создании зданий и сооружений, призванных обслуживать потребности человека в жилье и общественных помещениях; (2) искусство [Бореев 2003: 47]. Служа удовлетворению одной из базовых потребностей человека в безопасности и защите [Эко 1998: 487-488], архитектурные сооружения всегда значимы для человека и занимают прочное место в системе его онтологических, экзистенциальных представлений. «Как вид искусства, архитектура входит в сферу духовной культуры, эстетически формирует окружение человека, выражает общественные идеи в художественных образах» [БЭС 1998: 74]. Являясь частью такого сложного и многогранного явления, как культура, архитектура имеет коммуникативно-деятельностную, ценностную и символическую природу [Маслова 2004: 24].

В нашей работе в качестве образца анализа содержания и структуры ментальной организации прецедентных феноменов, восходящих к сфере-источнику «Архитектура», остановимся на описании одного конкретного случая, а именно прецедентного феномена «Эйфелева башня», генетически относимого к французской культуре, но играющего заметную роль в национальном языковом сознании российского и американского лингвокультурных сообществ. Материалом для анализа послужили тексты

газетных статей, содержащие прецедентный феномен «Эйфелева башня / The Eiffel Tower» из российской (140) и американской (160) прессы. В результате проведенного анализа по выявлению смысловых компонентов была установлена значительная схожесть количества (по 24 для каждой модели) и содержания смысловых компонентов между прецедентными феноменами «Эйфелева башня» в российском газетном дискурсе и «The Eiffel Tower» в американском. Смысловые компоненты – это единицы смыслового содержания прецедентного феномена в контексте, различные комбинации которых образуют общий смысл каждого отдельного случая употребления прецедентного феномена, и общая сумма которых составляет его идеализованную когнитивную модель [Taylor 1995: 68]. На основе такой модели осуществляется функциональная категоризация рассматриваемого прецедентного феномена.

Самыми частотными в отношении актуализации проявили себя смысловые компоненты **«Эйфелева башня – сооружение / конструкция // сложная / многоэтажная // из металла»** (рус. 84,17%; амер. 67,50%) и СК **«Эйфелева башня находится в Париже / во Франции / в Западной Европе»** («.../ Европе» – в формулировке для американской модели) (рус. 72,14%; амер. 46,25%). Последний из них отражает национально-культурную принадлежность прецедентного феномена. Значительное преобладание признаков актуализации этого смыслового компонента в текстах российской прессы по сравнению с американскими показывает, что для российского читателя Эйфелева башня ассоциируется с той национальной культурой, к которой относится, американцы же часто рассматривают этот прецедентный феномен как артефакт, некий известный объект Ср.: *«Беда в том, что Парижа здесь нет. Даже там, где мелькает то Эйфелева башня, то Дом инвалидов, то Монмартр, – все это есть, а Парижа нет»* (НГ, 7.01.2006). Ср.: *«"There is a competition pretty much for anyone who likes anything," Mark said, noting that the fair has events centered on literature's Harry Potter, Eiffel Tower-in-miniature construction and building dinosaurs»* (Dallas Morning News, 24.11.2007).

Смысловой компонент **«Эйфелева башня – известная // всем / во всем мире»** является частотным для обеих моделей (рус. 49,28%; амер. 34,37%) и тесно связан с такими компонентами как **«Эйфелева башня – достопримечательность // Парижа // главная»** (рус. 23,57%; амер. 38,12%) и **«Эйфелева башня – монумент / памятник // конца XIX века»** (рус. 19,28%; амер. 13,12%). Последний из них отражает хронологическую отнесенность прецедентного феномена «Эйфелева башня / The Eiffel Tower». Ср.: *«Энтузиастам криптографии давно известно, что в великой пирамиде Хеопса зашифрованы все мировые константы*

и открытые и неоткрытые законы природы. <...> В день весеннего солнцестояния тень от пирамиды в точности равна высоте Эйфелевой башни минус высота Триумфальной арки» (Известия, 6.09.2006). Ср.: «The most impressive, and controversial, element – touted in promotional literature as Long Island's answer to the Eiffel Tower and London Bridge – would be the lighthouse tower, 600 feet of luxury condos and a hotel, topped by a giant spotlight and observation deck // The planners hope this beacon, visible from the East End to New York City, becomes a sort of Long Island trademark» (New York Daily News, 10.07.2005).

Большое значение для восприятия ПФ «Эйфелева башня / The Eiffel Tower» имеет тот факт, что Эйфелева башня – реально существующий архитектурный объект, обладающий определенной формой и структурой, поэтому важную роль в формировании ментального представления об этом прецедентном культурном знаке играет визуальный образ. В связи с этим идеализованная когнитивная модель «Эйфелева башня / The Eiffel Tower» содержит смысловой компонент, указывающий на форму башни, имеющий ментальную структуру «образ-схема» (далее: «схема») [Lakoff 1987: 113-114; Маслова 2004: 46]: **«(форма Эйфелевой башни)»** (рус. 15,71%; амер. 17,50%). В большинстве случаев форма не описывается, но в контексте используются такие маркеры, как «стилизованная копия», «на фоне», «в тени», «в виде», «очертания», «чем-то схожая по форме с», «that modeled for», «a model of/replica», «miniature», «like an exclamation point», «in the skinny shadow of», и т.д. Ср.: «На избирательном участке Алма-Аты рослая черноглазая наблюдательница, чем-то схожая по форме с Эйфелевой башней, старательно крутит головой, пытаясь уследить за всем происходящим в кабинках избирателей. Она – представитель коммунистов» (Известия, 24.09.2004). Ср.: «The Bellagio fountains are a great place to meet. But the water shows, about five to 10 minutes each, sure seem short. Perhaps we were feeling the vaguely strawberry stuff we were drinking from plastic, Eiffel Tower-shaped containers» (Dallas Morning News, 17.09.2007).

Непосредственно связанный с предыдущим, смысловой компонент **«Эйфелева башня – высокая / большая»** является одним из самых частотных (рус. 32,14%; амер. 44,37%). При его актуализации большую роль играет схема, включенная в структуру концепта «башня». Это – еще один значимый фактор, влияющий на функционирование прецедентного феномена «Эйфелева башня / The Eiffel Tower» в дискурсе. Как писал У.Эко «возможности, предоставляемые архитектурой (...) суть не только функции, но и прежде всего соответствующие значения, располагающие к определенному поведению» [Эко 1998: 207]. Можно предположить, что во всех культурах башня представля-

ет собой вертикальный объект, предполагая, таким образом, возможность подъема / спуска, возможность посмотреть на окружающее пространство с высоты, наличие верха и низа, перемещения вектора наблюдения: со среды на объект и с объекта на среду и т.д. Все эти свойства обуславливают наличие определенных смысловых компонентов, а универсальность модели обуславливает высокую степень их совпадений в составе российской и американской моделей. Среди маркеров актуализации смыслового компонента **«Эйфелева башня – высокая / большая»** можно увидеть: «хорошо видел из космоса», «взобраться на», «водрузили на», «каланча», «самый высокий уровень», «выше облаков», «went to the top of», «to fly a plane into», «so big», «the-tallest building», «climb on», «rises», «jump off» и т.д. Ср.: «Предупреждаю, похожую ошибку можно совершить с Эйфелевой башней. На нее можно смотреть, около нее можно гулять, но ни в коем случае не поднимайтесь на нее» (Газета, 18.07.2005). Ср.: «Forget TomKat, Scientology and Eiffel Tower proposals. War of the Worlds rises above such baggage as a towering accomplishment – the most thrilling and action-packed Spielberg film in the director's broad legacy» (Houston Chronicle, 16.09.2005).

Характеристики векторной направленности отражены в смысловых компонентах **«Эйфелева башня находится в центре города // Парижа»** (рус. 7,86%; амер. 6,25%); **«Эйфелева башня видна отовсюду // в Париже»** (рус. 2,14%; амер. 5,62%); **«С Эйфелевой башни открывается красивый вид»** (рус. 0,71%; амер. 3,12%). При любом ментальном построении ситуации, некоторые из них оказываются как бы выдвинуты вперед, в то время, как другие служат «точкой отсчета», фоном [Taylor 1995: 5]. Если употребить термины «фигура/фон», то в рассматриваемых СК фоном является «Париж», а «Эйфелева башня» – фигурой. Таким образом, для компонентов **«Эйфелева башня находится в центре города // Парижа»** и **«Эйфелева башня видна отовсюду // в Париже»** векторы направлены от фона к фигуре. Отличие состоит в том, что для первого из них направление идет от края периферии к фигуре с единым центральным местоположением, реализуя схему «Контейнер» [Lakoff 1987: 272-273], а для второго – от любой точки периферии к любому положению фигуры. Для третьего смыслового компонента векторы направлены от фигуры в центре к любой точке периферии. Второй и третий компоненты развиваются по схеме «Центр – Периферия» [Lakoff 1987: 274-275]. Ср.: «Второй раз за историю форума на него приехали педагоги из России – лучшие учителя, победители конкурса в рамках нацпроекта "Образование". Вместе с коллегами из Финляндии, Литвы, Дании и других стран в штаб-квартире ЮНЕСКО, что буквально в двух шагах от Эйфелевой башни, они в тече-

ние двух дней презентовали свои проекты, обменивались опытом, учились друг у друга» (РГ, 10.04.2007). В данном примере схема «Контейнер», реализация которой осуществляется через актуализированный смысловой компонент «**Эйфелева башня находится в центре города // Парижа**», передает идею избранности группы победителей национальных педагогических конкурсов и атмосферу полной погруженности учителей в новую для них среду – Форум педагогов-новаторов в Париже. В следующем примере схема «Центр-Периферия», лежащий в основе функционирования компонента «**Эйфелева башня видна отовсюду // в Париже**», позволяет передать иронию в отношении банальных представлений о Париже голливудских кинопроизводителей. Ср.: «*В Париже, ведь какой ракурс ни изобрази, получится штамп. Фотографировать его, знаю как любитель, почти бессмысленно: кафе, бульвары, Елисейские Поля, Гранд-опера – все было, было, было. Не говоря уже про Эйфелеву башню, которая, если верить Голливуду, видна в Париже из каждого окна*» (Известия, 30.11.2006). Ср. также: «*Come shopping for a picnic with me on my favorite street in Paris. The Rue Cler, lined with shops that spill out into the street, feels like village Paris – In the skinny shadow of the Eiffel Tower*» (Houston Chronicle, 6.01.2007). В приведенном примере схема «Центр-Периферия», перенесенная в контекст статьи через смысловой компонент «**Эйфелева башня видна отовсюду // в Париже**» подчеркивает удаленность описываемой местности от центра – несмотря на присутствие тени от башни, тень эта «худенькая».

Особый интерес представляют компоненты смысла, отражающие функционирование прецедентного феномена «Эйфелева башня / The Eiffel Tower» как символа: «**Эйфелева башня – символ города // Парижа**» (рус. 15,71%; амер. 10,62%); «**Эйфелева башня – символ страны // Франции**» (рус. 6,43%; амер. 1,25%); «**Эйфелева башня – символ / достижение технического прогресса**» (рус. 4,28%; амер. 7,50%). Результаты анализа показывают, что рассматриваемый прецедентный культурный знак достаточно часто представлен в качестве символа как в российской, так и в американской лингвокультуре. Однако для первой представление об Эйфелевой башне как о символе страны характерно в гораздо большей степени, чем для второй. В свою очередь, в американских источниках понимание данного прецедентного феномена как символа технического прогресса проявляется чаще, чем в российских.

Немаловажное значение для актуализации приведенных смысловых компонентов играет символическая составляющая концепта «башня». Это символ связи между небом и землей, «лестница на небо», при этом башня – творение рук человеческих, достижение челове-

ского разума: «И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести» [Библия 1998: 10]. Башня не посвящена богу, она – символ человеческой силы, дерзновения [Энциклопедия символов... 2000: 72]. Башня – ориентир, вокруг которого собираются народы: «И сказали они: построим себе город и башню, высотой до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели расеемся по лицу всей земли» [Библия 1998: 10]. Башня – символ высокого общественного статуса, чистоты и неприступности [Тресиддер 1999: 22]. Символические значения концепта «башня», безусловно, находят свое отражение в смысловых компонентах, составляющих идеализованную когнитивную модель прецедентного феномена «Эйфелева башня / The Eiffel Tower». Ср.: «*Хочу пожелать вашим читательницам, чтобы они не боялись экспериментировать. Как говорят французы, женщина без шляпки, что Эйфелева башня без наконечника. Женщина, надевшая шляпку, это уже дама: она меняется не только внешне, но и внутренне*» (РГ, 20.05.2005). Прокомментируем данный пример: Шляпка – символ женственности и элегантности, так же как Эйфелева башня – символ Франции. Как символ Франции не будет полным без наконечника, так и женщина – не будет женственной без шляпки. Ср.: «*Сняв фильм "И Бог создал женщину", Роже Вадим сделал из нее звезду: она, генерал де Голль и Эйфелева башня олицетворяли в конце 50-х годов Францию. Актриса Брижит Бардо стала социальным феноменом, воплощением свободных женщин*» (РГ-Неделя, 24.09.2004). В следующем примере, взятом из американской литературы, строительство башни призвано выразить государственную мощь и возрождение. Ср.: «*The time was right to create an international symbol of the Basque resurgence. The leaders of Viscaya, Bilbao's province, decided to recast their city with a stylish centerpiece. As Salazar put it, "We wanted our own Eiffel Tower"*» (Minneapolis Star Tribune, 1.10.2005). В приводимом далее примере актуализируется компонент «**Эйфелева башня – символ / достижение технического прогресса**». Ср.: «*Structurally, the wheels rising up today still bear much in common with the original, designed by the civil engineer George W. Ferris for the 1893 Chicago World's Fair. It was presented as America's answer to the Eiffel Tower*» (San Diego Union-Tribune, 30.07.2007).

В некоторых случаях актуализация компонента «**Эйфелева башня – символ города // Парижа**» происходит через замену в тексте статьи лексемы «Париж» на лексему «Эйфелева башня». Ср.: «*Ты отвечаешь головой, а не какой-то человек, который сидит под Эйфелевой башней, имеет огромные связи, и опыт и может в две секунды решить то, на что у тебя уходит более значительное время*» (НГ,

9.11.2007). Приведем еще один интересный пример подобной замены в устойчивом выражении «пролететь как фанера над Парижем». Ср.: «Теперь вот – про нефть. Кто ж поверит, что это плохо, когда нефтьедолларов – пруд пруди? Правда, все они где-то там, в стороне, пролетают над головами, подобно фанере над Эйфелевой башней, но у масс есть твердая старая надежда – поделить» (НГ, 23.06.2006). В следующем примере, взятом из американской прессы «Эйфелева башня» замещает «Францию» при актуализации смыслового компонента «**Эйфелева башня – символ страны // Франции**». В приводимой статье речь идет о недовольстве французов после признания калифорнийского вина лучшим в мире. Ср.: «*Among the whites, things went even worse for the French. California Chardonnays took four of the top five slots. Some witnesses swear they saw the Eiffel Tower teeter slightly when word of the verdict spread*» (Colorado Springs Gazette, 27.05.2007).

Положительная эстетическая оценка содержится в достаточно частотном для обеих моделей компоненте «**Эйфелева башня – красивая / грандиозная**» (рус. 9,10%, амер. 14,37%); аналогичная оценка содержится в смысловом компоненте «**Эйфелева башня ярко / красиво освещается // ночью**» (рус. 8,57%; амер. 6,25%). Ср.: «Особенно колоритно на деревенском фоне смотрится новое "творение Эйфеля" ночью: внизу, как во Франции, – голубая подсветка, а макушку освещают желтые лучи. Но, помимо очевидной эстетики, селян привлекает и практическая польза» (РГ-Неделя, 25.03.2005). Ср.: «*But to experience what is Goth about this Gothic cathedral, you must buy a ticket and climb to the top of the north bell tower. (For my money, the panorama from here beats the Eiffel Tower, because you get an intimate, bird's-eye view. You feel as if you are soaring above the oldest part of the city like Peter Pan)*» (San Francisco Chronicle, 31.10.2004).

Как российская, так и американская идеализованные когнитивные модели содержат смысловые компоненты с негативной оценкой: «**Эйфелева башня – некрасивая / странная**» (рус. 1,43%; амер. 1,25%) и «**Эйфелева башня – (туристический) штамп / банальность**» (рус. 6,43%; амер. 3,12%). Низкая частотность первого, однозначно негативного компонента, и незначительная частотность второго, содержащего более мягкую отрицательную коннотацию, свидетельствует о преобладании позитивной оценки к ПФ «Эйфелева башня / The Eiffel Tower» в обеих рассматриваемых лингвокультурах. Ср.: «*Чернуха была полная, беспросветная, смех был не столько сквозь слезы, сколько сквозь лужи. <...> Теперь – мальчики и девочки. Солидные господа и почтенные дамы. Клубы-рестораны-эйфелевы башни*» (НГ-Ex libris, 1.04.2004). Ср.: «*"There was also ... a more personal reason. I wanted to create a yearbook for*

myself. For some reason, whenever I traveled, I always came back with pictures of food." So rather than a picture of the Eiffel Tower, Shaw took a photo of the tarte tatin he ate near there» (San Diego Union-Tribune, 15.07.2005). В данных отрывках актуализируется второй из приведенных выше смысловых компонентов. В следующем примере помимо «**Эйфелева башня – некрасивая / странная**» актуализируется смысловой компонент сценарного типа «**Эйфелеву башню сначала (в конце XIX – начале XX века) посчитали некрасивой // позже к башне призывали / признали шедевром**» (рус. 3,57%; амер. 0,62%). Ср.: «*Когда-то писатели великие, среди них был Мопассан, грозили, что они покинут Францию, если построят эту гадость. А потом ходили туда обедать, чтобы ее не видеть. Ну и что? Стоит Эйфелева башня, она кому-нибудь мешают? Это вы все придумали, говорю я журналистам, писать серьезно о проблемах в городе вы не хотите, а тут вы вроде при деле. Пускай торчит. Кому мешают?»» (РГ, 6.04.2007). В примере из американского источника сценарный смысловой компонент также актуализируется, но негативной оценки при этом не содержит. Ср.: «*The story of a despised building becoming a city's icon isn't new – even the Eiffel Tower was once declared an eyesore*» (San Francisco Chronicle, 30.09.2007).*

Элемент оценки содержит также компоненты «**Эйфелева башня – шедевр архитектуры**» (рус. 12,86%; амер. 9,37%) и «**Эйфелева башня – культурное достижение человеческой цивилизации**» (рус. 13,57%; амер. 10,62%). Достаточно высокая частотность их актуализации в российских и американских публикациях обусловлена широко обсуждаемой мировой общественностью темой выбора новых семи чудес света, среди которых значились как рассматриваемая нами Эйфелева башня, так и известные архитектурные сооружения США (Статуя Свободы) и России (Кремль и Собор Василия Блаженного).

Интересным в плане частотности актуализации представляется смысловой компонент «**Эйфелева башня – романтическое место**» (рус. 2,86%; амер. 13,12%). Разница в показателях частотности объясняется актуальностью некоторых тем газетных публикаций для определенного отрезка времени. Причиной преобладания приведенного компонента в американской прессе является популярность среди американских «потребителей информации» темы отношений между известным голливудским актером Томом Крузом и молодой актрисой Кейти Холмс. Факт публичного предложения руки и сердца на Эйфелевой башне активно обсуждался в прессе США, что и привело к повышению частотности актуализации компонента «**Эйфелева башня – романтическое место**». Ср.: «*Tinseltown has been tittering about Cruise's quickie engagement to Holmes since he popped*

the question at the Eiffel Tower in June after just two months of dating» (New York Daily News, 1.08.2005). В подобных примерах наряду с приведенным зачастую актуализируется и другие смысловые компоненты, как, например, «**Эйфелева башня – известная...**» и/или «**Эйфелева башня – высокая**», чем авторы статей подчеркивают, что Том Круз выставляет свои чувства напоказ. Однако компонент «**Эйфелева башня – романтическое место**» актуализируется и в статьях другой тематики, что указывает на достаточную его закрепленность в идеализованной когнитивной модели «The Eiffel Tower».

Кроме описанных ранее, можно привести следующие смысловые компоненты, которые показали низкий уровень частотности актуализации: «**На Эйфелевой башне расположены кафе и рестораны**» (рус. 1,43%; амер. 3,12%); «**Эйфелева башня – национальное достояние Франции**» (рус. 0,71%).

Поведенный анализ в целом показал, что идеализованные когнитивные модели прецедентных феноменов «Эйфелева башня» и «The Eiffel Tower», представленные в американской и российской лингвокультурах обнаруживают высокую степень сходства по количеству и содержанию смысловых компонентов. Различия наблюдаются в основном в показателях частотности актуализации тех или иных смысловых компонентов, что также является значимым для понимания характера и особенностей функционирования прецедентных феноменов в различных лингвокультурах.

ЛИТЕРАТУРА

Борев Ю.Б. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. – М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2003.

Боярских О.С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004-2007 гг.): Дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Тагил, 2008.

Библия – М.: Российское библейское общество, 1998.

Бирюкова Н.С. Восприятие студентами прецедентных феноменов, используемых в современной политической коммуникации: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.

Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.

Добровольская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2005.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдения над речевой практикой масс-медиа. Изд. 3-е, испр. и доп. – СПб: «Златоуст», 1999.

Кубрякова Е.С., Демьяненко В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.

Курбакова Ю.В. Национально-прецедентные феномены и единицы с метафорическим значением (на материале современных американских журналов): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие – Мн.: ТетраСистемс, 2004.

Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография – Екатеринбург, 2007.

Трессиддер Дж. Словарь символов. Пер. с англ. С. Палько. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999.

Феномен прецедентности и преемственность культур [под общ. ред.: Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, В.Т. Титова]. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004.

Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение). – СПб: Питер Ком, 1999.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – ТОО ТК «Петрополис», 1998.

Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Сост. В. Андреева и др. – М.: Локид; Миф. – 2000.

Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. – Chicago: University of Chicago Press, 1987.

Taylor J.R. On construing the world // Language and the cognitive construal of the world. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1995.

© Елисеева С.В., 2010

Мохова Е.К.
Сургут, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ АМЕРИКИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
У. ЧАВЕСА

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. В данной статье рассматриваются метафорические представления Соединенных Штатов Америки в политическом дискурсе президента Венесуэлы Уго Чавеса. Создание ярких метафор, раскрывающих образ США, объясняется политической враждой двух стран.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, метафора, метафорическая модель.

Сведения об авторе: Мохова Евгения Константиновна, аспирант кафедры иностранных языков и культур.

Место работы: Сургутский государственный университет.

Контактная информация: ХМАО, Тюменская обл. г. Сургут, ул. Энтузиастов, д. 47, кв. 3.
E-mail: jania1986@list.ru

Mokhova E.K.
Surgut, Russia

METAPHORICAL REPRESENTATION
OF AMERICA IN POLITICAL DISCOURSE
OF HUGO CHAVEZ

ГСНТИ 16.21.27, 16.21.51
Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article reviews metaphorical representation of the United States of America in political discourse of Venezuela president Hugo Chavez. Creation of vivid metaphor, revealing the image of the USA, is explained by hostility between two countries.

Key words: cognitive linguistics, metaphor, metaphorical model.

About the author: Mokhova Evgenia Konstantinovna, Post-graduate Student of the Chair of Foreign Languages and Cultures.

Place of employment: Surgut State University.

Методологические изменения познавательных установок в конце XX века явились основой формирования когнитивного направления лингвистики, способствовавшего новому привлечению внимания к такому сложному объекту языка и мыслительной деятельности как метафора. Толчком к исследованиям метафорических отношений в языке послужили работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона, явившиеся важным дополнением в теорию метафоры и сменившие акцент в метафорическом осмыслении.

Способность к метафорической репрезентации является отличительным свойством человеческого мышления. Метафорическая номинация является неизбежной и необходимой. Дж. Лакофф и М. Джонсон, создавая свою теорию метафоры, отмечали: «Метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, и не только язык, но и мысль, и действие. Наша обычная концептуальная система, в терминах которой мы думаем и действуем, является метафорической по своей природе» [Лакофф, Джонсон 1990: 387].

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей метафорических образов Америки в политическом дискурсе президента Уго Чавеса. В его дискурсе Соединенные Штаты Америки предстают как ось зла для Венесуэлы и являются основным врагом. США олицетворяют образ мирового жандарма, который использует метод «большой дубинки» чтобы осуществлять вмешательство в политику различных государств. Американская политика империализма на сегодняшний день является причиной недовольства некоторых политических лидеров Латинской Америки. США давно пытались держать Латинскую Америку «в железном кулаке». Но в регионе появился еще один маяк надежды – Боливарианская революция.

Образ США как национального врага в дискурсе Уго Чавеса раскрывается через метафорическую модель СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

АМЕРИКИ – ЭТО ЗЛО. Империалистическая держава представляется как разрушительная сила, угроза, надвигающаяся на всю планету. Ср.: *Hegemonia o supervivencia, la estrategia imperialista de Estados Unidos. Excelente trabajo para entender lo que ha pasado en el mundo en el siglo XX, lo que hoy esta pasando, y la mas grande amenaza que se cierne sobre nuestro planeta (Discurso del Presidente Hugo Chavez en la ONU).*

Образ страны раскрывается через криминальную метафору. Америка предстает как вор, живущего за счет награбленного добра и страданий обнищавших людей. Действия Америки определяются Уго Чавесом как грабежи, совершаемые по всему миру. Ср.: *Como vocero del imperialismo vino a dar sus recetas para tratar de mantener el actual esquema de dominacion, de explotacion y de saqueo a los pueblos del mundo (Discurso del Presidente Hugo Chavez en la ONU).*

Ведущая империалистическая страна выступает как кровожадный убийца, уничтожающий миллионы людей и стирающий с земли ценности и гордость народов. Ср.: *Tenemos al frente de nuevo al viejo imperialismo asesino, masacrador de pueblos, que ahora ha dejado a un lado las recomendaciones de los tecnócratas y las propuestas de libre comercio (Hugo Chavez, Marcha por la paz y contra el militarismo en Venezuela).*

Политика Соединенных Штатов Америки – это насилие, скрывающееся под маской нравственной политики. Ср.: *Diferentes personalidades allí pidieron que la sede de Naciones Unidas saliera de los Estados Unidos si es que continúan las violaciones a la legalidad internacional por parte de ese país (Hugo Chávez en la 60ª Asamblea General de la ONU).*

Завоеванные позиции мирового лидерства возвысили США над другими. На сегодняшний день эта страна действует как император, злой король, правящий во всем мире. Союзники Америки предстают как лакеи, слуги, исполняющие

приказы своего господина. Уго Чавес приписывает США царскую власть, способности внушать страх всему миру своим авторитетом. Ср.: *...porque yo estoy seguro que una arremetida contra Venezuela de cualquier tipo que ella sea, sangrienta y violenta, promovida por el imperialismo norteamericano y sus lacayos, la quinta columna que aquí tienen sembrada desde hace más de 100 años, estoy seguro que ello generaría una respuesta* (Hugo Chávez, 2 de noviembre de 2005).

Библейские метафоры транслируют коварные намерения страны. США предстают как Дьявол, отрицательный библейский персонаж, который наделен неограниченной силой и несет разрушение. Метафорическое представление проникновения Дьявола в чужой дом (Венесуэлу). Ср.: *... el diablo está en casa, pues. El propio diablo está en casa. Ayer vino el diablo aquí.* (Discurso del Presidente Hugo Chavez en la ONU)

На сегодняшний день Дьявол чувствует свою власть и ведет себя как абсолютный «хозяин мира». Он получил такую силу с помощью слабых и безвольных людей, опустившихся на колени перед злом. Ср.: *...el señor Presidente de los Estados Unidos, a quien yo llamo "el Diablo", vino aquí hablando como dueño del mundo* (Discurso del Presidente Hugo Chavez en la ONU).

Президент Венесуэлы Уго Чавес уверен, что Соединенные Штаты оказывают огромное влияние на СМИ и призвал регулирующие органы страны ужесточить контроль за рынком средств массовой информации. Он обвинил СМИ в представлении неверной информации, лжи.

Используя средства массовой информации, Соединенные Штаты Америки создают нужный им образ окружающей действительности. Ср.: *La señal radioeléctrica, así se llama, la señal por la que sale mi voz que ustedes están oyendo, la señal por la que sale esta imagen que ustedes están viendo ese Bolívar que está allí esa bandera que está allí, esa señal es una señal que le pertenece al Estado, el dueño de esa señal es el Estado venezolano, pero el Estado así como una mina pues, una mina de oro por allá, el dueño de la mina es el Estado es más o menos una situación similar* (Hugo Chávez, Cadena nacional de radio y televisión).

Люди слепо верят преподнесенной информации, легко программируются на неверные действия. Американская политика репрезентируется библейскими метафорами и понимается как дьявольский план, нацеленный на то, чтобы сбить людей с правильного пути, дать ложный ориентир. Ср.: *...a quienes andan como enceguecidos en un plan loco, un plan diabólico, un plan irracional, para que entre todos, bueno, los frenemos a ver si entienden que aquí hay mecanismos* (Hugo Chávez, Cadena nacional de radio y televisión).

Президент Венесуэлы определяет политику империализма, борьбу одного государства за мировую гегемонию как разрушительную силу, угрозу для своей страны и для других государств. Соединенные Штаты завоевали пози-

цию главной силы империалистической реакции в мире. По мнению Чавеса, еще в конце XIX века наступил новый этап в политической истории американской империи: завоевав и поставив под свое полное господство все Западное полушарие, американский империализм устремился за пределы своего традиционного геополитического пространства. Подчинив себе Американский континент, США принялись за установление своего господства за пределами Западного полушария. Из географически ограниченной континентальной империи США начали превращаться в глобальную мировую империю, превосходящую все империи, существовавшие в прошлом [William 1968: 2].

Метафорическая модель ИМПЕРИАЛИЗМ – ЭТО ЖИВОТНОЕ определяет американскую политику как чудовище, которое надело человеческую маску, чтобы скрыть свою ужасную сущность и выдает себя за заботливого отца, который, якобы, заботится о благополучии и здоровье своих подопечных, а на самом деле прячет свои коварные замыслы. Ср.: *En resumen, ese supuesto imperialismo menos malo estaría destinado a ser como el gran policía del mundo, el gran padre universal, duro pero con rostro humano, se empezó a hablar del capitalismo con rostro humano* (Hugo Chavez, Marcha por la paz y contra el militarismo en Venezuela).

Империализм, как хищник, скрывает свои клыки и когти за дружелюбным видом и улыбкой для того, чтобы ближе подобраться к своей добыче. Ср.: *Ese viejo y maloliente imperialismo, que ya tiene más de 500 años en estas tierras, pues se había enmascarado, se había maquillado y andaba por ahí sonriente, y no se le veían las garras, no se le veían los colmillos, no se le vía el sombrero de copa larga* (Hugo Chavez, Marcha por la paz y contra el militarismo en Venezuela). Подойдя достаточно близко к своей жертве, он показывает свои кровавые клыки и когти. Ср.: *...terminó de quitarse la máscara y sencillamente nos enseña de nuevo sus colmillos sangrientos y sus garras sanguinarias* (Hugo Chavez, Marcha por la paz y contra el militarismo en Venezuela).

Политические сторонники Америки объединены общими интересами и целями. Метафорическая модель ИМПЕРИАЛИЗМ – ЭТО ЕДИНАЯ СЕМЬЯ раскрывает идею большой империалистической коалиции, где все ее члены связаны узами братства. Ср.: *Yo creo que los primeros ciudadanos que deberían leer este libro son los ciudadanos hermanos y hermanas de los Estados Unidos.* (Hugo Chavez, Sesión de la Asamblea General de las Naciones Unidas).

Защита своих интересов и противостояние американскому империализму представляется через метафорическую модель ПОЛИТИКА – ЭТО ВОЙНА. Военные метафоры транслируют агрессию, враждебность по отношению к оппоненту. Они не способствуют поиску консенсуса и компромисса, столь необходимым в сфере политики, а, напротив, активизируют стремление сражаться с врагом. Противостояние американскому империализму определяется как война за сохра-

нение культурных ценностей, национальной гордости и достоинства. Ср.: 1) *Cuanto ha apoyado Cuba al mundo, a la causa de la humanidad, a la causa de los pueblos, a la lucha contra el imperialismo, contra la explotación, contra la dominación!* (Discurso de Chavez en la inauguración). 2) *Vaya que nos amenazan con la guerra preventiva* (Hugo Chávez en la 60ª Asamblea General de la ONU).

Президент Венесуэлы выражает глубокую скорбь по поводу страданий ливанского народа в войне против своих врагов – Израиля и Америки. Уго Чавес, который оказался одним из немногих лидеров в мире, кто оказал безоговорочную поддержку экстремистской группировке «Хезболлах», критикует действия США и Израиля, обвинив их в подстрекании к насилию на Ближнем Востоке. Израильско-американская агрессия против Палестины сравнивается с политикой Адольфа Гитлера, который убивал людей только по причине национальной принадлежности. Американская ненависть к Палестине раскрывается через метафорическую модель АМЕРИКАНСКИЕ ДЕЙСТВИЯ – ЭТО ОГОНЬ, где стратегия США на Ближнем Востоке представляется как огонь, разгорающийся на территории страны и уничтожающий все живое. Ср.: *Fuego imperialista, Fuego fascista, fuego asesino y fuego genocida, el del imperio y el de Israel contra el pueblo inocente de Palestina y el pueblo del Líbano* (Discurso del Presidente Hugo Chavez en la ONU).

Американская политика метафорически представляется как Дамоклов меч в греческом мифе. По греческому преданию, сиракузский тиран Дионисий I (конец V в. до н. э.) предложил своему фавориту Дамоклу, считавшему Дионисия счастливейшим из смертных, занять его престол на один день. В разгар веселья на пиру Дамокл внезапно увидел над головой обнаженный меч, висевший на конском волосе, и понял призрачность благополучия [<http://ru.wikipedia.org>]. Таким образом, данная метафора транслирует нависшую над миром угрозу, которую представляет Америка, при видимом благополучии. Ср.: *Seguimos alertando sobre ese peligro y haciendo un llamado al propio pueblo de los Estados Unidos y al mundo para detener esta amenaza, que es como la propia espada de Damocles* (Discurso del Presidente Hugo Chavez en la ONU).

Политические отношения с Соединенными Штатами Америки раскрываются через метафорическую модель ПОЛИТИКА – ЭТО ОХОТА. Президент представляет противника как охотника, стремящегося загнать свою добычу в тупик, лишить ее права выбора. Ср.: *No voy a dejarme acorralar por nada ni por nadie. Estamos listos para enfrentar cualquier amenaza* (Hugo Chavez, discurso en Caracas).

Страна, не подчиняющаяся американскому влиянию, представляется человеком, убегающим от угрожающей опасности, спасающим

свою жизнь. Ср.: *Hacia dondequiera que usted mira, oye a extremistas que le dicen que puede escapar de la miseria y recuperar su dignidad a través de la violencia, el terror y el martirio* (Discurso del Presidente Hugo Chavez en la ONU).

Несмотря на мировое влияние Соединенных Штатов, этой страной управляют голливудские персонажи, крутые шерифы и безголовые Рембо. Американские политики, даже самого высокого ранга, смотрят на мир через призму черно – белой голливудской философии “хорошие парни – плохие парни”, что они принципиально не способны воспринимать сложную реальность современного мира [<http://kornev.chat.ru/gulfwar.htm>].

В дискурсе Уго Чавеса Америка представляется страной умалишенных, тупых людей, где даже президент напоминает умственно отсталого человека, речь которого не смог бы разобрать даже психиатр. Ср.: *Un psiquiatra no estaría demás para analizar el discurso de ayer del Presidente de los Estados Unidos* (Discurso del Presidente Hugo Chavez en la ONU).

В результате проведенного исследования представляется возможным сделать вывод о динамичном характере метафорического образа Америки в политическом дискурсе президента Венесуэлы, о чем свидетельствует появление новых метафорических моделей в разные периоды отношений между двумя странами.

Наряду с этим, представляется возможным выделить и ряд устойчивых метафорических образов, создаваемых Уго Чавесом. Учитывая противостояние двух стран, лидер Венесуэлы характеризует США как злую силу, несущую разрушение и смерть. Уго Чавес не восхищается американской силой, а наоборот, характеризует Соединенные Штаты Америки как злого короля, Дьявола, правящего во всем мире и слагающего народы к своим ногам. В его дискурсе политика американского империализма воспринимается как оружие, средство оказания влияния на другие государства. Соединенные Штаты используют политику империализма, чтобы окончательно закрепить мировую гегемонию и расширить область своего влияния. Империализм метафорически представляется хищным животным, убийцей, готовым растерзать свою жертву. Соответственно американо-венесуэльские отношения представляются как война, в которой маленькая страна мужественно борется за свои интересы.

ЛИТЕРАТУРА

<http://kornev.chat.ru/gulfwar.htm>

<http://ru.wikipedia.org>

William Appleman Williams Rise of an American World Power Complex в N.D. Houghton. Struggle Against History //Simon and Schuster – New York, 1968.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М., 1990.

© Мохова Е.К., 2010

Надель-Червиньска М.
Катовице, Польша

Nadel-Chervinska M.
Katowice, Poland

**ЯЗЫК СОВДЕПИИ И МОТИВАЦИЯ
СЕМАНТИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА
В ЯЗЫКЕ МАРГИНАЛЬНЫХ СРЕД:**

**SOVIET LANGUAGE AND MOTIVATION
FOR SEMANTIC TRANSFER
IN THE LANGUAGE OF MARGINAL GROUPS:
Proper Names as Ethnical Stereotypes in Criminal
Slang in Polish and Russian**

**имена собственные как этнические стереотипы в
уголовных жаргонах польском и русском**

УДК 81'276.1

ББК Ш 107

ГСНТИ 16.21.27, 16.21.51

Код ВАК 10.02.19

Аннотация. В статье рассматриваются характеристики «своего» и «чужого» в языке советской тоталитарной действительности. Языковая политика определения каждого человека как лояльного или не лояльного представителя данной государственной системы, в зависимости от национальной культуры и религиозной принадлежности. Семантика личных имен в жаргоне отражает черты «нелояльности», что делает носителя таких черт изгоем.

Abstract. The article deals with characteristics of «one's» and «other's» in the language of the Soviet totalitarian reality. Language policy definition of each man as loyal or not a loyal representative of the state system, depending on national culture and religious affiliation is described. The semantics of proper names in the slang reflects the features of «disloyalty», which makes the possessor of such features an outcast.

Ключевые слова: русский язык; национальная идея; российское тоталитарное государство; национальная ценность; этнос.

Key words: the Russian language; national idea; Russian totalitarian state; national value; ethnos.

Сведения об авторе: Надель-Червиньска, Маргарита, кандидат филологических наук, доцент
Место работы: Силезский университет, Институт восточнославянской филологии.

About the author: Nadel-Czerwinska Margarita, Candidate of Philology, Associate Professor
Place of employment: University of Silesia, Institute of East Philology

Контактная информация: E-mail: ma6570@gmail.com

В сознании носителя любой национальной культурной традиции соотнесение того или иного личного имени с определенным стереотипом базируется прежде всего на многовековом коллективном опыте, в основе которого заложено мироощущение мифо-фольклорное [Н.Червиньска 2003; 2007 а; 2007 б; 2009 а; 2009 б]. Тем самым за каждым именем, достаточно распространенным в данной культурно-языковой среде и потому с течением времени обрастающим дополнительным, обусловленным этой конкретной традицией, семантическим комплексом представлений, закрепляется набор каких-либо особенностей – свойств и качеств, приписываемых обладателю того или иного имени.

В результате закрепляется определенная связь между человеком и его именем, связь двунаправленная и, по той же народной традиции, осмысляемая как магический акт «слова = действия»: 'имя' → 'человек' и 'человек' → 'имя'.

В первом случае имя, которое дается человеку при рождении, либо прозвище, данное затем на каком-либо из этапов инициации (в культурно-исторической проекции: «каково имя, таков и сам человек»), в конечном счете, определяет «то, каким этот человек станет и будет затем всю свою жизнь».

Во втором случае, наоборот, человек, получивший свое имя либо прозвище как бы ненароком, совсем «случайно», неизбежно становится рано или поздно именно «таким, каким диктует ему стать его имя». Имя подчиняет личность человека себе, управляет ею и как бы

«лепит» названного на свой – непреодолимый самим индивидом – лад. Поэтому традиционно у всех народов существуют представления о «магии имени».

Это своеобразный диктат личного имени как некоей бытийной субстанции, которая определяет: «от своей судьбы не уйти». И это в то же самое время личное имя является важным условием существования каждого индивида в социуме (социуме семьи, рода, своих деревни и этноса), существования и сосуществования в коллективе себе подобных – подобных по привычкам, обычаям, верованиям, взглядам. Для описания и углубленного понимания данного языкового, актуального, в частности в контексте культуры восточных славян, феномена следует рассмотреть его в более широком окружении текстов фольклора – и прежде всего текстов паремиологических, поскольку это важно в дальнейшем для темы нашей статьи.

«Личное имя» в контексте народной ментальности

Комплекс представлений, изложенных нами выше, отражается, в частности, фондом русской паремиологии: *С именем Иван, без имени — болван. Ср.: Иван, не помнящий родства. Без вымени овца — баран; а также: Я ведь не без имени овца. И наконец загадка: Без чего человеку жить нельзя? (Отгадка: Без имени.)* А также: *Хорошо и там и тут, где по имени зовут; когда находишься среди своих, т.е. когда вписываешься в собственный социум, напр., в свою этническую группу.*

→ «Имя как маркер своего, принадлежности к своему» [1].

Одновременно угадывается знак семантического равенства в народной традиции между такими понятиями, как *имя* человека и его *душа*, напр., в загадке: *Когда душу крестят, чем её дарят?* (Отгадка: *Именем и крестом*). Поэтому, как следствие таких представлений, в частности, считается, что: *Собаку грешно кликать человеческим именем*. Более того, *имя*, дающееся человеку, является необходимым условием обретения *души*, а потому «давание имени» или «придавание» и даже «задавание», т.е. наречение младенца, предшествует у последнего, дитяти, собственно «появлению души», *души* как «человеческой сущности», в человеке главного и определяющего.

Так, если младенец умирает еще до получения *имени*, то превращается в *болотный огонек*, неприкаянно блуждающий по белому свету и заманивающий случайного путника в непроходимую трясиину. Отсюда убеждение: *Без имени ребёнок — чертёнок*. Ср.: *Могила без кадила, что угольная яма*. Интересно, что в первом случае *ребенок* еще «не принадлежит миру живых», актуальному социуму, которому он должен был бы принадлежать, во втором — *могила* еще «не принадлежит мертвым». Причем и в том, и в другом случаях причина «несоответствия должностованию» заключается в невыполнении кем-то необходимого условия, без которого не может реализоваться традиционно запрограммированное — в контексте обрядной действительности данного социума (первоначально этнического, а затем религиозного, социально-политического).

→ «Имя как заданная программа на будущее, т.е. как бы запрограммированная поведенческая модель» [2].

Следующая поговорка, как поговорка более позднего происхождения и вторичного характера, отличается по семантике, поскольку *охота* (= желание; тяга к чему-л.) является не «сутью человека» и «необходимой частью» его, а «значимым признаком» или «условием» бытия: *Без охоты и человек болван* (не знающий забавы).

В то же время «главным», а потому «сущностным» для описываемого именем, или, в данных случаях названием субъекта является «то, без чего существование его вообще теряет смысл», и потому речь идет уже о чем-то совсем ином: *Печь без дров — гора. Без хвоста птица — ком. Без гребня петух — каплун. Без хвоста и пичужка не красна*.

→ «Имя как маркер самого главного, являющегося сущностью данного лица» [3].

Следующие поговорки наглядно демонстрируют народные представления о том, что «отсутствие главного», такого, как имя в человеке, меняет и сущность самого субъекта, и функции его в общем семантическом контексте: *Без осанки конь — корова. Корова без клички — мясо. Без костей мясо не живёт* (гово-

рится о *человеке и животном*). *Не живёт сорока без белого бока* (где признак *белый* традиционно значим, прежде всего, как «имеющий отношение к умершим, мертвому роду»).

Однако если *кости*, скелет являются «необходимым остовом тела», а потому они «значимая часть [почти каждого] живого существа», то *шерсть* таковым и таковой не является, напр., *барана и овцу* стригут, а потому, как говорится: *С паршивой овцы хоть бы шерсти клочок*. Поэтому следующая поговорка к тем, которые мы описываем в связи с представлениями об *имени* (и *названии-знаке*), не относится: *Баран без шерсти не живёт* (говорится, коли шерсть во щах попадается). Не относятся к ним по той же причине и поговорки: *Русская рубаха без цветных ластовок не живёт. Без попа, что без соли*; или: *Без попа не приход* (где *поп* проявляет себя не столько как «суть», сколько как «орудие» и «необходимое условие» существования прихода, и если он «центр», то вокруг него функционирует приход, а не на нем держится — *попа* можно сменить на другого).

→ «Имя как маркер сущностно важного, без чего субъект уже не будет таковым, т.е. перестает быть самим собой» [4].

Солдат без ружья — тот же баран (что неравнозначно), однако: *Солдат без шпаги хуже бабы*. В первом случае в поговорке речь идет о «беспомощности», непригодности в битве, во втором — о «несостоятельности как мужчины», т.е. отсутствии фаллического признака.

Казалось бы, следующие поговорки выглядят внешне аналогичными предыдущим в структурно-семантическом отношении, но это не так: *Без топора не плотник, без иголки не портной. Без клещей кузнец, что без рук. Без хлеба не крестьянин*. Здесь как раз определяется «сущностно важное» [4], и даже «значимая часть» представителя, если определять современным языком, данной профессии: именно *топор* и ничто другое делает данного человека *плотником*, *иголка* — *портным*, *клещи* — *кузнецом*, а выращиваемый *хлеб* — *крестьянином*.

В последующей же поговорке *сапоги* не являются «значимой частью» самого *слуги*, а «необходимым условием» для него данной работы и потому как бы «орудием труда»: *Без сапог не слуга*. Ср.: *Топор без топорница*. Ср. также: *Волка (а затем, современное: Журналиста) ноги кормят*. Так же, как и *слугу*, напр., *кормят ноги* мальчика на посылках.

→ «Имя как отражение функциональной сущности субъекта, его — имени — носителя, а также как определение функций данного субъекта в конкретном социуме» [5].

Приблизительно сюда же следует отнести поговорки, в которых атрибутивность такого признака, как *конь*, является свидетельством позднего семантического переноса-смещения: *Без коня не казак. Казак без коня, что солдат без ружья*. Ср. в подобных поговорках позднего

происхождения атрибутивную семантику таких признаков, как *ружье, сабля, шпага*, сохраняющих в паремиологических текстах при этом, однако, традиционный смысл «фаллический признак мужского начала».

→ «Имя как маркер своего, определяющего половую принадлежность наделенного именем-определением субъекта – фаллическое, либо вагинальное» [6].

В контекст тех же самых народных представлений вписываются также следующие паремии: *Сноп без перевясла — солома. Без языка и колокол нем. А также: Без мужа не жена. Жена без грозы — хуже козы*; где гроза = муж. Аналогичная идея «отсутствия самого главного» как отсутствие семантического ядра, главного стержня, сути и смысла самого существования в мире (и в мифо-фольклорной Модели Мира) заложена в основу и следующей пословицы: *Что гусь без воды, то мужик без жены*; ср. также: *Как рыба без воды*. В данном случае речь, конечно, не об имени личном, а в важном номинативном знаке как имени в широком смысле фольклорного мироощущения.

→ «Неистинное, или ложное, и имя как маркер отсутствия в субъекте сущностно главного, что исключает носителя ложного имени из ряда данных – аналогичных ему самому – субъектов и, соответственно, лишает принадлежности к своему» [7].

Но при этом обратим внимание на то, что семантически неадекватным *жене без мужа* оказывается внешне, казалось бы, противоположное по смыслу: *Без жены как без шапки*. Но к данному паремиологическому тексту более близко будет по смыслу качественно иное: *И мир не без начальника* (или: *не без головы*). Неадекватна этому тексту (*Без мужа не жена*) в каждой из своих частей также и синтаксически двукомпонентная паремия: *Без мужа, что без головы; без жены, что без ума*.

В этом случае «отсутствие значимой части целого» равнозначно на самом деле «полной непригодности целого», причем это – «не пригодность к использованию по назначению», напр.: *Голова без ума, что фонарь без свечи*. Ср.: *У него чердак без верху: одного стропильца нет. Ум без догадки — чёрт ли в нём*. И даже в близком к этому значению «отсутствие необходимого условия»: *Без ладов и ведра не соберёшь. Дело без конца, что кобыла без хвоста. Без веретена пряжи не спрядёшь. Без закваски хлеба не месят. Без снаряда и лаптя не сплетёшь. Без жернова на шее дна не достать. Без раны зверя не убьёшь. На туловище без головы шапки не пригонишь*.

В данный разряд попадают весьма разнообразные по тематике паремиологические единицы, для которых, как можно заметить, кроме главного маркера – семантического параметра «отсутствие как знак непригодности», общим является и дополнительный структурно-семан-

тический параметр – построение традиционного высказывания по определенной синтаксической модели или ее вариантам-аналогам.

→ «Отсутствие значимой части целого, в т.ч. и имени, как маркер непригодности к использованию по назначению, а потому негодно для своего, социума и этноса» [8].

В этом же контексте, правда, с учетом специфических акцентов, характерных для данных традиционных текстов, следует рассматривать и следующие паремии: *Без хлеба не обед. Без пастуха овцы не стадо. Без бороды и в рай не пустят* (раскольнич.; в тот же контекст вписано и ироническое: *Без рубля бороды не отращишь*. Со времен Петра I). И даже: *Без плачу у бабы дело не спорится. Без копейки рубля нет; Без копейки рубля не живёт. Без ума житьё — рай*; где, заметим, «отсутствие необходимого» представляется положительным фактором. Ср. также: *Без котла мышам масленица*.

При всем этом «отсутствие самого главного, необходимого» нередко приобретает в паремиологии чисто национальные акценты: *Русский человек без родни не живёт. Немец без штуки с лавки не свалится. У немца на всё струмент есть. Цыгану без обману дня не прожить. Цыган даром мимо не пройдёт. И в самоедах не без людей. Только мёртвый литвин не дзекнет*. Ср. также: *Без корня и полынь не растёт*; что можно понимать и как «отсутствие национального», не вписанность в этнический социум «своего».

→ «Этническое имя, роль которого, можно сказать, обобщенно выполняет и национальная принадлежность как маркер своего, принадлежности к своему» [9].

Комплекс данных представлений об «имени» как некоем «основополагающем центре каждого элемента Сущего», будь то человек, животное, предмет, явление или, как следствие, действие, отражается также фольклорной сказкой, в которой «имечко», 'истинное' ли оно либо 'ложное', всегда играет важную роль и для развертывания традиционного мотива, и для понимания сакрального смысла, лежащего в основе любого фольклорного текста.

* * *

Выведенные здесь нами, основные для фольклора восточных славян, семантические функции имени-называния (как имени-маркера), а их, как видим, девять, остаются актуальными для российской ментальности и сегодня. Традиция народного мироощущения, изначально основывавшегося на мифо-фольклорном, остается базовой для современного русского просторечия.

Однако в современной народной ментальности, в которой остается в России, к сожалению, все меньше и меньше от традиции мифо-фольклорной, семантика личного имени носит большей частью негативную окраску. Отвлеченная собирательность и обобщенность каж-

дого такого названия при этом имеет нередко широкий диапазон коннотаций со знаком «минус». И такая специфика узуального словоупотребления мотивирована тем, что носители просторечия заимствуют прежде всего языковые элементы арготического характера, будь то городской сленг, субкультурный лексикон или уголовный жаргон. Мы уже не раз обращались в своих работах к проблемам употребления личных имен в жаргонной речи [Н.-Ч. 2000; N.-Czerwińska, Czerwińska 2004; N.-Czerwińska, Czerwińska, Akartel 2005; Н.-Ч., Червинская 2009 а; Н.-Ч., Червинская 2009 б]; [Червински 1998]. Специфика узуального словоупотребления личного имени занимает значительное место также в нашем словаре «Метафоры русского сексуального EGO» [Czerwinsky, Nadel-Czerwinska, Czerwinski 2001].

Далее в нашей статье, опираясь на представленные выше девять семантических функций имени-называния (имени-маркера в фольклорной традиции), рассмотрим использование личных имен в уголовных жаргонах, русском и польском. Такой подход позволяет в контексте поставленной проблемы параллельно анализировать аналогичный русскоязычный [Балдаев, Белко, Юсупов 1992; Балдаев 1997] и польскоязычный материал [Stępniaк 1993], с учетом актуальных семантических изменений в современном сленговом фонде [Елистратов 2000; 2005].

«Личное имя» в контексте просторечных заимствований: замещение имени

Использование личного имени, а также фамилии и отчества, в узусе русского просторечия предполагает, в первую очередь, маркирование национальной принадлежности (1 а) и в ряде случаев знак принадлежности к определенному вероисповеданию (1 б). См., в частности, напр.: «Абрам – имя нарицательное. Так иногда пренебрежительно, иногда просто с легкой иронией, а иногда и оскорбительно называют евреев» [Раскин 1997: 17]. При этом наблюдается, как в уголовном жаргоне, тенденция табуирования национальности, путем замещения этнической принадлежности и прямого указания на нее именем – той или иной значимой внешней чертой (2 а), реже значимой чертой характера (2 б), реальной либо только приписываемой представителям данного этнического единства.

Обращает на себя внимание также специфическая форма названия «несвоим именем», т.е. именем «чужим», «не истинным, а ложным», либо соотнесение с «иной национальностью», «чужим этносом»: *шварцман* (идиш; в русск. переводе фамилия *Черный*; ср.: *вайс*, идиш. и русск. *Белый*), 1) «скупщик краденых драгоценностей, антиквариата, произведений искусства», 2) «негр», 3) «араб»; *армяшки*, *армяшка*, собират., «кавказцы», «кавказец».

Причем и в первом, и во втором случаях все представители данной собирательно-

обобщенной общности – «негры», «арабы», «кавказцы», как и «евреи» или «армяне», – недифференцированно воспринимаются субъектами речи со стороны, а потому, с позиций иной национальной культуры, как бы «на одно лицо». Так, в начале 70-х годов, когда в советских вузах впервые учились вьетнамцы, имел место весьма досадный казус: студент показал своему преподавателю русского языка коллективную фотографию соотечественников, приехавших учиться, сделанную в Москве, и указал на снимке: вот это я, а это мой брат. И в ответ услышал искренне изумленное: а как Вы его узнали?!

Обратим внимание также на то, что большинство таких имен-стереотипов и заместителей имен-стереотипов заимствуется просторечием от представителей сред криминальных, а также с ними пограничных. Ниже приведем выборочно некоторые примеры, являющиеся типичными для описываемых нами процессов, характерных для современного просторечия.

1-а) национальная принадлежность:

азиат – *богдыхан*, «начальник ПТУ – азиат, кавказец»; *чингиз* (историч., Чингиз-хан), «казах», «киргиз»; *чойболсан*, «монгол», «бурят»; *юрок* (сокр. от Юрик, однако здесь – по типу *турок*), 1) «татарин», «башкир», 2) «азиат»; *илай* (тюркск.), «честный человек» (с Востока);

армянин – *каро* (арм.), 1) «меч», 2) «преступник-кавказец»; *карен*, «армянин»; *ашот*, *ашотик*, «армянин»; *аршак*, «армянин»; *армен*, *армэн*, «армянин»;

грузин – *гако* (кавк., груз. или азерб.), 1) «дядя», 2) «друг»; *лоли* (груз.), 1) «монета», 2) «воровка-грузинка»; *сосо*, 1) «грузин», 2) «Сталин»;

еврей – *бриц* (иврит и идиш), «еврей»; *вайс* (евр. фамилия, идиш, «белый»), 1) «человек на побегушках», 2) «официант», 3) «молодой удачливый вор»; *мойша* (от Моисей), «еврей»; *мошка* (от Моисей, Мойша), 1) «матрас», 2) «ничтожество, о человеке»; *монька* (от Соломон, Шломе), «еврей»; *эстер* (др.-евр.; в Священном писании – Эсфирь), 1) «красивая еврейка из интеллигентной семьи», 2) «умная красивая любовница»; *яшка* (от Яков, Иаков), 1) «похлебка», 2) «человек на побегушках»;

кавказец – *армяшки*, *армяшка*, собират., «кавказцы», «кавказец» (все на одно лицо; в массе не такие, как «русские»; смуглые, жгучие брютеты);

немец – *бундес*, «гражданин ФРГ»; *фриц*, *фашист*, как «историч. обобщение» (в т.ч. и «немец из ГДР»);

русский – *ваня* (от Иван), 1) «глупый, недалекий человек», 2) «простой малограмотный человек», 3) «русский»; *коля* (от Николай), «ботинок, о рабочей обуви» (ср.: *простой, как валенок*); *маруся* (просторечн., от Марья), 1) «любовница вора», 2) «женщина», 3) «проститут-

ка», 4) «жертва марушника»; *марушка* (то же самое), 1) «молодая женщина», 2) «проститутка»; *матвей* (русск. простонар.), 1) «добросовестно работающий заключенный» (то же самое, что *мужик*), 2, «пьяный»; *матрена* (русск. простонар.), 1) «завод, фабрика», 2) «малоимущая простая пожилая женщина», 3) «работница физического труда», 4) «малограмотная, недалекая женщина»; *маша* (от Марья), 1) «женщина – главарь преступной группы», 2) «простая, наивная, глупая женщина», 3) «деревенская жительница», 4) «женщина», 5) «пассивный гомосексуалист»; *машка* (от Марья), 1) «пассивный гомосексуалист», 2) «женщина-воровка», 3) «сельская девушка», 4) «влагалище» (объект сексуального насилия), 5) «работница физического труда», 6) «пассивная лесбиянка»; *умная маша* (ирон., пренебр.), 1) «рядовая работница», 2) «наивная, простоватая женщина».

цыган – *аза*, *ада*, «молодая цыганка»; *биби*, «тетка»;

1-б) вероисповедание:

азиат – *аллах* и *аллахи* «азиат и азиаты; мусульмане»; *чех* и *чехи*, «чеченец, чеченцы»;

еврей – *иерусалимец*, 1) «еврей», 2) «бродяга, бомж»; *аид* (средневеков., «иудей»), «авторитетный еврей»; *аида* (т.е. «иудейка»), «красивая еврейского происхождения» (тем самым и в название одноименной оперы Верди вынесена национальная принадлежность рабыни, что делает понятным и непокорность ее народа, и невозможность ее любви с египтянином Радамесом); *барисраел* (сын Исаи, народа иудейского; иврит), «еврей»; *сара*, *сарка*, 1) «золотая монета», 2) «деньги», 3) «луна», 4) «еврейка»; *фима*, «авторитетный заключенный-еврей»; *шмуль*, «еврей»;

татарин – *бабай*, 1) «дед, старик», 2) устар., «ростовщик», 3) «старый татарин»;

1-б₁) а также противоположное – иное вероисповедание (чужая, чуждая вера):

анше, «люди» (чужие, инородные);

асей, «иностранец» (чужой и чуждый человек);

арина (простонар., от Ирина), «оскорбление у осужденных-мусульман» (не мусульманин и, вероятно, пассивный гомосексуалист);

басурман, «заключенный-мусульманин», «мусульманский священнослужитель»;

башкир, «милиционер» (по-русски не понимает – возможно, как в прямом, так и в переносном смысле);

бедуин, «притесняемый заключенный – азиат или кавказец»;

бильбальдо, «некрещеный»;

гамбургер, «иностранец» (обычно западноевропейский);

джон, «иностранец»;

дух, *духи*, «душманы, мусульмане»;

жорж, «священнослужитель» (примечание: какого вероисповедания, неясно);

мулерман, «мулла»;

чумиза, «китаец»;

чухна, «прибалты, карелы, финны»;

2-а) значимая внешняя черта:

азиат – *малай-малахай* (прозвище; по внешнему виду, одежде), «татарин»; *чучело*, «азиат» (а также «портрет вождя», «памятник вождю» и «сожитель жены или любовницы заключенного»); *умный чукча*, «азиат» (по признаку «восточные, раскосые глаза»); *чио-чио-сан* (ориентальный мотив: дорогая шоколадная конфета – по имени героини одноименной оперы Пуччини, японки), «проститутка-азиатка»; *желток*, «азиат» (калька с американского);

армянин – *хачик* и *хачек*, «нос, крючкообразный» (ошибочно считать, что это сокращение армянского имени, либо фамилии Хачатур(ь)ян; из польск., видимо, через украинский: *hak*, «крюк»; *haczyk*. «крючок»; ср.: *поймать на крючок* кого);

еврей – *шнобель* (идиш), а также *рубильник*, «нос, очень большой»; *брудель* (из польск. *brudas*), «старый еврей»;

кавказец – *ара*, «лицо южной, преимущественно кавказской, национальности» (от обращения *ара*, «послушай»; груз.); *черножопый*, *черножопик*, *черный*, «смуглый, чернявый человек – напр., азиат, кавказец»; *орел*, *орлиный нос*, «грузин» и вообще «кавказец» (по признаку «большой, крючковатый нос»); *чернота*, собират., «жители южных республик, обычно Кавказа и Средней Азии»;

негр – *черномордик*, «негр» (человек с черным лицом); *негатив*, «негр» (в полную противоположность «белому человеку»); то же самое – *черные яйца*, *черный болт* (фаллический признак), *шоколадный заяц* (+ *заяц* и *зайчик*, «жертва насилия» и «жертва полового насилия»); *блэки*, «африканцы»; *черный*, «негр», а также «житель Кавказа, Закавказья и Средней Азии», «опиум»;

украинец (?) – *махно*, «блатной, не придерживающийся закона» (от батько Махно);

цыган – *черни*, *чорня*, «опытная воровка-цыганка»;

2-б) черта характера:

азиат – *чучмек*, *чушка*, *чурка*, «азиат», «глупый, недалекий человек» (а также «человек необразованный, темный», в т.ч. и «колхозник»; «грязный», от *чушка*, «свинья»; «тупица, дубина стоеросовая, бревно», от *чурка*, «деревяшка»); *башибузук*, «головорез», «бандит-азиат»; *камикадзе*, «вооруженный бандит – азиат или кавказец» (отчаянный головорез, самоубийца); *сизарь тупорылый*, «азиат» (плохо соображает; плохо владеет русским языком); *петлюровцы*, собир., «азиат, но чаще о корейцах, японцах, вьетнамцах» (от имени Петлюра, «руководитель неуправляемой банды головорезов», на Украине);

армянин – *даша*, *дашка*, «пассивный гомосексуалист» (от глаг. *давать*); *даштак*, «армянин» (то же самое);

белорус – *бульбаш* («питающийся, т.е. живущий, одной картошкой, *бульбой*»);

еврей – *жид* (и все это словообразовательное гнездо в просторечии [Елистратов 1994: 136-137]), «скупой, жадный» (он также *жмот*, *жлоб* и *из-за копейки готов удавиться*), «хитрый, изворотливый, хитроумный, находчивый», «чересчур умный, а потому наглый, нахальный», «слишком образованный, много на себя берет» и т.д.;

кавказец – *горный козел* (т.е. «чуть что – подскакивает; агрессивен и бодлив»); *грузинская*, или *армянская*, *шутка*, «анально-генитальный контакт с женщиной»;

русский – *егорка*, «глупый, недалекий человек»; *пантелей*, «глупый, малограмотный человек»; *федя*, «железнодорожный вагон, в котором перевозят вино, спирт», «пьяница», «глупый, недалекий человек»; *сиволапый лох*, «колхозник, сельский житель» (недалекий простофиля); *ванёк*, «охранник, надзиратель в ПТУ», «беспечная жертва вора», «мусорный ящик, ведро», «умственно отсталый человек»; *сибирский валенок*, «глупый, недалекий человек» и «наивный, простодушный человек»; *лёха*, *лех*, *лэх*, «глупый, недалекий человек», «наивный человек», «жертва преступления», «сельский житель»; *фома*, «глупый, недалекий человек»;

прибалт – *сизарь чухнорылый*, «эстонец, латыш, литовец» (т.е. «тупой; не знающий русского языка»);

цыган – *хосьян* (от Касьян, искаж.), «вор-цыган»; *кало*, «цыган»; *калле*, «красивая девушка, женщина» и «проститутка»; *филька*, «тумбочка», «цыган-конокрад»;

чукча – *чукча*, «глупый, недалекий человек» и «наивный человек, простофиля»;

чуваш – *чувашлеп*, «чуваш» и «глупый, недалекий человек»; *чугавый*, «чуваш».

Тем самым, субкультурные представления о той или иной национальности, а также о данном человеке, относящемся к определенному этническому либо религиозному единству, носит стереотипный – условно-обобщенный, – а потому расплывчатый и неконкретный характер. В результате человеческая личность нивелируется, полностью теряет свою индивидуальность, как бы растворяясь в мнениях-стереотипах о чужой, чуждой и, как правило, малознакомой культуре, т.е. в относительно правдоподобных «представлениях о ...» и суждениях о том, с чем говорящий практически не знаком.

Основанием для последних суждений обычно является в криминогенной среде обобщение единичных фактов. Причем коллективное отношение к определенным «жертвам насилия», напр., насилия гомосексуального (см. лагерное: *опускать*, *козлить* кого), – и часто к жертвам, избираемым преимущественно именно по национальной и религиозной принадлежности, перекладывается затем на всю этниче-

скую группу в целом (будь то *евреи*, *азиаты*, *армяне*, *грузины* или *африканцы*).

Ср.: *анджела дэвис*, «смуглый, кудрявый пассивный гомосексуалист» (перенос с определения «негр» на представления о «грузине», «армянине», «еврее»); а также безликое: *кентавр*, «активно-пассивный гомосексуалист» (мифол. имя-стереотип, используется в жаргоне как кличка).

* * *

Обратим особое внимание также на группу 1-б – вероисповедание: для криминогенной, а также тюремно-лагерной среды актуальна принадлежность только к двум религиозным общинам. Причем, в первую очередь, если судить по объему словарных единиц, это *евреи* (и удаизм), а во вторую – представители *разных народностей*, объединенных верой в Аллаха (мусульмане). Иные религии, как и принадлежность к ним, совершенно не актуальны (в том числе не актуальна и вера христианская). Характерно также для жаргонной речи использование известных лексем вне религиозного, обычного для них, контекста, напр., *брахман*, «странный, погруженный в свои мысли человек», или *индус*, 1) «заклученный, водворенный в карцер», 2) «заклученный, обитатель *индии*» (в зн. «камера, в которой содержится заклученные-доходяги);

Характерно то, что и на гомосексуальные отношения принадлежность к тому или иному вероисповеданию влияет лишь относительно: о религии вспоминается только тогда, когда объект речи хотят унижить именно по этому признаку.

Христианскими элементами тюремно-лагерного жаргона можно считать, пожалуй, только следующие: *юде*, *юда*, 1) «заклученный-доносчик», 2) «предатель» (от Иуда, др.-евр. имя и «иудей»; но в христианском значении «христородавец», при этом огласовка жаргонизмов характерна для нацистского контекста); *ставить точки над "i"* (или: *над иудами*), – «стрелять в затылок (расстреливая)». Непосредственно соотносимы с православной традицией также лишь некоторые единицы жаргона картежников и шулеров, напр., названия карт: *святой николай*, устар., «трефовый король»; *святой павел*, устар., «валет». Последнее можно воспринимать в речи как демонстративную издевку и ерничанье, ср. также: *монашка*, 1) «незамужняя женщина», 2) «мусорная урна».

Красноречивы жаргонные значения и таких лексем: *архангел*, «милиционер»; *апостол*, 1) «милиционер», 2) «начальник, директор, председатель чего-л.»; *пол*, «политработник в ИТУ»; *дьявол*, 1) «прокурор», 2) «глупый, недалекий человек», 3) «ничтожество, о человеке», 3) «фраер, выдающий себя за блатного»; *демон*, 1) «фраер, выдающий себя за блатного», 2) «умственно отсталый человек»; *черт*, 1) «фраер, выдающий себя за блатного», 2) «работник пра-

воохранительных органов», 3) «добросовестно работающий заключенный»; *пономарь*, «хвастун»; *звонарь*, 1) «болтун», 2) «осведомитель, доносчик», а также как устаревшие значения арготизма – 3) «колокольня», 4) «часы с боем». Обратим внимание и на следующие единицы: *икона*, «фотография» (на фальшивых документах), «правила внутреннего распорядка ИТУ»; *женский монастырь*, «камера-одиночка для лиц, выдавших соучастников преступления, доносчиков» («женский» – т.е. камера для потенциальных объектов гомосексуального насилия, *опускаемых* в наказание, за предательство); *крестник*, «прокурор»; *крестить*, 1) «давать клички», 2) «подвергать заключенных-новичков испытаниям» (унизительным оскорблением вплоть до сексуального насилия), 3) «судить» (и в народном суде, и самосудом), 4) «избивать», 5) «унижать сокамерников».

Для русскоязычного тюремно-лагерного жаргона характерна связь «христианских» элементов с ненавистной официальной властью (как представляющей тоталитарное государство), ее карательным аппаратом (тюрьмы, лагеря, система доносчиков, прокуратура) и ее отдельными представителями.

«Личное имя» в контексте русскоязычного тюремно-лагерного жаргона

Итак, личное имя в коммуникативном контексте русскоязычных криминогенных сред – контексте, который сейчас воспринимается как «нормальная» форма общения в самых различных кругах носителей современной российской ментальности, выполняет исключительно функцию нарицательности, что воспринимается многими уже почти как языковая норма.

Напр., в тюремно-лагерном жаргоне имена, часто в сокращенных формах, фамилии, как полные формы, так и сокращенные, иногда намеренно искаженные, клички, нередко типа собачьих, используются в следующих целях:

1) для обозначения места и роли заключенных в иерархии «зоны» –

жоржик, 1) «сожитель жены заключенного», 2) «мошенник»; *жорик*, «человек, осужденный за мелкое хулиганство»; *челюскинец* (от фамилии Челюскин), 1) «вор, изгнанный из группировки за нарушение воровского закона», 2) «вор-одиночка»; *яропол*, *ярополк*, устар., «человек, осужденный за убийство своих родственников» (историзм); *воркута*, «заключенный, длительное время пробывший в местах лишения свободы; заключенный с длительным сроком наказания» (имя-топоним); *мурка*, 1) «карманная воровка», 2) «наводчица»; *есенин*, «заключенный, сочиняющий стихи, песни» (запрещенный при Сталине поэт, популярный своим песенным надрывом в уголовной среде); *гермес*, мифол., «опытный пожилой вор»; *савка*, «мелкий рыночный вор»; *серый* (прил. и сокр. к имени Сергей), 1) «человек, впервые осужден-

ный к лишению свободы», 2) «подозрительный, не вызывающий доверия человек», 3) «ничтожество, о человеке», 4) «военнослужащий Советской Армии»; *муська*, «проститутка»; *сявка*, 1) «вор-подросток; начинающий, неопытный вор», 2) «молодая проститутка» (образовано от Севка + Шавка); *фуцик*, «осведомитель из своих, предатель» (т.е. *стукач*);

2) для обозначения места и роли представителей иерархии карательного аппарата –

антон, «дворник» (и по долгу службы – «стукач НКВД»); *сидор*, 1) «мешок с вещами, продуктами; багаж, ручная кладь», 2) «дворник» (и по долгу службы – «стукач НКВД»); *гапон*, 1) «политработник в ИТУ», 2) «милиционер» (историзм; поп Гапон, «провокатор царской охранки»); *мурки*, устар., «сотрудники Московского уголовного розыска» (или МУРа; ср.: *мурка*, 1) «карманная воровка», 2) «наводчица»; а также: «...там сидела Мурка в кожаной тужурке, а из-под нее торчал наган...» – из «блатного шансона»); *аракчеев*, 1) «следователь», 2) «прокурор», 3) «директор школы», 4) «классный руководитель» (историзм); *салтычиха*, «женщина-начальник женского ИТУ» (историзм; искаж., боярыня Салтыкова); *тишка*, 1) «сотрудник уголовного розыска»; 2. «сотрудник оперчасти ИТУ»; *хавронья*, «женщина-народный судья» (имя, просторечн. от Февронии, и «свинья»); *татьяна*, 1) «резиновая милицейская дубинка», 2) «заключенная-староста камеры»; *филькина грамота*, «правила внутреннего распорядка ИТУ» (см. также: *фильки*, *филки*, «мелочь, о деньгах»); *химера*, мифол., «женщина-следователь»; *цезарь*, 1) «генерал МВД», 2) «сигнал опасности», 3) «злая собака» (т.е. «имеющий власть»; историзм); *барбос*, 1) «следователь», 2) «заведующий пивным баром, бармен» (кличка собаки; ср. также: *стакановец*, «пьяница» (искаженное «стахановец», образовано от фамилии шахтера-передовика, Стаханов);

3) для обозначения каких-либо значимых для криминальной среды элементов окружающей действительности –

катя, *катька*, *катюха*, 1. «пальто с большими карманами» (одежда воровок, совершающих кражи в магазинах самообслуживания), 2. «сторублевая купюра» (по имени русской царицы, а также денежная единица с ее портретом); *катюха*, «кодеин (наркосодержащее лекарство)»; *куин мэри*, устар., 1) «красивая портовая проститутка», 2) «притон, в котором собираются моряки дальнего плавания» (по названию знаменитого океанского лайнера; в честь королевы Англии); *леди хэми*, «марихуана, гашиш»; *окрестить Джека*, «уничтожить фабричные (заводские) номер или надпись на краденой вещи, поставив вымышленные»; *венера*, 1) «подарок», 2) «сифилис» (мифол.; имя богини любви и планета, лат.); *гарик* (англ., от Гарри), «героин»; *джоржик* (англ., от

Джордж), «окуроченный, приклеенный к стене, потолку»;

4) для обозначения каких-либо, значимых для тюремно-лагерной среды, элементов окружающей действительности –

белинский, «белый хлеб», противоположное *чернышевский*, «черный хлеб»; *чайковский*, «чай»; *сосиска сербского*, «норма питания в психиатрической больнице тюремного типа» (фамилия психиатра); *пульман*, 1) «стандартная упаковка лекарств, содержащих наркотические вещества», 2) «пачка чая»; *достоевский*, «человек, который может по блату доставать дефицитные товары» (начало 60-х; просторечн.); а также специфическое использование, что характерно, как уже было сказано, для просторечия, сокращенной фамилии – клички: *павлуша* – «микстура Павлова» (суррогат спиртного; ср.: *андроповка* – «водка «Московская», цена на которую была снижена во время пребывания Андропова на посту Генерального секретаря ЦК КПСС» [Мокиенко, Никитина 1998: 35]).

Собственно, такой специфический языковой – и просторечный – процесс следует рассматривать, прежде всего, как следствие того, что десятилетиями «в условиях отдельно взятой страны» велись эксперименты по нивелированию человеческой личности. Велись в колхозах, кооперативах, на предприятиях, т.е. в коллективах всевозможных типов, велись в детских садах, школах, вузах, а также на производстве (заводы и фабрики). Велись в разнообразных «ячейках» – семейной, октябрятско-пионерско-комсомольской, партийной, профсоюзной, а также во всех общественных организациях. И, поскольку человек в контексте ячейки любого коллектива воспринимался безлико – как «член» монолитной общности «всех» либо «многих», причем обязательно представляющихся «общественностью» и «большинством», то был всего лишь «винтиком» производства, поднятой рукой на собрании, голосующей «за», с энтузиазмом марширующим под звуки марша в колонне таких же, как он, на очередной демонстрации.

Поэтому его, маленького человека, обычно не называли по имени, его выкликали по фамилии – из строя таких же, а если окликали, то чаще по какой-либо кличке, напр., по усеченной или переименованной фамилии. Ср.: *Горбачев* мог в разговорной речи упоминаться как *горб*, *горбач* – как первый вариант (усечение), либо *горбатый* – как второй (переименование). Однако кличка могла фамилией и не мотивироваться, а называть какую-нибудь более или менее заметную в данном лице черту внешности либо характера, напр., *горбатый*, *горб* и *горбач* – так могли называть человека с определенным дефектом, деформацией тела.

Употребление, приминительно именно к Горбачеву, определения-клички *горбач* было характерно, что весьма знаменательно, для

среды криминогенного типа. А представители такой среды не могли не знать того, что в тюремно-лагерном жаргоне лексема *горбач* имеет специфическое значение «заключенный, совершивший побег», а также «находящийся в бегах заключенный». Если соотнести этот факт с бытовавшим в той же самой среде – и, соответственно, застенках ГУЛАГа – представлении об СССР как о «большой зоне», замкнутой за колючей проволокой государственной границы, напоминающей концлагерную изгородь, то представление о возможности «совершить побег из зоны» тоталитарного государства – возможности, появившейся благодаря Горбачеву, закономерно логично и вполне мотивировано для русского просторечия.

Здесь следует подчеркнуть, что в маргинальных субкультурах человек практически лишен своего собственного имени, замещаемого закрепившейся за ним кличкой и ситуативно варьируемыми прозвищами. А такими прозвищами нередко становится в жаргоне нарицательное употребление личных имен как конкретных людей или персонажей, напр., книг, опер, так и обобщенно-нарицательных и, по сути своей, как бы неопределенно-личных, сохраняющих при этом в узуальном речевом контексте черты национального (и религиозного) маркера.

Примерами этому могут служить следующие жаргонные единицы: *бельмондо* (фр.), «психически ненормальный человек»; *фигаро*, «парикмахер»; *джорык* (искаж. Жорик), «ненадежный, не вызывающий доверия человек»; *пыха* (фамилия популярной певицы), «красивая нестареющая женщина». Ср. также использование в этой роли фамилий: *фуцин*, *фуцын*, 1) «осведомитель, доносчик», 2) «потерпевший, жертва преступления»; *фуцман*, «осведомитель, доносчик»; *шнер* (от Шнеер), «лом»; *шнифер*, «вор-взломщик»; *пинч* (англ. фамилия), «пассивный гомосексуалист» (однако в жаргоне это образование от Пиначет; *пиначёт*, полит., «требовательный, придирчивый начальник ИТУ»).

Используются также национально окрашенные имена – в функции оскорбления объекта речи, второго или третьего лица: *маргаритка*, 1) «пассивный гомосексуалист», 2) «мужчина-минетчик» (ср.: *умница*, «гомосексуалист»); *марго*, 1) «маргарин», 2) «красивая проститутка, имеющая успех у богатых клиентов»; *геза*, «красивая проститутка неславянской национальности»; *кармен* (литерат., оперн.), «карманная воровка цыганка»; *лаура*, «проститутка»; *роза*, «женщина-пьяница»; *мара*, 1) «женщина»; 2) «жена»; 3) «любовница вора»; 4) «проститутка, женщина легкого поведения»; *додик* (сокр. от Давид), 1) «молодой пассивный гомосексуалист»; 2) «женственный, женоподобный мужчина»; *есик* (Ёся, от Иосиф), 1) «вход» (т.е. «анус»), 2) «гомосексуалист»; *зяма* (от Залман), «изворотливый мошенник, аферист»;

лялька, «юная проститутка»; *лялька-генетик*, *лялька-живоглотка*, «девушка-минетчица».

Для русскоязычного тюремно-лагерного жаргона специфично использование национально окрашенных имен-стереотипов для описания области сексуальных и гомосексуальных отношений, главным образом, принудительного и насильственного характера, что свойственно, как мы это определяем в своих работах, садическому языку тоталитарного государства [Н.-Червинская, Червинская 2009 а; 2009 б].

См., напр.: *варюха* (русс.), «анальное отверстие»; *жося* (искаж., польск. Зося; от Зюзанна), «пассивный гомосексуалист»; *жужа* (венг.), «молодой гомосексуалист»; *люська* (русс., от Людмила), «пассивный гомосексуалист»; *люся* (русс.), «влагалище»; *манька* (русс., от Марья), «пассивный гомосексуалист»; *марта* (польск.), «девушка, женщина»; *сулико* (груз.), «акт мужеложства»; *руслан* (русс.), «гомосексуалист»; *сусанна* (из др.-евр.; как вульг. интерпретация сюжета «Сусанна и старцы»), «минетчица»; *шурик*, 1) «психически ненормальный человек»; 2) «пассивный гомосексуалист» (ср.: *шура*, «воровка»).

Однако заметим, что семантика следующих жаргонных единиц мотивирована иначе и это случай довольно редкий для данного лексического фонда: *моцарт*, «дирижер» (по функции); *барон фон триппербах*, устар., «человек, хронически больной гонореей» (по созвучию – «триппер», просторечное название венерической болезни); *ёрик*, «пожилой человек» (из «Гамлета»; литературная ассоциация: по сходству «голового черепа»); *демосфен*, греч., 1) «бродяга», 2) «нищий» (по имущественному состоянию: человек, у которого ничего нет). Во всех этих случаях актуализирован, прежде всего, иронический момент, что свидетельствует об определенном образовательном уровне субъектов речи, использующих такие единицы, в то время как обычно иные жаргонизмы, называющие человека, носят выражено оскорбительный характер, как свидетельство свойственного для криминогенной среды речевого бескультурья.

* * *

Итак, личные имена в жаргонах и современном просторечии также нередко употребляются в нарицательной функции названия, напр., предметов и понятий, актуальных для криминогенной среды: *мотя* (от Мотл), 1) «часть краденного», 2) «бак для воды»; *мотяк* (от Мотл), «гашиш»; *мирочка*, «носовой платок»; *мирго* (возм., груз. или азерб.), «яд, отравка»; *палтикян* (арм.), «опий»; *сулейка*, 1) «водка», 2) «куриное мясо, о пище»; *авакумыч*, «ломик для взлома, отжима запоров»; *алексей алексеевич*, устар., 1) «официант, швейцар», 2) «прислужник авторитетного вора»; *маньки*, «деньги»; *маня* (от Марья), 1) «деревенская девушка» (и «потенциальная жертва

преступления»), 2) «рулон ткани» (как объект кражи); *марфа*, *марфуша*, *мария*, нарк., «морфий»; *марьяна*, 1) «девушка, молодая женщина», 2) «жена», 3) «проститутка», 4) «раствор опия»; *гара-хан* «опий»; *калль*, «деньги» (соотносимо с жаргонным названием *цыган*); *рыжая сара*, *сарка*, «золотая монета» (у карманников, устар.); *фомич*, *фомка*, *фома фомич*, «ломик, используемый для взлома замков, запоров».

Как уже отмечалось выше, такое употребление часто носит в тюремно-лагерном жаргоне уголовный характер: *параша* (простор., от Прасковья, Параска), 1) «помойное ведро», 2) «бак для испражнений в камере», 3) «грязная посуда», 4) «клевета», 5) «ложный слух, сплетня»; *сидеть на параше*, «быть презираемым, преследуемым, о заключенном»; *толкнуть парашу*, «пустить ложный слух». Поскольку такая семантика данного имени-стереотипа общеизвестна в среде носителей современной российской ментальности, то популярная песня одной из московских рок-групп про «девушку Прасковью из Подмосковья», на наш взгляд, носит эпатажно-ерничающий характер.

Однако в жаргоне встречаются также лексемы, которые внешне выглядят как личные имена, но именами-стереотипами на самом деле не являются. Приведем только один из примеров: *тоня* (сокращение от Антонина; ошибочное предположение), 1) «притон» (внешне, казалось бы, по фонетическому созвучию, однако см. у Вл. Даля: *тоня*, от *тонуть*, ватага, рыбалка; рыболовня, рыбачий стан, притон, становище, промысел), 2) «большая прибыль, богатая добыча» (ср. пословицу: *Не всегда рыба в тоне, был бы ловщик на тоне*).

Онимы-стереотипы: имена вождей и других известных личностей

Несмотря на то, что узальное поле русского просторечия настолько изменилось за вторую половину минувшего века под воздействием политических, социальных и экономических факторов, что мифо-фольклорное мироощущение, раньше свойственное народной культуре, уступило место качественно иному коллективному менталитету, можно по-прежнему говорить о традиционных элементах устной речи. В то же время такие элементы носят зачастую атавистический или, что чаще, вторичный характер и подвержены деформациям как семантического, так и функционального характера.

Прежде всего следует отметить, что использование личного имени в значении нарицательного обобщения, в коммуникативном контексте современного просторечия встречается с большей регулярностью, чем прежде. Тенденция эта имеет склонность к дальнейшей прогрессии, хотя и не так стремительно, как, напр., приращение *зоонимам* в устной речи антропонимической семантики.

Если, допустим, в начале XX века, по собственным нашим подсчетам, таких «зооантропонимов» в русском языке было немногим свыше 30-ти, то во второй половине столетия их насчитывалось уже около 100, в основном за счет популяризации названий животных экзотических, а в начале XXI века более 300, – в частности, не только за счет новых экзотизмов, но также за счет активизации названий насекомых, мелких грызунов и птиц, ранее никак не соотносенных в русском языке и сознании с человеком, его личностью, характером, внешностью.

И число таких единиц в просторечии продолжает расти, поскольку современной российской ментальности свойственно не воспринимать конкретного человека как личность и индивидуум, а, напротив, воспринимать его не как человека, но как животное, носителя – как правило, негативных, условно персонифицированных, – стереотипных и ассоциативно «животных» свойств, качеств, признаков обобщенно-типического характера. Однако, к сожалению, словарями ненормативной лексики данная тенденция живого просторечия почти не фиксируется.

Онимов-стереотипов в языке, естественно, значительно меньше – уже вследствие ограниченности круга популярных имен, соотносенных с теми или иными чертами человеческого характера, национальностью.

Не возвращаясь уже к теме фольклорных имен-стереотипов, приведем несколько примеров из современного просторечия:

1) имена-стереотипы, мотивированные событиями Второй мировой войны, –

адик, «Адольф Гитлер»; *крутой адик*, «Адольф Гитлер» (однако – *адольф гитлер*, «фашист» и «немец»; бытует в просторечии как общеупотребительное); *крутой гена*, «Генрих Гиммлер»; при этом новым для современного просторечия становится: *геббельс*, иронич., как «дружеское обращение», и одновременно бытующее выражение: *добрый доктор геббельс*, «жестокий человек»; [Елистратов 1994: 87, 114];

2) имена-стереотипы, замещающие идеологемы и мотивированные надоевшей идеологической пропагандой, –

кырла-мырла, «Карл Маркс» (искаж., идеологема); *три мудака*, «Маркс, Энгельс, Ленин» (эвфемизм – известная лозунговая идеологема); а также своеобразные бранно-экспрессивные выражения-эвфемизмы 80-х г. [Мокиенко, Никитина 1998: 325, 676]: *Маркс твою Энгельс!*, как «выражение досады, раздражения, удивления»; *Энгельс твою Маркс!*, как «выражение досады, раздражения, негодования» (ср. в частушке: *Эх, раз, еще раз! Что за жизнь теперь у нас! Ах ты, Энгельс твою Маркс – вместе с ленинизмом!*);

3) имена-стереотипы, мотивированные актуальными для СССР, а затем для России, политическими контекстами, –

горец, *кремлевский горец*, «Сталин» (вслед за известной строкой О. Мандельштама); *сталинские внуки*, «дети заключенных-женщин, родившиеся в ИТУ»; *хрущёба*, *хрущоба*, «малогабаритная квартира в панельном доме» и «пятиэтажный блочный дом», *хрущобы*, «район пятиэтажных блочных домов», «панельные дома с малогабаритными квартирами» (ирон.); строились при Хрущеве, на окраинах городов); *голда меир*, устар., «еврейка» и «умная женщина» (просторечное; характерно для эпохи Хрущева); а также: *бровястый*, *бровеносец в потёмках*, «Брежнев» [Елистратов 1994: 47]; *бреднев*, «Брежнев»; *петля горбачева*, «очередь за водкой»; *царь борис*, а также *цинель* (на китайский лад; из анекдота), «Ельцин»;

буратина, *буратино*, *буратинка*, *буратино недоструганный*, «полный дурак, идиот, тупица»; *богатенький буратино*, «богатый, но глупый человек»; *егор*, *егорка*, «любой человек» и «Лигачев» (член ЦК КПСС, известный как ретроград; см. также выражение: *Егор, ты не прав!* – сказанное в его адрес); *ельциноид*, «приверженец Ельцина, демократ» (надпись на заборе: *Ельциноиды, вон из России!*); *черномор*, *черномыр*, *дядька ~*, «бывший премьер-министр Черномырдин» (*черномырдинизм*, ирон., «какое-л. неправильное употребление слова, нарушение грамматических или стилистических норм»; *черномырдя*, шутл., «Россия»; см. также: *Страна наша дорогая, Черномырдя!* – по аналогии с лексемой: *Чернокопия*, «южные республики, обычно о Кавказе и Средней Азии») [Елистратов 1994: 50, 129, 131, 534];

4) имена-аббревиатуры, мотивированные актуальным в политике, –

ЕБН, «Ельцин Борис Николаевич»; *ГОРБАЧЕВ*, «Граждане! Обрадовались Рано – Брежнева, Андропова, Черненко Еще Вспомните.» [Раскин 1997: 14]; ср. популярное в 30-е годы: *СССР*, «Сами Срали, Сами Разбирайтесь».

Говоря о речевых онимах-стереотипах, необходимо отметить наметившуюся со второй трети минувшего века, свойственную, прежде всего, языку ГУЛАГа, тенденцию замещения ряда наиболее известных личных имен (и опасных при употреблении в речи) понятными всем носителям языка эвфемизмами, активно использовавшимися также в политическом анекдоте. В первую очередь это касалось, конечно, имен, отчеств и фамилий руководителей государства, официальных вождей, подлежащих в народном сознании определенными свойствами и качествами, обычно негативного содержания.

Приведем только несколько, наиболее распространенных, примеров.

Так, *Сталин* → *хозяйн* и *хозяйн зоны*, *пахан* (в том числе в значении «содержатель воровского притона», «главарь преступной группировки», «отец» и «начальник уголовного розыска»); *усатый*, *усач*, а также *ус* и *усы*, *черт усатый*; *таракан*, *тараканище* (после стихо-

творного памфлета К. Чуковского, опубликованного как детская книжка); *трубка* (лагерное). Он же *черножопый* и *зверь* (в знач. «кавказец», «горец»; ср.: *кремлевский горец*), *сосо*, *коба* (ставшие эвфемизмами национальности «грузин», а также вообще «кавказец», «восточный человек»). Его же называли *гуталин* и *гуталинщик*.

См. соответствующий комментарий у Ж. Росси: «Примеч.: маленького роста, черный и рябой, говоривший по-русски с сильным кавказским акцентом, Сталин напоминал тех кавказцев-ассирийцев, уличных чистильщиков сапог, которые традиционно пользовались гуталином» [Росси, 1991, 1: 95]. Если сопоставить с аналогичной формой тюремно-лагерного жаргонизма того же времени *керосинщик*, в значениях 1) «пьяница»; 2) «подстрекатель, баламут», а *гуталин* в армейском жаргоне «замполит», то *гуталинщик* следует понимать также как субъект действия *пудрить*, или *засерать*, *мозги*, *вешать лапшу* (на уши).

Соответственно, в том же уголовном жаргоне есть и такие единицы: *клемент*, «наркоман» (от имени Ворошилова); *лаурентий палыч*, «исполнитель высшей меры наказания – расстрела» (от имени-отчества Берии; при этом *палыч* ассоциируется также с *палкой*, «орудием избиения» и «мужским половым членом»; ср. с идеологемой: *палочный режим*). А в 90-е годы, когда представители сфер, связанных с «черным бизнесом», презрительно называли Гайдара просто «егор», то, прежде всего, в этом прозвище актуализировалось значение данного слова именно в уголовном жаргоне: *егор*, «вор, не пользующийся доверием среди своих» (т.е. Гайдар своими реформами «крал», с точки зрения представителей этой среды, «у своих», ограничивая возможность нечистых махинаций и тем самым не давая остальным «ворам красть»). В том же контексте неприятия личности реформатора представителями криминальных сред Гайдара называли также *крысой*, а данная лексема в тюремно-лагерном жаргоне имеет аналогичные значения: «человек, воруемый у своих» и «человек, не оправдавший доверия» (третье значение данного жаргонизма – «несовершеннолетняя проститутка», лексема «проститутка» активно используется в политическом дискурсе).

В свою очередь, просторечие знало и такие эвфемизмы, как: *Буденный*, а затем *Ворошилов* → *усатый*; *Суслов* → *серый кардинал* (т.е. «глава инквизиции»); *Брежнев* → *чернобровый*; *бровеносец* (по аналогии с «орденоносцем»), *бровастый* и *брови* (ср.: «усы Иосифа Виссарионовича на более высоком уровне»; из анекдота); а также собирательное: *андропиды*, «кремлевские руководители» (по имени Андропова; ср.: *ельциноиды*; в уголовном жаргоне: *андроп*, или *антроп*, «неверящий»); *андрополь*, «здание КГБ на Лубянке в Москве». Ср. также

специфическую, для того же самого времени, расшифровку аббревиатуры: *ДОСААФ*, «Добровольное общество содействия Андропову, Алиеву, Федорчуку, т.к. в 1982 году Алиев, бывший генерал КГБ, с подачи Андропова стал членом Политбюро» [Раскин 1997: 37].

Эвфемизм *лысый* в российском просторечии невероятно популярен, причем на разных этапах государственного развития после 1917 года. Первая политическая фигура, к которой он был приложен, это *Ленин* → *лысый*, более позднее *лысый в кепке* [Мокиенко, Никитина 1998], и, наконец, собственно *кепка*. При этом основное значение лексемы *лысый* в жаргонах и, соответственно, просторечии – «мужской половой член» (ср. наш комментарий к жаргонному выражению *лаурентий палыч*). Такая семантика, в приложении к известным вождям, дополнительно мотивируется также идеологемами типа *член правительства*, *член партии*, *член профсоюза*, отчего и появились в народной речи такие слова, как *членовоз* и *членовозка*, «правительственная машина» (обычно кремлевская, черная).

Современное просторечие активно включает имена и фамилии вождей в состав фразеологии негативного плана. Так, *Ленин в шалаше*, или *Ленин в Разливе*, в зн. «полная чушь, что-л. абсурдное», «черт знает, что такое, ерунда какая-то». *Отсоси у Ленина* – жарг., груб. «выражение отказа, несогласия, нежелание что-л. делать, давать»; ср. в том же значении: *Отсоси у лысого!* [Елистратов 1994: 306, 559]. *Здравствуй, лошадь, я – Буденный!* (в значении «привет, обычно при неожиданной встрече»; ср. аналогичное выражение: *Здравствуй, жопа, – Новый Год!*); *Отмечать столетие лошади Буденного* (в значении «пить, выпивать без повода»); *Полный Чубайс*, или: *Ну ты и Чубайс!* (бранное; по фамилии бывшего вице-премьера; он же, в свое время: *ваучер*; также *ваучер* – и «мужской половой член», и «партнер, чаще плохой и ненадежный» [Елистратов 1994: 53, 541, 57] – как партнер деловой и партнер сексуальный). Ср. народную переделку в 90-е годы на уголовный лад известной пословицы: *Паханы дерутся – у холопов чубайсы трещат* [Елистратов 1994: 321], в том числе и о переделе сфер влияния в криминальном бизнесе.

Заместительным именем *лысый* назывались в народе, а также в советском и постсоветском анекдоте, *Котовский*, *Хрущев* (он же *кукурузник* и *кукуруза*, причем второе – в значении «фаллос»; ср. также выражение: *Пусть послужит кукуруза для Советского Союза* – «нечто абсурдное, нелепое, глупое, несуразное»), *Горбачев* (он же *лысина* и *голова с заплатакой*, *горбач* и *горб*, а также *дядя Миша*, *лимонадный джо* и *генсок*; см. также: *горбачиха*, или *райка*, жена Горбачева, героиня большого количества анекдотов), *Жириновский* (он

же *жирик*), *Путин* (он же *чебурашка*, *фантомас* и др.), а также, на китайский лад, из анекдота, *Тин Пу*). Лексемы *чебурашка* и *фантомас* при этом известны тюремно-лагерному жаргону: первая в значениях «несовершеннолетний гомосексуалист» и «осведомитель», а вторая в значениях «психически ненормальный человек», «грабитель, использующий маску», и «лысый человек» [Балдаев, Белко, Юсупов 1992: 278, 258-259]. Последнее все в той же соотносительности с «фаллос», что является традиционным для любой национальной ментальности, не только русской.

Однако с момента осуществления на высшем государственном уровне известной политической «короткой рокировки» – воспользуемся терминологией шахматистов – рядом с последней фигурой, отодвинувшейся как бы на второй план, активизировалась в контексте речевого узуса россиян и другая фамилия, *Медведев*. Причем, как результат, в языке народа появилось устойчивое выражение *лысый и кудрявый*, либо *лысый и кучерявый*, замещающее обе фамилии, обычно звучащие рядом. И отражает оно актуальный порядок вождизма, при котором на первом месте остается по-прежнему *лысый*, а на второе место отодвигается, как это ни парадоксально, *кудрявый*.

Характерно, что в конце 80-х годов *кудрявым*, либо *кучерявым*, называли в народе Ленина (принцип называния по отсутствию значимого признака – через приписывание субъекту того, чего у него на самом деле нет). Так же называли в тот же самый период и *Котовского*, популярность которого и, соответственно, активность его имени в речи неожиданно возросли. А затем так же стали называть и *Горбачева*.

Популярным также стало переименование фамилии Генерального секретаря КПСС «по-американски», в сокращенное *горби*. Интересен в просторечии и прием перевода фамилии *Горбачев* на «иноязычный» лад, в результате чего получается *Бос(с)ман* – как своеобразный семантический тендем «горб» + «хозяин» (= «горбатый человек»). И, как следствие, водка одноименной фирмы получила вслед за отечественной название *горбачевка*, с последующим расширением из-за развернутой в период *перестройки* «борьбы с алкоголизмом» узурпаторского контекста употребления нового арготизма и его семантики.

Принцип «называния от противного» србатывает как результат и при активизации в речи нарицательного определения *мишка*, «безобидный пьяница»: «имя Горбачева» + «то, с чем он борется»; как определение, приписываемое и каждому носителю данного имени в отдельности, и обобщенно – всем *мишкам* (в том числе и самому Горбачеву).

Параллельно в народной речи активизируются следующие сленговые лексемы и выражения: *горбатый*, «обманщик, фантазер»; *горбить*, 1) «обманывать, врать», 2) «весело и за-

нимательно рассказывать о чем-л.»; *горбачевская баня*, «винный магазин с большой очередью» (ср. аналогичное: *петля горбачева*). А также: *Куй железо, пока Горбачев*, «пользуйся, пока Горбачев у власти» и «делай деньги» – вместо известной поговорки: *Куй железо, пока горячо; Флаг в руки, барабан в жопу, камень на шею и попутного ветра в горбатую спину*, «наплевать на кого», либо «ну и черт с ним» [Елистратов 1994: 97, 27, 219, 501], как выражение отношения к горбачевской *перестройке*; ср. также с идеологемой: *ветер перестройки* (попутный, подгоняет, не дает стоять на месте).

* * *

Необходимо отметить, что замещение собственного имени на эвфемизм часто производится в просторечии на основе метонимической, на что мы не раз обращали внимание в своих работах. И заимствован такой принцип подмены имени у тюремно-лагерного жаргона сталинской эпохи [Н.-Червиньска 2009].

Основной принцип подмены – называние черт как внешности человека, так и его характера, часто по национальному принципу. Такая номинация почти всегда носит ярко выраженный негативный характер, напр.: *Зюганов* → *крокодил гена* (по внешности; тяжелая «крокодилообразная» голова; + по характеру; притворяется добреньким – добродушным и честным, как герой одноименного мультфильма, а затем как герой популярного кинофильма «Блондинка за углом»); *Жириновский* → *папа юрист* (по национальности; пятая графа его паспорта предполагает запись «еврей», т.к., по стереотипному убеждению, «все юристы евреи»). Тем самым употребление в речи выражений *крокодил гена* или *папа юрист* уже само по себе исключает называние фамилий данных партийных лидеров, поскольку эти фамилии всем понятны и, более того – подразумеваются между строк.

Но, пожалуй, наиболее «говорящим именем» в русскоязычном просторечии, а также в жаргонных его проявлениях проявляет себя имя *Владимир*, связанное в российской ментальности не с одним, а с целым рядом личностей, заметных на политическом небосклоне страны, и прежде всего – с *Лениным*, *Жириновским* и *Путиным*. Имя это в народной речи получило, в связи с данными конкретными лицами, несколько знаковых сокращенных вариантов. За каждым из них просматриваются устойчивые и всегда узнаваемые, вполне определенные ассоциации.

Первым таким знаковым сокращением, с легкой руки М. Зощенко, автора внешне примитивных, однако семантически неоднозначных «Рассказов о Ленине», стала форма *Володя*, часто предваряемая эпитетом *маленький*: это пример-образец для *внучат Ильича*, октябрят, а также для их *старших товарищей*, пионеров. В коротких рассказах Зощенко «маленький Володя» настолько окружен ореолом положитель-

ных качеств, что мог бы быть приобщен к ликам святых, вполне в духе «обновленного» российского православия и очередной перелицовки многострадальных исторических фактов. Ведь и у Зощенко «маленький Володя» сродни двуликому Янусу – *Володя* хитер, изворотлив, находчив не по возрасту, прям и, одновременно, скрытен, легко находит выгодное для себя решение, а когда вырастает – обращает эти свои недюжинные качества на благо мировой революции и против происков царской охранки.

В общем, маленький Ленин у Зощенко – «всем ребятам пример», им следует восхищаться, ему следует подражать. Возможно, что именно благодаря этим рассказам в русском просторечии у лексемы *ленин* появилась специфическая функциональная семантика: ирон., *Ну ты и ленин!* (в значении «слишком умный» [Елистратов 1994: 226]; напр., «умный не по возрасту», если обращено к ребенку, или «чересчур сообразительный», т.е. далеко пойдешь, высоко зайдешь).

И подражание – но не *Володе*-мальчику, а хитроумному приему писателя-сатирика, – действительно приобретает непомерный размах в устном народном творчестве, но уже как оригинальная форма советского анекдота. Это анекдоты про *Вовочку*. Однако прежде, чем перейти к их содержанию, давайте посмотрим на то, какое отражение находит в российском просторечии, а также в такой его форме, как уголовный жаргон, лексема *Володя*, в значении «Ленин» (вождь октябрьской революции 1917 года и коммунистической партии большевиков, первый, кто возглавил тоталитарный режим в России).

Приведем примеры узуального словоупотребления сокращений от имени *Владимир*, в значениях «вождь партии», «вождь страны», подразумевается при этом «государства тоталитарного».

володя, «активная лесбиянка» (ассоциируется с именем Ленина); *дядя володя*, 1) «сторублевая купюра» (с портретом вождя), 2) «В. И. Ленин»; ср.: *вашигтон*, «тысяча долларов США» (с портретом президента Вашингтона);

вовик, «советский металлический рубль» (по изображению на нем Ленина, т.е. «юбилейный рубль», выпущенный к 100-летию Ильича);

вова, «Ленин», а затем «ветеран Второй мировой войны» (вероятно, отмеченный орденом Ленина, «с Лениным на груди»); сейчас также «Путин», реже «Жириновский»;

вова алюминевый, «глупый, несообразительный человек, дурак» (презрит.; видимо, по аналогии с выражением *алюминевый чайник*; ср. жаргонное: *чайник*, «голова», «душевнобольной», «человек со странностями»; в уголовном жаргоне: «начальник», напр., в лагере, а также «большой зануда», «тупица, бестолковый дурак», «работник органов государствен-

ной безопасности», напр., *голубой чайник*; кроме этого, сочетание *голубой + чайник* дает в жаргоне еще одно значение, «пассивный гомосексуалист» → [«голубые»] «...начальники ... пьют из чайников (голубых)»; из лагерной частушки);

дохлый вова, ирон., «мумия Ленина в Мавзолее» [Елистратов 1994: 117]; ср. анекдот периода горбачевской борьбы с алкоголизмом, про *горбачевскую баню*, или *петлю горбачева*: «Стоит огромный хвост очереди на Красной площади, извивается. Однако, пока достоялся, водка кончилась, а продавец умер.»;

вовчик, «Ленин» (часто так называли «бюст Ильича» или «памятник вождю»), затем «ветеран Второй мировой войны» (вероятно, «с орденом Ленина на груди»), но в современном просторечии – чаще «Путин», иногда «Жириновский»;

вовочка, до середины 90-х годов исключительно «Ленин», а с конца 90-х годов преимущественно «Путин» (в непристойных анекдотах, часто на сексуальные темы, грубых и пошлых; ср.: навязываемое молодежи представление о *Путине* как о «секс-символе новой России»).

Надо сказать, что жанр анекдотов про *Вовочку* сохраняет даже зощенский принцип двух возрастных категорий героя: в рассказах это «маленький Володя» (*Володя*-мальчик) и «взрослый Ленин» (*Володя*-революционер), в анекдотах это «маленький Вовочка» (ходит в детский сад, а потому сам не знает, что говорит и творит) и «подросший Вовочка» (ходит в школу, а потому знает, что говорит и что делает). Но остальные анекдоты о «вожде революции», *Ленине* и *Владимире Ильиче* относятся к качественно иному разряду, объединяющему тексты в тематические группы: напр., актуализированы такие темы, как «Ленин и дети», «Ленин и Крупская», «Ленин и Дзержинский» и т.п., либо группы, основание для которых есть местонахождение вождя на определенном историческом этапе (Разлив, Польша, Германия, Швейцария; Смольный, Кремль, Горки).

Тем самым первый *Вовочка* просто «глупый, наивный мальчик», над поступками которого мы охотно смеемся, т.к. он ставит своими вопросами в тупик родителей и взрослых. Это «невинные» анекдоты на сексуальные темы, обычно в СССР замалчиваемые. А второй *Вовочка* – это уже вполне сформировавшийся «нехороший мальчик», от слов и действий которого мы вслед за учительницей *Марьей Ивановной* приходим в ужас и только разводим руками. Это в основном анекдоты пошлые, грубые, а подчас и вульгарные, сальные, циничные, в которых все вертится вокруг запретной эротической темы и лексика используется скатологическая, обсценничная.

Как и реальный Ильич, *Вовочка* не стесняется в словах и выражениях и, поступив в школу, становится откровенным «матерщинником».

Часть анекдотов, особенно строящихся на игре слов, активно используют единицы так называемого «русского мата» (напр., *бабаёб* – это *бабаёб* или *ёбобаёб*?). Грубость, вульгарность речевой характеристики героя данного цикла анекдотов, *Вовочки*, особенно усиливаются в самом конце 90-х годов, когда, по сути, «вождь революции» теряет свою актуальность, отступает на задний план и потому изменяется реальный политический прототип «нехорошего мальчика», поскольку имена вождей удачно совпадают.

Бранный контекст порой утрируется, причем нередко в ущерб смыслу и остроумию самого анекдота. Общеничность языковых средств и преобладание грамматической безграмотности, на наш взгляд, не столько преследуют цель нивелирования фигуры анекдотического героя, *вовочки*, сколько являются следствием спонтанных выплесков эмоциональных недовольства и раздражения – со стороны малообразованных создателей, а затем рассказчиков таких анекдотов. И это – как явление современного русского просторечия – требует, видимо, серьезного к себе отношения и описания.

* * *

Итак, уголовный язык, как видим, проникает в России во все сферы человеческих отношений. Активность жаргонных, а также обценных, лексем и выражений в современном русском просторечии есть свидетельство того, насколько глубоко и прочно обосновалась сегодня в российской ментальности уголовная психология, десятилетиями последовательно воспитывавшаяся в тюрьмах и лагерях *Совдепии* и давшая затем столь пышные всходы в условиях так называемой «новой России», где под видом демократии развивались и крепили дикие законы криминальных отношений.

Пожалуй, стремление не замечать этого и игнорировать последствия данного негативного явления – это политика отрицания очевидного. И агрессивные патриотические лозунги, и военная подготовка молодежи – от школ до монастырей нового типа, и навязывание в разнокультурной многонациональной стране всеобщего православия, и повсеместная пропаганда религиозных ценностей, призванных успешно заменить недавние ценности коммунистические, – все это, к сожалению, давно и хорошо знакомые попытки усиления идеологического прессинга. И они неизбежно ведут к результатам обратным, что в первую очередь отразится также на жаргонно-просторечных языковых проявлениях.

В связи со всем сказанным выше следует, на наш взгляд, обратить внимание еще на одну – весьма специфическую – черту как тюремно-лагерного жаргона, так и нового просторечия, заимствовавшего эту черту у первого. Власть имущих (руководителей разных рангов, особенно высшего начальства, наиболее из-

вестных членов правительства и партийных лидеров) нередко в обиходной речи называют разными оскорбительными словами, однако с общим для них значением – «пассивный гомосексуалист». И эта палитра выражения народного негодования достаточно широка – от бранных, злобных *козёл* и *педал*, в значениях «негодяй, сволочь», «пассивный гомосексуалист», до насмешливо-неодобрительных *гомик* и *голубой* в общем значении «гомосексуалист». Круг жаргонизмов с этим значением ширится, имея тенденцию приблизиться по количеству к лексемам, называющим так или иначе «мужской половой член» (напр., *лысый*, *палыч*, *палкан*, *чайник* и др.), и используется как бранное по отношению к вождям, членам правительств, начальникам, руководителям любых типов, высшим правоохранительным и армейским чинам, коммунистам, демократам, *левым* и *правым*, богатым, бедным, знаменитостям и случайным прохожим.

Узуальный контекст здесь поистине универсален и при этом вполне мотивирован, как у Вл. Высоцкого: «И что-то очень неприличное на язык мне просится...» И то, что раньше только «просилось на язык», сегодня, к сожалению, повсеместно произносится вслух.

Основная масса населения большой страны в безликом окружении нищенского бытия постоянно чувствует себя по-достоевски униженной и оскорбленной, что на тюремно-лагерном языке зоны называется *быть опущенным*, т.е. «насилственно принужденным к мужеложеству», «публично унижаемым, убиваемым презрением». В такой объективно дискомфортной ситуации обиженное лицо мечтает о том, чтобы поменаться с обидчиком или обидчиками, местами, чтобы тот – и те (субъекты насилия, царящего *беспредела*, отчего и преобладает сегодня в просторечном узусе фаллическая символика) – ощутил(и) на собственной шкуре, что же значит *быть козлом* (которого все время продолжают *козлить*). Именно поэтому политических лидеров в речи нередко обзывают резкими и грубыми словами, используя единицы уголовного жаргона, со значением «жертва гомосексуального насилия», прочно внедрившиеся, к сожалению, в современную речь.

Более того, популярность темы такого насилия уже не ограничивается грубыми анекдотами и публичным сквернословием – эта тема прочно вошла в современный общекультурный контекст, эксплуатируется российскими кинематографом, театром и эстрадой. И если, допустим, пародисты-эстрадники сделали из уголовного-сепаратистской оппозиции *козёл* – *козлить* (кого) предмет для шуток и элемент новейшей смеховой культуры России, то кино-телевизионное пространство как бы делится сегодня на три, значимых для той же оппозиции, сферы: «жизнь до тюрьмы» (прежде чем *сесть*) – «жизнь в тюрьме» (когда уже *си-*

дишь) – «жизнь после тюрьмы» (после того как уже *отсидел*).

Таково общее семантическое поле транслируемых фильмов, сериалов, современных документальных репортажей. Такой, во всяком случае, предстает сегодня российская действительность из передач «РТР-Планета», телеканала, вещающего за *бугор*, на весь мир. И потому вряд ли кого удивит сегодня факт, что по количеству обращений в Международный трибунал по правам человека именно Россия занимает первое, совсем не почетное, место. Второе место у Турции, третье у Украины, четвертое у Румынии, пятое у Италии, шестое у Польши – и здесь есть, над чем задуматься. Все более в новых условиях России обесценивается человеческая личность, все более скудеет сегодня язык, бывший некогда «великим и могучим». И потому нельзя забывать о том, что на уголовный жаргон переходят те, кого окружают криминогенные субкультурные среды, те, кто ощущает свою несвободу и кто не видит выхода из жалкого своего бытия. Ну совсем как у Достоевского.

«Личное имя» в контексте польского просторечия и проекциях уголовного жаргона

Конспективно изложим, параллельно к русскоязычному материалу, особенности польскоязычного жаргона.

1. С точки зрения представителей маргинальных сред, которые преимущественно пользуются в своей повседневной жизни уголовным жаргоном, видимые изъяны и недостатки человека – в нем главное и определяющее. И такими носители уголовной психологии считают также *национальность*, *вероисповедание* и *цвет кожи*: *czerniak* (цыган), *duży kozak* (опытный и хитрый преступник, посвященный в профессиональные тайны) или *chrystopradawiec* (еврей, от Иуда; христианско-католическое). В польском просторечии принято, напр., повторять о ком-то, что тот «чернокожий» или «не католик», неоднократно подчеркивать его национальную принадлежность либо «не то» вероисповедание. Даже в публичных интервью постоянно задаются вопросы на подобные темы, причем и тогда, когда собеседнику они неприятны. Это, как следствие одного из проявлений нетерпимости в католическом фундаментализме, фиксируется также и польскоязычным уголовным жаргоном [Stępniaк 1993].

2. Форма, размер, кривизна человеческого *носа* являются, как и в русскоязычном жаргоне, признаком национальной принадлежности объекта высказывания, однако «национальная сторона» недостатков лица (форма глаз, носа, цвет волос) в польской маргинальной культуре смазана и неявна, хотя человек также называется по этому признаку: *binio*, *czerwień*, *dziagan*, *dzięcioł*, *dziób*, *dzub*, *fuga*, *funkol*, *gasidło*, *gaśnica*, *gaśnik*, *gil*, *gilon*, *gingon*, *glut*. Оскорби-

тельность такой номинации дополнительно усиливается общеевропейской традиционно фаллической семантикой *носа* как части лица и тела [N.-Czerwińska, Czerwińska 2004]. В польском жаргоне такие лексемы, как и те, которые называют национальное, носят более оскорбительный характер, в отличие от русского просторечия.

3. Как и в русскоязычном уголовном жаргоне, для обозначения национальной и религиозной принадлежности объекта речи используются «говорящие имена»: *abdul* (дурак + жертва преступности, из арабских стран); *abrahaј* (крестьянин, работник на селе + еврей); *adela* (женщина + проститутка ← «немка»); *brugidka* (красивая девушка ← легкомысленная француженка, «как в кино», от Б. Бардо); *fruc* и *frucek* (немец + мелкий вор + профан в карточной игре ← от немецк. имени).

4. Активны в жаргоне и названия национально-территориальной принадлежности: *afrykanec* (подвальный вор + темнокожий как жертва преступности); *amerykan[in, iec]* (жертва кражи + заключенный-новичок и др.); *amigo* (приятель, доверенное лицо; исп.).

5. Негативно окрашены в жаргоне национальные номинации, напр.: *arab* (жертва карманника + мошенничество + черноработчий + полицейский); *bezarab* (человек чужой, но не вор ← первонач. инородного происхождения); *chinczyk* (молодой неопытный преступник); *hebra* (*chebra* → *chewra*, *hewra*, воровская группа и вообще преступная среда ← от «еврей» и «евреи»).

6. В польскоязычном уголовном жаргоне весьма разветвлено словообразовательное гнездо лексемы *żyd*, а само слово многозначно: это «начальник тюрьмы», «скупщик краденого», «мошенник», «фальшивщик документов», «опытный содельник», «богатая жертва преступления», «адвокат» и даже современное «директор школы»; а также *żydek* как «бандитский нож», «мошенник», «ювелирный магазин»; *żydlacz* и *żydlak* как «еврей», «скупщик краденого», «мошенник и лжец», соврем. «торговец наркотиками» (несмотря на стереотипное убеждение в том, что «евреев в Польше больше нет»). В российском контексте такая активность словообразовательного гнезда свойственна не тюремно-лагерному жаргону, а просторечию. Но и в польском узусе данная лексика активно переходит из языка собственно криминогенной среды в общеупотребительное, хотя и ограниченное бытованием.

7. Имена собственные используются в функции нарицательной, причем среди них много еврейских имен: *bianka* (любовница); *frajm*, *fraim* (жертва преступления или человек посторонний для преступного мира); *froim* (парень из сельской местности, недалекий и глупый); *zojza*, от *Zosia* (вонь; пассивный гомосексуалист; некрасивая женщина); *zosia*, *zośka*

(пассивный гомосексуалист); kuba, от Jakub (взломщик сейфов; жертва грабежа, часто состоятельная; деревенский парень; человек, обеспечивающий водку, выпивку; кружка); ganka (начинающая проститутка); jola, jolka (проститутка); karol, karolek (как переносное приспособление-уборная в камере заключения: ведро, «параша»; палка, тяжелая доска от ведра-«параша»; а также король в карточной игре), что стало особенно активным в связи с навязчивой рекламой Войтылы, папы римского. Сокращенными личными именами, в том числе чешскими, называются представители власти, полицейские, военные; нередко при этом лексемы имеют также фаллическую символику, что характерно для любого уголовного жаргона.

8. Национальные имена называют актуальные для маргинальной среды элементы картины мира: aza (машина, перевозящая заключенных); bejga (пиво); bronek (пистолет, карабин); frele (одежда); froja, fraja (разбой); giza (револьвер); berg (картофелина). Ср. также употребление фамилий: bosman (нож, финский); eterman, типа Палкин (бандит, избивающий жертву до потери ею сознания); golda meir (самогон).

9. В польском жаргоне активна фразеология, маркированная «национальностью», и особенно «русской»: chinska parkoza (мешок с песком, которым оглушают жертву разбоя); dola sudańska (убийство вора-соучастника, с целью присвоения всей добычи); rosyjski wyg (преступная банда); guska cytryna (луковица); guska dolina (грабеж с избиванием жертвы); guska parkoza (резинный молоток или милицейская дубинка); ruskie masło (маргарин); ruskі perfumy (слезоточивый газ)

10. В польском уголовном жаргоне, в отличие от русскоязычного активны лексика христианской традиции и пренебрежительно-оскорбительные названия католических священников, с приравниванием их в субкультурных номинациях к представителям карательных органов. Костельная атрибутика с преднамеренно искаженным значением носит насмешливо-иронический характер. Вот некоторые из множества примеров: 1) ксенз – apostoł, baran (он же жертва кражи и клиент проститутки, а также пьяница), baranek boży, boży ogier, byk boży, czarniel, czarnuch, czarny, duchowy, dziecko diabła, faraon (он же «полицейский» и «обворывающий банки»), faryzeusz (он же «смотровое окошко в камере», иначе judasz), gałach, gałuch, święty ogier; 2) duchowy (костел), dzieciol («костел», он же «взломщик», «мошенник», «безграмотный заключенный» и др.), faga (костел), spot(k)a (монашка, т.е. девственница, ср. русск. *целка*); dar boży (хлеб) gańnica (костельный); klasztor (колония для несовершеннолетних + места заключения + суд + женская школа), watykan (суд, то же, что и в жаргоне kościół, ksiadz); papież (ксенз-преступник и заключенный + селедка как еда, особенно тюремная, + комендант полицейского отряда + начальник

арестантской); 3) apostoł (адвокат + судья и др.), anioł(ek) (полицейский + медсестра + охранник в тюрьме + контролирующее лицо в зоне заключения + адвокат и др.), anioł baba (девушка, часто и охотно соглашающаяся на сексуальный контакт), barabas (веревка, канат ← от библ. имени), betlejemka (камера-изолятор + хозяйственное строение на территории тюрьмы или лагеря), bog (следователь, часто армейский офицер, видимо, органов госбезопасности ← от «всемогущий»), chrystopradawiec (преступник, сотрудничающий с работниками карательных органов, ← от Иуда), chrystus (селедка как еда, нередко в тюрьме), chrzesny (сотрудник полиции + аферист в народном хозяйстве), chrzest (ритуал посвящения новичка в преступной среде, всегда носящий садистский и унижительный характер), czarny (полицейский + печальный человек + хлеб), duchowny (мошенник, практикующий под видом ксенза), duchowy (офицер-следователь), duchywa (кладбище), święto kopia (онанизм); święty (карманный вор + оперативный работник полиции + комендант полицейского отряда); święty grzechy, grzyby, leki (наркотики).

Для обоих жаргонов характерна также общая лексика со сходными значениями, что свидетельствует об одних и тех же корнях криминального лексикона.

ЛИТЕРАТУРА

Czerwinsky A., Nadel-Czerwinska M., Czerwinski P. Metaphern des russischen sexuellen EGO. Ein linguopsychologisches Wörterbuch des aktuellen Sprachgebrauchs. (Herausg. und eingel. von J. Hartung.) – VERLAG DR. KOVAČ in Gamburg, 2001, 342 s. Buchstabe A.

Nadel-Czerwińska M., Czerwińska A. Номинации национальной и религиозной принадлежности в русском и польском уголовных жаргонах. // Cudernos de Risística Española. Nr 1. Red. R.G. Tirado, E.Q. Gervilla, Granada, 2004, s. 179-188; Nadel-Czerwinska M., Czerwińska A., Akartel M. Tożsamość etniczna w subkulturach (sposoby nominacji w roszjskim i polskim żargonie przestępczym). – [W:] Studia Rusycystyczne Akademii Świętokryskiej, pod red. K. Lusińskiego, t. 15, Kielce 2005, s. 13-21.

Stępnik K., Słownik tajemnych gwar przestępczych. Współpraca Podgórzec Z., Londyn, 1993.

Балдаев Д. С. Словарь блатного воровского жаргона. В 2-х т. – М., 1997.

Бореев Ю. Краткий курс истории XX века в анекдотах, частушках, байках, мемуарах по чужим воспоминаниям, легендах, преданиях и т.д. – М., 1995.

Елистратов В.С. Словарь русского арга (материалы 1980-1990-х гг.). – М., 2000.

Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. – М., 2005.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб, 1998.

Надель-Червинская М., Червинская А. Садический язык тоталитарного государства: метафориче-

ское и архетипическое. Библиотека научного альманаха «Studia Methodologica». – Тернополь, 2009.

Надель-Червинская М., Червинская А. Язык и сознание: номенклатура и феня (уголовно-партийный жаргон как коммуникативная форма «советской зоны»). Библиотека научного альманаха «Studia Methodologica». – Тернополь, 2009.

Надель-Червиньска М. Гипертекстуальные аспекты русской паремиологии: личное имя в пословице (Варвара). // *Studia Methodologica*. Вып. 30. Gl. red. Роман Гром'як. – Ternopil 2009, с. 212-216.

Надель-Червиньска М. Имена и фамилии. Языковые трансформации и межкультурные эквиваленты // *Studia Slawistyczne* 2. Red. Z. Abramowicz, Bialystok 2000, s. 107-114.

Надель-Червиньска М. Об одном семантическом тождестве в русской пословице и сказке (моланья-молния = сивка-бурка = царевна-лягушка) // *Kategorie semantyczne w tekście*. Red. P. Czerwiński i E. Straś. Katowice 2007, s. 133-147.

Надель-Червиньска М. Русская паремиология: метазнаки фольклора и парадигмы традиционных смыслов // *Studia Methodologica*. Вып. 28. Gl. red. O. Leszczak. Ternopil 2009, с. 151-156.

Надель-Червиньска М. Семантика заимствованных метазнаков в текстах русского фольклора // *Literatury i języki wschodniosłowiańskie z perspektywy końca XX wieku*. Red. naukowa B. Tichoniuk, A. Ksenicz. – Zielona Góra, 2003, s. 235-244.

Надель-Червиньска М. Семантика имен собственных в русской пословице // *Literatury i języki wschodniosłowiańskie z perspektywy początku XXI wieku*. Pod red. A. Ksenicz, B. Tichoniuk. Zielona Góra 2007. S. 203-212.

Надель-Червиньска М. Язык совдепии и мотивация семантического переноса в языке маргинальных сред: имена собственные в уголовных жаргонах польском и русском // *Политическая лингвистика* [Гл. ред. А.П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»] – Екатеринбург, 2009. Вып. 4 (30).

Раскин И. Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса. Опыт словаря с анекдотами, частушками, поэзией, плагиатом и элементами распустяйского постобольства. – М., 1997.

Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. В 2-х частях. – М., 1991.

Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) [Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Юсупов] – М.: 1992.

Снегов С. Язык, который ненавидит. – М., 1991.

Червински А. Психология зоны: примитивный садизм. – *Creativity & Communication Process*, 1998. Выпуск 1, приложение: www.nicomant.org; www.nicomant.fils.us.edu.pl; <http://nicomant.blogspot.com>.

© Надель-Червиньска М., 2010

Полякова И.С.
Екатеринбург, Россия

**РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ
В ФОРМИРОВАНИИ ЭЗОТЕРИЧНОСТИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

(на материале выступлений Кондолизы Райс)

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Прецедентное имя, обладая коннотациями и неоднозначностью восприятия, употребляется в политическом дискурсе с различными целями. В статье описывается способность прецедентного имени создавать смысловую неопределенность высказывания, вносить элемент эзотеричности в политический текст.

Ключевые слова: политический текст, эзотеричность, интертекстуальность, прецедентное имя, антропоним, топоним, хрононим.

Сведения об авторе: Полякова Ирина Сергеевна, аспирант, ассистент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: Россия, 620073, г. Екатеринбург, ул. Крестинского д. 49/1, к. 181.

E-mail:irene22@live.ru

Polyakova I.S.
Ekaterinburg, Russia

**ROLE OF PRECEDENT NAMES
IN CREATION OF EZOTERIC COMPONENT
OF A POLITICAL TEXT**

(on the basis of Condoleezza Rice speeches)

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.20

Abstract. Precedent names being a complex phenomenon that may possess connotations is used in political discourse with different purposes. The article describes the possibility of a precedent name create vagueness of meaning of the utterance and add esoteric element to a political text.

Key words: political text, esoteric component, intertextuality, precedent name, antroponym, toponym, khrononym.

About the author: Polyakova Irina Sergeevna, post-graduate student, assistant of the chair of rhetoric and intercultural communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Address: Russia, 620073, Ekaterinburg, ul. Krestinskogo d. 49/1, k. 181.

Принято считать, что политика – это та сфера деятельности человека, основу которой составляет устное или письменное речевое воздействие. Дискурсивный характер политики выражается в том, что большинство политических действий являются речевыми – предвыборная агитация, убеждение, закон, указ и т.д.

Общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и/или оценок [Демьянков 2002: 32]. Иначе говоря, цель политического дискурса – не описать, а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию [Baley 1985: 104].

Выступление политика далеко не всегда выглядит как аргументация: пытаясь привлечь слушателей на свою сторону, довольно редко прибегают к логически связным аргументам, часто эмоциональный компонент политического текста преобладает над информативным.

Под политическим текстом мы понимаем определенную последовательность слов, объединенных по смыслу; его целью является донесение основных идей партии, политической организации или отдельно взятого политического деятеля. Вслед за А.П. Чудиновым мы считаем, что «политический текст предназначен для воздействия на политическую ситуацию при помощи пропаганды определенных идей, эмоционального воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям» [Чудинов 2007: 33].

Политический текст богат символами, и результат его воздействия зависит от того, на-

сколько эти символы понятны и близки адресату, совпадают ли они с его представлениями и убеждениями. Политический текст, написанный языком, полностью понятным лишь посвященным, строится с условием его доступности массовому адресату. По мнению В.Н. Базылева автор текста должен апеллировать к коллективным знаниям, так как политик адресует свое выступление всему населению страны [Базылев 1997]. Этот факт предопределяет выбор тех средств воздействия и символов, которые способны максимально точно и однозначно передать интенции адресанта, позволить построить выступление таким образом, что у слушателя складывается впечатление, что политик детально и четко изложил свои мысли, а на самом деле не дать однозначного ответа на поставленный вопрос.

Так как политический текст рассчитан на определенную круг «своих», содержит массу языковых единиц малопонятных или вообще непонятных непосвященному человеку, то считается возможным говорить об эзотеричности как его свойстве. «Политики как никто другой, умеют уходить от прямого ответа на вопрос, умеют сказать много и при этом не сказать ничего» [Шейгал 2004: 77].

Под эзотеричностью мы вслед за Чудиновым А.П. понимаем доступность текста только для специалистов, для людей, способных чувствовать в нем скрытый смысл, подтекст, для которых важно не только то, что сказал политик, но и то, как он это сказал и о чем он умолчал [Чудинов 2007: 56].

Политические тексты, казалось бы, должны быть максимально доступными для адресата,

политики постоянно говорят о своей близости к народу, о выражении его интересов [Чудинов 2007: 56]. В реальности же основной смысл заявления политика часто завуалирован и становится понятен лишь при внимательном, вдумчивом изучении составляющих его элементов – метафор, прецедентных феноменов, слов широкой семантики, синтаксических и морфологических особенностей.

Эзотеричность политического текста обусловлена рядом прагматических и семантических факторов. Подробно эти факторы были рассмотрены в монографии Е.И. Шейгал [2004], поэтому в рамках данной статьи мы ограничимся лишь их перечислением. К прагматическим факторам относятся: ведущая роль прескриптивно-побудительной функции политического языка, манипулятивность политического дискурса, стремление «спасти лицо», избегание конфликта, попытка избежать контроля своих действий. Среди семантических факторов выделяют следующие:

1. Абстрактность и широта значения лексической единицы. Слова широкой семантики, например, такие, как *свобода*, *демократия*, *миссия*, дают возможность различной контекстуальной интерпретации.

2. Сложность значения, обусловленная сложностью самого денотата. Многие единицы политического языка обозначают комплексы идей, весьма отдаленных от непосредственного опыта человека; трудность понимания таких слов проистекает из сложности внеязыковой действительности, например, *дефолт*, *импичмент*.

3. Размытость семантических границ у слов градуальной семантики, в частности, отсутствие четких различий в обозначении политических ориентации по шкале: *реакционный* – *консервативный* – *либеральный* – *прогрессивный* – *радикальный*.

4. Относительность обозначения, т. е. зависимость выбора номинации от политической позиции говорящего: одна и та же платформа с позиций одного человека может быть названа реакционной, а с позиций другого – либеральной [Шейгал 2004: 50-52].

Данная классификация, на наш взгляд, может быть дополнена. Нам кажется возможным считать интертекстуальность одним из способов проявления эзотеричности политического текста. Причем вряд ли удастся отнести интертекстуальность к одной из двух вышеупомянутых групп факторов, так как основу элементов категории интертекстуальности, куда относятся прецедентные феномены, цитаты, аллюзии и т.п., составляет лексико-прагматический компонент, иными словами, одно лишь лексическое значение не предопределяет суть высказывания, важно учитывать контекст его употребления.

Прецедентные имена (ПИ) являются одним из вариантов проявления интертекстуаль-

ности, это те элементы национального сознания, при упоминании которых возникают устойчивые ассоциации, приводящие к тем или иным выводам. Это имена, известность которых большинству носителей лингвокультуры снимает необходимость давать разъяснения и комментарии о том, что имеет в виду тот, кто их употребляет. Однако здесь возникает вопрос, а у всех ли членов лингвокультурного сообщества одинаковое восприятие референта, стоящего за прецедентным именем? Политический дискурс подразумевает существование различных взглядов на ту или иную проблему, для кого-то Саддам Хусейн – это тиран, который установил культ личности в своей стране и втянул свою страну в длительную войну, для других – властный руководитель, сделавший уровень жизни в Ираке одним из самых высоких на Ближнем Востоке. Факт существования неоднозначного восприятия ПИ позволяет нам предположить, что ПИ в политическом дискурсе являются одним из средств создания эзотеричности политического текста.

На материале ПИ, употребленных Кондользой Райс в своих обращениях нам хотелось бы показать, как при помощи ПИ политику удается добавить загадочности своему высказыванию, привести в него эзотерический компонент

В данной статье мы остановимся лишь на наиболее частотных группах ПИ.

1. Прецедентные антропонимы. Данная группа представлена большим разнообразием ПИ. Здесь мы находим и имена политиков прошлого, и лидеров террористических организаций, и руководителей стран Ближнего Востока.

В следующих примерах, на наш взгляд, отчетливо прослеживается эзотеричность высказывания, немалую роль при формировании которой сыграли ПИ:

As a result, with the full support of Congress, President Bush has launched the largest international development agenda since the Marshall Plan. (Remarks at the centennial dinner for the Economic Club of New York, June 7, 2007)

В этом примере можно выделить два ПИ. «План Маршалла» – это программа восстановления экономики Европейских государств после окончания Второй мировой войны, названная именем Госсекретаря США, по которого инициативе была разработана эта программа. США в период 1947-1952 гг. оказывали финансовую помощь государствам Западной Европы, принявшим План Маршалла и в результате, экономические показатели этих стран в 1952 году значительно превысили довоенный уровень. Эта программа, по мнению многих экономистов и социологов, ускорила темпы выхода из послевоенного экономического общества и сыграла большую роль в сплочении стран.

Имя президента Буша упоминается в контексте им инициированной экономической программы Соединенных Штатов. Сравнение ее с

высокоэффективным «Планом Маршала» наводит слушателя на мысль, что и она окажется столь же действенной и поможет избежать кризиса, спровоцированного военным конфликтом в Ираке.

В следующем примере встречаются ПИ *Saddam Hussein* и *Osama bin Laden*:

*But I am glad you asked the question, Bill, because I do think there is a tremendous difference between **Saddam Hussein** and **Osama bin Laden**.* (Press Briefing by Dr. Condoleezza Rice on the President's Trip to Africa)

Стиль правления Саддама Хусейна – властный, авторитарный, сопровождающийся культом личности – противоречит демократическим устоям Американского общества, поэтому ПИ Саддам Хусейн содержит лишь негативные коннотации. Тот факт, что в данном контексте приводится его сравнение с лидером международной террористической организации Аль-Каида Усамой бен Ладеном, заставляет задуматься, что же у них имеется общего, что делает возможным попытку сравнения. Хотя Кондолиза Райс и подчеркивает, что «существует огромная разница» между двумя лидерами, все же эти два ПИ употреблены в одной смысловой группе, иными словами, действия Хусейна привели к тем же трагическим последствиям, что и теракты, организованные Аль-Каидой, лидером которой является Усама бен Ладен.

2. Топонимы. В эту группу мы включили названия тех стран, городов, географических объектов, за которыми закрепились четкие ассоциации, в большинстве своем это страны с напряженной политической, экономической ситуацией, зоны военных конфликтов. Среди наиболее частотных – Afghanistan, Middle East, Iraq, Gaza, Kosovo, Lebanon, Palestine, The Balkans.

*Some good discussions about that and about other matters and hopefully, the Russians are now considering those offers of cooperation because really, while we have our differences with Russia, this is not **the Soviet Union**. Steve, I knew **the Soviet Union** pretty well and this is not **the Soviet Union**.* (Interview on the Steve Gilles Shaw, November 13, 2007)

Конфронтация США и Советского Союза длилась не одно десятилетие и повлияла на отношения между современной Россией, бывшими Союзными Республиками и Соединенными Штатами. Говоря о том, что «Россия – это не Советский Союз» политик подчеркивает свое позитивное отношение к современной России, и хотя имеются некоторые разногласия, они не мешают установлению диалога между двумя странами.

*And let's be clear: We are winning in **Afghanistan**.* (Fulfilling the Commitment to Success in Afghanistan, Remarks at the NATO Afghanistan Contributed Nations Meeting, January 26, 2007)

Афганистан – зона военного конфликта на протяжении нескольких лет. Это одна из стран, на которую распространяется «Война с терроризмом», предпринимаемая Соединенными Штатами. Заявление о победе в этой войне кажется спорным, террористические акты по-прежнему происходят, гибнет мирное население. Да и какой ценой дается эта так называемая «победа» – по официальным данным в период 2001-2010 годов погибло около 1000 американских солдат.

Роль прецедентных топонимов не ограничивается созданием эзотеричности политического текста, здесь четко прослеживается мифологическая функция. Для адекватного его восприятия необходимо обладать знаниями истории в области политики, международных отношений. Не обладая такими знаниями, адресат может быть введен в заблуждение тем контекстом, который окружает прецедентное имя, иными словами, будет воспринимать слова политика как истину, единственно правильное мнение.

3. Террористические организации. Среди прецедентных названий террористических организаций в обращениях Кондолизы Райс нами были зафиксированы такие как: Al Qaeda, Taliban, Hezbollah, Hamas.

*Al Qaeda was both client of and patron to the **Taliban**, which in turn was supported by Pakistan. Those relationships provided al Qaeda with a powerful umbrella of protection and we had to sever them. This was not easy* (Transcript of Rice's 9/11 Commission Statement, May 19, 2004)

Известно, что террористические акты 11 сентября 2001 года были организованы непосредственно при участии международной террористической группы Аль-Каида, основная база которой находится в Афганистане. Талибан – исламское движение в Афганистане, которое правило страной в период 1996-2001. В период вторжения советских войск в Афганистан Соединенные Штаты поставляли оружие афганским моджахедам, что, по сути, и сделало возможным формирование таких движений как Талибан. Тот факт, что сегодня Госсекретарь США говорит о том, что «Аль-Каида находится под покровительством Талибана» подчеркивает негативное отношение к обеим организациям. Однако то, что Америка внесла огромный вклад в формирование военной мощи Талибана, и тем самым сделала возможным образование таких групп как Аль-Каида, утаивается от непосвященных.

*But one thing is certain: **Hamas** is armed and the worst outcome would be that the Palestinians who are, in fact, devoted to the road map and devoted to the Quartet principles are the ones who are unarmed and **Hamas** is armed.* (Briefing en Route Shannon, Ireland, January 12, 2007)

Еще одна организация, которую США считают террористической – Хамас. Это правящее в Секторе Газа исламистское движение, которое причастно к организации терактов против мир-

ного населения разных стран. Говоря, что «Хамас вооружен, а Палестинцы безоружны», непонятно что выражает Кондолиза Райс – желание разоружить Хамас или желание вооружить Палестинцев.

4. Хрононимы. Сюда мы относим даты, при оперировании которыми нет необходимости уточнять, что за ними стоит. Одного лишь упоминания дня, месяц или года достаточно, чтобы понять какое событие имеется в виду. Эта группа, по сравнению с предыдущими, представлена ограниченным количеством единиц, но по частотности употребления занимает четвертое место. Группа включает – 11 сентября 2001 (громкий теракт в США, во время которого были разрушены Башни-близнецы торгового центра в Нью-Йорке и были совершены атаки на Пентагон), 1945 – конец Второй мировой войны.

No less than December 7th, 1941, September 11th, 2001 forever changed the lives of every American and the strategic perspective of the United States (Remarks by National Security Advisor Condoleezza Rice at the 28th Annual Convention of the National Association of Black Journalists, August 7, 2003)

В этом примере встречается две даты – 7 сентября 1941 атака японских войск военно-морского флота США в Перл Харборе, и в результате вступление Соединенных Штатов во Вторую мировую войну и 11 сентября 2001 – теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне, которые открыли так называемую «Войну с терроризмом» (War On Terror). Сопоставление этих двух событий указывает на мировую важность обоих и заявление о формировании «стратегических перспектив» в связи с последним, оправдывает дальнейшую политику США по отношению к странам Ближнего Востока и Азии, которые, по их мнению, имеют непосредственное отношение к терактам.

Europe and the United States must turn to the Middle East with the same vision, determination and patience that we exhibited in building a united transatlantic community after 1945. (Remarks by Dr. Condoleezza Rice at the International Institute for Strategic Studies London, UK, June 26, 2003).

В этом примере снова проводится параллель между Второй мировой войной и антитеррористическими операциями на Ближнем Востоке. Призыв «проявить то же терпение, по отношению к Ближнему Востоку, что и в 1945 году во время формирования трансатлантического сообщества после окончания войны».

5. Международные организации. К этой группе относятся названия таких организаций как NATO, the Quartet, the Troika, European Union, WTO, IAEA и др. Реальная деятельность этих организаций известна лишь небольшой группе специалистов, массовый адресат формирует свое представление лишь на

основе устных заявлений политиков. Следовательно, использование аббревиатур названий организаций помогает скрыть истинный смысл и сформировать лишь позитивное восприятие сказанного.

So, he is not making any judgments about who or when. But he is saying very clearly that when NATO enlarges, it will be a good thing for the security of Europe. (Press Briefing by National Security Advisor Condoleezza Rice, June 15, 2001).

Говоря о расширении НАТО, Кондолиза Райс подчеркивает, что это лишь укрепит безопасность Европы. На самом же деле поддержка «цветных революций», попытки США, как одного из самых влиятельных членов Альянса, диктовать свои условия развития военного направления в странах лишь вызывают массовые протесты среди населения.

Well, I think the Quartet has a certain logic on its own as an international body that in a sense stands outside of the region. But I've found very useful meetings from time to time where we have met with the states that -- informally I think people call them the Arab Quartet... And so one option might be to use that model from time to time. But I think the Quartet as the Quartet has a certain logic of its own, having been set up by the UN in that way. (Briefing en Route Shannon, Ireland, January 12, 2007)

Квартет – организация, целью которой является распространение мира на Палестино-израильской территории. Сюда входят США, Россия, Евросоюз, ООН. Разработаны программы по мирному урегулированию конфликта, например, «Дорожная карта», «Мирная долина». Говоря о том, что «Квартет имеет свою логику» и несмотря на то, что среди его членов нет стран Ближнего Востока, деятельность его эффективна. Таким образом, политик как бы подчеркивает, что нет необходимости расширять Квартет, принимая страны Ближнего Востока его членами.

Итак, стремление политического текста к двум противоречивым тенденциям – понятийной точности и смысловой неопределенности позволяет утаивать его истинный смысл от неспециалиста в области политики. Деспециализация же политических терминов, их доступность для понимания делает необходимым поиск иных средств создания таинственности и загадочности политического текста. Политический язык преимущественно побудителен, нацелен на оказание влияния, стимулирование и воодушевление адресата. Однако невозможно привлечь на свою сторону и побудить к действию широкие массы, если политик не оставит возможности адресату самостоятельно строить свои выводы и заключения, поэтому необходимо присутствие элементов, смысл которых содержит скрытые элементы, проявляющиеся лишь при владении большим количеством информации. Эзотеричность – это важный компонент политического текста, а прецедентное имя – один из инструментов ее создания. Присутствие ПИ в полити-

ческом тексте позволяет усилить апелляцию к эмоциям, оживить и разнообразить речь политика, сделав выступление более запоминающимся. ПИ, с одной стороны, позволяет совершенно четко и в краткой форме выразить мысль, а, с другой, часто содержит тот тайный смысл, который ускользает от широкой публики. Более тщательное и внимательное прочтение политического текста, изучение реалий страны позволит, на наш взгляд, проникнуть в глубины смысла выступления того или иного политика, позволит разгадать его интенции.

ЛИТЕРАТУРА

Базылев В.Н. Российский политический дискурс (от официального до обыденного) // Политический дискурс в России. – М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 7-9.

Демьянков В.Д. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М.: ИНИОН РАН, 2002. № 3. С. 32-43.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 328с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 2-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2007. 256 с.

Bayley P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches // G. Ragazzini, D.R.B.P. Miller eds. Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984. – Bologna: Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1985. P. 77-174.

© Полякова И.С., 2010

Попов Л.Н.

Екатеринбург, Россия

**ИНТОНАЦИЯ ПОЛИТИКА:
ВЛАСТЬ И ОППОЗИЦИЯ**

УДК 808.5

ББК Ш 7

Аннотация. В статье рассматривается феномен интонации – внутренней формы речевой политической деятельности, а также коннотации – ее дополнительного, личностного смысла. Краткий анализ компонентов интонации на примере публичных выступлений лидеров двух ведущих политических партий России показывает значение интонации и коннотации как явления культуры в речевой политической деятельности.

Ключевые слова: интонация, коннотация, компоненты интонации, речевая деятельность, дискурс, политические лидеры, политические партии

Сведения об авторе: Попов Леонид Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики и психологии.

Место работы: Российский государственный профессионально-педагогический университет.

Контактная информация: 620027, г. Екатеринбург, ул. Печерская, д. 6-а, кв. 2.

E-mail: elvirapp@mail.ru

Popov L.N.

Ekaterinburg, Russia

**INTONATION OF A POLITICIAN:
POWER AND OPPOSITION**

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01; 10.02.19

Abstract. The article describes the phenomenon of intonation which is understood as the inner form of verbal political activity, and connotation which is additional personal meaning of political activity. A concise analysis of the components of intonation made on the basis of the public speeches by the leaders of the two main Russian political parties shows the significance of intonation and connotation as phenomena of standard in verbal political activity.

Key words: intonation, connotation, components of intonation, verbal activity, discourse, political leaders, political parties.

About the author: Popov Leonid Nikolaevich, Candidate of Pedagogic, Assistant Professor at the Chair of Social Pedagogic and Psychology.

Place of employment: Russian State Professional Pedagogical University.

«Политическое мышление воплощено в речевых структурах, и специфика этого мышления нередко проявляется в речевой деятельности вне зависимости от желаний говорящего» [Чудинов 2006: 82]. Сказанное в наибольшей степени относится к интонации (тону) политического деятеля как внутренней форме, внутренней структуре его речевой деятельности.

В тоне, в живой интонации говорящего интериоризируется, а затем выражается в звуковой (письменной) форме, в жестах и мимике (экстериоризируется) все многообразие политического дискурса, что позволяет достаточно точно и объективно определить мотивы, цели, интересы, а также предсказать результаты речевой деятельности того или иного политика.

Интонация как внутренняя форма речевой деятельности включает в себя три уровня оснований и одновременно три компонента психики. Их можно обозначить терминами «дух», «душа» и «тело». На основании духовно-душевно-телесного единства психики в структуре речевой интонации (в том числе политической речевой интонации) выделяются следующие компоненты: эмоциональный, рациональный, стилиевой, образно-ассоциативный и объединяющий их целостно-образный компонент. Эти составляющие пронизаны особым напряжением-переживанием. Важнейшими чертами этого целостного напряжения являются смысловая наполненность, особая «энергетичность», континуальность («протяженность», «соединенность») и одновременно дискретность («разделенность»), живая изменяемость, направленность на объекты и реализуемость.

Интонация тесно «спаяна» с ритмом, прежде всего с ритмом человеческого дыхания, и

реализуется главным образом через речь. Создание, произнесение и слушание текста – это его интонирование. О важнейшей роли тона, интонации в процессе речетворчества заявлял Ю.В. Рождественский: «Тон как источник изобретения. Звуковой ряд и его ритмика, включая внутреннюю схему смыслового ритма, – есть первоначальная опора изобретенной и создаваемой речи... Прозаически, не только художники слова, но и люди, создающие деловую речь, должны сначала, как они говорят, найти «тон» речевого произведения, в который вписываются слова» [Рождественский 1997: 247]. Сказанное имеет прямое отношение и к политической речи (ее изобретению, произнесению, восприятию), шире – ко всей политической деятельности.

М.М. Бахтин писал: «Такие речевые явления, как приказания, требования, заповеди, запрещения, обещания (обетования), угрозы, хвалы, порицания, брань, проклятия, благословения и т.п., составляют очень важную часть внеконтекстной действительности. Все они связаны с резко выраженной интонацией, способной переходить (переноситься) на любые слова и выражения, не имеющие прямого значения приказания, угрозы и т.п.

Важен тон, отрешенный от звуковых и семантических элементов слова (и других знаков). Они определяют сложную тональность нашего сознания, служащего эмоционально-ценностным контекстом при понимании (полном, смысловом понимании) нами читаемого (или слышимого) текста, а также в более осложненной форме и при творческом создании (порождении) текста.

Задача заключается в том, чтобы вещную среду, воздействующую механически на лич-

ность, заставить заговорить, то есть раскрыть в ней потенциальное слово и тон, превратить ее в смысловой контекст мыслящей, говорящей и поступающей (в том числе творческой) личности» [Бахтин 1979: 387].

Природа интонации как явления духовно-семиотического определяет неизбежность «приращения» ее исходного содержания за счет дополнительных, или коннотативных, значений, органично вносимых в живую интонацию интонирующими субъектами (авторами, исполнителями, слушателями). По М.М. Бахтину, это тональность.

Термин «коннотация» (от лат. *connoto* – «имею дополнительное значение») в речи обозначает возникающий в процессе исполнения и слушания компонент внутренней речевой формы (интонации) – уникальный целостный смысл речевого произведения (текста), который дополняет и изменяет первоначальное авторское содержание и придает речи особый, личностный оттенок. В более широком, включающем авторский, первоначальный смысл, аспекте под термином «коннотация» понимается уникальный целостный смысл речевого произведения во всех его аспектах и «переливах», причем в связи с тем, что этот смысл создает и «обеспечивает». В политической речи – это и есть выражение, экстерииоризация политического дискурса.

Интонация как единое целое включает в себя два типа информации, идущей из глубины веков: о себе (личностный) и о группе, которой принадлежит личность (надындивидуальный, общественный тип, например, информация о политической партии). Именно поэтому политическое мышление, как сказано выше, проявляется в речевой деятельности вне зависимости от желаний говорящего. Но так или иначе, общественная составляющая интонации всегда коннотируется посредством личностной актуализации другим интонирующим субъектом – изменяет даже реально звучащий текст.

В качестве объектов исследования политической интонации были выбраны тексты, произнесенные в сложный, кризисный период развития мировой и российской экономики и политики: доклад лидера правящей партии «Единая Россия», председателя правительства РФ В.В. Путина на Всемирном экономическом форуме в Давосе (январь 2009 г.) и лидера крупнейшей оппозиционной партии России, Коммунистической партии РФ Г.А. Зюганова на Пленуме ЦК КПРФ (март 2009 г.).

Оба доклада были посвящены одной теме – мировому экономическому кризису. Вступительные разделы, которые будут проанализированы ниже (их объем – примерно по 5000 знаков), также схожи по значению: в них авторы пытаются выявить причины кризисных явлений в мире и в России. Все это позволяет в достаточной степени объективно рассмотреть интонацию политических лидеров и тем самым оп-

ределить цели говорящих, а также дать прогноз результатов их речевой политической деятельности (конечно, с учетом экономических, социальных и др. факторов).

Краткий анализ интонации двух политических текстов необходимо начать с ключевого, эмоционального компонента, потому что «целевой признак политического характера текстов – это его предназначенность для воздействия (выделено нами – Л.П.) на политическую ситуацию при помощи пропаганды определенных идей, эмоционального воздействия (выделено нами – Л.П.) на граждан страны и побуждения их к политическим действиям» [Чудинов 2006: 33].

Исходя из двувалентности эмоций, эмоциональную составляющую интонации любого политического текста (дискурса) в общем и целом можно определить как положительную или отрицательную. Она проявляется в словах, выражающих «положительную оценку называемых понятий и... их отрицательную оценку» [Голуб, Розенталь 1997: 232].

Так, В.В. Путин использует в вводной части своего выступления экспрессивные слова и словосочетания, выражающие такие модальные характеристики эмоций, как: доброжелательность («добрые слова», «мне приятно», «признателен», «американские друзья», «благодарю вас»); уравновешенность («необходимо спокойно», «чувство меры», «уверенно пройти», «никакого уныния»); беспокойность («какой масштаб!» – о кризисе, «огромные риски», «серьезный сбой», «колоссальные дисбалансы», «чрезмерная зависимость», «колоссальный дестабилизирующий фактор»), т.е. в выступлении В.В. Путина доминируют положительные эмоции.

В выступлении Г.А. Зюганова используются следующие модальные характеристики эмоций: доброжелательность («добрая традиция», «с удовлетворением докладываю», «сердечно поздравляю товарищей»); воодушевленность («выдающийся результат», «не сломилось»); гнев («наглое поведение власти», «циничное пренебрежение», «грубое и повсеместное преследование», «невиданная грязь», «фальсификация воли народа», «господство чиновничье-олигархического капитала», «чудовищное давление власти», «партии-обманки», «навязшая у всех на зубах “жириновщина”», «фальшивые социалисты из “Справедливой России” Миронова», «идеологи буржуазии на Западе и их подголоски в России», «поборники наживы и эгоизма, апологеты безудержного потребительства»), т.е. в речи Г.А. Зюганова преобладают экспрессивные слова и словосочетания, выражающие отрицательные эмоции.

Рациональный компонент интонации, т.е. упорядочивание, логическое обоснование своих эмоций, поведения, проявляется в выступлениях двух партийных лидеров следующим образом.

В.В. Путин проводит исторические «параллели» нынешнего кризиса с кризисом 1920-х – начала 1930-х годов, выявляет различия этих кризисов, анализирует причины и факторы современных кризисных явлений: «С нашей точки зрения, кризис был порожден сочетанием сразу нескольких факторов». Он вскрывает противоречия современной экономики: «Это колоссальные дисбалансы, накопившиеся за последние годы. В первую очередь, между масштабами финансовых операций и фундаментальной стоимостью активов, между возросшим спросом на кредитные ресурсы и источниками его обеспечения», социальной жизни: «К сожалению, завышенные ожидания существовали не только в бизнес-среде. Они задавали быстрый рост стандартов личного потребления, прежде всего, в развитых странах».

Г.А. Зюганов в поиске причин кризиса удовлетворяется лишь ссылкой на классиков марксизма-ленинизма: «Происходящее на наших глазах в полной мере подтверждает справедливость оценок Маркса и Ленина о тупиковом характере империализма».

Публицистика первого раздела речи В.В. Путина приближена к официально-деловой сфере речевой деятельности. Автор часто использует политико-экономические клише: «мировая экономика», «глобальный экономический кризис», «эпоха глобализации», «политическая или экономическая система», «финансовая система», «финансовые операции», «кредитные ресурсы», «система глобального экономического роста» и т.п. В.В. Путин дважды употребил разговорное слово «ковыряться».

Публицистический стиль Г.А. Зюганова насыщен образами и ассоциациями, его стиль окрашивается даже некоторой «художественностью» речи: «тихая гавань в бушующем финансовом море», «помочь Западу выбраться из шторма», «мираж капиталистического рая», «волна забастовок и протестов», «сокрушительное цунами», «все сильнее сгущаются тучи, полыхают грозные зарницы», «великий гром преобразований», «ветер истории вновь дует в паруса левых сил», «очистительная гроза», «ярко размалеванная и припудренная стена глобализма начала с треском сыпаться», «звон победных фанфар, славивших новую стадию капитализма, сменился тактами похоронного марша», «его метастазы поразили всю планету», «чужеродный дичок», «могучее дерево самобытной тысячелетней России». В первом разделе своего выступления Г.А. Зюганов один раз употребил жаргонное слово «кинуть» (обмануть).

Образно-ассоциативный компонент интонации В.В. Путина ограничен по объему, но разнообразен по средствам выразительности. Это метафоры, сравнения, фразеологизмы, эпитеты, ирония: «все оказались в одной лодке», «правильные рецепты лечения этой болез-

ни» – о кризисе, «развитие кризисных проявлений бьет все рекорды», «идеальный шторм», «зима у нас в России, всегда готовимся к зиме – а она всегда неожиданно приходит», «безоблачные перспективы экономики США».

Образность занимает значительное место в структуре интонации Г.А. Зюганова и формируется исключительно метафорами, причем в большей степени развернутыми (примеры приведены выше).

«Этико-эстетический образец отечественной культуры подразумевает особую роль категорий гармонии, кротости, смирения, миролюбия, негневливости, уравновешенности, радости, а реализуется в диалогическом гармонизирующем воздействии, риторических принципах немногословия, спокойствия, правдивости, искренности, благожелательности, ритмической мерности, отказе от крика, клеветы, сплетни, осуждения ближнего» [Михальская 1996: 400].

На данном основании целостно-образный компонент интонации В.В. Путина-политика, лидера правящей партии, позволяет характеризовать его как человека доброжелательного, позитивно настроенного, обладающего рациональным складом ума, умеющего найти правильный способ политического высказывания (действия) и обладающего воображением.

Политик Г.А. Зюганов, лидер КПРФ, представляется как человек негативно эмоциональный, не стремящийся к рациональному обоснованию речевого политического действия, склонный к митинговой публицистичности и мрачной метафоричности в речевой политической деятельности.

Итак, речевой образ, а затем интонация и коннотация В.В. Путина в значительно большей степени соответствует речевому идеалу русской культуры как ценности высшего уровня, нежели речевой образ и интонация с коннотативным аспектом Г.А. Зюганова. Этот факт позволяет прогнозировать устойчивое доверие большей части избирателей к лидеру правящей партии «Единая Россия» и их недоверие к лидеру КПРФ и, в соответствии с общественно-личностной структурой интонации, доверие или недоверие собственно к партиям.

Цель выступления В.В. Путина – обоснование правильности политического и экономического курса партии «Единая Россия» и правительства страны в кризисный период, цель выступления Г.А. Зюганова – дискредитация этого курса. Однако результат их деятельности может показаться неожиданным: это рост популярности правящей партии, несущей главную ответственность за тяжелые кризисные проявления в стране, и падение популярности крупнейшей оппозиционной партии, занимающей, казалось бы, выгодную политическую позицию в период кризиса.

По данным «Фонда общественного мнения», в кризисный период с 17-18 января

2009 г. по 16-17 мая 2009 г. доверие россиян к партии «Единая Россия» выросло на 4% (с 54% до 58%), а доверие к Коммунистической партии РФ упало на 2% (с 9% до 7%).

P.S. В связи с изложенным выше приведем высказывание одного из пользователей Интернета (14.12.2009 г.) по поводу общения В.В. Путина с гражданами РФ на прямой линии «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение»:

«Шоу – нормальное. Не все так могут. Массовому народу, без сомнения, нравится. Белые нитки и рояль в кустах – очевидны, но нравится...

Кто так мог из всех предыдущих лидеров советской России общаться? Хрущев? Ельцин? Сталин? Ленин?! О манере каждого из них до сих пор слагают басни и анекдоты. Да, не было ТВ. Но АгитПроп был у них всегда под рукой.

Давайте признавать реалии, Путин может. И умеет быть близким массам. Не стараясь быть гением или любимым вождем.

Знаете, чем берет? Уважением к собеседнику... Пафоса не допускает, заумностями не бравирует, риторика спокойная, шутки понятные, есть импровизации, в обличье – скромность.

Политик!» [Насчет шоу].

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. 424 с.

Голуб И.Б., Розенталь Д.Э. Книга о хорошей речи. – М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. 268 с.

Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово. – М.: Просвещение, 1996. 416 с.

Насчет шоу. URL: http://www.echo.msk.ru/blog/svetlana_sorokina/638803-echo – 2009/12/14.

Рождественский Ю.В. Теория риторики. – М.: Добросвет, 1997. 600 с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.

© Попов Л.Н., 2010

Попова Н.П.

Гронинген, Нидерланды

**В РОССИИ ПОЯВЛЯЮТСЯ
НОВЫЕ ШТОЛЬЦЫ...: О МИФОЛОГЕМЕ
ГЕРОЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ**

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Цель данной статьи – показать связь мифологемы героя средств массовой информации с героем художественной литературы. В современном узусе русский немец Штольц, герой романа «Обломов», становится все более востребован. Используя теоретические положения этнолингвистики, мы выделили три семантических профиля данного антропонима. Штольц используется в современном дискурсе для описания и оценки – положительной и отрицательной – происходящих социальных и политических изменений в российском обществе.

Ключевые слова: мифологема героя, дискурс средств массовой информации, литературный герой, Штольц, языковой стереотип немца, семантические профили антропонима, концептуализация.

Сведения об авторе: Попова Наталья Полиэфтовна, кандидат филологических наук, аспирант кафедры славянских языков и культур.

Место работы: Государственный университет г. Гронинген (Нидерланды).

Контактная информация: Pastoor Michielsensstraat 10, Mortsel 2640, Belgium.

E-mail: n.p.popova@hotmail.com

Массовое сознание рассматривается в современной культурологии и философии как сознание глубоко мифологизированное [Мелетинский 1998, Неклюдов 2000]. Миф о герое «придает смысл индивидуальному существованию «массового человека», создавая для него некие «идеальные» образцы поведения и тем самым оправдывая в его глазах навязываемые ему извне стереотипы поведения. Иными словами, роль мифологемы героя состоит в адаптации человека массового общества к существующему порядку» [Туркина 2001: 2]. Связь мифологемы героя с искусством наиболее наглядно предстает на примере исторических событий [Шенк 2001, Велижев, Лавринович 2003]. «Не существует реальности, называвшейся «1812 год», – пишет Б. Парамонов, – исчезла в дурной бесконечности хронологических количеств, ничего живого не осталось. Существует Лев Толстой с «Войной и миром». Точно так же начинает исчезать тема коммунизма, заменяясь темой «Андрей Платонов»... Как нет для нас иного Наполеона, кроме толстовского, так и Сталин не существует более вне платоновских миров и войн» [Парамонов 2003: 128]. В свою очередь, вымышленные герои художественной литературы могут приобретать исключительную социокультурную значимость и порождать определенную «модель жизни» (ср. такие явления, как гамлетизм, донкихотство, вольтерьян-

Popova N.P.

Groningen, Netherlands

**NEW STOLZES APPEAR IN RUSSIA ...:
A MYTHOLOGEME OF A CHARACTER
IN CONTEMPORARY MASS MEDIA DISCOURSE**

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01; 10.02.19

Abstract. The main issue of this paper is to prove the relation between the mythologeme of a character in contemporary mass media discourse and a literary character in a classic novel. Many authors in mass media have been referring recently to Stolz, Russian German, character of the classic novel «Obломov». Applying the theoretical scope of ethno-linguistics, three semantic profiles of the anthroponym Stolz are defined. Stolz is used to describe and evaluate in both senses – positively and negatively – current social and political changes in Russian society.

Key words: a mythologeme of a character, mass media discourse, character of literary classics, Shtolz, language stereotype of a German in Russian, semantic profiles of anthroponym, conceptualization.

About the author: Popova Natalia Polieftovna, Candidate of Philology, Doctoral Student at the Department of Slavic languages and Cultures.

Place of employment: State University of Groningen (The Netherlands)

ство [Вожди умов и моды... 2003]). По мнению Г. Хазагерова, сфера литературных, исторических, фольклорных и религиозных персонажей в рамках национальной культуры может рассматриваться как совокупность концептов – персоносфера. «... За объектами персоносферы стоит нравственно-психологическое содержание нашей картины мира. Поэтому именно персоносфера выступает главным инструментом социальной идентификации и самоидентификации, системой социальных координат. ... Все неперсонализированные идентификаторы («истинно русский», «настоящий христианин», «подлинный ученый») вторичны по отношению к персоносфере, являются ее обобщениями. В социологическом плане важно, что к этим обобщениям люди приходят в результате ориентации на разные персонажи» [Хазагеров: www].

Пристальное внимание критики и рядового читателя к роману И.А. Гончарова «Обломов» на протяжении всего времени его существования может быть обусловлено тем, что он в разные эпохи обнаруживал «горячие точки соприкосновения с современностью» (М. Отрадин). Современный исследователь так характеризует социальную значимость романа: «Гончаровское открытие — «обломовщина» (в его социальной интерпретации) помогло русской общественности в 60-е годы прошлого века осознать пороки

прошлого и решиться отринуть негативное наследие. В наши дни оно в категориях менталитетных достойно включения в число таких понятий, которыми оперирует не одна литературная критика, но и газетно-журнальная публицистика, всерьез озабоченная Миссией Возрождения страны» [Краснощекова 1997: 356].

Роман Гончарова «Обломов» можно отнести к разряду прецедентных текстов русской культуры. Обращение к роману может носить не только осознанный характер, который находит свое воплощение в различных жанрах искусства (например, художественный фильм «Несколько дней из жизни Ильи Ильича Обломова» режиссера Н. Михалкова, пьеса «Обломов» М. Угарова и ее многочисленные инсценировки или «Обломовский фестиваль» (г. Ульяновск)), но и «стихийный» характер – отсылки к роману в публицистическом дискурсе и в многочисленных жанрах интернет-коммуникации. Употребление имен главных героев романа «Обломов» в публицистическом дискурсе свидетельствует об их участии в механизмах концептуализации актуальных событий, интенсивность интертекстуальных включений усиливается благодаря современным средствам массовой коммуникации. Традиционно только имя главного героя привлекало к себе исследовательский интерес [см. Лихачев 1997, Гудков 1999, Сергеева 2003, Шюманн 2003], однако сегодня имя другого героя романа – Штольца – приобретает культурно-социальную значимость. Художественное произведение – «Обломов» – предстает как целостный культурный знак, который используется носителями русской культуры для интерпретации внелитературной действительности.

Подходя к интересующему нас явлению с позиции его языкового статуса, мы оказываемся перед дилеммой, которая еще не нашла однозначного решения, а именно – семантического статуса имени собственного, используемого в процессах вторичной номинации [Бартми́нский 2005, Березович 2002, Отин 2003, Русское культурное пространство ... 2004]. Для интерпретации семантики обозначенных лексических единиц Е. Бартми́нский предложил использовать понятие когнитивной дефиниции и профилирования (профиля). Главная цель когнитивной дефиниции, согласно этнолингвистическому подходу, заключается в том, чтобы «ответить на вопрос о способе восприятия предмета говорящими на данном языке, то есть о закреплённом в обществе и доступном через язык и употребление языка способе познания мира, категоризации его явлений, их характеристиках и оценках» [Бартми́нский 2005: 55]. В определении Е. Бартми́нского, «профилирование является субъективной (т.е. имеющей своего субъекта) языковой и понятийной операцией, заключающейся в своеобразном формировании образа предмета посредством восприятия его в определенных аспектах, таких, как, например,

происхождение, свойства, внешний вид, функции, события, переживания и т.п.» [Бартми́нский 2005: 106]. Понятие аспект используется для обозначения однородных комплексов признаков, приписываемых предмету в толковании. Таким образом, профиль образа предмета, – это свойство закреплённого за предметом представления (стереотипа), состоящее, с одной стороны, в своеобразном отборе и структурировании аспектов, в которых истолкован предмет; с другой стороны, оно зависит от типа относящихся к этим аспектам конкретных качественных характеристик [Бартми́нский 2005: 48-53].

Наблюдение над бытованием антропонима *Штольц* в современном общественно-публицистическом дискурсе позволило прийти к выводу, что семантические признаки, образующие содержательную сторону рассматриваемого антропонима, могут быть профилированы различными способами. Особенности семантизации имени *Штольц* современниками позволили выявить три профиля и связанные с ними точки зрения. *Штольц* может употребляться для обозначения определенных качеств личности («внутренний Штольц»), может выражать амбивалентную оценку (семантические профили «положительный Штольц» и «отрицательный Штольц»).

В профиле «внутренний Штольц» антропоним является отсылкой к «инварианту восприятия романа» (Д.Б. Гудков), кроме этого пишущие используют его для обозначения социальных, психологических, бытовых характеристик личности или целого народа. Сохраняющие связь с романом, антропонимы *Штольц* и *Обломов* в таком употреблении приближаются к словам-символам, призванным вместить в себя все определения и атрибуты русского и немецкого «национального характера». Ср.: «К окончанию праздничного вечера сложно уже было понять, где подданные России, а где – Германии. На этом летнем празднике и **Обломов**, и **Штольц** говорили на одном языке, и прекрасно понимали друг друга» (Культура № 25. 2003). «Западный человек считает, что ему необходимо некоторое усилие, чтобы стать человеком в подлинном смысле слова, как образом Божиим – отсюда учеба, труд, ежедневное преодоление трудностей мира сего, жизнь как долг. Восточный обладает образом и подобием Божиим изначально, он спасен ныне и присно и во веки веков. Молись ... И тот и другой путь запутан как два разросшихся лабиринта, которые никогда не сойдутся. Уследить все тропы невозможно, сверху увидеть – не дано. Но если свести к архетипу, то он нам известен со школы – **Обломов** и **Штольц**» (Независимая газета 23.10.2003).

Антропонимы выступают в характеризующей функции, занимая в предложении позицию именной части сказуемого; они лишь указывают на соответствующие характеристики, но не на-

зывают их, что подтверждает предположение о том, что их семантика является общепонятной, не нуждающейся в специальном объяснении: «В отличие от коучинга в процессе самокоучинга вам нужно самостоятельно мобилизовать в себе внутреннего **Штольца**, а Обломова выжечь каленым железом» (Большой город 22.12.2005). «Беда только, что с Обломовым во мне борется **Штолец**. И пока он регулярно побеждает» (Профиль № 15. 2006). «Михалков часто повторял, что в душе он **Обломов**, но в жизни – **Штолец**» (Российская газета 21.10.2005). Семантический профиль «внутренний Штолец» составляют характеристики, которые в наивной картине мира русского языка мыслятся как «типично немецкие». Выделим основные аспекты профиля: бытовой (*аккуратный, точный, порядок, тщательный, скрупулезный, пунктуальный, экономный*), ментально-психологический (*рациональный, умный, прагматичный, активный, энергичный, уверенный, требовательный, дисциплинированный*), социальный (*деятельный, деловой, деловитый, работоспособный, действующие, профессиональный, успешный, удачливый*). Эквивалентами к антропониму *Штолец* выступают такие слова и словосочетания, как *немец, европеец, инородец, подданные Германии, западный человек, Запад* и др. С *Обломовым* ассоциируются слова *подданные России, Россия, русский гений, восточный человек* и др. Например: «Антон же – типичный **Штолец**. Он деловит, успешен, удачлив» (Новые известия 30.04.2004). «Кажется, что он везде успевает, и кое-кто уже подтрунивает: вот, мол, немец, совсем как **Штолец** из «Обломова»... (Литературная газета № 38. 2004). «Я и сам-то, когда мне выгодно, выдаю себя за Обломова, когда выгодно – за **Штольца**» (Труд № 196. 2005).

О высокой степени освоения антропонима в публицистическом дискурсе свидетельствуют окказионализмы, производящей основой которых выступает *Штолец*. Ср.: «То есть я могу представлять себе литературу и как отдельные тексты. Но в то же время я, если угодно, сторонник профессионального литераторства, которое само по себе предполагает существование неких проектов, планов и так далее. Я думаю, что некоторая **«штольцизация»** русской литературе не помешала бы» (Итоги 01.04.2000). «Бельведер на уровне 18-го этажа – самое то. Так что – строят экономно и практично, **по-штольцевски**, а бельведеры гордят **по-обломовски**. Что, в общем-то, вполне характеризует серединное питерское архитектурное сознание с его мечтательностью и леностью» (СПб. Собака. Ru № 31. 2003). Существительное *штольцизация* со словообразовательным значением процесса (*-цизация*) служит для выражения нового значения: «повышение профессиональности литературного процесса, предполагающий составление пла-

нов, проектов». Наречие *по-штольцевски* – призвано обозначить синкретический образ действия – «экономно, практично».

В наивной картине мира характеристики, закрепленные за антропонимами *Штолец* и *Обломов*, представляются как антонимические («невозможное сочетание – Штолец и Обломов»; «переосмысление конфликта Обломова и Штольца», «с Обломовым во мне борется Штолец» и т.д.). Сравнение со *Штольцем* может сопровождаться уступительными «метаязыковыми рефлексивами» (термин И.Т.Вепревой), отсылающими к распространенному мнению и общепринятой истине (ср.: «хотел бы быть Обломовым, но вынужден оставаться Штольцем»; «это тревожит не только нас, склонных любить Обломова более, нежели русского немца Штольца»; «Штольцы в России вызывают раздражение», «я – Штолец, как бы отвратительно это ни звучало» и т.д.). Уступительность формулировок связана с оценочными значениями рассматриваемых антропонимов, они займут центральное место в семантических профилях, рассмотренных ниже.

Антропоним Штолец может использоваться для положительной оценки характеристик личности, выделенных в профиле «внутренний Штолец». Семантический профиль «положительный Штолец» связан с оценкой социальных групп, наиболее востребованных и активных в современном российском обществе (они обозначаются, как *средний класс, предприниматели, российские бизнесмены, новые русские, олигархи, новые хозяева страны, идеал общественного русского деятеля, талантливый государственный деятель, чиновник, классический администратор, петербургский сановник, власти, постельцинская политика, В. Путин, Александр II, П. Столыпин, А. Солженицын, А. Кох и А. Чубайс*). Показательным является название статьи «Штолец с душой Обломова», рассказывающей о новой литературной премии под названием «Жизнь состоявшихся людей», присуждаемой роману, в котором положительно изображены такие герои, как коммерсант, бизнесмен, политехнолог, менеджер фирмы, банковский клерк и т.д. (Новая газета № 8. 2003).

Для формирующегося в России среднего класса характерна «ментальность Штольца», которая связывается с основными ценностями демократического общества (правовое государство, активная гражданская позиция, личная ответственность, свобода слова). Само понятие средний класс еще не приобрело однозначного значения (часты определения «так называемый», «быстро формирующийся в России») и вызывает потребность его объяснения потенциальному адресату. Ср.: «Вещание «Национальной телевизионной сети – ТЕЛЕ 6», если ему суждено состояться, будет ориентировано по преимуществу на так называемый средний

класс, быстро формирующийся в России, на его думающую, социально активную часть. У этой аудитории свои отчетливо осознаваемые интересы и не вполне традиционная для России ментальность. Выражаясь метафорически, это ментальность **Штольца**, а не **Обломова** ... Эта аудитория жизненно заинтересована в демократическом, светском и подлинно правовом государстве, в становлении и развитии норм и институтов гражданского общества» (Независимая газета 29.03.2002). В статье, под названием «Страна между Обломовым и Штольцем» (Аргументы и Факты №5. 2007), автор также связывает демократические ценности и интерес к предпринимательству именно со *Штольцем*, а растущее влияние бюрократии – с *Обломовым*.

В большинстве контекстов антропоним *Штольц* употребляется для положительного обозначения предпринимателей и других профессий, напрямую или косвенно связанных с коммерческой деятельностью. Выделенные социальные группы олицетворяют наиболее радикальные перемены в российском обществе, и наиболее живой отклик это находит в средствах массовой информации. В семантике рассматриваемого антропонима отразилось сосуществование противоположных точек зрения относительно стремления к материальному обогащению – его полное признание и такое же отрицание. Амбивалентность отношения к предпринимательской деятельности воплощается в различных жанрах современной массовой культуры [Бойм 2002, Рис 2005, Беляков, Серебренникова 2005, Милехина 2006, Осминская 2007]. «На примере разного рода общественно значимых событий и ритуалов в России как раз и можно увидеть эту способность старого сохраняться или преображаться в рамках новой культуры. В языке же повседневного общения мы можем наблюдать (вернее, слышать), как действует самый тонкий и всепроникающий – и, может быть, самый мощный – механизм воспроизводства культуры» [Рис 2005: 58]. Отсылка к каноническому литературному тексту связывается со стратегией повышения престижа того, о ком идет речь. Обращение к *Штольцу* как положительному персонажу русского литературного канона позволяет использовать его в качестве веского «оправдательного» аргумента в пользу новой социально-профессиональной группы, знака постепенного изменения массового отношения к утилитарным ценностям как таковым. Ср.: «А вот лучший друг Обломова **Штольц** если и может ассоциироваться с чем-то русским, то разве что с новым... русским. **Штольц** – он прямой, энергичный, правильный, и главное, очень прагматичный человек» (<http://www.polit.ru>). «Сегодня российские бизнесмены – воплощение расчетливости и респектабельности, **Штольцы** в стране Обломовых» (<http://www.kariera.org.ru>). «А что же видим теперь? Все поменялось. **Штольц** стал

новым русским. Обломов превратился в бомжа, опустился на дно жизни. Он уже никому не нужен – с его добротой, голубиной душой. Симпатии общества на стороне людей деятельных, преуспевающих» (Парламентская газета №168. 2004). «В мире бизнеса успешны **штольцы**, а не обломовы. Чтобы процветать, а не прозябать в нем, нужен трезвый, рациональный взгляд на окружающую действительность, умение разобраться в себе, способность адекватно ставить задачу (четкую, понятную, достижимую, измеримую, еще лучше пошаговую)» (<http://www.uhr.ru>).

Приведенные примеры связаны с часто обсуждаемой темой в средствах массовой информации: массовым стремлением (и насущной необходимостью) населения перекалцироваться из советского человека в человека делового. «Современные **Штольцы**» становятся символом происходящей ломки устоев, которая должна обеспечить долгожданные перемены. Обращение в дискурсе к *Штольцу* (и *Обломову*) можно рассматривать как поиск и формулировку «мифологемы героя» в пространстве нестабильного общества. Ср.: «В нашей жизни катастрофически не хватает порядочных **Штольцев**» (Новая газета 31.10.2005). «А сейчас как-то жизнь меня повернула ближе к **Штольцу**. Возможно, это есть в моей натуре. Работа настолько стала частью жизни, что свободные минуты я люблю проводить абсолютно пассивно» (Российская газета № 99. 2003). «Но уже появляются в России и свои **штольцы**» (Известия 12.11.2004). «Однако двигаться по прямому и прозрачному пути **Штольца** нам мешает не только нарушение российских порядков и странное правосознание самих блюстителей, но и само законодательство» (<http://www.advertology.ru>).

Следующий аспект семантики антропонима можно выявить на основе устойчивых сравнений известных политиков и общественных деятелей со *Штольцем*. В основе такой отсылки находится коммуникативная стратегия, призванная утвердить культурную преемственность в образе современника. Например, поведение и внешний облик Владимира Путина могут характеризоваться как «типично немецкие», что в свою очередь вызывает сравнение со *Штольцем*. Об устойчивости «немецких» ассоциаций может свидетельствовать название политической биографии «Владимир Путин. «Немец» в Кремле» (2004) политолога А. Рара. Ср.: «Русская коллективная психика жаждет **Штольца** – и она его получила: Путин. Он даже говорит по-немецки, – чего еще желать?» (<http://www.svobodanews.ru>). «Среди основных черт характера Владимира Путина, влияющих на его имидж, выделяется отсутствие харизмы, что является продолжением его личных достоинств: в отличие от прежних руководителей, он – не интуитивист, а рационалист, некое подобие **Штольца в Кремле**» ([138](http://www.</p></div><div data-bbox=)

warweb.ru). «Немецкость» Путина может объясняться его сознательной ориентацией на укоренившиеся стереотипы русского политического поведения, связанные с феноменом коллективной идентичности [Захарьин 2003: 106]. По мнению Д. Захарьина, в системе многоканальной коммуникации, учитывающей самые разные аспекты человеческого поведения, Путин следует конкретному историческому прототипу – Петру Первому [2003: 111-112]. В публицистическом дискурсе фиксируется момент перехода, смены: Обломов-Ельцин уходит на пенсию, удаляется на дачу, или просто его время проходит, и его место занимает, завоевывает Штольц-Путин. Такое развитие событий представляется как сугубо положительная и даже необходимая перемена. Ср.: «Я, по-моему, где-то уже писал про переход от «обломовствующих» к **штольствующим**» (статья, по времени относящаяся ко времени избрания Путина на пост президента РФ) (<http://2001.vvp.ru>). «Еще несколько лет назад фигура, типа Путина, была неприемлема для России. Ельцинская обломовщина и барство гораздо милее русскому сердцу, чем немецкий прагматизм **Путина-Штольца**» (<http://www.businesspress.ru>). «Путин похож на **Штольца** из романа Гончарова «Обломов» ... Штольц – немецкий идеал энергичного, делового и аккуратного человека. В российской политике Обломов удалился к себе на дачу. **Штольц** имеет все возможности для завоевания Кремля» (<http://www.pressing.spb.ru>). «Энергичный, деятельный и «эффективный» **Штольц**, пришедший на смену глобально мыслящему, но мечтательному и неконкурентоспособному Обломову» (<http://www.informprostranstvo.ru>).

В качестве референтов антропонима *Штольц* могут выступать другие известные политики и общественные деятели. Отсылка к *Штольцу* призвана обозначить «нерусские» черты характера или стиль поведения личности, находящейся в центре общественного внимания, и тем самым сделать их более понятными (А. Кох и А. Чубайс). Составные наименования «*русский Штольц*» (о П.А. Столыпине), «*Штольц на троне*» (об Александр II) и «*почвенный Штольц*» (об А. Солженицыне) призваны обозначить «нетипичные» черты известного общественно-политического деятеля (в его традиционном представлении), в то же время подчеркивается их востребованность и ключевая роль в деятельности.

Как показали примеры, антропоним *Штольц* может использоваться в современном дискурсе не только для положительной оценки определенных качеств личности или группы лиц, но и для оценки изменений в экономике и обществе. Смысловым центром фигуры речи – уподобления и сравнения со *Штольцем* – становится положительная оценка происходящих перемен (они могут обозначаться как капитализм, рынок, экономика, работа, современная

жизнь и т.д.). Приведем фрагмент такого оценочного метатекста: «в нашей жизни катастрофически не хватает порядочных Штольцев»; «в общем, сначала у всех была надежда – вот они, наши Штольцы!»; «в России появляются новые Штольцы»; «но уже появляются в России и свои штольцы»; «а сейчас как-то жизнь меня повернула ближе к Штольцу»; «рынок настойчиво заставляет жить по Штольцу»; «раньше был свой Штольц, теперь импортного завезем»; «надо становиться Штольцем»; «по-настоящему время Штольца пришло только сейчас»; «современный Штольц»; «новые Штольцы»; «значит штольцы уже побеждают»; «нужна новая модель развития ... переход от Обломова к Штольцу»; «русский немец Штольц остался жить и продолжать делать свой бизнес»; «на территории победившего коллективного Штольца» (о современной России).

Соотносимый семантический профиль антропонима *Обломов* связывается с типичными чертами «национального характера» (*мы, интеллигенция, Россия*), которые видятся как «неконкурентоспособные» и от которых надо избавиться. Характеристики, ассоциируемые со *Штольцем*, могут выражаться при помощи механической метафоры. Ср.: «в российской государственной машине небольшая, но важная шестеренка – среднего ранга чиновник», «блестяще отполированный, четкий русский европеец», «великолепная административная машина». Метафора пути, поворота и восхождения, а также появление новых хозяев страны, новых людей, их острой нехватки, необходимости и затем появления, связанная со *Штольцем* и *Обломовым* в современном дискурсе сохраняет генетическую связь с риторическими фигурами языка советской публицистики.

Следующий семантический профиль – «отрицательный Штольц» – также является развитием аспектов профиля «внутренний Штольц». Со *Штольцем* связываются личностные характеристики, чуждые «национальному характеру», каким он видится в наивной картине мира. С антропонимом *Обломов*, наоборот, связываются представления об исконном «национальном характере» (ср. *россиянин, национальный характер российский, отечественная интеллигенция, тип «нашего человека», все русские, мой герой; народ, состоящий сплошь из Обломовых*). Семантический профиль «отрицательный Штольц», выделенный на материале публицистики, может быть представлен в ряду интерпретаций романа в других жанрах искусства. В контекстах употребления антропонима в публицистике констатируется «нелюбовь к Штольцу» («вечно недолюбливаемым в нашей культуре Штольцем», «воспринимается как нечто ограниченное», «Обломов ... заведомо выше Штольца, «Штольцев в России не любят», «приходится быть Штольцем», «Штольц никогда не вознесется в наших сердцах выше

созерцателя Обломова»). Ср.: «Возьмём Гончарова: казалось бы, какой герой из ленивого, барственного Обломова? Вот деловой, активный **Штольц** – это да. Тем не менее именно ленивый барин воплощает в себе начало доброты, здравого смысла и каких-то высших ценностей, а **Штольц**, которому эти высшие ценности чужды, воспринимается как нечто ограниченное» (Аргументы и факты № 30. 2006).

Тематически можно выделить два типа контекстов, в которых выявляется отрицательный профиль: стремление к материальному благополучию противоречит национальному характеру, материальное благополучие связано с нарушением этических норм. «Отрицательный Штольц», как представляется, является следствием традиционной точки зрения противопоставляющей материальные и духовные ценности. По мысли В.В. Колесова, исторически сложившимися характеристиками русского этноса, восходящими к истокам русской идеалистической философии (А. Хомякова, Вл. Соловьева, Н. Бердяева), являются отрицание прагматической предприимчивости, расчета, коммерческой хватки, враждебное отношение к практицизму и позитивизму [Колесов 1991: 15]. «Современные Штольцы» выступают символом происходящих социальных и политических перемен (также, как и в профиле «Положительный Штольц»), но исходной является их отрицательная оценка. Ср.: «По этому же миропоиманию добродетельный и работоспособный **Штольц** никогда не вознесется в наших сердцах выше созерцателя **Обломова**. По этой же причине, наверно, безуспешны все усилия по внедрению в наши умы протестантской этики и буржуазных добродетелей. То есть все копошащиеся, деловитые, наживающие капиталы все-таки не войдут в российский «пантеон», будут только **«новыми штольцами»...**» (Пермские новости №8. 2002). «Кто нужнее, **Штольц** или Обломов? Народ, состоящий сплошь из Обломовых, выглядит слишком уж мягким для нашего кипучего времени. Но жить исключительно среди **Штольцев?**... Что было бы с государством – бери шире, с цивилизацией, – состоящей целиком из людей умственно и физически активных, не тратящих впустую ни минуты, неукоснительно строящих жизнь на разумных началах?..» (Компьютерра №39. 2003).

Эдвард Радзинский, современный историк и публицист, в интервью использует антропоним *Штольц* для характеристики «русского национального характера» от противного: с его точки зрения «новые русские» и их жизненная позиция, ориентированная на достижение материальных благ, оказавшаяся в центре общественного внимания, противоречат исконному, народному мировоззрению: «...Идея несправедности любого богатства – очень народная идея. И оттого телевидение, постоянно показывая жизнь новых русских, делает весьма опасную работу. Россия – не колбасная страна, не стра-

на **Штольца**. И духовность, важность идеологии остается» (Аргументы и факты № 16. 2005). Елена Ямпольская, редактор отдела культуры газеты «Известия», озаглавила свое эссе «Штольцевщина». Приведем его фрагмент: «...Фаст-фуд и фаст-слипинг – стиль нашего времени, язва и бессонница – воздаяние за труды ...Современный мир подмят и покорен **штольцами**, мы сами – кто по духу, кто в силу обстоятельств – сплошные **штольцы**. Последних, подневольных, больше. Из уст в уста передается bon mot: «Я – Обломов, вынужденный быть Штольцем»... Бесчисленные **штольцы**, туристы и негоцианты, мечутся между Италией и Швейцарией, на неделю отлучаются из Парижа в Лондон, на сутки летят из Питера в Киев ... **Штольцевщина** имеет границы, обломовщина беспредельна. Каким ни будь деловым и предприимчивым, сколько ни колеси по миру, как ни загоняй себя пинками в спортклуб, однако во дни сомнений и тягостных раздумий все равно подкрадется малодушная мысль: а не залечь ли? Ну их всех к шутам...» (Известия 18.06.07). В семантической структуре слова *штольцевщина* (по аналогии с *обломовщина*) на первый план выступает компонент отрицательной оценки, эксплицируемый словообразовательным элементом *-щина*. По мнению журналистки, слово *штольцевщина* необходимо для обобщения характеристик «стиля нашего времени», противоречащего «национальной философии жизни».

Для выражения отрицательной оценки и усиления «эффекта острашения» пишущие используют метафоры, связанные с животным и телесным миром («*копошащиеся*», «*нравственное одичание*», «*люди с железной хваткой Штольца*»; «*волчья хватка таких штольцев*», «*зубастый практицизм*», «*зачем сегодня нужно бежать за стадом баранов-бизнесменов*», «*паутина технологий успеха*», «*чем крепче прорастает в нас Штольц*»; «*Штольц – насекомое, вечно снующее из улья на луг и обратно*»). Кроме этого, действия, ассоциируемые со *Штольцем*, могут уподобляться стихийному бедствию, подчеркивается их насильственный и неподконтрольный характер («*Штольцы сегодня хлынули в Россию*», «*Современный мир подмят и покорен штольцами*»).

В семантическом профиле «отрицательный Штольц» происходит перегруппировка аспектов по сравнению с предыдущим профилем («положительный Штольц»): социальные и бытовые характеристики противопоставляются этическим, которые в данном случае несут «ущербный» характер. Антропоним *Штольц* необходим пишущим для отрицания ценности материального обогащения; происходит активизация культурного сценария, выявленного не раз в отечественной философии и художественной литературе: «стремление к материальному богатству есть тонкий индикатор аморальности, отказа от святых и разрыва связи с ближним»

[Рис 2005: 231]. Ср.: «Мы восторгаемся деятельным, созидательным подходом **штольцев**, усилиями и творческой энергией которых прирастает богатство страны. Мы ничтоже сумняшеся принимаем, что это и есть самый что ни на есть верный путь для всего человечества. Путь, несомненно, верный, но путь – куда? В тихую заводь западного благополучия и мечанского самодовольства, делающего душу все менее и менее чувствительной к призывам высшего порядка» (<http://www.russia-hc.ru>). В исследовании, посвященном образу предпринимателя в современном языковом сознании, также подчеркивается, что он располагается в одной группе с такими номинациями, как обманщик, махинатор, мошенник, аферист, пройдоха, шулер, делец, деляга, карьерист, ему приписывают негативные человеческие качества, такие, как хитрость, ловкость, беспринципность, жадность [Милехина 2005]. Приведем фрагмент оценочного метатекста данного профиля: «торгашеский прагматизм Штольца»; «пришли современные Штольцы и наживают себе капиталы»; «активные преобразователи Штольцы, срывают все плоды цивилизации без разбора»; «всеобщее ожесточение и опасное упрощение человеческих отношений», «штольцевщина – главный исток бездуховности, зубастого практицизма» и т.д.

Неприятие «современных штольцев» предполагает по крайней мере сочувствующее отношение к *Обломову*. И действительно, *Обломов* наделяется характеристиками сугубо положительными, в качестве особо значимых выделяются его этические качества («честное, верное сердце *Обломова*»; «это природное золото», к которому не пристали ни ложь, ни грязь»; «начало доброты, здравого смысла и каких-то высших ценностей»; «он понятнее, человечнее»; «доверительность и теплота отношений»; «добродушный и чуткий»). Выделенный семантический профиль антропонима *Обломов* в современном дискурсе, совпадает со значением другого культурно значимого антропонима – *Ивана-Дурака* (*Иванушки-Дурачка*). *Иван-дурак* «выступает как собирательный образ, отражающий специфические представления о типичном национальном положительном герое. Неприглядный внешний облик, чудаковатость, «непутевость», неспособленность *Ивана-Дурака* компенсируется его добротой, готовностью прийти на помощь, отсутствием стремления к личной выгоде, за что он вознаграждается в конце сказки. В представлении русских *Иван-Дурак* связывается с положительным началом и имеет позитивную оценку» [Русское культурное пространство... 2004: 199-200]. В современном дискурсе происходит своеобразное оживление мифологемы традиционного героя. «Элементы фольклора – характерные языковые структуры, стилистические приемы, персонажи, темы, логика, на-

строение – пусть и в скрытой и фрагментарной форме, но всегда присутствуют в современной русской речи, как устной, так и письменной. Больше того, без обращения к фольклорным «предкам» и «родственникам» смысл многих речевых произведений попросту остается закрытым» [Рис 2005: 78].

Проанализированные фрагменты современного дискурса, показали, что не только антропоним *Обломов*, но и имя другого героя романа, *Штольца*, вышло за пределы художественного произведения. Особенности семантизации антропонима *Штольц* современниками позволили выявить три семантических профиля рассматриваемого имени: «внутренний Штольц» – для обозначения определенных качеств личности, «положительный Штольц» и «отрицательный Штольц» – для осмысления, обозначения и оценки происходящих социально-политических перемен. Семантические профили антропонима Штольц могут быть рассмотрены как часть процессов формирования и формулировки мифологемы героя. Семантика антропонимов *Штольц* и *Обломов* оказалась вовлечена в процессы осмысления происходящих перемен в современном обществе: вслед за Д.Б. Гудковым, можно сказать, что, оставаясь знаками конкретных «культурных предметов», рассмотренные антропонимы выступают как символы национальной культуры, они выходят далеко за пределы простых указаний на текст или ситуацию, служат отражением типов людей, определенных парадигм сознания и поведения, выступают как их символы, причем символы, детерминированные национальной культурой и в определенном смысле детерминирующие национальную культуру [Гудков 1999: 104].

ЛИТЕРАТУРА

- Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике [Перевод с польск.] – М.: Индрик, 2005.
- Беляков В., Серебренникова Е.Ф. О концептуальных основаниях семантических изменений слова *олигарх* // Russian Linguistics. 2005. Vol. 29. Issue 3. (Nov.). P. 365-382.
- Березович Е.Л. Географический макромир и микромир в русской народной языковой традиции (к изучению культурных коннотаций русских топонимов) // Славяноведение. 2002. № 6. С. 60-71.
- Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. – М.: Новое литературное обозрение, 2002.
- Велижев М., Лавринович М. «Сусанинский миф» становление канона // Новое литературное обозрение. 2003. № 63. С.186-204.
- Вожди умов и моды. Чужое имя как наследуемая модель жизни [Отв. ред В.Е. Багно] – СПб.: Наука, 2003.
- Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – М.: Филол. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1999.

Захарьин Д. Путин и Петр Первый. Стереотипы русского политического поведения в системе многоканальной коммуникации // Wiener Slawistischer Almanach. 2003. Band 49. С. 93-114.

Колесов В.В. Язык города. – М.: Высшая школа, 1991.

Краснощекова Е. А. Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. – СПб.: «Пушкинский фонд», 1997.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997.

Мелетинский Е.М. Миф и двадцатый век URL: (<http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky1.htm>). (дата обращения: 12.09.2007)

Милехина Т.А. Российские предприниматели и их речь (образ, концепты, типы речевых структур): Автореф. дис... докт. филол. наук. – Саратов, 2006.

Неклюдов С.Ю. Структура и функция мифа / Мифы и мифология в современной России. – М.: АИРО-XX, 2000. С. 17-38.

Осминская Н. Из рассказов о новых людях: образ предпринимателей в российской прессе 1990 года // Новое литературное обозрение. 2007. № 83.

Отин Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 55-72.

Парамонов Б. Трава родины, или Сталь и шлак // Октябрь. 2003. № 2.

Рар А. Владимир Путин. «Немец» в Кремле. – М.: Олма-Пресс, 2004.

Рис Н. «Русские разговоры»: культура и речевая повседневность перестройки. – М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый [И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных] – М., 2004.

Сергеева Г.Г. Национально-прецедентные имена в восприятии подростков // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 2. С. 27-34.

Туркина В.Г. Мифологема массового героя и массовое сознание. Автореф. дис... канд. филол. наук. – Саратов, 2001.

Хазагеров Г. Что слышит слушающий // Отечественные записки. 2002. № 6 (7). URL: http://magazines.russ.ru/oz/2002/6/2002_06_47.html (дата обращения 23.05.2007)

Шенк Ф.Б. Политический миф и коллективная идентичность: миф Александра Невского в российской истории (1263-1998) // Ab Imperio. 2001.1/2. С. 141-164.

Шюманн Д. Бессмертный Обломов. О внелитературной жизни литературного героя // И.А. Гончаров: Материалы Международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И.А. Гончарова. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. С. 113-123.

© Попова Н.П., 2010

Хохлов Д.В.
Иркутск, Россия

**АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА VOLK
В ДИСКУРСЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ
(1989–1990)**

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию лингвоидеологического концепта VOLK в рамках дискурса объединения Германии, являющегося субдискурсом немецкого политического дискурса XX века. С помощью разработанной модели лингвоидеологического концепта и методики его исследования анализируется эволюция идеологической составляющей концепта VOLK и его идеологическая реализация в дискурсе объединения Германии. На основе проведенного анализа выделяются идеологические признаки концепта VOLK, образующие его идеологический компонент и актуализирующие в исследуемом дискурсе. Полученные результаты позволяют выявить такие периоды в идеологической эволюции изучаемого концепта, как интенсивная идеологизация, идеологическая редукция и деидеологизация.

Ключевые слова: концепт, лингвоидеологический концепт, политический дискурс, дискурс объединения Германии, концептуальные признаки, народ.

Сведения об авторе: Хохлов Дмитрий Викторович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для специальных целей.

Место работы: Иркутский государственный лингвистический университет

Контактная информация: 664025, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 8, ИГЛУ, кафедра иностранных языков для специальных целей

E-mail: dmitri.chochlow@web.de

Khokhlov D.V.
Irkutsk, Russia

**ACTUALIZATION OF THE CONCEPT "VOLK"
IN THE DISCOURSE OF UNIFICATION
OF GERMANY (1989–1990)**

ГСНТИ 16.21.51, 16.21.27

Код ВАК 10.02.04

Abstract. The present paper is devoted to the research of the linguistic-ideological concept VOLK in the context of the discourse of Unification of Germany, which is the subdiscourse of the German political discourse of the 20th century. By means of a model of the linguistic-ideological concept and a complex research methodology, developed for the purpose of the present study, the evolution of the ideological constituent of the concept VOLK and its ideological realization in the discourse of the unification of Germany are investigated. On the basis of conducted analysis ideological features of the concept VOLK which compose its ideological component are determined and described in detail. The received results allow to distinguish such periods in ideological evolution of the studied concept as intense ideologization, ideological reduction and deideologization.

Key words: concept, linguistic-ideological concept, political discourse, the discourse of the unification of Germany, concept features, nation.

About the author: Khokhlov Dmitry, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages for Special Purposes

Place of employment: Irkutsk State Linguistik University

ул. Ленина, д. 8, ИГЛУ, кафедра иностранных языков

Ушедший 2009 год для Германии был особым юбилейным годом: 60 лет Конституции ФРГ и 20 лет с момента падения Берлинской стены. Последнее событие предопределило будущее двух немецких государств, которые окончательно объединились 3 октября 1990 года. С тех пор этот день является национальным праздником Германии, именуемый как день Единства Германии. Период с середины 1989 и до конца 1990 г., начало которого характеризуется массовым бегством жителей ГДР в ФРГ, масштабными демонстрациями в Лейпциге, Берлине и других городах, падением Берлинской стены 9 ноября 1989 года, а его завершение знаменуется объединением двух разделенных более 40 лет немецких государств, именуется немецкими лингвистами, политологами и историками как «поворотное время» («Wendezeit») [Hahn 1995; Herberg 1998; Polenz 1999 и др.] или как «дискурс объединения Германии» [Fraas 1996, 2005]. В противоположность этому в узком смысле под «поворотным моментом» понимаются в первую очередь исторические события осени 1989 года в ГДР (массовые демонстрации по понедельникам в Лейпциге, Берлине и в других городах ГДР).

Концепт VOLK как один из основополагающих концептов немецкого политического дискурса наиболее ярко актуализировался в дискурсе объединения Германии, поскольку данный дискурс способствовал положительному изменению содержания исследуемого концепта и его актуализации в политическом дискурсе Германии. Слово «Volk», номинирующее одноименный концепт, являлось одним из ключевых слов в процессе объединения Германии, направленного на политический перелом и борьбу за демократические преобразования в ГДР и, как конечный результат, на процесс объединения двух немецких государств.

В данной работе под концептом понимается многомерное ментальное образование, состоящее из совокупности знаний, понятий, представлений, ассоциаций, коннотаций, существующих у человека или народа об определенном материальном или идеальном объекте или явлении, фрагменте действительности и отражающих культуру народа. Анализ немецкого политического дискурса XX века выявил, что концепт VOLK относится к особому – идеологическому – типу концептов, имеет отличную от других типов концептов структуру. Термин

«лингвоидеологический концепт» (далее в тексте – ЛИК) впервые широко использует В.А. Каменева, определяя его как «элемент когнитивных моделей, существующий в коллективном сознании, активация которого осуществляется при помощи единиц идеологий, выраженных словом (простым или сложным) и словосочетанием. ...Он содержит в себе явные, скрытые, ассоциируемые, «конструируемые» идеологиями признаки социального объекта, участвует в обработке и структурировании поступающей информации о социальном объекте или явлении и является опредмеченным в той или иной языковой форме» [Каменева 2006: 42].

Вслед за М.А. Филипповой [Филиппова 2007], мы выделяем два типа ЛИК в зависимости от степени их идеологизированности: 1) первичные ЛИК, непосредственно возникшие в рамках той или иной идеологической доктрины; 2) вторичные ЛИК – первоначально нейтральные концепты, получившие идеологическую доминанту в определенном дискурсе благодаря целенаправленным действиям идеологов. Исследуемый концепт VOLK рассматривается как вторичный ЛИК по ряду причин. Во-первых, как показывает проведенный этимологический анализ, слово «Volk», номинирующее одноименный концепт, первоначально имело положительные семемы и ассоциации; во-вторых, идеологи национал-социализма и социализма в Германии XX века актуализировали концепт VOLK, исходя из своих целей и частично изменив его структуру и тем самым функционирование в политическом дискурсе.

Дискурс рассматривается как многомерное образование, состоящее из совокупности текстов, объединенных общей темой и концентрирующихся вокруг одного или нескольких дискурсообразующих концептов, в тесной связи с ситуативным контекстом и с учетом культурно-исторических, психологических, идеологических и социальных факторов. Построение текстового корпуса дискурса объединения Германии не представляется сложным, так как эту сферу общественной коммуникации можно легко отграничить как тематически, так и хронологически. Данный субдискурс немецкого политического дискурса отражает, прежде всего, всю динамику процесса объединения в Германии и наглядно показывает, какое влияние оказывают политические события такого масштаба на язык и, в первую очередь, на лексический состав языка. На примере лингвоидеологического концепта VOLK возможно проследить на протяжении относительно короткого временного отрезка динамику процессов языковых изменений, прежде всего на семантическом и прагматическом уровнях, и показать, как говорящие осмысливают концепт VOLK и как эксплицитно актуализируются его признаки.

Определенный интерес для исследования представляет корпус лозунгов жителей ГДР на

массовых демонстрациях осенью 1989 года в Лейпциге, которые достаточно полно отражают функционирование и значимость исследуемого концепта VOLK в процессе объединения Германии. Анализ лозунгов выявляет борьбу двух основных актантов политического дискурса – народа и власти, так как основной функцией лозунга является регулятивная, «он становится непосредственным инструментом политической борьбы и поэтому занимает ведущее место в политической коммуникации по линии «общество – институт»» [Шейгал 2000: 121].

Общий объем собранных лозунгов со словом «Volk» составляет 74 примера (см. приложение 1). Поскольку основной целью является построение фреймовой структуры концепта VOLK, а не анализ всех лозунгов, мы ограничимся анализом двух основных лозунгов, выражающих основную цель жителей ГДР в дискурсе объединения, а именно: «*Wir sind das Volk*» и «*Wir sind ein Volk*». Данные лозунги свидетельствуют о качественном изменении семантического объема слова «Volk» в течение относительно короткого времени (осень и зима 1989 года). Основным признаком концепта VOLK можно выразить следующим образом («+» – данный признак имеется; «-» – данный признак отсутствует): alle (werkstätigen) (+) Menschen (+) eines Landes, а в рамках социалистической идеологии СЕПГ: alle (+) Menschen (+) eines sozialistischen Landes. 16 октября 1989 г. демонстранты в Лейпциге скандировали лозунг «*Wir sind das Volk*», который подчеркивал единство народа ГДР и способствовал сплочению демонстрантов, преследовавших цель – признание со стороны правительства ГДР прав и свободы жителей страны. Таким образом, обнаруживается полное противопоставление народа ГДР и государственного аппарата страны, то есть наличие оппозиции Volk – Regierung:

Das Volk sind wir, gehen solltet ihr!

Die Straße ist die Tribüne des Volkes, mein Vorschlag für den ersten Mai: die Führung zieht am Volk vorbei! (LDB 1989: 120-140).

То, что лозунг «*Wir sind das Volk*» был ведущим лозунгом на этих демонстрациях, объясняется, видимо, тем, что благодаря своей краткости он выражал одновременно полное изменение семантики имени концепта VOLK: Menschen (+) eines (sozialistischen) Landes (+), herrschend (-). Сема «alle» была заменена на «herrschend» и исключена из концептуальных признаков концепта VOLK. Семантический объем концепта VOLK претерпел дальнейшее изменение его определенных идеологией СЕПГ и марксизма-ленинизма семантических границ в дискурсе объединения Германии. В вышепроанализированном лозунге речь шла о народе ГДР. Как только данный концепт стал использоваться как аргумент для объединения обоих немецких государств, релевантными стали другие концептуальные признаки. Речь уже шла не о том, входит ли правительство страны в народ,

так как сема «herrschend» стала нерелевантной, как и семема «Zugehörigkeit zu einem bestimmten Land oder Staat», т.е. в нашем случае ГДР. Скандируя лозунг «*Wir sind ein Volk*», демонстранты имели в виду весь немецкий народ, то есть всех жителей ГДР и ФРГ. На первый план вышли такие признаки концепта VOLK, как GESAMTHEIT VON MENSCHEN, GEMEINSAME SPRACHE, GEMEINSAME GESCHICHTE, GEMEINSAME HERKUNFT.

«Es war eigentlich ganz einfach, am Montag forderte man etwas, und am nächsten Tag ging es auch schon in Erfüllung», erinnert sich ein Student. Als dann später aus dem Ruf «wir sind das Volk» die Forderung «wir sind ein Volk» wurde, fühlten sich die Demonstranten der ersten Stunde verraten. Dem Ruf nach Demokratie und Freiheit folgte ihnen allzu schnell die Forderung nach Einheit und Wohlstand (Zt 28.09.90: 2).

Таким образом, в дискурсе объединения Германии имеет место расширение базисно-нейтральной составляющей лингвоидеологического концепта VOLK и редукция его идеологической составляющей. По мере того, как менялись цели демонстраций и лозунгов (от требований полной демократии и признания все прав жителей ГДР к сближению и объединению двух немецких государств), изменялся и семантический объем концепта VOLK, его признаки и особенности функционирования в немецком политическом дискурсе. Лингвоидеологический концепт VOLK перестает основываться на принципах идеологической доктрины СЕПГ и актуализируется как «независимый от идеологии» (Christmann 2004: 306).

В диссертационном исследовании, посвященном актуализации концепта VOLK в немецком политическом дискурсе XX века, разработана комплексная методика анализа вторичных лингвоидеологических дискурсов, согласно которой структура концептов данного типа может быть представлена в виде двухмерной модели: 1) базисно-нейтральный компонент (ядерные и периферийные признаки концепта); 2) идеологический компонент, который актуализируется в определенном субдискурсе и представляет собой совокупность идеологических признаков, характерных для данного субдискурса немецкого политического дискурса XX века [Хохлов 2008: 40-45].

Представим результаты исследования идеологического компонента концепта VOLK в немецком политическом дискурсе XX века на основе выявления идеологических признаков исследуемого концепта в дискурсе объединения Германии (1989–1990). Выявление идеологических признаков данного концепта осуществляется при помощи корпусно-ориентированного метода фреймового моделирования Конердинга – Фраас и анализа специальной литературы. Авторы данного метода К. Конердинг и К. Фраас представляют фрейм как список во-

просов, образующих его слотовые категории. В процессе анализа текстов данные слоты заполняются «филлерами» (в авторской терминологии), т.е. данными из конкретной ситуации. Для построения слотовых категорий для фрейма «Volk» в качестве отправной точки используется матричная схема «Institution / soziale Gruppe» (по К. Конердингу), согласно которой был составлен список вопросов к исследуемому концепту [Konering 1993; Fraas 1996, 2005]. При анализе концепта VOLK в субдискурсах немецкого политического дискурса XX века используется следующая фреймовая организация исследуемого концепта: 1) структурные отношения и свойства народа; 2) генезис народа и его приумножение; 3) миссия народа; 4) немцы как народ. В свою очередь, эти измерения представлены слотами в виде вопросов, которые заполняются при анализе определенных текстов, относящихся к политическому дискурсу.

Фреймовая модель концепта VOLK

1. Структурные отношения и свойства народа

- 1.1. Что представляет собой народ?
- 1.2. Из кого состоит народ?
- 1.3. Какие характерные черты присущи народу?
- 1.4. Какие функции и какую роль выполняет народ в общественных процессах страны?
- 1.5. Какие права и преимущества дает принадлежность к народу?
- 1.6. Что запрещает или к чему обязывает принадлежность к народу? Какие обязанности и запреты возникают при этом?
- 1.7. Каким статусом обладает человек в народе?
- 1.8. Каким образом человек связан с народом?

2. Генезис народа и его приумножение

- 2.1. Когда и при каких условиях появляется народ?
- 2.2. Какие фазы развития проходит народ?
- 2.3. При каких условиях существует народ?
- 2.4. Какие условия способствуют приумножению народа? Каким образом, по каким причинам и как это происходит?
- 2.5. Какие обстоятельства приводят к распаду народа? Каким образом это происходит?

3. Миссия народа

- 3.1. В каких общественных процессах народ играет важную роль?
- 3.2. Какие цели преследует народ в данных общественных процессах?
- 3.3. Какие средства использует народ при выполнении своих функций?
- 3.4. Какое значение имеет народ в жизни людей?

4. Немцы как народ

- 4.1. Являются ли немцы народом?
- 4.2. Какие синонимы, наряду со словом «народ», используются для обозначения граждан Германии?

4.3. Существует ли немецкий народ?

4.4. Из кого состоит немецкий народ?

4.5. Какими характеристиками обладает немецкий народ?

4.6. Какую роль играет немецкий народ в общественных процессах страны?

Данные вопросы составляют слотовые категории, из которых образуется фреймовая модель изучаемого концепта. При построении фреймовой структуры идеологического концепта VOLK корпус примеров составляют новогодние обращения глав правительств, политические статьи из немецких газет ГДР и ФРГ. В то же время текстовый корпус был расширен за счет привлечения других политических текстов: политических и рекламных листовок, протоколов заседаний Бундестага и Народной Палаты ГДР, речей политиков, заявлений партий и политических группировок.

Фреймовая модель концепта VOLK в дискурсе объединения Германии

1. Структурные отношения и свойства народа

1.1. Что представляет собой народ?

Народ – это общество живущих, умерших и потомков:

Von Edmund Burke stammt der Satz: ein Volk ist die Gemeinschaft der Lebenden, der Toten und der Nachkommenden. Die Menschen, von denen hier die Rede ist, sind deshalb nach meinem Verständnis Teil unseres deutschen Volkes. Sie gehören zu uns. Deshalb spreche ich von deutscher Geschichte und deutschem Erbe (BTP 21.06.90: 171).

Народ – это все мы вместе:

Deshalb, meine Damen und Herren, bei allem Verständnis dafür, daß man sich um Maßnahmen, Gespräche, Vereinbarungen im einzelnen streitet, vergessen wir nie dabei: wir alle zusammen haben eine Verantwortung als ein Volk, das mitten in Europa, innerhalb unserer Europäischen Gemeinschaft lebt, aber darüber hinaus eine Verantwortung für all die Schicksale hat, die wir nicht unmittelbar beeinflussen können (BTP 05.09.89: 1173).

1.2. Из кого состоит народ?

Народ состоит из рабочих бригад, актеров, писателей, художников:

...und Volk sind übnungsverweigernde Betriebsbrigaden, sind Schauspieler, Schriftsteller, Unterhaltungskünstler. Resolutionen, Gruppen und Parteien– wann je seit 1848 waren Deutsche zu solcher Demonstration bereit ? (RM 13.10.89: 1).

По мнению руководства партии СЕПГ, их партия входит в народ:

Millionen rufen in diesen Wochen: wir sind das Volk! Sie haben recht. Aber wir sind auch das Volk und lassen uns aus diesem Volk nicht ausgrenzen. Woher kommt denn unsere Partei? Aus dem Volk. Für wen haben Millionen unserer Genossen gelebt, gearbeitet und gekämpft? Für die Sache des Volkes, für seine Freiheit von kapitalistischer Ausbeutung, für ein neues Leben im Sozialismus. Für die Grundvoraussetzung aller Entwicklung, auch

aller Erneuerung, für europäische Sicherheit und Zusammenarbeit, für Abrüstung und Frieden (ND 07.11.89: 2).

С другой стороны, народ, депутаты и руководство не образуют единое целое:

Wir alle, das Volk, die Abgeordneten und die Führung müssen es rasch lernen, mit Demokratie verantwortlich umzugehen, und zwar auf allen Ebenen, ohne darüber die Arbeit zu vernachlässigen (VT 13.11.1989: 145).

1.3. Какие характерные черты присущи народу?

Народ может быть *das harmloseste V.* (Wopo 24.10.90: 23); *das beständige V.* (Wopo 10.10.90: 36); *ein gebildetes und kulturvolles V.* (Wopo 17.11.89: 14); *das souveräne V.* (BZ 04.10.90: 3); *das arbeitende V.* (FA 06.02.90: 27); *das widerstrebende V.* (FA 06.02.90: 15); *dieses brave politische V.* (RM 09.02.90: 3).

Народ может обладать такими качествами, как *Kreativität* (BZ 06.11.90: 3); *ein ganz eigenes Selbstbewußtsein* (BZ 16.11.89: 4); *Offenheit und Ehrlichkeit, Ordnung und gesetztreues Verhalten, Bescheidenheit und Sparsamkeit, Fachkompetenz* (BZ 18.11.89: 3).

1.4. Какие функции и какую роль выполняет народ в общественных процессах страны?

Народ принимает важные решения, тем самым, определяя свою судьбу:

Indem unser Volk den Weg des Sozialismus einschlug, entschied es sich für eine Zukunft in Freiheit, Demokratie und Menschenwürde, was gleichbedeutend war mit einer konsequenten Absage an alles Reaktionäre der Vergangenheit (BZ 06.09.89: 3).

В связи с событиями осени 1989 г. в Лейпциге народ становится из объекта политики субъектом, который сам себя освобождает от уз диктаторов путем мирного революционного переворота:

Man spricht von der «Wende» oder übersetzt dieses Bild mit «revolutionärer Erneuerung». Ich möchte das, was vorgeht, «Befreiung des Volkes», genauer: «Selbstbefreiung des Volkes» nennen... das Volk selbst bricht auf aus der ihm verordneten und anerzogenen Unmündigkeit. Das Volk wird aus einem Objekt von Politik zu einem Subjekt von Politik. Bisher paßte sich das Volk der SED-Regierung und dem Apparat an. Das Volk hat sich befreit, und nun passen sich Regierung und Staatsapparat dem Volk an (OppDDR 1989: 218).

1.5. Какие права и преимущества дает принадлежность к народу?

Народ и входящие в него люди имеют право на самоопределение:

Zur Demokratie gehört für uns zwingend und untrennbar auch, das Selbstbestimmungsrecht – als ein geradezu konstitutives Element – zu unterstützen. Jeder, der sich auf den Weg demokratischer Reformen in der DDR macht, muß deshalb diese deutschlandpolitische Perspektive sehen. Daß nicht dem deutschen Volk allein das Selbstbestimmungsrecht verweigert werden kann, meine

Damen und Herren, das ist im Zusammenhang mit der Diskussion der deutschen Frage auch der Grundtenor der Kommentare aus dem Ausland zur deutschen Frage (BTP 14.09.89: 12046).

Народ должен иметь право на свободное выражение своего мнения:

Ich, ein normaler Noch-DDR-Bürger, der nie ein Rebell, aber auch kein Duckmäuser war, ich bin enttäuscht, maßlos enttäuscht! Mein Traum von Demokratie, von Toleranz, vom harmonischen Miteinander scheint zerronnen... das Volk hat doch ein Recht auf Meinungsäußerung, es darf seine Probleme aufzeigen, auch ungeschickt, zur falschen Zeit, am falschen Ort? Aber wann ist was richtig? Ein Parlament ist für ein Volk da, nicht umgekehrt (BSB 21.06.90: 6).

1.6. Что запрещает или к чему обязывает принадлежность к народу? Какие обязанности и запреты возникают при этом?

Правительство ГДР стоит на стороне тех, кто выполняет свой долг по отношению к народу:

Aber es gibt auch falsche Töne im Land und besonders von jenseits unserer Grenzen, demagogische Ratschläge, die den Prozeß der Erneuerung nicht fördern, ja, ihn in seinen Anfängen schon hemmen, verfälschen oder zunichte machen wollen. Dazu gehört auch die Diffamierung von Menschen, die im gesellschaftlichen Leben Verantwortung tragen. Wir stellen uns an die Seite derer, die immer treu ihre Pflicht gegenüber dem Volk erfüllen (ND 04.11.89: 1).

1.7. Каким статусом обладает человек в народе?

Люди представляют собой рабочих на предприятиях, крестьян в деревнях, ученых в исследовательских учреждениях:

In der Stunde größter Gefahr, in der Stunde drohenden Ausverkaufs unseres Landes wenden wir uns an Euch, das Volk der DDR und insbesondere an die Arbeiter in den Betrieben, die Bauern auf dem Lande, die Wissenschaftler in den naturwissenschaftlich-technischen Lehreinrichtungen und an alle, die die Werte schaffen, und mit ihnen an alle ehrlichen, aufrechten und streitsamen Menschen in diesem unserem Land mit dem Ruf (Opp DDR 01.12.89: 982).

1.8. Каким образом человек связан с народом?

Руководство партии руководствуется принципом «все с народом, через народ и для народа»:

Mit Stolz auf das Erreichte, sich den nicht geringen Anforderungen bei der weiteren Gestaltung der entwickelten sozialistischen Gesellschaft stellend, geht unser Volk guten Mutes in das fünfte Jahrzehnt der DDR. Der XII. Parteitag der SED wird im Mai 1990 über die kommenden Aufgaben beschließen, und ihre Lösung wird ohne Zweifel dazu dienen, den Sozialismus zu stärken, seine Attraktivität zu erhöhen und den Frieden zu festigen. Alles mit dem Volk, durch das Volk und für das Volk, alles zum Wohle und für das Glück der

Menschen in unserer sozialistischen Deutschen Demokratischen Republik (BZ 1989: 4).

Члены партии находятся среди народа, деля заботы и проблемы населения:

Die Wende kann nur unumkehrbar gemacht werden, wenn alle Mitglieder unter erneuerter Führung unserer Partei ihre politische Erfahrung, ihr demokratisches Potential und ihre sozialistischen Ideale in diesen Prozeß einbringen. Die nahezu 2,3 Millionen Mitglieder und Kandidaten unserer Partei haben in ihrer großen Mehrheit die bisherige Entwicklung durch fleißige Arbeit und viele zusätzliche Leistungen mitgetragen. Sie sind mitten im Volk, teilen die Sorgen und die Fragen der Bevölkerung (ND 15.10.89: 4).

2. Генезис народа и его приумножение

2.1. Когда и при каких условиях появляется народ?

Народ берет свое начало с образования государства и развивается вместе с ним:

Am 7. Oktober 1989 vollendet die Deutsche Demokratische Republik das vierte Jahrzehnt seit ihrer Gründung. Der stabile und dynamische Werdegang des ersten sozialistischen Staates der Arbeiter und Bauern auf deutschem Boden, all das, was er geleistet hat und was er heute ist, berechtigt zu der Feststellung, daß er seine historische Bewährungsprobe im Zentrum Europas bestanden hat. Mit dem Volk, durch das Volk und für das Volk wurde unter Führung der SED auf den Trümmern des zweiten Weltkrieges ein gewaltiges Aufbauwerk vollbracht (BZ 06.09.89: 3).

2.2. Какие фазы развития проходит народ?

Народ в своей истории переживает счастливые и несчастливые моменты:

Das vor uns liegende Jahrzehnt kann für unser Volk das glücklichste dieses Jahrhunderts werden: es bietet die Chance auf ein freies und geeintes Deutschland in einem freien und geeinten Europa. Es kommt dabei entscheidend auf unseren Beitrag an (Kohl-Reden: 160).

Народ вершит революции, тем самым спасает свое существование и восстает из руин:

Jahrzehntelange Gängelung, Bespitzelung, Freiheitsberaubung, Korruption und Verlogenheit durch die SED-Diktatur und ihre Handlanger hatten die DDR in ein Armenhaus verwandelt. Das Volk hat sich zur Wehr gesetzt, die Fesseln in einer friedlichen, weltweit beachteten Revolution abgestreift. Jetzt, 40 Jahre nach der Gründung der DDR, kann es endlich heißen: «auferstanden aus Ruinen (OppDDR: 1).

Есть определенные периоды, когда народ болеет:

Das Zehn-Punkte-Programm, das heute vorgestellt wurde, ist eine Variante davon. Das alles soll nach dem Motto geschehen: am bundesdeutschen Wesen soll das Volk genesen (BTP 28.11.89: 13542).

2.3. При каких условиях существует народ?

Бывают моменты, когда народ теряет достоинство, но одно из необходимых условий су-

ществования народа – это его воля к борьбе за свои права:

Wir sind lange ein Volk scheinbar ohne Würde gewesen, oder ohne aufrechten Gang. Die nächsten Wochen und Monate können zeigen, daß in diesem Volk noch eine ganze Menge drin steckt. Und ich glaube, da steckt noch eine Menge drin. (OppDDR 1989: 51).

2.4. Какие условия способствуют приумножению народа? Каким образом, по каким причинам и как это происходит?

Объединение народа способствует его приумножению, которое происходит по-разному, в случае ГДР и ФРГ – мирной революцией:

Die Zweistaatlichkeit Deutschlands wird am 3. Oktober beendet sein. Von diesem Zeitpunkt an wird es nur noch ein deutsches Parlament und nur noch eine deutsche Regierung geben, die für Deutschland und für das ganze deutsche Volk sprechen können. Damit, meine Damen und Herren, geht ein Ziel in Erfüllung, für das wir, die Union, über die Jahrzehnte hinweg ohne Schwanken eingetreten sind, seitdem es uns gibt (BTP 23.08.90: 17449).

2.5. Какие обстоятельства приводят к распаду народа? Каким образом это происходит?

В данном дискурсе все обстоятельства, ведущие к распаду, уничтожению, запугиванию народа, сводятся к диктатуре СЕПГ в ГДР:

Diese, unsere Wahl bedeutet Kampf gegen jene Kräfte und Machtstrukturen, die 40 Jahre lang das Land beherrschten, die Wirtschaft und das Land ruinierten, die fortschrittlichen Menschen und andersdenkende in Gefängnisse warfen, sie demütigten und hunderttausende zu einer Massenflucht trieben und das Volk lange Zeit durch eine Angstpsychose zu beherrschen glaubten (BZ 01.03.90: 1).

Правительство ГДР рассматривало народ как своих крепостных:

Nahezu 30 Jahre hat eine sich selbst an die Macht gehobene Politbürokratie 16 Millionen Menschen wie Leibeigene gehalten, hat sie ein ganzes Volk eingemauert und mit einem nahezu perfekten System der Bespitzelung und Denunziation in Schach gehalten. Hat sie Widersetzige eingesperrt und anschließend wie Sklaven verkauft, des Landes verwiesen oder mittels einer allgegenwärtigen Kaderbürokratie in die Asozialität gedrängt. Sie hat das Volk ausgebeutet, sich an seiner Arbeit bereichert, persönlich und durch ein verzweigtes System von Privilegien und Korruption. Für ihre Villen und Feste verbubelten sie die von uns hart erwirtschafteten Devisen. Derweil verkamen ganze Städte, Landschaften und Betriebe (OppDDR 1989: 982).

Народ ГДР не имел права свободно выбирать – все было уже решено и регламентировано руководством СЕПГ:

Zur Wahl stellten sich nämlich nur die in der Nationalen Front zusammengeschlossenen Parteien und Massenorganisationen unter Führung

der SED. Die Zusammensetzung des Parlaments war nach einem festen Schlüssel bereits vor der Wahl festgelegt worden, das Volk somit zum «Stimmvieh» degradiert (MM 13.03.90: 4).

3. Миссия народа

3.1. В каких общественных процессах народ играет важную роль?

В дискурсе объединения Германии подчеркивается решающая роль жителей ГДР в данном процессе путем мирной революции:

Doch die Krise der DDR ergibt sich nicht mehr aus der Summe ihrer gravierenden Einzelprobleme. Sie wird vielmehr überwölbt von der Veränderung der Volksbewegung. Das Volk hat die Mauer eingerissen, die Partei in die Auflösung getrieben und ihre Späher arbeitslos gemacht. Im atemberaubenden Prozeß der Befreiung haben sich die ursprünglich von den intellektuellen Wortführern der Revolution propagierten Formen aufgelöst, die Inhalte verflüchtigt (TAZ 31.01.90: 64);

Im Herbst 1989 erzwang das Volk der DDR spontan den politischen Umbruch, auf der Straße, in Kirchen, durch den nicht enden wollenden Exodus Hunderttausender vor allem junger Menschen (VT 05.04.90: 5).

3.2. Какие цели преследует народ в данных общественных процессах?

Цель народа на первом этапе осенних демонстраций в Лейпциге – улучшение условий жизни народа ГДР, признание правительством демократических прав народа:

Da hat sich denn ein Volk entschlossen, die Verhältnisse seines Lebens völlig zu verändern. Eines wußte dieses Volk. Es konnte und wollte nicht mehr so leben wie in den vergangenen 40 Jahren. Wie das künftige Leben aussehen sollte, schien mehrheitlich klar. So wie die Bündis, so etwa wollte man leben, vor allem nicht mehr Mensch zweiter Klasse sein, sondern anerkannt und frei sein, gehen wohin man will (BZ 24.07.90: 9);

Informationsfreiheit und Meinungsfreiheit, Pluralismus und Reisefreiheit und demokratische Wahlen in der DDR – das sind die Forderungen. Das Volk der DDR will Demokratie, Selbstbestimmung und eine soziale Gesellschaftsordnung (BTP 08.11.89: 13038);

Wir sind das Volk, wir sind die Kraft, die hier die neue Freiheit schafft! (LDB 20.11.89: 118).

На более поздних демонстрациях жители ГДР выступают уже за объединение двух немецких государств и, следовательно, за воссоединение немецкого народа:

Wir sind ein Volk und wollen ein Deutschland! (LDB 11.12.89: 154);

Wir sind ein Volk, wir fordern Wiedervereinigung beider deutscher Staaten! (LDB 11.12.89: 154).

3.3. Какие средства использует народ при выполнении своих функций?

Жители ГДР выходят на улицы городов и борются за свои права в массовых демонстрациях:

Wenn's Volk nicht auf der Straße wär, wo kämen dann Reformen her? (LDB 06.11.89: 90);

Nicht zuletzt, meine Damen und Herren, schulden wir herzlichen Dank unseren Landsleuten in der DDR: den Menschen in Berlin, in Leipzig, in Dresden, in Halle, in Chemnitz und in Plauen, die mit ihren Parolen «wir sind das Volk» und «wir sind ein Volk» mehr als alle anderen getan haben, um diese Chance für Deutschland zu erringen (BTP 15.02.90: 15103).

4. Немцы как народ

4.1. Являются ли немцы народом?

Немцы на Востоке и Западе воспринимают себя как единый народ:

Die Berlinerinnen und Berliner aus dem Osten und Westen Berlins, die Deutschen aus dem Osten und Westen unseres Vaterlands, die sich in den letzten Tagen getroffen haben, haben doch deutlich gemacht: wir sind ein Volk! (BTP 16.11.89: 13356).

Немцы – народ, который, чтобы завершить процесс объединения Германии, надеется на поддержку своих соседей:

Wir Deutsche sind ein Volk. Wir dürfen von allen Nachbarn, Partnern und Freunden erwarten, daß sie unseren Wunsch, die Einheit unseres Vaterlandes in Freiheit zu vollenden, unterstützen. Wir akzeptieren unsererseits, daß die deutsche Frage und ihre Lösung nicht allein uns Deutschen gehören (BTP 21.06.90: 17143).

Другие народы также признают принадлежность жителей ГДР и ФРГ к одному народу:

Die Grenzen gingen auf und die Menschen von diesseits und jenseits fielen sich um den Hals. Wir haben es am Fernsehschirm gesehen, und mit uns die ganze Welt. Das Ereignis vollzog sich spontan, frei von jeglicher Ideologie. Seither weiß die Welt und wissen auch wir wieder: die Bewohner der DDR und der Bundesrepublik Deutschland gehören zum selben Volk, sie sind Deutsche (RM 27.04.90: 19).

Массовые демонстрации способствовали объединению немецкого народа:

Die Menschen vom Oktober sind nicht mehr auf der Straße. Neue Demonstranten mit ganz anderen Losungen beherrschen die Szene. Es heißt: «Deutschland einig Vaterland» und «wir sind ein Volk!» (OppDDR 1989: 3).

4.2. Какие синонимы, наряду со словом «народ», используются для обозначения граждан Германии?

Как и в субдискурсе ГДР, в данном дискурсе на первоначальном этапе сохраняется обозначение «народ ГДР», который образует социалистическую нацию (из идеологической доктрины СЕПГ):

Im Gegensatz zur BRD, wo die bürgerliche Nation fortbesteht, entwickelt sich bei uns die sozialistische Nation... Die sozialistische Nation ist eine von antagonistischen Widersprüchen freie, stabile Gemeinschaft freundschaftlich verbundener Klassen und Schichten, die von der Arbeiterklasse und

ihrer marxistisch-leninistischen Partei geführt wird. Sie umfaßt das Volk der Deutschen Demokratischen Republik und ist gekennzeichnet durch den souveränen sozialistischen Staat auf deren Territorium (BZ 22.07.89: 10).

Народ ГДР должен выйти на улицу, чтобы добиться своего признания:

Das «Staatsvolk der DDR» muß auf die Straße gehen, um sich als Volk zu erkennen. Und dies ist für mich der wichtigste Satz dieser letzten Wochen - der tausendfache Ruf: wir – sind – das – Volk! (OppDDR: 23).

Народ ГДР является частью немецкого народа:

Und aus dem Ruf «wir sind das Volk!» erwuchs der Ruf «wir sind ein Volk!». Das Volk in der DDR konstituierte sich als Teil eines Volkes, als Teil des einen deutschen Volkes, das wieder zusammenwachsen soll (VT 19.04.90: 41).

4.3. Существует ли немецкий народ?

Как показывают данные из предыдущих слотов, не существует народа ГДР или ФРГ, а существует единый немецкий народ:

Es gibt kein Volk der DDR oder ein Volk der BRD, es gibt nur ein deutsches Volk! (LDB 04.12.89: 141);

Stalins Wort: «Die Hitler kommen und gehen, das deutsche Volk aber wird bleiben» war einleuchtend, die deutschen Stalinisten «operierten» damit und die hoffnungsvollen Antifaschisten nährten daraus ihren Willen zum Neubeginn (ND 09.04.90: 3).

4.4. Из кого состоит немецкий народ?

Немецкий народ состоит, прежде всего, из жителей Восточной и Западной Германии:

Mut, Zuversicht, Zukunft – das ist die Devise. Die Deutschen in der DDR wollen frei leben, frei arbeiten und frei verdienen. Die Deutschen in der Bundesrepublik werden dabei helfen. Wir sind ein Volk und das so künstlich getrennte Volk wächst bei der Arbeit zusammen (Bild 11.11.89: 32);

Wir sind ein Volk, wir fordern Wiedervereinigung beider deutscher Staaten! (LDB 11.12.89: 154).

4.5. Какими характеристиками обладает немецкий народ?

Немецкий народ обладает такими качествами, как *Mut, Entschlossenheit, Kraft und Reife* (Leipziger Volkszeitung 06.01.90: 13); *Entschlossenheit und Entschlußkraft* (Bild 15.02.90: 6).

Но одно из важнейших качеств немецкого народа – это воля к свободе, которую не смогла подавить диктатура СЕПГ:

Über 40 Jahre sozialistisch-kommunistische Zwangsdiktatur der SED haben es nicht vermocht, den Freiheitswillen im deutschen Volk auszurotten (VT 12.04.90: 26).

4.6. Какую роль играет немецкий народ в общественных процессах страны?

Как уже было сказано, важнейшую роль немецкий народ сыграл в процессе объединения Германии:

Unter dem Verfassungsprinzip der Volksherrschaft müsse das Volk selbst aussprechen, daß es nach einer konkreten Verfassungsordnung leben wolle. Der Ruf «wir sind das Volk», der die Revolution in der DDR bewirkt habe, dürfe im Einigungsprozeß an dieser Stelle nicht verlorengehen (FR 24.04.90: 4).

Всему немецкому народу суждено закончить процесс объединения Германии путем свободного самоопределения:

Das gesamte deutsche Volk bleibt aufgerufen, in freier Selbstbestimmung die Einheit und Freiheit Deutschlands zu vollenden (VT 08.08.90: 1301).

Следующий пример показывает в очередной раз, что в дискурсе ФРГ концепт VOLK не играл такой важной роли, как в дискурсе ГДР и в дискурсе объединения Германии:

Nicht das demokratische Beispiel, das die Leipziger mit ihren tapferen Demonstrationen gaben, stellt sich als ihr wichtigster Beitrag, sondern die Tatsache, daß sie das Wort «Volk» ins Westfernsehen brachten. Während sie sich von der Angst vor dem Zugriff der allgegenwärtigen Staatsmacht befreiten, vollbrachten sie ein Befreiungswerk nicht nur für sich selbst... sie lösten auch den Bundesdeutschen die Zunge (RM 30.03.90: 32).

В новогоднем обращении переходного правительства ГДР (М. Герлах, Г. Модров, Г. Малехуда) от 31 декабря 1989 года речь шла о народе как о носителе верховной власти:

Das Volk braucht keine Belehrungen, keine politischen Missionare, keine selbstgerechten Moralapostel. Das Volk handelt als Souverän (LVZ 30./31.12.1989: 1).

Временное правительство страны идет на сближение обоих немецких государств:

Bleiben wir dabei, Mitbürgerinnen und Mitbürger, hier gemeinsam ein neues Kapitel deutscher Geschichte zu schreiben, ein Kapitel ohne Blut und Eisen, ein Kapitel des Volkes für das Volk (LVZ 30./31.12.1989: 1).

В новогоднем обращении канцлера ФРГ Гельмута Коля от 31.12.1989 г. основной темой становится процесс объединения немецких государств:

In meinem Zehn-Punkte-Programm zur deutschen Einheit habe ich den Weg aufgezeigt, wie das deutsche Volk in freier Selbstbestimmung seine Einheit wiedererlangen kann (NA Kohl 3.01.1990: 1).

В конце своего обращения Коль подчеркивает, что наступающее десятилетие может стать для немецкого народа самым счастливым:

Das vor uns liegende Jahrzehnt kann für unser Volk das glücklichste dieses Jahrhunderts werden: Es bietet die Chance auf ein freies und geeintes Deutschland in einem freien und geeinten Europa. Es kommt dabei entscheidend auf unserem Beitrag an (BU 3.01.1990: 2).

В проанализированном новогоднем обращении 1989 года наблюдается не количествен-

ное, а качественное употребление концепта VOLK. Преобладающим признаком исследуемого концепта становится признак «das deutsche Volk als Träger der deutschen Nation», подчеркивающий важность объединения и единства немецкого народа. Построенная фреймовая структура лингвоидеологического концепта VOLK позволяет выделить следующие концептуальные признаки, актуализированные в дискурсе объединения Германии:

1. Volk als Werktätige, als Träger des Sozialismus unter Führung der Partei der Arbeiterklasse, der SED (im Gegensatz zur Klasse der Ausbeuter, der Kapitalisten).

2. Volk als Souverän, als Träger der Demokratie (im Gegensatz zu den Machthabern).

3. Volk als Staatsvolk der DDR, d.h. Bevölkerung, Staatsbürger, Wahlbürger, Bürger der DDR (im Gegensatz zum Staatsvolk der BRD und anderen Staatsvölkern).

4. Volk als die Nicht-Herrschenden (im Gegensatz zu den Herrschenden, zur Obrigkeit).

5. Volk als die Masse der einfachen Leute (im Gegensatz zur Elite, zu den Intellektuellen).

6. Das deutsche Volk als Träger der deutschen Nation (im Gegensatz zu anderen Völkern).

Среди данных признаков лингвоидеологического концепта VOLK в дискурсе объединения Германии следует особо выделить следующие дискурсообразующие признаки: WIR, TRÄGER DER DEUTSCHEN NATION, EINHEIT, WIEDERVEREINIGUNG, DEMOKRATIE. Представляется возможной другая классификация признаков исследуемого концепта, осмысляемых и вербализуемых:

– правительством ГДР и партийным руководством СЕПГ: FREIHEIT, NEUES LEBEN, SICHERHEIT, FRIEDEN, SOZIALISMUS, MENSCHENWÜRDE, DEMOKRATIE, RECHT;

– народом ГДР: WIR, WENDE, SUBJEKT DER POLITIK, SELBSTBESTIMMUNGSRECHT, SED-DIKTATUR, UMBRUCH, STIMMVIEL, MENSCH ZWEITER KLASSE, INFORMATIONSFREIHEIT, MEINUNGSFREIHEIT, REISEFREIHEIT, DEMOKRATISCHE WAHLEN, WIEDERVEREINIGUNG, EINHEIT, SOUVERÄN, EIN FREIES UND GEEINTES DEUTSCHLAND.

Проанализированный эмпирический материал и смоделированный фрейм исследуемого концепта позволяют сделать вывод о том, что дискурс объединения Германии является поворотным в функционировании лингвоидеологического концепта VOLK в политическом дискурсе Германии. Во-первых, концепт VOLK является дискурсообразующим в данном субдискурсе, то есть одним из центральных концептов дискурса объединения Германии, который актуализируется как субъектами (правительством и политиками), так и объектами политики (простым народом). Об этом свидетельствует проанализированный корпус примеров.

Во-вторых, проведенное исследование позволяет выявить следующие периоды в идео-

логической эволюции концепта VOLK: интенсивная идеологизация, идеологическая редукция и деидеологизация [Хохлов 2008: 164-165]. В дискурсе объединения Германии наблюдается активный процесс идеологической редукции и начало деидеологизации лингвоидеологического концепта VOLK. Если в дискурсе национал-социализма и дискурсе ГДР, благодаря влиянию идеологий, в данном концепте преобладала идеологическая составляющая, то в политическом дискурсе ФРГ наблюдается тенденция к постепенной идеологической редукции и деидеологизации концепта VOLK, которая окончательно проявляет себя в дискурсе объединения Германии. Отрицание социалистической морали провоцирует отказ от сложившейся системы ценностей, поэтому концепт VOLK утрачивает свои идеологические признаки.

Этап редукции характеризует деформация идеологических констант и обусловлен фрагментарным пересечением семантических зон дискурсообразующих концептов, а также наличием признаков, свидетельствующих о кризисе социалистической системы ГДР. Деидеологизация характерных идеологических ценностей и предпочтений, на которых базируется мировоззрение жителей ГДР, обусловила разрушение идеологически заданной структуры концепта VOLK. Это подтверждается тенденцией к постепенному и постоянному сужению идеологической составляющей данного концепта и преобладанию его базисно-нейтральной составляющей.

Таким образом, на основе разработанной фреймовой модели концепта VOLK, стало возможным проследить его идеологическую эволюцию в дискурсе объединения Германии и на основании этого выделить определенные идеологические признаки, образующие его идеологический компонент в исследуемом дискурсе. Полученные результаты свидетельствуют об идеологической природе концепта VOLK в немецком политическом дискурсе и не позволяют констатировать полную деидеологизацию данного концепта в политическом дискурсе Германии XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

Каменева В.А. Лингвокогнитивные средства выражения идеологической природы публицистического дискурса: (на материале американской прессы): монография. – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2006. 236 с.

Филиппова М.А. Идеологический концепт «демократия» (на материале лингвокультуры США): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Волгоград, 2007. 20 с.

Хохлов Д.В. Лингвоидеологический концепт VOLK: генезис и актуализация в немецком политическом дискурсе XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 2008. 206 с.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография. – Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.

Christmann T. Volksdemokratie kontra Demovolk – Bedeutungswandel politischer Leitwörter am Beispiel der Wendeparolen // Vor dem Karren der Ideologie. DDR-Deutsch und Deutsch in der DDR [hrsg. K. Sievert] – Münster, München : Waxmann, 2004. S. 299-315.

Fraas C. Gebrauchswandel und Bedeutungsvarianz in Textnetzen. Die Konzepte IDENTITÄT und DEUTSCHE im Diskurs zur deutschen Einheit. – Tübingen: Narr, 1996. 175 S.

Fraas C. Schlüssel-Konzepte als Zugang zum kollektiven Gedächtnis – Ein diskurs- und frameanalytisch basierter Ansatz // Deutsche Sprache. 2005. № 3/05. S. 242-257.

Hahn S. Vom zerrissenen Deutschland zur vereinigten Republik. Zur Sprachgeschichte der «deutschen Frage» // Kontroverse Begriffe. Geschichte des öffentlichen Sprachgebrauchs in der Bundesrepublik Deutschland [G. Stötzel, M. Wengeler] – Berlin: de Gruyter, 1995. S. 285-353.

Herberg D. Schlüsselwörter – Schlüssel zur Wendezeit // Das 20. Jahrhundert. Sprachgeschichte – Zeitgeschichte [hrsg. H. Kämper und H. Schmidt] – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1998. S. 330-344.

Konerding K. Frames und lexikalisches Bedeutungswissen. Untersuchungen zur linguistischen Grundlegung einer Frametheorie und zu ihrer Anwendung in der Lexikographie. – Tübingen: Niemeyer, 1993. 492 S.

Polenz P. von. Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart // in 3 B. B. 3. Das 19. und 20. Jahrhundert [P. von Polenz] – Berlin, New York: de Gruyter, 1999. 757 S.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ И ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

(Bild) Bildzeitung (Tageszeitung) URL: Das Wendekorpus von IDS. – <http://www.ids-mannheim.de> (15 апр. 2008)

(BSB) Berliner StaatBlatt (Sozialdemokratisches Informationsblatt) URL: Das Wendekorpus von IDS. – <http://www.ids-mannheim.de> (15 апр. 2008).

(BTB) Berliner Tagesblatt. Morgen-Ausgabe URL: Das Wendekorpus von IDS. – <http://www.ids-mannheim.de> (15 апр. 2008).

(BTP) Bundestagsprotokolle URL: Das Wendekorpus von IDS. – <http://www.ids-mannheim.de> (15 апр. 2008).

(BU) Bulletin der Bundesregierung. In 51 Bd. – Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1949-2000. CD-Rom.

(BZ) Berliner Zeitung (Tageszeitung) URL: Das Wendekorpus von IDS. – <http://www.ids-mannheim.de> (15 апр. 2008)

(FR) Frankfurter Rundschau. Zeitung für Deutschland URL: Das Wendekorpus von IDS. – <http://www.ids-mannheim.de> (15 апр. 2008).

(LDB) Leipziger Demontagebuch / zsgest. und mit einer Chronik von Wolfgang Schneider. 2. Aufl. – Leipzig u.a.: Kiepenheuer, 1990. 184 s.

(LVZ) Leipziger Volkszeitung URL: Das Wendekorpus von IDS. – <http://www.ids-mannheim.de> (15 апр. 2008).

(MM) Mannheimer Morgen. Unabhängige Tageszeitung URL: Das Wendekorpus von IDS. – <http://www.ids-mannheim.de> (15 апр. 2008).

(ND) Neues Deutschland. Organ des Zentralkomitees der SED. – Berlin : SED, 1950-1990.

(NA) Neujahrsansprachen: Bulletin der Bundesregierung. – Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1933-1990. CD-Rom.

(OppDDR) Die Opposition in der DDR: Entwürfe für einen anderen Sozialismus [hrsg. G. Rein] – Berlin: Freiheit, 1989. 156 S.

(RM) Rheinischer Merkur. Wochenzeitung für Politik, Wirtschaft, Handel und Kultur URL: Das Wende-

korpus von IDS. – <http://www.ids-mannheim.de> (15 апр. 2008)

(TAZ) Tageszeitung URL: Das Wendekorpus von IDS. – <http://www.ids-mannheim.de> (15 апр. 2008).

(VT) Volkskammertagungen (Protokolle) URL: Das Wendekorpus von IDS. – <http://www.ids-mannheim.de> (15 апр. 2008).

(WE) Welt. Die Zeitung URL: <http://www.ids-mannheim.de> (15 апр. 2008).

(Wopo) Wochenpost (Wochenzeitung) URL: Das Wendekorpus von IDS. – <http://www.ids-mannheim.de> (15 апр. 2008).

© Хохлов Д.В., 2010

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Борискина О.О.
Воронеж, Россия

Boriskina O.O.
Voronezh, Russia

ЕЩЕ ОДИН ПОДХОД
К ИЗУЧЕНИЮ МЕТАФОРИКИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

AN APPROACH
TO THE STUDY OF METAPHOR
IN POLITICAL DISCOURSE

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

ГСНТИ 16.21.51, 16.21.47, 16.21.39

Код ВАК 10.02.01

Аннотация. В статье на конкретном примере рассматриваются основания выделения скрытого именованного класса (криптокласса) английского языка. Предложен алгоритм реконструкции, позволяющий систематизировать и количественно оценивать сведения о метафорике политического дискурса.

Abstract. The paper illustrates an algorithm for analysis of distribution of abstract nouns in cryptotypes of the English language, suitable for computational realization and evaluation of data, and applicable for the research in Metaphor Studies in Political Linguistics.

Ключевые слова: скрытый именной класс, сочетаемость, электронные текстовые корпуса, метафора

Key words: cryptotype, collocational preferences, corpora, metaphor

Сведения об авторе: Борискина Ольга Олеговна, кандидат филологических наук, доцент.

About the author: Boriskina Olga Olegovna, candidate of philology, associate professor.

Место работы: Воронежский государственный университет.

Place of employment: Voronezh State University.

Контактная информация: E-mail: olboriskina66@mail.ru

Метафорика политического дискурса – многолетний предмет лингвистических штудий независимо от теоретических подходов и практических интересов исследователя. И если концептуальный и лингвокультурологический анализ метафорики по праву можно считать сложившимися, твердо «стоящими на ногах» и популярными (признанными в научных кругах) методами, то криптоклассный анализ, речь о котором пойдет в этой статье, только формируется в рамках проекта кафедры теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета. При создании «еще одного» подхода к изучению метафорики естественного дискурса мы попытались синтезировать опыт по изучению скрытых категорий грамматики [см., напр., Whorf 1956; Кацнельсон 1972]) описанию словарных категорий [см., напр., Основы Африканского языкознания 1996], метафорических моделей [Lakoff & Johnson 1980; Dixon, 1986; Lakoff, 1987; Kövecses 2002, 2005; Cohen & Lefebvre 2005, Grady 1997 и др.] и языковой категоризации мира [см., Арутюнова 1976, 1987, 1990; Успенский 1979] и направить наши усилия на разработку практических приложений в сфере автоматической обработки текста (natural language processing).

Политический дискурс стал средой нашего анализа при выявлении криптоклассных особенностей имен английского языка *crisis* и *recession* [Boriskina 2009]. Как это ни парадоксально, но поразивший в начале нового тысячелетия мировую экономику и политику кризис стал источником вдохновения для лингвистов (см., например, статьи [Шмелева 2009, Башкова 2009] во втором номере журнала «Политическая лингвистика»). Несмотря на то, что наше

исследование нацелено, в первую очередь, на компьютерную реализацию именной таксономии, алгоритм реконструкции криптоклассов с успехом может быть применен и для исследований в области политической лингвистики (см., напр., работу [Борискина 2008] о распределении имен социо-политических явлений *politics*, *riot*, *law* и др. в криптоклассах английского языка). В этой статье мы на конкретном примере рассмотрим алгоритм выделения криптокласса.

1. Краткое ознакомление с предметом исследования. Исследование криптоклассов имен английского языка (Исследование проводится на материале национальных корпусов British National Corpus (BNC) и Corpus of Contemporary American English (COCA)) предполагает выделение самих криптоклассов и последующее изучение распределения имен в выделенных криптоклассах. Предметом исследования является лексико-синтаксическая сочетаемость, которая дает возможность выделить в английском языке серию скрытых именных классов (криптоклассов имен). Криптокласс имен можно определить как скрытый лексико-грамматический класс, лишенный морфологической маркировки и объединяющий имена в соответствии с принципом *лексической распределенности*. Суть принципа *лексической распределенности* состоит в следующем: имена распределяются по классам в соответствии с семантическими признаками при обязательной выраженности классной принадлежности имени в структуре предложения через *лексический* классификатор (представленный словоформой или являющийся частью синтаксической конструкции). Для имен одного криптокласса характерны сходства сочетательных предпочтений. Такие сходства основаны на единстве признака

глубинной семантики имен, обусловленного наивной когнитивной категоризацией человеческого опыта.

Важным необходимым и достаточным условием выделения криптокласса имен следует считать наличие явного (морфемно-выраженного) класса хотя бы в одном языке мира. Иными словами, сравнение криптоклассов одного языка с фенотипами (явными грамматическими классами) других языков является не только способом обнаружения, своего рода подсказкой, что искать, но и, по сути, способом лингвистической (т.е. типологической) легитимизации криптокласса.

При внимательном рассмотрении данное определение криптокласса соотносится с теорией именных классов в работах В.А. Виноградова [Виноградов 1996, 1998]. Специфика криптокласса состоит в том, что имя может быть распределенным по криптоклассам, т.е. принадлежать более чем одному криптоклассу, причем в разной мере; тогда как в речи оно принадлежит (обычно, но не обязательно) одному, но из целого набора криптоклассов, к тому же, каждому из криптоклассов своего набора принадлежит с разной вероятностью. Хотя принадлежность имени к криптоклассу может меняться с каждым словоупотреблением, набор криптоклассов, в которые входит это слово *о г р а н и ч е н*. Если представленность имени в каждом криптоклассе расценивать как его отдельную *криптоклассную проекцию*, то допустимо описание и сравнение разных криптоклассных проекций имени. В разделе 4 мы рассмотрим данные положения на примере имени *rain*.

Прикладная ценность криптокласса, выделение которого фактически основано на метафорической и сочетательной гомологии его членов, заключается, в возможности *количественного* измерения криптоклассного членства. Иными словами, выделение криптоклассов рассчитано на качественно-количественное описание системных и синтагматических свойств имен. Криптоклассный анализ также позволяет устанавливать иерархию метафор в языковой категоризации непредметных существей путем сравнения количественных показателей разных *криптоклассных проекций* обозначающих их имен. Кроме того, криптокласс может служить целям прогнозирования сочетательной динамики имен.

2. Алгоритм реконструкции криптокласса. В самом общем виде действия исследователя по выявлению криптокласса имен можно описать через серию этапов.

Этап 1. Выявление и обоснование системообразующего признака, который положен в основание выделения явных грамматических именных классов других языков. Вопросам семантики классификационных категорий и именной грамматики много внимания уделяется в Институте языкознания РАН. В частности, кол-

лективная монография «Основы Африканского языкознания» под редакцией акад. В.А. Виноградова содержит много интересных наблюдений в области именной грамматики языков Африки, которые нашли отражение в нашем исследовании при обосновании системообразующих признаков криптоклассов.

Этап 2. Формирование набора классификаторов криптокласса. Для этих целей мы используем данные этимологии. О целесообразности сближения этимологии с типологическими студиями говорил Ю.Д. Апресян. О диахроническом исследовании языкового материала средствами исторической лексикологии и этимологии см., напр., работы Ж.Ж. Варбот. Такие данные позволяют понять «традиционную» сочетаемость. Поскольку криптоклассная классификация сложилась давно и отразилась в традиционной сочетаемости, необходимо попытаться представить семантику слов на время формирования криптокласса, или, по крайней мере, на время как можно более близкое к его формированию. В исследовании используются данные этимологического словаря английского языка [Oxford English Dictionary, CD, Version 3.1] и модели глагольного управления [Grammar Patterns 1: Verbs.1996. The University of Birmingham, COBUILD, HarperCollins Publishers].

Этап 3. Извлечение контекстов анализируемых имен из корпусов английского языка. Фильтрация материала (отсев материала нерелевантного целям исследования).

Этап 4. Накопление материала исследования и его систематизация в таблицах. Формирование базы данных криптоклассного распределения анализируемых имен.

Этап 5. Количественная обработка материала. Выделение ядра и периферии криптокласса и классификаторов.

Предлагаемый алгоритм реконструкции криптокласса позволяет:

- выявлять круг криптоклассов для каждого данного существительного (или группы существительных),
- ранжировать («взвесить») его криптоклассы по вероятности появления в тексте,
- находить объяснение именно данному набору криптоклассов,
- получать и прогнозировать количественные изменения коллокационных (collostructional) предпочтений имен.

Этап 6. Лингвистическая интерпретация полученных результатов лежит за пределами алгоритма и относится к неформализуемой части исследования.

3. Реконструкция криптокласса «PENETRABILIS»

3.1. Остроконечная форма как семантическое основание криптокласса. Есть основание полагать, что остроконечность относится к тем системообразующим признакам, которые мифологическим мышлением, отраженным в

языке, были положены в основание выделения и понятийных категорий, и именных классов. Тот факт, что в некоторых языках, напр., в японском, бирманском, и ряде языков Африки этот признак имеет обязательное и регулярное выражение, т.е. формирует явный грамматический класс длинно-тонких (остроконечных) предметов следует считать легитимизацией криптокласса английского языка «PENETRABILIS».

Остроконечная форма обеспечивает высокую проникающую способность объекта, что имело особую значимость для выживания вида, в том числе и для продолжения рода. Ядро этого криптокласса образуют предметные имена, называющие вытнутые объекты стабильной формы окружающей человека действительности, включая и основные человеческие органы и органы животных: клыки, зубы, рога, бивни, клюв, когти, жало. Непредметная сущность «оформлялась» в языке как остроконечная, если человек в процессе познания ее свойств ощущал действие формы (*острая боль, мысль пронзила, воспоминания кольнули* и т.п.) или зрительно «обманывался» ее эффектом (*солнечный свет протыкает даль, метафора пронизывает язык*).

Как незримое силовое поле магнита делается видимым с помощью железных опилок, так и системообразующий признак глубинной языковой семантики динамически проявляется в глагольной распределенности. Если допустить, что «классы лексических элементов можно описать через синтаксис» (Апресян 1963: 109), и если признать за глаголом «функцию классификатора существительных» (Апресян 1967: 233, Кретов 1992: 110), то можно выявить (реконструировать) именные классы, характеризующиеся *глагольной распределенностью*. Так, если субъектную валентность (S-позицию) глаголов, в семантике которых находит отражение сирконстантная сема, указывающая на такой признак материальных объектов, как «остроконечность», считать *распределительной*, то класс лексических элементов (имен), способных замещать S-позицию таких глаголов, можно рассматривать как *криптокласс* английского языка «Остроконечное», в латинской традиции «PENETRABILIS». Иными словами, принадлежность имени криптоклассу задаётся словом-классификатором, точнее «узким классом, слов-классификаторов».

Классификаторы криптокласса. Для формирования кластера классификаторов обратимся к внутренней форме предикатных единиц, классифицирующая функция которых способна указывать на криптоклассную принадлежность имени (этимологические основания для выделения классификаторов не представляется возможным рассмотреть в рамках этой статьи). В число надежных классификаторов попали:

1. *to stab* (пырнуть, всадить, вонзить) ... *to pierce with a thrust of a pointed weapon*;
 2. *to prick* (колоть) – *to pierce with a sharp pointed object*;
 3. *to pierce* (прокалывать) – *to penetrate, to stab, prick, puncture, to make a hole in or through something with a pointed object*;
 4. *to puncture* (прокалывать) – *to prick with a sharp point*;
 5. *to punch* (компостировать) – *to stab, prick, pierce, puncture*;
 6. *to transfix* (пронзить) – *to pierce with a sharp pointed weapon*;
 7. *to stick* (втыкать) – *to pierce or stab with or with a pointed object*;
 8. *to spear* (пронзить копьем) – *to make a hole with the point*;
 9. *to point* (направлять концом остроконечного предмета на объект);
 10. *to be poignant* (быть острым) – *sharp pointed*;
 11. *to be sharp* (быть острым) – *sharp pointed*;
 12. *to be pungent* (быть острым) – *pricking, piercing, sharp-pointed, serving for puncture*;
 13. *to penetrate* (пронизывать) – *to find or force a way into or through (something) pierce, enter*;
 14. *to sting* (жалить) – *to pierce with a sharp pointed weapon, to prick with a small point*.
- Заметим, что, во-первых, словарные дефиниции этих предикатных единиц, описанные друг через друга, тавтологичны, что свидетельствует о семантическом родстве классификаторов. Во-вторых, большинство дефиниций содержит сирконстантную сему (*pointed shape* – форму с заостренным концом).
- На следующем этапе исследования мы получаем ответы на вопросы:
- Какие имена отвлеченного значения и в какой мере представлены в именном криптоклассе английского языка «PENETRABILIS»? Другими словами, какие непредметные сущности категоризируются в англоязычной культуре по образу и подобию остроконечных? Каким концептуальным абстракциям английский язык «приписывает» проникающую способность?
- Устройство криптокласса.** Скрытая криптоклассная активность имен проявляется в словотворчестве, поэтому для реализации предлагаемой методики необходимо изучение большого объема языкового материала, что позволяют сделать электронные корпуса. Корпусная проверка (British National Corpus <http://corpus.byu.edu/bnc>, Corpus of Contemporary American English <http://www.americancorpus.org>) сочетаемости абстрактных имен показала, что из почти пятисот абстрактных имён 19% (95 имён) обнаружили своё членство в криптоклассе «PENETRABILIS». Среди них: *hope, idea, industry, issue, knowledge, labour, light, love, memory, message, name, news, question, reason,*

thought, version, weight, death, desire, doubt, evidence, exchange, factor, failure, future, history, impact, incident, independence, light, language, laugh, leadership, mind, nation, pain, past, plan, practice, price, problem, rate, research, review, shock, sight, speech, spirit, statement, style, survey, theory, union, violence, view, work.

Рассмотрим, как устроен криптокласс. По своей природе это тематически разнородное полевое образование, членом которого системобразующий признак присущ в разной мере. Попробуем рассчитать меру представленности имен в криптоклассе и количественно описать их криптоклассную активность. Это отражает потребности современной науки, которая стремится представить каждый уровень языка в виде формализованного набора правил, который можно использовать при создании практических приложений в области обработки естественного языка. Лингвистическое описание языка приобрело дополнительную ценность в связи с решением конкретных задач создания, хранения и извлечения данных из корпусов, компьютерной обработкой текста и его порождением, а также установления человеко-компьютерного взаимодействия. Потребности формального описания именной семантики должны согласовываться с возможностями формализации недискретного смыслового континуума для компьютерного моделирования.

Теоретическая разработка *криптоклассного распределения имен* и практика корпусного исследования метафорической сочетаемости нацелены на возможность *компьютерной реализации криптоклассного моделирования* абстрактной лексики. В поисках путей формализации семантики и для составления лингвистических прогнозов нами вводятся величины, характеризующие криптоклассное бытие имени. Таким образом, количественный анализ словоупотребления позволяет охарактеризовать каждое имя с помощью набора числовых величин. Два количественных показателя мы получаем непосредственно из корпусов:

- *Сочетательная избирательность имени (СИ)* – частота замещений именем заданной позиции при одном классификаторе криптокласса.

- *Показатель криптоклассной активности имени (ПоКрАИ)* – частота замещений именем заданной позиции при всех классификаторах.

В то время как *индекс периферийности имени (ИПИ)* – численное значение удаленности абстрактного имени от ядра криптокласса вычисляем по формуле

$$ИПИ = \frac{K_y}{\sum K}$$

где K_y – количество классификаторов криптокласса, с которыми имя образует сочетания, $\sum K$ – общее количество классификаторов криптокласса.

В результате корпусного анализа контекстуального окружения имен, после двухэтапной полуавтоматической обработки данных, полученных по запросу пользователя, был сформирован корпус речевых свидетельств вхождения имен в криптокласс английского языка «PENETRABILIS». Количественные показатели криптоклассного вхождения используются для описания именной сочетаемости в статике и динамике.

4. Боль сквозь призму криптокласса «PENETRABILIS». Вполне ожидаемо, ближе других непредметных имен к ядру криптокласса расположено слово *pain* 'боль' (ИПИ 0,78). При этом, активность имени можно охарактеризовать как достаточно высокую для этого криптокласса (ПоКрАИ 746).

...a sudden spasm of pain pierced her heart; ...transfixed by the pain in her face as she sang → pain transfixed her face; then felt the pain spearing through him again; the pain of loss began to penetrate the crowds; pain was so pungent, as if a pointed instrument was being forced into the body; a sharp spear of pain stabbed me; A piercing stab of bright yellow pain; after the murder of his sister, pain punched him in the gut and consumed him with the desire for revenge; stabbing pain penetrates my right eye; as pain stung my kneecaps...; a numb pain stung him in the upper stomach and nauseated him.

Близость имени к ядру указывает на широкий диапазон *сочетательной избирательности имени*: *pain* замещает S-позицию одиннадцати из четырнадцати классификаторов. Самые высокие показатели рекуррентности наблюдаются с классификаторами *to stab* (СИ 98 сл/упомп.) и *to be sharp* (СИ 418).

A pain stabbed him as he thought about Tom being reunited with Nancy; the pain was sharp and searing.

Интересно, что в корпусе свидетельств замещения именем *pain* S-позиции глагола *to point* нет. Однако потенциально в системе это заложено: имя способно заместить эту позицию, стремясь к реализации своих криптоклассных интенций, поскольку в узусе английского языка наличествует субстантив *the point of pain*. *Ср., never stretch to the point of pain; a sudden sharp point of pain at the back of her head. It penetrated; Deliberately, the thin point of pain slid around her throat; almost immediately she felt a number of points of stinging pain; as I waited to feel it pierce me, I wanted it to pierce me, to feel the pain of its point more than to die.*

Соотношение индекса периферийности имени и его криптоклассной активности представляет собой взаимозависимость системных свойств имени и его употребления. Рассмотрим корреляцию системной значимости и коммуникативной востребованности данной криптоклассной проекции имени, что создает основания для прогнозирования сочетательной динамики слова. *Pain* находится на ближней периферии криптокласса,

максимально приближено к ядру и максимально активно. При таких показателях активности имени, казалось бы, создаются идеальные условия для проявления свободных валентностей имени образовывать сочетания с несвойственными ему ранее классификаторами данного криптокласса (*pain points, sticks, punctures*). Однако в силу сдерживающей функции устойчивой *сочетательной избирательности*, подобные потенциальные метафорические словосочетания не обязательно получают дискурсивную жизнь и могут не появиться в текстах. Таким образом, пока системная значимость имени поддерживается его устойчивой сочетательной избирательностью и уравновешена с ней, активность имени в криптоклассе будет проявляться в повышении показателей рекуррентности с присущими имени классификаторами. Например, согласно корпусным данным сочетательная избирательность именем *pain* глагола *to transfix* (СИ 1 сл/упомр.) является окказиональной, глагола *penetrate* (СИ 4 сл/упомр.) малоустойчивой. Такой потенциальный ресурс системы будет востребован при создании текстов с целью несилового, но сильного воздействия на сознание и мировоззрение потенциального адресата, т.е., в первую очередь, в политическом дискурсе.

При этом не следует забывать, что криптоклассные интенции имени могут реализовываться не только в его глагольной, адъективной, субстантивной сочетаемости, но и опосредованно, напр., *The pain is like a stab from a knife; *the pain left a deep scar on his heart; аналогично his wife's death left its scars on him.*

Показателен один контекст имени, иллюстрирующий действие закона не исключённого третьего в языке, где как бы накладываются разные криптоклассные проекции 'до боли' знакомого каждому ощущению. Ср., *the pain came in stabbing waves*. Такой комбинированный образ боли, которая приходит (*came*) к человеку подобно жидкости (*in waves*), но при этом и протыкает его своим острым концом (*was stabbing*), можно объяснить одновременным вхождением имени в три разных криптокласса английского языка. В сравнении с другими криптоклассными проекциями имени – «MOVENS» (ИПИ 0,38; ПоКрАИ 339) «LIQUIDUS» (ИПИ 0,50; ПоКрАИ 14) – «PENETRABILIS» можно оценить как максимально присущую имени *pain*, а значит и окончательная форма боли максимально культурно значима для англоязычного сознания.

Вместо заключения. Разработка методики описания криптоклассного распределения имен для целей формализации семантики абстрактной лексики находится в стадии «проб и ошибок». Работа по проекту продолжается, в предлагаемом подходе синтезируются лингвистические идеи, развитие и осмысление которых может обогатить как теорию языка, так и компьютерную обработку текстов на естественном языке.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики // Проблемы структурной лингвистики. – М. 1963. С. 102-148.

Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – М.: Наука, 1967.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976.

Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык. К проблеме языковой «картины мира» // Вопросы языкознания. 1987. №3. С. 33-43.

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М., 1990.

Башкова И.В. Существительное кризис в российских СМИ XXI века // Политическая лингвистика. 2009. №2(28). С. 68-72.

Борискина О.О. Моделирование синтагматической динамики слова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. №3. С. 64-69.

Варбот Ж.Ж. Диахронический аспект проблемы языковой картины мира // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8-10 июня 2002г.). – М.: 2003. С. 343-347

Виноградов В.А. Введение: именные категории в языках Африки // Основы африканского языкознания. Именные категории [Под ред. В.А. Виноградова] – М.: Аспект Пресс. 1996. С. 5-23.

Виноградов В.А. Семантика классификативных категорий // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. Т. 1. – М., 1998.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л. 1972.

Кретов А.А. Съедобное-несъедобное или криптоклассы русских существительных // Linguistica Silesiana, 1992. № 14. С.104-114.

Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 11. 1979.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург. 2001.

Шмелева Т.В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. №2(28). С. 63-67.

Boriskina O. A Cryptotype Approach to the Study of Metaphorical Collocations in English // Corpus-Based Approaches to Figurative Language. A Corpus Linguistics 2009. [Eds. J.Barnden, M. Lee, J. Littlemore, R. Moon, G. Philip, Al. Wallington. University of Birmingham] URL: <http://www.cs.bham.ac.uk/%7Eeamw/AuthorsTitles.html> (дата обращения 02.2010).

Dixon R.M.W. Noun classes and noun classification in typological perspective // Noun classes and categorization [Ed. by Frajzyngier] – Amsterdam; Philadelphia. 1986.

Grady J. Foundations of Meaning: Primary Metaphors and Primary Scenes. – Berkley: University of California. 1997.

Handbook of Categorization in Cognitive Science. [Eds. H. Cohen and C. Lefebvre. Elsevier Ltd.] – Oxford, UK. 2005.

Kövecses Z. Metaphor. A Practical Introduction. – Oxford: Oxford University Press. (2002).

Kövecses Z. Metaphor in Culture. Universality and Variation. – Cambridge University Press, Cambridge, UK. 2005.

Lakoff G., M. Johnson. Metaphors We Live By. – Chicago: The University of Chicago Press. 1980.

Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. – Chicago: The University of Chicago Press. 1987.

Whorf B. L. Language, Thought and reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. – Cambridge, Mass.: MIT Press. 1956.

© Борискина О.О., 2010

Иванова Е.В.
Челябинск, Россия

**ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ПРИРОДЫ
В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ**

УДК 81'42
ББК Ш 100.3

Аннотация. Статья посвящена проблеме языковой репрезентации природы в медийном дискурсе. В статье рассматривается метафорическое моделирование образов природы в немецких средствах массовой информации. Автор выявляет наиболее частотные метафорические модели и метафоры, посредством которых немецкие журналисты репрезентируют природу. Исследование проведено на материале немецкоязычных СМИ.

Ключевые слова: дискурс, когнитивная лингвистика, метафора, персонификация, природа, катастрофа, природная катастрофа, метафорическая концептуализация.

Сведения об авторе: Иванова Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, докторант. Место работы: Челябинский государственный университет.

Контактная информация: 454007, Челябинск, Грибоедова, д. 55А, кв. 13.
E-mail: elena-ivanova79@yandex.ru

Ivanova E.V.
Chelyabinsk, Russia

**PERSONIFICATION OF THE NATURE
IN MASS MEDIA DISCOURSE**

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. This article is devoted to the problem of verbal representation of the nature in mass media discourse. The focus is on the metaphorical modeling of the nature images in the German mass media. The author reveals the most frequent metaphorical models and metaphors that German journalists use for the representation of the nature. This investigation is based on the texts of German mass media.

Key words: discourse, cognitive linguistics, metaphor, personification, nature, catastrophe, natural disaster, metaphorical conceptualization.

About the author: Ivanova Elena Valerievna, Candidate of Philology, Associate Professor; Doctoral Student.

Place of employment: Chelyabinsk State University.

Современные исследования метафоры основываются на идее метафорического переноса, идущей ещё от Аристотеля. Полагая, что основу метафорического переноса составляет подобие между двумя предметами, и рассматривая подобие как основополагающее средство познания, Аристотель и его последователи отводили метафоре исключительную роль в отражении объективной действительности.

С формальной точки зрения метафорический перенос заключается в употреблении слова, предназначенного для обозначения одних объектов действительности, для наименования или характеристики других объектов на основании условного тождества приписываемых им предикативных признаков. В когнитивной лингвистике метафора трактуется как перенос когнитивной структуры, прототипически связанной с некоторым языковым выражением, из той содержательной области, к которой она исконно принадлежит, в другую область. При этом происходит проекция одной концептуальной области на другую, своего рода экспансия концептов области-источника, в результате которой происходит захват и освоение ими новой области — области-цели.

Дж. Лакофф и М.Джонсон [Лакофф, Джонсон 1990] предлагают следующую типологию концептуальных метафор:

1) структурные метафоры, метафорически структурирующие одно понятие в терминах другого;

2) пространственные метафоры (ориентационные), где главными являются параметры верх – низ, внутри – снаружи, над – под. В данном случае нет структурного упорядочивания

одного понятия в терминах другого, но есть организация целой системы понятий по образцу некоторой другой системы;

3) онтологические метафоры, представляющие в языке действия и события как объекты, деятельность как субстанцию, состояние как конте이너.

Подкатегорией онтологической метафоры является **персонификация**, которая заключается в наделении предметов и явлений природы свойствами живых существ, часто даже человеческими; способностью мыслить, чувствовать, говорить, антропоморфным обликом и т.д. Персонификация тесно связана с другими элементами религиозного мировосприятия (анимизмом, магией, фетишизмом) и вместе с ними входит в разные формы ранних религий.

Согласно проведенному исследованию [Иванова 2007], самая частотная метафорическая модель, представляющая в медийном дискурсе природные катастрофы, – это «Природная катастрофа – живой организм» (48%), которая является одновременно и самой продуктивной (40,3%) и доминантной (76,33%), т.е. представлена большим количеством метафорических выражений и лексем, получивших вторичное значение в процессе метафорического переноса, а также встречается в большем количестве проанализированных текстов.

Сферой-источником этой метафорической модели является «Живая природа» и составляющие её понятийные сферы «Животное» и «Человек». Традиции органистического мышления, представленного метафорами организма, растения, дерева, человека, имеет глубокие корни в человеческом сознании, человек всегда

чувствовал себя частью живой природы, искал в ней образцы для осмысления общественной жизни, природы и своего отношения к ним.

Концептуализация природных явлений как действующих лиц – это одна из самых распространённых концептуальных метафор в экологическом дискурсе, с помощью которой персонафицируется природа: «*Ein Hund lebt – ein Saphir nicht, ein wachsendes Blatt lebt – ein Stück abgebrochene Holzrinde nicht ... Was lebt und was nicht, ist mitunter nicht leicht zu verstehen. Aber zweifellos ist die Erde selbst ein Lebewesen. Die Erde lebt, wächst, speichert, wandelt sich so wie ein Baum, ein Tier, ein Mensch. Menschen wie Dinosaurier, Pflanzen wie Bakterien sind der Theorie gemäß nicht aus der toten Materie der Erde entstanden und damit von ihr unabhängiges Leben. Sie und wir sind vielmehr nur Ausdruck und Ergebnis des Lebewesens Erde – ein Zeichen deren eigenen Lebens. Es gibt keine tote Materie "Erde", die Erde lebt*» / «Собака живёт, сапфир – нет, растущий лист живёт, отломанная кора дерева – нет ... Что живёт, а что нет – не так просто понять. Не вызывает сомнения лишь то, что Земля – это живое существо. Земля живет, растёт, накапливает, изменяется, как дерево, животное, человек. Люди, как и динозавры, растения, как и бактерии, согласно теории, возникли не из мёртвой материи Земли и, вследствие этого, независимы от нее. Они и мы – скорее лишь выражение и результат деятельности живого организма, Земли, признак её собственной жизни. Не существует мёртвой материи Земли, Земля живёт» [Krumbeins, Levit 1997].

Природные катаклизмы, такие как землетрясения, наводнения, цунами, также являются результатом жизнедеятельности Земли. Земля в сознании человека всегда воспринималась как женщина. С тех пор как люди стали вести оседлый образ жизни и начали заниматься земледелием, они создали образ материнской, рождающей природы. В то время как небесные силы постепенно приобретали мужские качества, земля сохраняла свою женственность и защищала человека. Женские качества Земли опирались прежде всего на «женские» феномены: в земле есть пещеры, где темно и тепло, и чем глубже, тем теплее (жар ассоциировался с кровью). Там внутри происходит зачатие, там растут металлы, как на поверхности растёт всё органическое. Чрево земли представляли либо поглощающим и разрушающим, либо порождающим новую жизнь: Земля и даёт, и забирает, её чрево (вулканы) оплодотворяется божественным семенем, беременеет и вынашивает его плод.

Метафорическая модель «**Природная катастрофа – живой организм**» представлена в медийном дискурсе фреймами «Животное», «Человек» и «Болезнь».

1. **Фрейм «Животное».** Зооморфная метафора отличается высокой употребительностью и имеет широкие возможности для развёртывания метафорического фрейма.

Природная катастрофа представляется как голодное животное, способное сожрать, проглотить всё, что встречается на её пути: имущество человека, дома и автомобили, целые улицы и деревни и даже государственный бюджет. В процессе подводного землетрясения могут возникнуть и исчезать целые острова, что метафорически концептуализируется с помощью физиологической метафоры, при этом используются образы рождения и питания. Подобно некоторым животным, сжирающим своё потомство, море поглощает рождённую им же землю. Лексемы *verschlingen* (проглатывать), *schlucken* (глотать, проглатывать), *verschlucken* (глотать), *fressen* (пожирать), *reißen* (разрывать), *herunterschlucken* (проглатывать), *verzehren* (потреблять, проедать) концептуализируют природные катастрофы, уподобляя их голодным животным, и создают тем самым картину масштабных разрушений.

Зооморфная метафора позволяет также выразить особую агрессивность и безжалостность природы по отношению к человеку. Наиболее распространённые лексемы данного фрейма – *toben* (бушевать, неистовствовать), *zerstören* (разрушать), *wüten* (бушевать, свирепствовать), *rasen* (буйствовать, безумствовать), *tollwütig werden* (становиться бешеным), *die Wut* (ярость), *die Tollwut* (бешенство), *Flamme speien* (плевать огнём), *das Monster* (монстр), *den Rachen aufreißen* (раскрыть пасть) – приписывают воде и земле качества, характерные для диких животных или психически больных людей.

Разрушительная сила землетрясения ассоциируется в нашем сознании с монстром или чудовищем, которое оставляет после себя смерть, разруху и нужду. Подобные метафоры имеют ярко выраженный оценочный характер, вызывают отрицательные эмоции по отношению к природе, наказывающей людей такой жестокой катастрофой.

2. **Фрейм «Человек».** Человек с древних времён метафорически концептуализирует окружающую действительность в виде некоего подобия своего тела и составляющих его органов, своих физиологических действий и потребностей, своего поведения и поступков.

Сегодня природные катастрофы – чаще всего «виновники», «преступники». Хотя речь идёт об элементах, подчиняющихся лишь физическим законам, которые не имеют собственной воли и не способны к преднамеренным действиям, они метафоризируются в самых различных формах, и им имплицитно или эксплицитно приписываются различные действия, которые зависят от их «настроения» и «поведения».

Лексемы *zerstören* (разрушать), *ruinieren* (разорять), *angreifen* (разрушать), *vernichten* (уничтожать), *erschrecken* (пугать, запугивать), *gnadenlos* (беспощадный), *brutal* (грубый, бесчувственный), *hart* (жесткий, грубый), *rücksichtslos* (бесцеремонный), *etw. nehmen* (забирать), *wegnehmen* (отнимать), *ergreifen* (захватывать), *rauben* (грабить), *in Existenznöte stützen* (довести до бедственного положения), *wirtschaftliche Entwicklung zurückwerfen* (отбросить назад экономическое развитие), *erzwingen* (принуждать), *nötigen* (вынуждать), *auslachen* (высмеивать), *der Killer* (убийца), *töten* (убивать), *erschlagen* (убивать) концептуализируют наводнения и землетрясения, используя образы разрушения, уничтожения, принуждения. При этом природа смеётся над бесполезностью попыток человека противиться её мощи: **«Das Wasser lachte die menschliche Hilflosigkeit aus»** / **«Вода посмеялась над человеческой беспомощностью»** [Frankfurter Allgemeine Zeitung, 2003].

В ряде случаев антропоморфные метафоры представляют природные катастрофы как месть природы, которая не выдерживает напора, безрассудства, бездумного поведения человека и наносит ему ответный удар. Метафорический образ мстящей природы даёт нам возможность ощутить в полной мере значимость и опасность природных катастроф: **«Bei Flutkatastrophen in Asien starben Hunderte. Über 20 Millionen Menschen starben dort aus ihren Häusern fliehen. Vielleicht rächt die Natur uns und Überflutungen, Stürme und Tornados sind Todgesandte»** / **«Во время наводнений в Азии погибли сотни человек. Больше 20 миллионов человек были вынуждены покинуть свои дома. Возможно, природа мстит нам, и наводнения, ураганы и торнадо – это посланники смерти»** [Allgemeine Deutsche Zeitung, 23.5.2003].

Большинство слотов фрейма «Человек» представлено метафорическими выражениями с отрицательной коннотацией, что позволяет выразить особую агрессивность и безжалостность природных катастроф по отношению к человеку, но встречаются также примеры, в которых природные катастрофы представляются как нечто положительное, обладающее не только чудовищной разрушительной, но и созидательной силой. Землетрясения ответственны за создание нового ландшафта земной поверхности и могут не только нести разрушения и смерть, но и помогать человеку. Иногда наводнения наделяются положительными качествами, определённно присутствиями человеку: **«Der Main ist ein friedlicher Fluss, aber manchmal führt auch er Hochwasser»** / **«Майн – миролюбивая река, но иногда он тоже разражается наводнением»** [29.12.2004 <http://www.spiegel.de>] или **«Die jüngsten Erdbeben vor Sumatra gingen glimpflich aus»** / **«Последние землетрясения до Суматры были снисходительными»** [38/2007 <http://www.zeit.de>].

Этот слот формируют лексемы, обладающие положительной коннотацией: *schenken* (дарить), *das Geschenk* (подарок), *Geschenke machen* (делать подарки), *verantwortlich sein* (быть ответственным), *die Verantwortung* (ответственность), *friedlich* (миролюбивый), *helfen* (помогать), *retten* (спасать), *bewirten* (угощать), *etw. bereiten* (подготавливать) и др. Безусловно, природа что-то отнимает у человека, но делает это не со слепой яростью, круша все на своем пути, но и что-то даёт взамен.

2. Фрейм «Болезнь». Болезнь – заболевание, нарушение нормальной жизнедеятельности организма или работы какого-либо органа, расстройство здоровья; это способ самоочищения организма, процесс, в котором организм очищается и совершенствуется. Как расстройства человеческого тела служат определённым целям, так и «беспокойства» земли дают ей возможность созревать и совершенствоваться. Землетрясение называют лечебной лихорадкой земли, которая так же необходима, как лихорадка у человека, когда изгоняется всё вредное для организма, и его состояние улучшается.

Люди с давних пор считают явление землетрясения крайне болезненным процессом для земли, что находит непосредственное выражение в языке при описании звуков, которые издаёт земля, когда происходит эта катастрофа: *klagend* (жалобный), *Gestöhne* (стон), *Schmerz* (боль) и др.: **«Ich habe die ganze Zeit geweint und geschrien, aber die Erde hat auch gelitten. Sie hat vor Schmerz gestöhnt»**, sagte Hatice» / **«Я плакала и кричала все время, но земля также страдала, она стонала от боли»**, – сказала Хатис» [22.08.2003 <http://www.berlinonline.de>].

Лексемы *der Körper* (тело), *der Puls* (пульс), *krank sein* (болеть), *die Krankheit* (болезнь), *(vor Schmerzen leiden* (страдать от боли), *das Leiden* (страдание), *die Qual* (мучение), *sich quälen* (мучиться), *stöhnen* (стонать), *schreien* (кричать), *das Gestöhne* (стон), *die Wunde* (рана), *verwundet* (раненый), *brüllen* (рычать), *zittern* (дрожать), *der Ausschlag* (сыпь), *das Fieber* (лихорадка) и др. создают образ болезни Земли, но при этом нет речи ни о лечении, ни о предотвращении этого недуга, учёные-сейсмологи могут лишь наблюдать за протеканием болезни.

Метафорические выражения данной модели создают представление о землетрясении как о чудовище, проглатывающем и опустошающем всё на своём пути, способном разрушать и убивать, заставляющем людей покинуть свои дома и искать убежище. Это представление тождественно образу наводнения, которое также концептуализируется как убийца, монстр, дикое животное.

Наибольшее развитие в рамках метафорической модели «Природная катастрофа – живой организм» получили фреймы и слоты с концеп-

туальными векторами агрессивности и отклонения от естественного положения вещей (болезнь), менее продуктивны метафоры с положительными концептуальными векторами.

Широкое использование метафорических номинаций концептосфер «Человек» и «Животное» обусловлено тем фактом, что человеческое сознание антропоцентрично по своей природе. Оно организует непредметную действительность по аналогии с пространством и временем мира, данного в непосредственных ощущениях, с физиологическими проблемами, состоянием и циклами жизнедеятельности человеческого организма. К зонам приобретения конкретного опыта относится также животный мир.

Выделяемые в проанализированном материале концептуальные модели позволяют предположить следующий ход развития коммуникативных установок в экологическом дискурсе: исходная номинативная модель была основана на мифологической картине мира, где главенствовали антропоморфные и зооморфные образы, отражающие языческое отождествление природы и человека. Установление монотеизма приводит к смене исходной мифологической модели, природные катастрофы представляются созданными Богом, как и сам человек.

С недавнего времени одной из доминирующих моделей становится военная / милитарная метафора, которая получает широкое

распространение не только в экологическом дискурсе, но и в других типах дискурса (ср. политический дискурс), что объясняется общей милитаризацией общественного сознания.

Более детальное изучение метафорического представления природы и природных катастроф в выделенных разновидностях экологического дискурса, сравнение метафорических образов природы, создаваемых разными языками и культурами, а также изучение исторического изменения метафорического моделирования окружающего мира представляются нам актуальными и перспективными как для дальнейшего развития теории концептуальной метафоры, так и для исследования метафорического образа природы в экологическом дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

Krumbeins W., Levit G. Die Erde – ein Lebewesen? // Einblicke № 25. Forschungsmagazin der Carl von Ossietzky Universität Oldenburg [Electronic resource] // URL: <http://www.presse.uni-oldenburg.de/einblicke/25/krumbein.htm> (дата обращения 11.12.09).

Иванова Е.В. Метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе (на материале медийных текстов): Автореф. дис... канд. филол. наук. – Челябинск, 2007. 25с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. С. 387-415.

© Иванова Е.В, 2010

Костылев Ю.С.

Екатеринбург, Россия

ОБРАЗ КИТАЙЦА В ТЕКСТАХ ПЕРИОДА
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КИТАЕ
1945-1949 ГГ.

УДК 81'27

ВВК III 100.3

Аннотация. Автор описывает, как образ врага (гоминьдановца) был представлен в советской массовой печати времен гражданской войны в Китае 1945-1949. Анализируется, какие языковые средства были использованы при создании этого образа и какими специфическими чертами и особенностями наделяются маоисты и сторонники Чан Кай-ши при описании в текстах этого периода. Такой подход позволяет проследить развитие образа в период гражданской войны в Китае 1945-1949 гг.

Ключевые слова: образ врага, военная пропаганда, советская массовая печать, Гоминьдан, Чан Кай-ши, гражданская война в Китае 1945-1949

Сведения об авторе: Костылев Юрий Сергеевич, аспирант кафедры русского языка и общего языкознания.

Место работы: Уральский государственный университет им. А.М. Горького.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, к. 285.

E-mail: levesna@yandex.ru.

Kostylev J.S

Ekaterinburg, Russia

THE IMAGE OF A CHINESE IN THE TEXTS
OF CIVIL WAR PERIOD IN CHINA
1945-1949

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The author describes how the image of an enemy (a member of the Kuomintang) was presented in Soviet mass press during the period of the Chinese Civil War 1945–1949. While analyzing the means used in creating this image attention was given to specific features and characteristics that became part of the Maoists and of the Chiang Kai-shek's supporter's descriptions in 1945–1949. This approach makes it possible to trace the development of the image in this period of time.

Key words: Image of the enemy, military propagation, the Soviet mass press, Kuomintang, Chiang Kai-shek, Civil War in China 1945-1949

About the author: Kostylev Jurij Sergeevich, Post-graduate Student of the Chair of the Russian Language and General linguistics

Place of employment: Ural State University

Гражданская война в Китае стоит в одном ряду с другими гражданскими войнами 1945-1953 гг. С учетом заинтересованности СССР в том, каким будет послевоенный мир, советская пропаганда приложила определенные усилия для освещения этих конфликтов. В эти годы советская пропаганда создавала образ врага, главная особенность которого состоит в том, что к нему довольно ограниченно применимы национальные подходы, поскольку и враг, и противник принадлежали к одному народу. В данной статье рассматривается, каким образом советская центральная печать создавала образ китайца-врага с учетом указанного фактора.

Особенностью гражданской войны в Китае стало то, что позиции врага и союзника СССР не были определены с должной четкостью и недвусмысленностью. Во время Второй мировой войны Советский Союз находился в одном лагере с правительством Чан Кай-ши, рассматривал его как союзника и поддерживал отношения с гоминьдановским правительством практически до взятия Нанкина 23 апреля 1949 г. Однако в 1945-1949 гг. Гоминьдан рассматривался уже в качестве противника, в то время как КПК – в качестве союзника.

Указанное выше неопределенное отношение к Гоминьдану практически до конца войны накладывало отпечаток на специфику формирования образа врага в этом конфликте. Именно этим можно объяснить тот факт, что на начальном этапе войны не коммунисты, а именно гоминьдановская администрация могла являться в глазах советской пропаганды представите-

лем Китая как страны: «В Токийский залив прибыли первые 8 кораблей, переданные американцами китайскому правительству» (Правда 17.07.1946); «Контрабандные товары <...> провозятся американским персоналом на судах, которые не обыскиваются китайскими властями» (Правда 27.06.1946). Но китайцами могли быть названы и маоисты: «Передовые китайские патриоты подняли свой голос протеста против междоусобной войны [речь идет о позиции маоистских делегатов на переговорах с Гоминьданом]» (Правда 5.07.1946).

Очевидно, в свете этого требовалось какое-то средство для текстового различения врага (Гоминьдана) и союзника (КПК). Одним из таких средств стало использование фактически нейтрального именованного врага по принадлежности к партии (например, гоминьдановцы). Более негативным определением врага становится именование его реакционером: «Провокация китайских реакционеров» (Правда 23.06.1946); «Попытки реакционеров внезапным наступлением захватить Яньань потерпела крах» (Правда 5.07.1946). Такие номинации способствовали тому, что адресат текста получал представление о расстановке сил в конфликте.

Массовая печать не отрицала того, что конфликт разворачивается в рамках одной страны и одной нации, но указывал, что война происходит между реакционными и прогрессивными силами. При этом часто реакционеры называются не все гоминьдановцы, а часть их: «Они давно поддерживают реакционные элементы гоминьдана»; «Пленум ЦИК гоми-

дана, состоявшийся в марте с.г. и прошедший под знаком засилья реакционеров» (Правда 5.07.1946); «Призыв к поддержке реакционных кругов гоминьдана» (Правда 15.09.1946). Следует заметить, что раскол в Гоминьдане имел место в действительности, и советское правительство пыталось за счет гоминьдановцев, сочувствующих коммунистам, примирить враждующие стороны. Поэтому в указании на наличие реакционных кругов в Гоминьдане можно усмотреть надежду на урегулирование конфликта мирным путем, а также стремления советской пропаганды показать врага лишенным единства.

Встречается также закрепившееся за врагом к этому времени именование милитарист: «Нападения войск Янь Си-шаня и других милитаристов на восьмую армию в июне-июле 1945 года были отражены» (Правда 5.07.1946). Здесь слово милитарист имеет, скорей, терминологическое значение, поскольку так называли губернаторов китайских провинций, сохранявших известную независимость от центральной власти, имеющих собственные войска и постоянно враждующих друг с другом. Однако нельзя отрицать наличия негативной коннотации, закрепившейся за этим словом, и связанную с ним возможность лишней раз подчеркнуть агрессивность врага. Раздробленность Китая, слабость центральной власти, обилие провинций, находящихся под властью милитаристов, давало советской пропаганде повод сравнить эту ситуацию с феодальной раздробленностью и назвать врага-милитариста феодалом: «Одной из ярких фигур среди феодалов – членов руководящей верхушки гоминьдана – является известный старый милитарист Янь Си-шань»; «Милитаристы-реакционеры типа Янь Си-шаня, которые всегда смотрели на свои войска как на феодальную дружину» (Правда 5.07.1946). Такие характеристики в значительной степени отражали реальную действительность, а слово феодал имело в контексте советских представлений явно негативный оттенок и работало на создание соответствующего образа противника.

В этот период также могли использоваться (хотя и довольно редко) неоднократно опробованные в советской печати лексемы типа провокация, интрига: «Преодолевая атаки и провокации реакционеров, китайские демократы упорно и самоотверженно продолжали за национальное единство <...> Объективные иностранные наблюдатели со своей стороны отмечают антинародный характер интриг реакционных кругов» (Правда 5.07.1946), клика, шайка: «Имело место нападение шайки агентов специальной службы на группу представителей от населения Шанхая» (Правда 27.06.1946); «Образуя различные клики, эти группы <...> сплоченно выступают против демократического движения» (Правда 5.07.1946).

Наиболее часто в этот период для обозначения врага используются нейтральные лексемы, отражающие его место в политической борьбе (гоминьдановцы, правительство и т.п.): «Разногласия между коммунистами и национальным правительством» (Правда 14.08.1946); «Гоминьдановские самолеты обстреляли госпиталь»; «Об американской помощи гоминьдану» (Правда 31.08.1946); «Японцы в войсках гоминьдана» (Правда 5.07.1946); «Мобилизация в гоминьдановские войска продолжается» (Правда 13.10.1946).

Таким образом, на начальном этапе войны, когда победа одной из сторон была под вопросом и приходилось учитывать возможность мирного сосуществования коммунистов и гоминьдановцев и образования коалиционного правительства, образ врага не манифестировался как резко негативный, постоянно подчеркивалось наличие «здоровых» сил внутри Гоминьдана, тогда как клики, реакционеры, милитаристы и т.п. составляли лишь часть его.

Но при переходе конфликта в особо активную фазу начинается возврат к традиционным формам создания образа врага, поскольку Советскому Союзу важно было продемонстрировать моральную поддержку маоистов. Например, занятые коммунистами районы называются освобожденными: «Гоминьдановцы используют американские самолеты для бомбардировки освобожденных районов» (Правда 13.09.1946). Слово милитаризм и его производные приобретают типичную семантику и контекстное окружение: «Тем самым правительство обнаружило милитаристические намерения» (Правда 12.10.1946). Но, тем не менее, гоминьдановское правительство продолжает называться правительством, силы Гоминьдана китайским и т.п.: «Штаб китайского генерала Янь Си-шаня в городе Тайюань» (Правда 12.10.1946).

Коренным образом ситуация меняется, когда поражение Чан Кай-ши стало неизбежным и становится ясно, что коммунисты – это именно та сила, с которой придется налаживать отношения после войны. Поскольку симпатии к маоистам со стороны советской пропаганды очевидны, а их победа не вызывает сомнения, образ врага начинает строиться на уже неоднократно испытанных принципах.

Возникает тема предательства врагом своего народа, различия интересов китайцев и Гоминьдана: «[Гоминьдановский] режим национального предательства, феодального гнета и колониальной эксплуатации»; «Продажные гоминьдановские правители, саботажники общенародной войны»; «Ныне китайская земля очищается от лютых врагов народа» (Правда 5.10.1949); «Ничтожная клика Чан Кай-ши, кучка матерых предателей» (Правда 10.10.1949). Именование врага матерым подчеркивает его давнюю «привычку» к предательству и отсылает адресата к тем временам, ко-

гда отношения СССР и гоминьдановского Китая были испорчены в первый раз в 1930-е гг.

Китайцами, китайскими гоминьдановцы теперь могут называться только иронически, что в тексте отражается заключением в кавычки и использованием оборота *так называемый*: «Цзян Тин-фу, так называемый “китайский представитель” в ООН» (Правда 10.10.1949).

Используемые на раннем этапе войны способности характеристики врага (именование врага *реакционером, кликой* и т.п.) теперь распространяются не на часть гоминьдановцев, а на всю партию, поскольку борьба была близка к завершению: «Победы китайской демократии являются вместе с тем поражением тех темных реакционных сил внутри страны» (Правда 5.10.1949); «Ничтожная и презираемая народом клика чанкайшистских банкротов» (Правда 10.10.1949); «Они [мятежные войска] заявили о разрыве с реакционной кликой» (Правда 6.08.1949); «Финансовая и военная помощь клике Чан Кай-ши» (Правда 10.10.1949). Правление Чан Кай-ши теперь называется *режимом*: «Свергли прогнивший реакционный гоминьдановский режим» (Правда 5.10.1949).

Подчеркивается несамостоятельность действий Гоминьдана, зависимость его политики от более сильного государства (США). Зачастую для этого используется экспрессивная лексика: «При помощи презренных гоминьдановских лакеев США собирались задушить демократические силы Китая» (Правда 5.10.1949); «Гоминьдановцы разоблачили себя, а заодно и своих американских покровителей» (Правда 10.10.1949).

Лексика, характеризующая врага, на заключительном этапе войны становится более экспрессивной: «Ничтожная и презираемая народом клика чанкайшистских банкиров» (Правда 10.10.1949); «Ачесон характеризует гоминьдан как продажную, развращенную, прогнившую клику» (Правда 11.08.1949); «Чан Кай-ши *убухал* в явно безнадежное дело и американские миллиарды долларов» (Правда 11.09.1949).

Для указания на скорую гибель Гоминьдана и невозможность его победы используются лек-

семы типа *прогнивший, распадающийся* и т. п.: «Американские представители в Китае предъявили новые требования *распадающейся* гоминьдановскому режиму» (Правда 1.01.1949); «Свергли *прогнивший* гоминьдановский режим» (Правда 5.10.1949). Используется для этого и лексика экономической сферы, актуализирующая идею *торговли родиной*: «Кляуза гоминьдановских *банкротов*»; «*Банкротство* Чан Кай-ши – это *банкротство* политики Трумэна в Китае» (Правда 10.10.1949). Редко могла использоваться характеристика *марионетка*, ставшая одной из основных позже, в годы войны в Корее 1950–1953 гг.: «Бывший член нанкинского *марионеточного* правительства Чжоу Фо-хай» (Правда 24.07.1946).

Таким образом, можно сказать, что основными чертами речевого портрета политического врага в этот период становятся следующие:

- отражение антинародной сущности, склонности к предательству Китая, выраженное в лексемах типа (*продажный, предатель, саботажник* и т.п.);
- манифестация стремления к борьбе с прогрессом (*реакционный, реакционер* и т.д.);
- указание на невозможность длительного продолжения борьбы и самого существования (*распадающийся, прогнивший* и т.п.)

В начале войны, когда было не ясно, придут ли к власти союзники-коммунисты, и существовала реальная возможность того, что именно чанкайшисты будут представлять Китай на международной арене, советская пропаганда описывала врага в сравнительно мягких тонах. Затем, когда победа коммунистов стала реальностью, образ начал развиваться, получил новые черты. Тем не менее и тогда он оставался сравнительно «мягким». Очевидно, корни неразработанности образа нельзя искать только в возможной победе врага или недостаточном внимании советской пропаганды к этому конфликту. Можно предположить такую причину как учет советской печатью моральной усталости России от войны – чрезмерно настойчиво навязывать читателю новый образ врага было бы нецелесообразно.

© Костылев Ю.С., 2010

Мухин М.Ю.

Екатеринбург, Россия

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА
(по данным статистического
и тематического анализа лексики)**

УДК 35.077.5

ВВК 4214

Аннотация. В статье предлагается методика, объединяющая количественный, идеографический и контекстологический анализ художественного текста. На основании контекстов частотной лексики, характерной для произведений А. Платонова, выявляется характер художественной концептуализации внутри сфер «Государство и право» и «Социальные отношения», определяемой их пересечением с другими денотативными категориями.

Ключевые слова: идиостиль, концептуализация, концептуальная система, частотный анализ, идеографический анализ, А. Платонов.

Сведения об авторе: Мухин Михаил Юрьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620026, г. Екатеринбург, ул. Куйбышева, д. 105, кв. 57.

E-mail: mfly@sky.ru.

Mukhin M.Y.

Ekaterinburg, Russia

**SOCIAL AND POLITICAL SPHERE CONCEPTUALIZATION
IN ANDREW PLATONOV'S WORKS
(on the Basis of Statistic
and Thematic Lexical Analysis)**

ГЧТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article proposes threefold approach, combining quantitative, ideographic and contextual methods of text analysis. By reference to the frequency lexical units characteristic of A. Platonov's works, it reveals the distinctive character of literary conceptualization within the spheres like "The State and Public Law", "Social Interactions", as determined by their overlapping with other denotative categories.

Key words: idiosstyle, conceptualization, conceptual system, quantitative analysis, ideographic analysis, A. Platonov.

About the author: Mukhin Mikhail Yurievich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Modern Russian Language.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

620026, Ekaterinburg, ul. Kuybysheva, d. 105, kv. 57.

Современные возможности обработки больших текстовых массивов привели к появлению новых методик идиостилевого анализа, основанных на критерии частотности языковых единиц. Как пишет З. Г. Минц, «мы вправе надеяться, что исследование количественных отношений в тексте обогатит возможности моделирования языковой структуры — в частности, ее плана содержания» [Минц 1999: 683]. На наш взгляд, к систематизации плана содержания, т. е. семантики художественного текста, ведет тематический анализ частотной лексики.

Предлагаемая здесь методика сводится к следующему. Из 16 крупных текстов М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова (около 1,5 млн словоупотреблений), выбрано по 1000 самых частотных знаменательных слов. В материал исследования вошли четыре произведения Андрея Платонова: «Сокровенный человек» (далее — СЧ), «Чевенгур» (Ч), «Котлован» (К) и «Ювенильное море» (ЮМ) — всего 190947 слов. Частотные лексические списки сопоставлены, и выявлены ряды так называемой «индивидуально-авторской лексики». Это слова, которые часто встречаются в текстах одного автора и нехарактерны для других писателей (имеются в виду лексемы, попадающие в частотный ряд не менее чем двух текстов одного автора и не более чем одного чужого произведения). У Платонова это слова коммунизм, паровоз, природа, пролетариат, социализм, пища, масса, скучно, пространство, машинист, буржуй, почва, мучиться, выдумывать, вещество, будущее, буржуазия, трудиться,

одинокий, пролетарий, тосковать, изба, работа, песня, грустный, кузнец, рабочий и др. Всего выявлено 292 лексемы в 7652 контекстах, тематически соотнесенных с 32 денотативными сферами («Живая природа», «Человек как живое существо», «Речь», «Интеллект» и др.) и — далее — денотативными группами. В работе использовалась идеографическая классификация, принятая в словарях лексикографической группы «Русский глагол», вышедших под редакцией проф. Л. Г. Бабенко [Большой толковый словарь русских существительных 2005; Словарь-тезаурус синонимов русской речи 2007].

Произведения каждого автора характеризуются индивидуальным набором денотативных классов, репрезентированных в тексте и отражающих авторское представление о мире. Этот набор, т. е. оригинальное количественное соотношение денотативных сфер и групп в различных текстах одного писателя, мы называем концептуальным профилем автора. В концептуальном профиле А. Платонова наибольшее количественное выражение получают сферы «Социальные отношения и трудовая деятельность», «Эмоции», «Универсальные представления, смыслы, отношения», «Техника, производство, транспорт», «Пространство» и др.

Социально-политическая тематика напрямую связана с двумя денотативными сферами: «Государство и право» (1) и «Социальные отношения и трудовая деятельность» (2). В сумме они составляют 18,3 % контекстов индивиду-

ально-авторской лексики, выбранной из произведений Платонова. Это очень большой показатель, указывающий на идиостилевые особенности: у других авторов значения гораздо меньше (от 3,5 до 11 %). Заметим, кроме того, что в среднем на каждую из 32 сфер приходится примерно 3 % в общем концептуальном профиле.

Стилистически в текстах А. Платонова эти сферы выделяются из-за большого количества советизмов (*пролетариат, единоличник, сознательный, элемент, социалистический* и т.п.). Для верного понимания авторского употребления этих слов необходимо изучение их текстовой концептуализации, т.е. рассмотрение особых концептуальных структур, возникших в тексте вследствие регулярного расширения семантики слов одной денотативной сферы. Иначе по списку частотных лексем можно составить ошибочное, упрощенное представление о платоновском творчестве. Платоновские символы, как считает К.А. Баршт, «принципиально могут быть названы и обозначены соответствующими знаками, но отнюдь не всегда эти слова могут быть механически извлечены из его текстов и перенесены из художественного в научный контекст. Даже такие слова, как «вещество», «пролетариат»... могут употребляться только в кавычках, так как они означают совсем не то, что мы видим в толковом словаре русского языка» [Баршт 2000: 8].

(1) Рассмотрим контексты лексики государственно-правовой сферы. В текстах Платонова резко преобладают идеологически важные слова, называющие общественный строй (*коммунизм* — 257 контекстов, *социализм* — 99, *капитализм* — 30). Эти слова «обрастают» особыми бытийными или, наоборот, конкретно-физическими смыслами: *небо, покрывавшее капитализм* (разрядкой здесь и далее выделяются частотные слова, из-за которых весь контекст попадает в рассмотрение) и *коммунизм сплошным равнодушием* (Ч); *капитализм наступает: душа с советской властью расстается* (ЮМ); *капитализм сеять собираетесь* (К) и многие др. Оппозиция «коммунизм и социализм ↔ капитализм» проявляется в них не только на референтном, но и на образном уровне: *вы так и будете стоять между капитализмом и коммунизмом; мы должны бросить каждого в раскол социализма, чтоб с него слезла шкура капитализма* (К); *тогда бы деревья высали из земли остатки капитализма и обратили их, по-хозяйски, в зелень социализма* (Ч); *Кто капитализм на своем животе перенес, для того коммунизм — слабость; пустоту и скорбь капитализма сменял многолюдный социализм* (ЮМ). Капитализм ассоциируется с чем-либо косным, мертвым, тяжелым, пустым, вчерашним, а социализм и коммунизм — с подвижным, живым,

легким, наполненным, современным. На этом фоне выделяется пример противопоставления социально-государственного природному, при котором капитализм и коммунизм неожиданно оказываются рядом: *...на Дальнем Востоке, на берегу Тихого океана, почти на конце земли, откуда начиналось небо, покрывавшее капитализм и коммунизм сплошным равнодушием* (Ч).

По мысли Э.В. Рудаковской, абстрактные понятия у Платонова «наделяются пространственными характеристиками, имеют определенную локализованность в пространстве. Некоторые из них, например... «коммунизм», одушевляются, осмысляются как часть человеческого тела или, напротив, могут функционировать самостоятельно, отдельно от человека» [Рудаковская 2004: 291]. Действительно, сплошные метафорические контексты, в которых употребляются эти слова, абстрактизируют или, наоборот, опредмечивают черты разновидностей государственного строя, что определяет концептуализацию лексики группы: *мужик же всю свою жизнь копил капитализм; в неразумности огороженного дворового капитализма* (К); *Советская Россия... похожа на молодую березку, на которую кидается коза капитализма; ...людей, дуром приспособляющих социализм к порожним местам равнин и оврагов; вздыхал в тишине чевенгурского коммунизма* (Ч) *Но Айна не горевала, потому что хотела сделать социализм, только чесала под рубашкой ногтями* (ЮМ) и многие др. примеры. Иными словами, государственная сфера сливается в платоновских текстах с бытийной, т.е. с универсальными представлениями человека и природными процессами, или с конкретными сферами — «Живое существо», «Экономика», «Сельское хозяйство».

(2) Сфера «Социальные отношения и трудовая деятельность» является крайне разветвленной и пестрой по характеру слов. Привлекаемый материал позволяет разделить ее на следующие группы:

1) «Общие понятия» (слова типа *социальный, свобода* и т.п.),

2) «Человек» (*директор, посетитель, служащий, бедняк*),

3) «Социальное действие» и его частные значения: взаимодействие, забота, защита, конфликт, победа, поражение, владение, обеспечение и др. (*организовывать, обеспечивать, освобождать* и т.п.),

4) «Социальное свойство» (*зажиточный, модный, классовый* и т.п.),

5) «Поведение» (*лезть, осторожный, грубый*),

6) «Трудовая деятельность» (*трудиться, занятие, приниматься*),

7) «Учреждение» (*организация, сельсовет*),

8) «Документ» (*ведомость, документ*).

Обратимся к контекстологическому анализу этих групп лексики.

• «Общие понятия». Частотность слов *всеобщий, личный, свобода, культурный, социальный* и др. — яркая черта платоновского текста. Их употребление связано с идеей глобальности социальных процессов, переживаемых людьми: *Он видел в жизни, что глупые и несчастные добрее умных и более способные изменить свою жизнь к свободе и счастью* (Ч); *Вермо вытер заслезившиеся от восторга глаза и встал на ноги, будучи рад всеобщей радостью* (ЮМ); *...у нее поднималось сердце от вида всеобщей стремящейся жизни* (К). Личные устремления героев вполне вписываются в направление всеобщих усилий, поэтому понятия «всеобщее» и «личное» обычно не противопоставлены: *Копенкин видел в белогвардейцах и бандитах не очень важных врагов, недостойных его личной ярости* (Ч); *...главный же удар он [Вермо] сосредоточил на достройке и оборудовании электрической мясной башни, где производил весь монтаж лично* (ЮМ).

• «Человек». Слова, обозначающие человека с социальной точки зрения, большей частью указывают на классовую принадлежность: *пролетариат* (112 случаев употребления, попадает в частотный пик всех анализируемых произведений), *буржуй* (72), *буржуазия* (54), *пролетарий* (51), *бедняк* (46), *рабочий* (45), а также слова *служащий, кулачество, единоличник* и др. Социальные ценности времени определяют четкое противопоставление пролетариата, рабочих и, наоборот, буржуазии, кулаков, порождающее текстовые антитезы: *Вот ты и вспомни: раз есть пролетариат, то к чему ж буржуазия?* (Ч) *Каждый прожитый нами день — гвоздь в голову буржуазии* (СЧ). Особого внимания заслуживает здесь слово *элемент*, употребляемое в значении «4. О человеке, личности как представителе какой-л. среды, социальной группы и т.п.» (БТС). Редкие случаи употребления этого советизма в позитивных контекстах (*всемирный, точный, революционный, усталый элемент* и *элемент будущего*) уступают по количеству и сочетаемости противоположным (*несознательный, дворовый* (с негативной оценкой), *неясный, нетрудовой, буржуазный, жесткий, капиталистический*). Сама семантика этого слова подчеркивает неопределенность объекта номинации, отсюда сочетания *неясный элемент, несознательный элемент*.

Собирательность обозначения людей, класса обнаруживается в употреблении платоновым характерных слов *беднота, бригада, гуца, масса, население*: *И хотя ж мы низовая масса, хотя мы самая красная гуца, но нам кого-то не хватает и мы кого-то ждем!..; ...снег не утепляет домов, и тогда можно простудить все население коммунизма и оно*

умрет к весне (Ч); *Организованная членская беднота поднялась с земли, довольная, что ей горевать не приходится* (К). Собирательный характер имеют и знаковые слова сферы пролетариат и буржуазия: *В ночь на четверге соборную площадь заняла чевенгурская буржуазия, пришедшая еще с вечера* (Ч). Как пишет М. В. Фролова, «в произведениях М. Булгакова субъектом и объектом социальных отношений выступают в основном конкретные личности, индивидуальности, в произведениях А. Платонова — масса, класс, власть, отряд и т.д.» [Фролова 2008: 7]. Действительно, если сопоставить реализации социальной сферы в творчестве разных писателей, бросается в глаза ее обобщенный характер и глобализация у Платонова и преобладание личностных, психологических аспектов, например, у М. Булгакова и В. Набокова.

• «Социальное действие». Самые разные виды социальных действий обычно связаны с общей идеей построения новых отношений, нового пространства и, в конечном счете, нового мира. Таковы социальные контексты глаголов *надеяться, определять, обеспечивать, организовывать, освобождать, присылать, спускать, срывать, уничтожать, утрачивать*: *Окончив счисление своих величин, Прушевский обеспечил несокрушимость будущего общепролетарского жилища...* (К); *...вся голова, туловище, всякое движение Босталевой соответствуют коммунизму и обеспечивают его близкую необходимость* (ЮМ); *Ведь в кузне есть промфинплан, а ты его срываешь!*; *Неизвестные люди оказались новыми рабочими, что прислал Пашкин для обеспечения государственного темпа* (К).

Организация нового строя предполагает организацию как всей страны (и всей планеты), так и каждого конкретного человека: *Трудно организовать из тебя скелет коммунизма!* (К); *Ему хотелось идти... для того, чтобы по мерке Чевенгура как можно скорее во всей губернии организовать коммунизм* (Ч). Соответственно противопоставляется то, что нужно строить, созидать и, наоборот, разрушать: *...вы сразу узнали, зачем нам нужен общий дом пролетариату, который вы начнете строить вслед за тем* (К); *Поглядеть, нет ли еще чего из остатков империи, — и тоже сегодня уничтожить!* — *распорядился Чепурный...* (Ч); *Ведь здесь же была ликвадация и кулачества: кто же тут есть?* (ЮМ).

Бытийность социальных процессов, их вовлеченность в общий миропорядок в концепции Платонова можно представить на примере контекстов слова *революционный*. Во фразе *Никаких революционных событий для него, стержца, не существовало* (СЧ) его употребление вполне привычно. В случаях, когда *глубокая революционная ночь лежала над обреченным лесом* (Ч) или утро было *рево-*

люционное вполне (СЧ), в социальные процессы вовлекаются природные и временные. Вообще, революционными у Платонова, кроме времени, дела, события, могут быть беспокойство, утро, сочинение, совесть, чувство, дележ скота, польза, кровь, заповедник, скотина (лошадь), предчувствие, душа, достоинство и др. конкретные и абстрактные реалии.

• «Социальное свойство». Социальные свойства человека также во многом подчиняются антиномиям революционного времени. Человек может иметь значение и, наоборот, быть ничтожным, неизвестным: *Каждая девочка, двигаясь в меру общего строя, улыбалась от чувства своего значения...* (К); *Однако в центре уже успели забыть его значение и характеристику, так что Умрицев стал как бы неясен...* (ЮМ); *...он мучился, что это руководящее умное лицо спит, как ничтожный гражданин, среди лежащих масс* (К); *Безвестный мужик с желтыми глазами скулил в углу барака про одно и то же свое горе...* (К). Так же проявляется и антиномия своего, ближнего и, наоборот, постороннего: *для ближних рабочих масс* (К); *ближним подчиненным, ближние соседи* (ЮМ); *Посторонний, пришлый народ расположился кучами...* (К). И еще одно противопоставление, реализуемое индивидуально-авторской лексикой. Человек может быть или босым, т. е. свободным, или зажиточным, связанным собственностью: *Заметь этот социализм в босом теле* (К); *...видны были освещенные солнцем босые люди, наслаждающиеся воздухом и свободой с непокрытыми головами* (Ч); *Давно пора кончать зажиточных паразитов! — высказался Сафронов* (К).

Крайне важно в итоге, принадлежит ли человек к новому, «классовому» поколению, понимающему суть социальных процессов: *Ты сознательный молодец, — сказал он, — ты чуешь классы, как животное; Ты вполне классовое поколение, — обрадовался Сафронов, — ты с четкостью знаешь все отношения, хотя сама еще малолетка* (К); *Вермо наклонился с седла, чтобы лучше разглядеть классовое зло на лице Босталоевой* (ЮМ).

• «Трудовая деятельность». Социальные преобразования неслучайно связаны с трудом человека: *Челпурный должен был опираться только на свое воодушевленное сердце и его трудной силой добывать будущее, вышибая души из затихших тел буржуев и обнимая пешехода-кузнеца на дороге; На столе горел огарок свечи, добытый из запасов буржуазии Киреем...* (Ч). Если сформулировать идею трудовой деятельности, используя авторскую лексику, то платоновский человек терпелив, он имеет серьезное занятие, заботу, трудится, управляется с усердием, терпением, поспевает, организует, добывает что-либо для жизни

и труда и в результате становится усталым, утомляется, ощущает тяжесть этой нагрузки. Чаще других слов группы (49 раз) употребляется в текстах Платонова глагол *трудиться* с наиболее общим значением.

• «Учреждение» и «Документ». Слова этих рубрик создают специфический фон социальной деятельности: *Этот товарищ просит ему прислать примерный устав такой организации, а заодно бланки, ручку с пером и два литра чернил* (К). *Босталоева прошла по коридорам гулкому учреждения, потрогала папки в шкафах и серьезно задумалась в скучной пустоте канцелярий* (ЮМ); *Сверив бывший кулацкий класс со своей рассловечной ведомостью, активист нашел полную точность и обрадовался действию Чиклина и кузнечного молотобойца* (К). Часто бюрократический фон противоречит настроению героев или, по крайней мере, контрастируют с ним: *Босталоева сложила в чемодан два запасных платья, ведомость необходимых стройматериалов и оборудования, белье, поглядела на себя в зеркало и села на кровать в одиночестве* (ЮМ); *Копенкин долго стоял на улице, уже не видя друга; потом вернулся в сельсовет и заплакал в пустом помещении* (Ч).

Анализируя слова сферы «Социальные отношения и трудовая деятельность», можно сделать вывод, что социальное у Платонова постоянно пересекается с самыми разными категориями. Например, оно часто переживается эмоционально: *Козлов чувствовал внутри себя горячую социальную радость* (К). С новыми социальными отношениями неразрывно связано представление о дружбе, заботе, надежде: *Почти все девушки и все растущее поколение с утра уходило в избу-читальню и там оставались не евши весь день, учась письму и чтению, счету чисел, привыкая к дружбе и что-то воображая в ожидании* (К); *...сам пролетариат скорей входил бы в полную силу, поскольку ему не на кого теперь надеяться* (Ч); *Пока что Дванов еще боялся пользоваться людьми коммунизма, он хотел жить тише и беречь коммунизм без ущерба, в виде его первоначальных людей* (Ч). Очевидно взаимовлияние социальных отношений и эмоций человека: возможность или невозможность социальных преобразований приводят человека в определенное эмоциональное состояние, а социальные преобразования, наоборот, немислимы без соответствующего эмоционального настроя. Социальные понятия, как и государственные, могут опредмечиваться (*Не в бурьяне же ты их [людей] собрал, а в социальном месте, П:Ч*) или становиться универсально-бытийными: *Снежный ветер утих; неясная луна выявилась на дальнем небе, опорожненном от вихрей и туч, на небе, которое было так пустынно, что допускало*

вечную свободу, и так жутко, что для свободы нужна была дружба (К).

Итак, лексика государственной и социальной сфер отражает в произведениях Андрея Платонова идею социальной революции, преобразующей человеческую жизнь, предметный мир, природу и все мироздание. В этой концепции переплетаются личное и общественное, человеческое, природное и глобально-мировое. Государственные и социальные процессы (в том числе революция) вовлечены в процессы психологические, природные, бытийные и не могут рассматриваться отдельно от них.

Эти суждения в целом не противоречат интуитивному читательскому представлению о произведениях Андрея Платонова. Напомним, однако, что они возникли на базе формализованной выборки и семантического анализа частотной лексики. Количественные аспекты анализа текста, таким образом, соотношены с содержательно-концептуальным уровнем рассмотрения художественного произведения, а филологическая модель строится на формализованных лингво-статистических основаниях.

ЛИТЕРАТУРА

Баршт К.А. Поэтика прозы Андрея Платонова. – СПб.: СПбГУ, 2000.

Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы [Под общ. ред. Л.Г. Бабенко] – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.

Минц З.Г. Статистический подход к исследованию плана содержания художественного текста // Минц З.Г. Блок и русский символизм: Избр. труды: В 3 кн. Кн. 1: Поэтика Александра Блока. – СПб.: Искусство, 1999. С. 679-698.

Рудаковская Э.В. Феномен языка Платонова (Исследовательская традиция и поиски новых решений) // Творчество Андрея Платонова. Кн. 3: Исследования и мат-лы. – СПб.: Наука, 2004. С. 281-295.

Словарь-тезаурус синонимов русской речи [Под. общ. ред. Л.Г. Бабенко] – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.

Фролова М.В. Функционирование глаголов межличностных и социальных отношений в произведениях русской литературы 20-х годов XX в. (на материале текстов А.П. Платонова и М.А. Булгакова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008.

© Мухин М.Ю., 2010

Нахимова Е. А.

Екатеринбург, Россия

ДИСКУССИЯ О СТАТУСЕ И СЕМАНТИКЕ
ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

УДК 81'373.2

ББК Ш 103.1

Аннотация. Рассмотрены представления отечественных и зарубежных философов, логиков и филологов по вопросу о существовании и специфике лексического значения у имен собственных.

Ключевые слова: имя собственное, лексическое значение, языковое значение, речевое значение

Сведения об авторе: Нахимова Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, докторант.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.

E-mail: v.nakhimov@rambler.ru

Nakhimova E. A.

Ekaterinburg, Russia

DISCUSSION OF THE STATUS AND SEMANTICS
OF A PROPER NAME

ГЧНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

Abstract. The article presents ideas of native and foreign philosophers, logicians and philologists on the existence and specifics of the lexical meaning of proper names.

Key words: proper name, lexical meaning, linguistic meaning, speech meaning

About the author: Nakhimova Elena Anatolyevna, Candidate of Philology, Doctoral Student.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Имена собственные и имена нарицательные образуют универсальную оппозицию в системе имен существительных самых различных языков. Это семантическое противопоставление лексики по характеру номинации провели еще античные философы-стоики и, в частности, Дионисий Фракийский (II в. до н.э.). История исследования имени собственного уже неоднократно была представлена в публикациях специалистов по лингвистике, логике и философии. Названные проблемы успешно исследовали М. Бреаль, Дж. Ст. Милль, О. Есперсен, Е. Курилович, Г. Суит, Г. Сёренсен, Н. Шпербер. Значительный вклад в развитии теории и практики исследования имени собственного внесли отечественные ученые: В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, Н.Д. Арутюнова, О.С. Ахманова, К.Д. Левковская, А.К. Матвеев, В.М. Мокиенко, А.А. Реформатский, Н.И. Толстой, А.А. Уфимцева. Детальный анализ истории данной проблемы представлен в публикациях В.И. Болотова, В.Д. Бондалетова, Д.Б. Гудкова, С.И. Зинина, А.К. Матвеева, М.Э. Рут, А.В. Суперанской, Л.М. Щетинина и целого ряда других специалистов.

Центральная проблема теории имени собственного – это специфика его значения, а также само существование значения у имени собственного. По словам М.Э. Рут, «несмотря на непрекращающиеся споры о лексическом значении собственных имен, мнений остается столько же, сколько спорщиков [Рут 2001: 26]. Трудно претендовать на окончательное решение указанной проблемы, однако в рамках всякого исследования необходимо избрать концепцию, которая в наибольшей степени соответствовала бы его материалу и задачам.

Разнообразные представления отечественных и зарубежных философов, логиков и филологов по этой проблеме можно условно свести к трем основным точкам зрения:

1) полное (или – как вариант – почти полное) отрицание наличия значения у имени собственного;

2) признание наличия значения у имени собственного, но только в речи (в тексте, в контексте, в дискурсе, в социуме, в социолекте);

3) признание существования у имени собственного языкового значения, но с обязательным подчеркиванием совершенно особого характера этого значения, с его противопоставлением значениям всех иных разрядов слов.

Первая из названных концепций восходит к английскому философу-логику Дж. Ст. Миллю, который считал, что имена собственные «не имеют никакого значения», так как они не «коннотируют», то есть не связаны с выражением постоянных понятий-сигнификатов [Милль 1865: 27; цит. по Есперсен 2004]. Вслед за ним с теми или иными оговорками имена собственные называют «пустыми», «ущербными», «полными», «асемантическими» словами (знаками, метками, словами-этикетками) такие ученые, как В. Брэндаль, А. Гардинер, Л. Стеббинг, Б. Рассел и др. В отечественной науке к этой точке зрения в той или иной степени склонялись А.А. Реформатский, О.С. Ахманова, Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева, К.Д. Левковская, Н.И. Толстой, В.М. Мокиенко и целый ряд других специалистов. Многие советские ученые сочувственно цитировали слова К. Маркса, которые воспроизводились учебниками языкознания и хрестоматиями: «Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яков» [Маркс 1955: 107; цит. по: Звегинцев 1965: 483].

Как известно, в ту эпоху было невозможно открыто дискутировать с классиками марксизма. Однако согласиться с мнением Маркса можно лишь частично: даже вне контекста имя несет некоторую информацию. Так, по имени Яков можно определить, что это мужчина, а также сделать некоторые предположения о его национальности и даже религии. Во всяком случае это имя едва ли может носить правоверный мусульманин или китаец.

Однако и это положение иногда вызывает возражения. Так М.Э. Рут пишет о том, что во-первых в русском языке существуют имена, которые могут носить как мужчины, так и женщина (Женя, Саша и др.), а во-вторых, возможны случаи нестандартного использования имени [Рут 2001: 28]. Таким образом, реальностью обладают лишь некоторые культурные коннотаты отдельных имен собственных [Голомидова 1998] и этимологическая семантика имени собственного [Матвеев 1969], которая, по мнению многих специалистов, не имеет прямого отношения к лексической семантике.

В рамках второй концепции имя собственное имеет полноценное значение только в речи (в тексте, в контексте, в дискурсе), где, как правило, соотносится с тем или иным референтом. Уточнение, «как правило», связано с тем, что возможны случаи безреферентного употребления имени. Примером может служить предложение «Мне не нравится имя Яков». Безреферентно использовано имя Яков и в указанной фразе К. Маркса. Однако в абсолютном большинстве случаев имя собственное *Яков* (как и иные имена собственные) обозначает в речи вполне конкретных людей, которые носят вполне конкретные фамилии и обладают теми или иными качествами». Эту точку зрения ярче других обосновывает О. Есперсен, который критикует позицию Дж. Ст. Милля в своем труде «Философия грамматики» [Есперсен 2004]. Сходные взгляды высказывают М. Бреаль, Н. Шпербер, Г. Суит, Г. Сёренсен, А.В. Суперанская, В.И. Болотов, С.И. Зинин и многие другие специалисты.

К этой точке зрения примыкает и позиция М.Э. Рут, которая пишет не о значении имени собственного в речи (в тексте, в контексте), а о его значении в социолекте. Исследователь подчеркивает, что «антропоним может быть двуликим: он существует сам по себе и как личное имя конкретного человека. Антропоним сам по себе не имеет реального значения», тогда как «личное имя существует социолекте, и чем уже социум, тем ярче особенности функционирования имени. Семантика антропонима определяется общенародными культурными коннотатами. Семантика личного имени определяется закрепленностью его за конкретным человеком» [Рут 2001: 32]. Для нашего исследования важно учитывать тот факт, что социум, в рамках которого известны отдельные имена собственные, может быть очень широким. Существуют такие имена собственные, которые известны абсолютному большинству наших соотечественников, а следовательно, такие имена собственные оказываются не менее «общенародными», чем общеупотребительные имена нарицательные.

В соответствии с третьей точкой зрения, имя собственное имеет значение не только в речи, но и в языке, но это значение совсем иного характера, чем значение имени нарицатель-

ного. Подобную позицию занимают Л. Щерба, Е. Курилович, А. Доза, Ф. Травничек, И. Воробьева, Е. Данилина, М. Захарова, Т. Кондратьева, В. Никонов, Ю. Карпенко, Л. Ступин, Л. Щетинин и многие иные специалисты. Эта позиция лежит и в основе нашего исследования.

Академик Л.В. Щерба, рассматривая проблемы теории лексикографии, писал: «Весь вопрос состоит в том, что в языке является значением собственных имен, ибо в словаре необходимо определить тот общеобязательный минимум, без которого невозможно было бы общепонятно оперировать с данным собственным именем в речи. Как мне кажется, этим минимумом является понятие, под которое подводится данный предмет, с общим указанием, что это не всякий подводимый под данное понятие предмет, а один определенный» [Щерба 1974: 278-279].

Развивая идеи Л.В. Щербы, В.А. Никонов указывает, что необходимо различать три плана значений имени собственного: 1) этимологическое, т.е. доономастическое; 2) ономастическое и 3) отономастическое [Никонов 1966: 12-13]. В концепции Л.М. Щетинина разграничивается единичное номинативное значение и общее значение. Единичное номинативное значение складывается в результате обобщения конкретных чувственных представлений о данном лице и отвлечения от всех его случайных несущественных признаков. Общее же значение каждого фамильного имени является языковым средством реализации общего понятия «человек», которое может уточняться до понятия «мужчина» или «женщина» + «человек определенной национальности» [Щетинин 1968: 6].

В концепции И.А. Воробьевой имя собственное обладает смысловой структурой, которая состоит из трех компонентов значения: денотативного, сигнификативного и структурного, что сближает их с именем нарицательным [Воробьева 1971: 41], причем специфика смыслового содержания имени собственного обнаруживается в каждом из компонентов их значения. Сигнификативное значение имени собственного – это отражение нашего знания о существовании предмета и его отличии от других. Е.Ф. Данилина, разделяя позицию И.А. Воробьевой, уточняет также, что особенность личных имен состоит в том, что они в большей мере, чем имена нарицательные, обнаруживают диалектику языкового (общего) и речевого (частного) значений [Данилина 1972: 62]. В языке имя отражает общее понятие, а в речи – конкретное, единичное, частное. Сходную позицию занимает Ю.А. Карпенко который отмечает, что языковое значение имени собственного гораздо беднее его речевой семантики [Карпенко 1976: 81]. Закрепленность имени собственного за одним объектом – это есть главная отличительная особенность имени собственного, которая, по мнению ученого, параллельно реализуется в

трех важнейших функциях – номинативной, идентификационной и дифференциальной [Карпенко 1976: 83, 89].

В концепции М.В. Голомидовой в качестве значения имени собственного рассматривается вся информация, которую можно извлечь из имени, однако следует учитывать что исследователь рассматривал имена собственные, возникшие в рамках искусственной номинации [Голомидова 1998], а это совершенно особая сфера онимов.

Е. Курилович считает, что имена собственные и нарицательные различаются прежде всего по их функциям в языке и речи. Для имен собственных польский ученый особо выделяет аккумулятивную (энциклопедическую), функцию имени собственного, а также отмечает специфику реализации его других функций – стилистической, эмоционально-оценочной, социально-оценочной, региональной и культурно-исторической, к которым в речи или тексте добавляются общая текстообразующая и эстетическая функции [Курилович 1962: 17].

Представленный обзор позволяет сделать вывод о том, что при компонентном анализе языкового значения имени собственного в структуре его значения обнаруживаются следующие компоненты:

- категориальные семы, отражающие грамматические значения предметности, падежа, рода, частично – числа и одушевленности;
- категориально-лексические семы, свидетельствующие о принадлежности к лексическим полям (люди, животные и др.);
- дифференциальные семы (например, отражающие принадлежность слова к числу лексем, обозначающих мужчин);
- коннотативные семы (стилистическая, эмоциональная, экспрессивная, социальная окраска имени);
- ассоциативные (по Д.Н. Шмелеву) семы, отражающие факультативные и личностные смыслы;
- культурно-исторические семы, фиксирующие связи семантики с соответствующими дискурсами.

При решении вопроса о существовании значения имени собственного в языке (вне речи) очень важно учитывать тезис М.Э. Рут о необходимости разграничивать имя собственное как часть национального арсенала имен (то есть вне связи с конкретным референтом) и имя собственное в его связи с конкретным референтом, например, личное имя конкретного человека. Иначе говоря, следует различать русский антропоним *Петр* и обозначение русского императора *Петр Великий* (он же *Петр I* и *Петр Алексеевич Романов*). Компоненты первого имени собственного – антропоним; мужчина. По мнению некоторых специалистов, к числу этих компонентов относится также этимологический компонент (древнегреческий

этимон – со значением «камень») и типичность этого имени для русского именина, его связь с христианской культурой.

Компоненты второго имени (*Петр I, Петр Алексеевич Романов*) значительно многочисленнее – российский император, основоположник Санкт-Петербурга, победитель в Северной войне, создатель российского флота, выдающийся реформатор российского общества, проводник идей западной культуры и др. Что касается людей менее известных, то их личные имена имеют значение не в русском языке, а в рамках определенного социума, социолекта. Это может быть семья, круг друзей и знакомых, коллеги, соседи и др. Статус таких имен напминает статус диалектных слов, которые известны лишь в рамках того или иного говора. Разумеется, существуют и промежуточные случаи, когда имя человека оказывается широко известным, но только в рамках ограниченной профессиональной или иной среды.

При использовании имени человека в русской речи оно обычно выступает в составе единого комплекса с двумя другими компонентами полного русского имени – фамилией и отчеством (или только с фамилией, если имеется в виду человек, который принадлежит к культуре, для которой нехарактерны отчества). Иначе говоря, даже если в речи используется только имя (имя и отчество, отчество или фамилия), то говорящие учитывают, что данный человек обладает также отчеством и фамилией. Сложные правила выбора наименования человека (по имени, имени и отчеству или по фамилии) хорошо известны и не являются предметом настоящего исследования.

Следует отметить, что тезис об отсутствии языкового значения у имени собственного (или о его совершенно особом характере) не относится к случаям, когда имя собственное переходит в имя нарицательное. В этом случае достаточно легко обнаруживаются стандартные компоненты значения и даже многозначность. В частности, имя французского императора Наполеон может быть использована для обозначения великого человека (ср.: «Мы все глядим в Наполеоны»); для обозначения генерала, стремящегося стать диктатором, а также в целом ряде иных значений [Гудков 1999; Отин 2003; Нахимова 2007].

Заканчивая краткий обзор существующих представлений о существовании языковой семантики имени собственного, отметим, что в основе нашей концепции лежат следующие представления:

- имя собственное, несомненно, имеет лексическое значение в речи, в дискурсе, в социолекте (за исключением немногочисленных случаев безреферентного употребления имени собственного);
- общесистемное значение антропонима включает семы, указывающие на принадлеж-

ность слова к числу имен собственных, к числу антропонимов, к числу мужских или женских имен, а также ассоциативные семы, отражающие факультативные и личностные смыслы, и культурно-исторические семы, фиксирующие связи семантики с соответствующими дискурсами;

– системное значение имени собственного может быть ограничено тем или иным социумом, но может иметь и общенациональный характер: существуют люди, которых знает вся страна, но еще больше людей известны лишь ограниченному кругу родственников, коллег и знакомых;

– значение имени собственного обладает повышенным количеством ассоциативных (по Д.Н. Шмелеву) или коннотативных признаков и широким потенциалом для смыслового варьирования и создания разного рода стилистических эффектов в речи;

– имя собственное обладает широкими возможностями для хранения культурно-значимой информации, которая может актуализироваться в рамках конкретных текстов; имена собственные играют существенную роль в хранении и передаче от поколения к поколению стереотипов и ценностных установок, регулирующих деятельность членов соответствующего языкового коллектива;

– богатство культурно-значимой информации, связанной с именами широко известных людей, создает условия для метафорического употребления и развития у этих имен вторичных значений;

– для имени собственного характерен совершенно особый тип соотношения между языковым значением и речевой семантикой, между общеупотребительным значением и значением, которое характерно для того или иного социума.

ЛИТЕРАТУРА

Воробьева И.А. К вопросу о лексическом значении имен собственных // Актуальные проблемы

лексикологии: Доклады лингвистической конференции. – Томск, 1971. Ч. I.

Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. – Екатеринбург, 1998.

Гудков Д.Б. Прецедентные имена и проблемы прецедентности. – М.: Изд-во МГУ, 1999.

Данилина Е.Ф. К вопросу о лексическом значении личных имен // Лексика и словообразование русского языка. – Пенза, 1972. С. 58-67.

Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Изд-во Эдиториал УРСС, 2004.

Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – М., Просвещение, 1965.

Карпенко Ю.А. Теоретичні засади размежування власних і зачальних назв // Мовознавство. 1976. № 1.

Курилович Е. Положение имени собственного в языке // Очерки по лингвистике. – М., 1962.

Матвеев А.К. Значение принципа мотивированности для этимологизации субстратных топонимов // Этимология. 1967. – М., 1969.

Милль Дж.Ст. Система логики. Сочинение. В 2 т. [С 5-го доп. лондонского изд. переведено под ред. и с примеч. П.Л. Лаврова, Ф. Резенером] – СПб., 1865. Т. 1-2.

Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007.

Никонов В.А. На пути к теории собственных имен // Конференция по топонимике Северо-Западной зоны СССР. – Рига, 1966.

Отин Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопросы языкознания. 2003. № 2.

Рут М.Э. Антропонимы: Размышления о семантике // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность: Опыт общей теории лексикографии. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974.

Щетинин Л.М. Имена и названия. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1968.

© Нахимова Е.А., 2010

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Будаев Э.В., Камышева О.С.,
Лекарева Е.В., Чудинов А.П.
Екатеринбург, Россия

КРИТИКА ТЕКСТА В АМЕРИКАНСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. Дана характеристика критики текста как направления политической лингвистики, выделены ведущие признаки соответствующих публикаций. Рассмотрены особенности критики текста в публикациях американских специалистов середины прошлого века – Р. Дринана, Р. Кейлза, Х. Спербера и Дж. Н. Тидвелла.

Ключевые слова: политическая лингвистика, критика текста, правильность речи, выразительность речи, речевая манипуляция.

Сведения об авторе: Будаев Эдуард Владимирович, кандидат филологических наук, докторант.

Место работы: Институт филологии и массовых коммуникаций Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

Контактная информация: 622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская д. 57.
e-mail: aedw@rambler.ru

Сведения об авторе: Камышева Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка и методики его преподавания.

Место работы: Шадринский государственный педагогический институт.

Контактная информация: 641871, Курганская обл., г. Шадринск, ул. Архангельского, д. 71, кв. 63.
E-mail: tatyanat@shadrinsk.net

Сведения об авторе: Лекарева Елена Владимировна, аспирант

Место работы: Филиал УрГПУ в г. Новоуральске

Контактная информация: 624130, Свердловская область, г. Новоуральск, ул. Победы, д. 14, кв. 44.
e-mail: lekarevaelena@mail.ru

Сведения об авторе: Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 219.
E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Критика политических текстов – одно из наиболее древних направлений в политической лингвистике: уже в античных риториках встречаются язвительные замечания о речевом мастерстве отдельных политиков. Негативной оценке речи политиков, журналистов и чиновников посвящено множество публикаций, созданных в последующие столетия. Авторы подобных исследований тщательно фиксируют всевозможные реальные и мнимые недостатки в политической коммуникации, показывая тем самым, что риторическое мастерство политиков и журналистов слишком далеко от идеала.

Budaev E.V., Kamysheva O.S.,
Lekareva E.V., Chudinov A.P.
Ekaterinburg, Russia

TEXTUAL CRITICISM IN AMERICAN
POLITICAL LINGUISTICS

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. The paper reviews textual criticism as a branch of political linguistics and delineates the main features of investigations carried out by American scholars in the middle of the XX century, namely R. Drinan, R. Keils, H. Sperber, J. N. Tidwell.

Key words: political linguistics, textual criticism, correctness of speech, expressiveness of speech, speech manipulation.

About the author: Budaev Edward Vladimirovich, Candidate of Philology, Doctoral Student

Place of employment: Nizhniy Tagil State Social Pedagogical Academy

About the author: Kamysheva Olga Sergeevna, Senior Teacher of the Chair of the English Language and Methods of its Teaching.

Place of employment: Shadrinsk State Pedagogical Institute.

About the author: Lekareva Elena Vladimirovna, Senior Teacher.

Place of employment: The Ural State Pedagogical University, Novouralsk Department.

About the author: Chudinov Anatoly Prokopievich, Doctor of Philology, Professor, Vice-Rector for Academic and Innovative Activities.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Такие публикации характерны и для нашей страны. Например, в советскую эпоху особую известность приобрела заметка В.И. Ленина «Об очистке русского языка», где председатель правительства писал: «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без меры и без надобности». Далее лидер большевиков сознается в том, что его «употребление иностранных слов без надобности озлобляет», а «некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя». В заключение текста предлагается «объявить войну коверканью русского языка» [Ленин 1958-1965: 274]. Нетрудно заметить, что многие десятилетия этой

«войны» не принесли ожидаемой победы, а политики, оказавшиеся во главе нашего государства после устранения коммунистов, тоже далеко не всегда безупречно владеют русским языком.

Задача исследований, посвященных критике политической коммуникации, заключается не только в фиксации ошибок конкретного автора. Не менее важно выявить тенденции в использовании языковых средств, специфику их функционировании в политической коммуникации. В подобных публикациях часто представлены конкретные примеры коммуникативных неудач и их теоретическое осмысление, рекомендации по предупреждению ошибок. Нередко в таких работах критика речи и сетования на общую «порчу» языка совмещаются с негативной оценкой политической ситуации и критикой политических лидеров, чиновников и журналистов.

Показательно, что максимальная язвительность обычно бывает направлена на тексты политических противников, но нередко авторы критически оценивают и речевую деятельность своих единомышленников.

Один из наиболее часто повторяющихся упреков в адрес языка политиков – лживость, стремление при помощи красивых слов скрыть истинное положение дел и на этой основе манипулировать обществом. Эта проблема занимает важнейшее место в романе-антиутопии на английского писателя Джорджа Оруэлла «1984», в котором были описаны принцип «двоемыслия» (doublethink) и словарь «новояза» (newspeak). В этой книге на конкретных примерах были охарактеризованы способы речевого манипулирования человеческим сознанием в целях завоевания и удержания политической власти в тоталитарном государстве. Джордж Оруэлл наглядно показал, каким образом при помощи языка можно заставить человека поверить лжи и считать ее подлинной правдой, как именно можно положить в основу государственной идеологии оксюморонные лозунги «Война – это мир», «Свобода – это рабство» и «Незнание – это сила».

Публикации, посвященные критике языка политиков, чиновников и журналистов, очень характерны для Соединенных Штатов второй половины XX века [Будаев, Чудинов 2008, 2009a, 2009b]. Ярким примером такой критики может служить текст выступления сенатора Роберта Ф. Дринана, который был впервые опубликован в 1972 году (его перевод представлен в настоящем выпуске журнала «Политическая лингвистика») [Drinan 1972]. Некоторые из утверждений Дринана воспринимаются как вполне современные. Показательно уже первая фраза: «Язык – это не просто способ, выражаем нашу внешнюю политику; язык – это и есть наша внешняя политика». По мнению сенатора, «целые отделы Федерального правительства и печально известные Госдепартамент и Мини-

стерство обороны систематически коверкают английский язык». Р. Дринан пишет: «Моя обязанность сообщить вам, что герои Оруэлла в данный момент удобно укрыты в министерствах иностранных дел и обороны, но они продолжают свою прежнюю деятельность». Далее приводятся конкретные примеры текстов, авторы которых стремятся скрыть истину от читателей, выражаясь крайне туманно, используют профессиональный жаргон, нарушают требования правильности, ясности и выразительности речи.

Статья Ф. Дринана по-своему уникальна. Традиционно инициаторами критики политического языка становятся писатели, журналисты или лингвисты. Политики же или ничего не знают об этой критике, или стараются ее не замечать, потому что демонстрация речевых механизмов манипуляции общественным сознанием – важный инструмент в борьбе за власть. В случае с выступлением Ф. Дринаном мы наблюдаем непривычную ситуацию. Конгрессмен и известный политик сам указывает на особенности американского новояза, призывает будущих исследователей уделять более пристальное внимание к политическому языку и ставит между этим вниманием и моральным долгом знак равенства. В этом смысле выступление Ф. Дринана – это одно из проявлений «социального заказа» на исследования политического языка.

В отчасти схожем ключе была написана статья Р. М. Кейлза «Язык Пентагона – это разновидность новояза», опубликованная в предыдущем выпуске «Политической лингвистики» [Кейлз 2009] (оригинальный текст опубликован в [Keils 1973]). Подчеркивая многочисленные сходства между вымышленным Дж. Оруэллом новоязом и языком Пентагона середины XX в. и отдавая должное критическому осмыслению этого явления, Кейлз делает несколько иные выводы. По его мнению, нет необходимости поднимать тревогу и «кричать о помощи», когда подобным образом экспериментируют с языком. Элементы новояза в политической коммуникации «это своего рода сочетание элементов трагедии в мягких формах и элементов комедии, которая в течение многих столетий является показателем способности человека действовать эффективно». С другой стороны, «до тех пор, пока существуют критики, члены общества не превратятся в рабов, несмотря на вновь появляющиеся угрозы для языка и политики» [Кейлз 2009: 180].

Противопоставление позиций Ф. Дринана и Р. Кейлза показывает, что основанная на оруэлловской традиции критика политических текстов может приводить исследователей к различным выводам. Примечательно, что подобные тенденции наблюдаются и в современной отечественной политической лингвистике, что будет рассмотрено ниже.

Вторая помещенная в настоящий выпуск статья принадлежит перу профессоров

Х. Спербера и Дж. Н. Тидвелла. Она впервые была опубликована в 1951 году и посвящена критике существовавших в тот период представлений об истории возникновения фразеологизмов «to go up Salt River» и «to be rowed up Salt River» [Sperber, Tidwell 1951]. Как отмечают Х. Спербер и Дж. Н. Тидвелл, идиоматические конструкции являются неотъемлемой частью политической коммуникации, активно участвуют в формировании общественного мнения и вызывают широкий интерес у исследователей. Вместе с тем часто возникают трудности с определением истоков подобных выражений. Исследование показало, что представления об этимологии таких выражений нередко опираются на неподтвержденные заявления, неточные цитаты, непроверенные истории. По мнению авторов, знание истории возникновения этих выражений позволяет лучше понимать историю американской политической коммуникации.

Представленные в разделе публикации не только являются примерами исследований по критике текста в американской политической лингвистике середины прошлого века. Заявленная в них проблематика перекликается с проблемами, актуальными и для современной российской политической лингвистики. Отметим, в частности, что если российские авторы нередко пишут о «порче» русского языка, то

американцы предпочитают критиковать низкую речевую культуру отдельных политиков и чиновников, но не делают выводов о деградации английского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика. – М., 2008.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая советология как научное направление // Политическая лингвистика. 2009а. № 27.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая советология эпохи холодной войны // Политическая лингвистика. 2009б. № 27.

Кейлз Р.М. Язык Пентагона – это разновидность новояза // Политическая лингвистика. 2009. № 30.

Ленин В.И. Об очистке русского языка // Полное собрание сочинений. – М.: Издательство политической литературы, 1958-1965. Т. 30.

Drinan R.F. The Rhetoric of Peace // College Composition and Communication. 1972. Vol. 23(3).

Sperber H., Tidwell J.N. Words and Phrases in American Politics: Fact and Fiction About Salt River // American Speech. 1951. Vol. 56 (4).

Keils R.M. Pentagon English is a Sort of New-speak // College Composition and Communication. 1973. Vol. 24(5).

© Будаев Э.В., Камышева О.С.,
Лекарева Е.В., Чудинов А.П., 2010

Дринан Р.Ф.
Массачусетс, США
Перевод Е.В. Лекаревой

РИТОРИКА МИРА

УДК 808.5
ББК Ш 7

Аннотация. Перевод на русский язык статьи Роберта Ф. Дринана «Риторика мира», опубликованной в США в 1972 г. Автор критически оценивает тексты, созданные американскими политиками, журналистами и чиновниками, говорит о необходимости правильности и ясности политической речи.

Ключевые слова: Риторика, политическая коммуникация, правильность речи, выразительность речи, новояз.

Сведения об авторе: конгрессмен Роберт Ф. Дринан

Сведения о переводчике: Лекарева Елена Владимировна

Место работы: Филиал УрГПУ в г. Новоуральске

Контактная информация: 624130, Свердловская область, г. Новоуральск, ул. Победы, д. 14, кв. 44.
e-mail: lekarevaelena@mail.ru

Drinan R.F.
Massachusetts, USA
Translated by E.V. Lekareva

THE RHETORIC OF PEACE

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. The translation of the article "The rhetoric of peace" by Robert F. Drinan, published in 1972 in the USA. The author gives critical estimation of the texts, created by American politicians, journalists and officials, and speaks about the necessity of correct and clear political speech.

Key words: Rhetoric, political communication, speech accuracy, speech expressiveness, newspeak.

About the author: Congressman Robert F. Drinan

About the translator: Lekareva Elena Vladimirovna, Senior Teacher.

Place of employment: The Ural State Pedagogical University, Novouralsk Department.

Язык – это не просто способ, которым мы выражаем нашу внешнюю политику; язык – это и есть наша внешняя политика. В Вашингтоне некоторые из ваших выпускников не проявляют ни малейшего уважения к честному использованию языка. Их язык нечестен не только потому, что он выражает неправду, но и потому (и это более коварно), что он маскирует правду в жаргоне и подтекстах столь сильно, что это может ввести в заблуждение самого способного переводчика или шифровальщика.

Я не приписываю вашей профессии ответственность за ложные утверждения, которые произносятся в Вашингтоне. Даже ответственность английского профессора не доходит до этой отвратительной перспективы. Однако, что касается «языка маршмэллоу» (выражение, используемое для описания языка бюрократических текстов – прим. пер.), который в действительности языком не является, то мне кажется, что у вас есть некоторая профессиональная ответственность.

Американская медицинская ассоциация не получает наград за просвещенное самоуправление или за сформированное чувство общественной значимости. Однако если бы несколько нанятых правительством врачей должны были бы выполнить открытую операцию на сердце в антисанитарных условиях, я не сомневаюсь, что эта ассоциация стала бы протестовать. Сегодня целые отделы Федерального правительства и печально известные Госдепартамент и министерство обороны систематически коверкают английский язык; и защитники языка или, по крайней мере, большая их часть не протестуют.

Это антиобщественное, неправильное употребление языка не было полностью проигнорировано. Рассел Бейкер в «Нью-Йорк Таймс» от 1 декабря 1971 г. выразил свое возмущение

злоупотреблением терминами: «Пентагон, – сказал Бейкер, – отказался от бомбежек как от инструмента войны, потому что считает это дурным тоном. Вместо этого он активно использует такие новые обозначения, как термоядерный обмен; ограниченные воздушные удары, выполненные с хирургической точностью, в строгом соответствии с военными целями и защитной реакцией.

Всем известно, что каждый из этих терминов означает бомбовые удары по иностранным государствам, с которыми наше правительство имеет плохие отношения. Однако бомбежка – такое отвратительное деяние, что правительство Соединенных Штатов больше не может быть связано с ним. Поэтому на прошлой неделе нам пришлось не бомбить противника, а проявлять защитную реакцию.

Марио Пей, один из наших самых выдающихся исследователей проблем злоупотребления языком, отметил современную тенденцию к «не-языку». Доктор Пей представил нам новый способ создания неологизмов правительством для помрачнения сознания: он называет эту форму не-языка «истинная намеренная двусмысленность». Он заявляет в статье «Американский язык в начале 70-х», что «четыре главных области для использования обтекаемых слов – это вооруженные силы, правительство, политика и коммерческая реклама». Пей очень проницателен: «Реальный вклад военных в язык, – говорит он, – идет от руководящих кругов. Именно там возникли такие оскорбительные понятия, как *соотношение потерь воюющих сторон (kill ratio)* и «подсчет трупов» (*body count*), которые использовались в течение нескольких лет, хотя ни один из наших словарей их не зарегистрировал. Там же возник и термин *зеленая поддержка (green backing)*, который ис-

пользуется, чтобы описать финансирование правительств и вооруженных сил Южного Вьетнама и Камбоджи. Это значение также не зафиксировано ни в одном словаре... Военные операции в Камбодже и Лаосе по-пентагоновски звучат как *защитная реакция* (*protective reaction*). Возможно, самый лучший термин придумали в ВВС, чтобы заменить слово *демонстрация*, ранее используемое для бухгалтерского обзора контрактов и против которого возразил генерал Теубнер на том основании, что *демонстрация* стала грязным словом в связи с другими событиями. В качестве замены он предложил словосочетание *отчетный обзор* (*audit review*), которое было бы достаточно корректным, но штатные сочинители дали ему больше, чем он рассчитывал: *Оценка Потока Отчетных Данных* (*Data Accounting Flow Assessment*), с подходящим сокращением, DAFA.

Больше чем двадцать пять лет назад Джордж Оруэлл язвительно отметил, что «политическая речь – это в значительной степени защита недостойного. Поэтому политический язык должен состоять в большей мере из эвфемизмов, туманных фраз и неопределенности». Моя обязанность сообщить вам, что герои Оруэлла в данный момент хорошо устроились в министерствах иностранных дел и обороны, и по иронии судьбы или по вполне предсказуемому плану продолжают приближать нас к «стерильному» миру 1984 г., описанному Оруэллом.

Джерри Рубин в книге «Действуй!» (*Do It!*) заявил: «Умирающая культура разрушает все, чего касается... и первым будет разрушен язык». Далее Рубин делает вывод о том, что «язык предотвращает коммуникацию». Предположение о том, что язык предотвращает коммуникацию, кажется совершенно абсурдным, пока мы не посмотрим на тот язык, который недавно просочился к нам из министерства обороны.

Было бы трудно определить сферу, в которой понятный язык более необходим, чем сфера нашей международной военной политики. Конечно, министр обороны должен иметь возможность понятно излагать на простом языке наши международные стратегические цели. Рассмотрим центральный параграф из статьи министра обороны по этому вопросу в ключевом разделе его «Запроса ассигнований на оборону к Палате представителей Комитета по ассигнованиям от 4 марта 1971». Для начала я должен сказать, что этот параграф является частью описания под «не названием» «Стратегия Реалистического Сдерживания». Я цитирую г. Лейрда: «Это не реалистично или эффективно ожидать, что каждая страна разовьет независимую способность самообороны против всех уровней некитайского и несоветского нападения. Утечка в союзнических трудовых ресурсах и в их сбережениях будет препятствовать достижению экономического роста, а следовательно, и политической стабильности, которая является необходимой для военной

безопасности. В то же самое время глубокие исторические, социальные и политические запреты на безотлагательные и эффективные региональные взаимные меры безопасности в некоторых областях должны быть признаны. Таким образом, точный баланс должен быть достигнут между независимыми способностями и коллективными мерами. Одним из самых важных способов, доступных для США, чтобы стимулировать и оказать содействие в развитии этих способностей и мер, является обеспечение соответствующей военной помощи нашим союзникам».

Я прочитал этот параграф пять раз, и я уверен, что он лишен смысла. Министр обороны произносит звуки, но остается немым. Предотвратил ли язык в данном случае коммуникацию? Возможно, министр лучше сообщил бы намерения правительства, танцуя или показывая мультфильмы. В действительности, жаргон министерства обороны не является смешным, потому что это своего рода непроницаемый барьер в психологическом отношении, барьер, который держит людей за его пределами, а изолированных руководителей внутри.

Я утверждаю, что систематическое использование таких трудных для понимания терминов, как «защитная реакция» и лживые предложения военных, гораздо больше скрывают процесс принятия решений министерством обороны от людей и от Конгресса, чем любые правила секретности.

Я утверждаю, что если бы каждое высказывание министерства обороны было сделано на древнем, никому не понятном языке, мы знали бы немного меньше о реальной военной политике и намерениях нашего правительства, чем мы теперь знаем.

Я утверждаю, что использование пустых слов министерством обороны не случайный побочный продукт метастазной бюрократии; скорее, это – основная часть всеобъемлющей схемы сохранения процесса принятия решения министерством обороны, секретно-неизвестным и защищенным от любого потенциального критика. Позвольте мне добавить, что у обитателей Пентагона есть серьезный повод бояться общественного разоблачения, поскольку документы Пентагона, документы Андерсона и многие другие факты свидетельствуют об этом.

Название этой статьи содержит слово «риторика». Первым определением, которое дает Уэбстер, является «искусство говорить или писать эффективно». Любой, кто исследует использование языка министерством обороны, должен будет признать, что их язык был эффективен. Президент предлагает потратить 78 миллиардов долларов на военные цели в 1973 финансовом году, и даже люди в Конгрессе считают неразрешимой задачу выяснения, где и на что будет потрачена эта сумма.

Наряду с другими членами избирательной группы под названием «Члены Конгресса мира

посредством закона», я подробно исследовал несколько пунктов расходов на вооружение, включая, например, вопрос того, сколько войск Соединенных Штатов должно быть размещено в Европе.

Я обнаружил, что мало того, что слова, используемые министерством обороны по этим вопросам, непостижимы или недоступны для моего анализа, но что даже статистические данные, финансовые исследования, разработаны таким способом, что никто (кто не обладает кодовой книгой Пентагона или компьютерной программой) не может понять их. Конечно, я должен добавить, что уровень секретности данных министерства обороны прямо пропорционален степени его значимости.

К счастью, риторика «не языка» восприимчива к критике. Каждый из нас должен высказать обвинения. Мы должны заявить не только, что король-то голый, но и что он делает нечто отвратительное. Если многие из нас выскажут эту претензию достаточно четко и неоднократно, то наши усилия дадут результаты.

У нас уже были некоторые маленькие, но важные результаты. Когда я и несколько моих коллег в Палате представителей подняли проблему тайного «не языка» ЦРУ в прошлом году, то это закончилось созданием Подкомиссии по ЦРУ в Комитете по Вооруженным силам. Эту Подкомиссию возглавляет очень ответственный конгрессмен Люсьеном Недзи из Мичигана.

Когда Департамент Флота недавно представил мне повторные неязыковые утверждения о характере проблемы одного из моих избирателей, то я устроил так, чтобы высокие чиновники посетили мой офис и обсудили вопрос. В других случаях в контексте обсуждения ассигнований на вооруженные силы и на помощь иностранным государствам члены Конгресса пытались добиться, по крайней мере с частичным успехом, вразумительных формулировок от министерства обороны.

Влияние преподавателей английского на восстановление ясного языка как средства поддержания демократического общества могло бы быть огромным. Подробный анализ текстов важных правительственных документов в вашем университете станет первым шагом при подтверждении ценности ясного и честно используемого языка.

Я предлагаю, чтобы Вы рассмотрели с точки зрения использования английского языка три документа, которые отражают проблемы, которые я обсудил. Во-первых, это «Внешняя политика Соединенных Штатов, 1971, сообщение Госсекретаря» (**United States Foreign Policy, 1971, A Report of the Secretary of State**. Dept. of State Publication 8634, March 1972, U.S. Government Printing Office); во-вторых, «Стратегия национальной безопасности реалистического сдерживания, ежегодный отчет министра обороны Мел

вина Лейрда, финансовый год 1973» (**National Security Strategy of Realistic Deterrence, Secretary of Defense Melvin Laird's Annual Defense Department Report, Fiscal Year 1973** U.S. Government Printing Office, February 15, 1972); и в-третьих, «Документы Пентагона, изданные Нью-Йорк Таймс» (**The Pentagon Papers As Published by The New York Times** Bantam Books, 1971). Шесть месяцев интенсивного исследования этих материалов позволяют любому студенту узнать больше о правительстве и о злоупотреблении языком, чем годы курсов политологии и основ гражданственности. Шесть месяцев такого исследования неизбежно приведут к новой риторике, подобной риторике мира, студента и учителя.

Риторика мира – это эффективное использование языка людьми, чьи мотивы и понимание отличаются от мотивов и понимания правительства. Риторика мира основана на суждении Пола Тиллича о том, что «страсть к правде разрушается под весом неоспоримой власти».

Мы можем и будем ясно, спокойно и энергично убеждать американских людей, что они – действительная настоящая власть в этой стране. Когда большинство придет к неизбежному выводу, что мы наделены правом требовать большей ответственности от тех, кто собирает наши деньги, тратит их и в то же время подвергает наши жизни и цивилизацию опасности, тогда мы придем к выводу, что говорили эффективно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Стратегия реалистического сдерживания – военно-политическая стратегия, выдвинутая министром обороны М. Лэйрдом [Laird, Melvin R.] в 1971 г. Заменяла собой стратегию «гибкого реагирования» (flexible response); предусматривала совершенствование стратегического ракетно-ядерного потенциала США и увеличение оборонных усилий их союзников.

2. Pentagon Papers «документы Пентагона» – сверхсекретное исследование предыстории участия США в войне во Вьетнаме общим объемом около 7 тыс. страниц, проведенное по указанию министра обороны Р. Макнамары по поручению президента Л. Джонсона [Johnson, Lyndon Baines (LBJ)]. В 1971 бывший высокопоставленный сотрудник министерства обороны Д. Эллсберг передал 47 томов этих документов в распоряжение газет «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост». Администрация Р. Никсона попыталась наложить предварительное ограничение на публикацию документов, но решением Верховного суда по делу «Нью-Йорк таймс против Соединенных Штатов» (1971) на основании права народа знать правду и иметь конституционную свободу слова и печати правительству было предписано опубликовать эти материалы за исключением отдельных документов и страниц, которые, по мнению Суда, могли бы в случае опубликования нанести ущерб национальной безопасности. Эллсберг был отдан под суд по обвинению в шпионаже, но затем оправдан.

© Дринан Р.Ф., 2010

© Лекарева Е.В. (перевод), 2010

Спербер Х.
Огайо, США
Тидвелл Дж.Н.
Калифорния, США

Перевод О.С. Камышевой

СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ
В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ:
ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ О СОЛТ-РИВЕР

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Перевод на русский язык статьи Х. Спербера и Дж.Н. Тидвелла «Words and Phrases in American Politics: Fact and Fiction about Salt River». Авторы статьи исследуют историю возникновения выражений с названием «Солт-ривер» в политическом дискурсе. Анализируя различные источники, они восстанавливают истинную историю фразеологизмов.

Ключевые слова: «Солт-ривер», политическая лексика, политические выражения, выборы, словарь американской истории.

Сведения об авторе: Спербер Ханс.

Место работы: государственный университет Огайо.

Сведения об авторе: Тидвелл Джеймс.

Место работы: государственный университет Сан-Диего.

Сведения о переводчике: Камышева Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка и методики его преподавания.

Место работы: Шадринский государственный педагогический институт.

Контактная информация: 641871, Курганская обл., г. Шадринск, ул. Архангельского, д. 71, кв. 63.

E-mail: tatyana@shadrinsk.net

Sperber H.
Ohio, USA
Tidwell J. N.
California, USA

Translated by O.S. Kamysheva

WORDS AND PHRASES
IN AMERICAN POLITICS:
FACT AND FICTION ABOUT SALT RIVER

ГЧТИИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. This is the first Russian translation of H. Sperber and J. N. Tidwell's article « Words and Phrases in American Politics: Fact and Fiction about Salt River». The authors analyze the origin of words and phrases with the geographical term «Salt River» in Politics. They investigate different sources of information and restore the true etymology.

Key words: «Salt-River», political words, political phrases, election, the Dictionary of American History.

About the author: Sperber Han.

Place of employment: The Ohio State University..

About the author: Tidwell James N.

Place of employment: San Diego State University.

About the translator: Kamysheva Olga Sergeevna, Senior Teacher of the Chair of the English Language and Methods of its Teaching.

Place of employment: Shadrinsk State Pedagogical Institute.

Каждый согласится, что политические лозунги и призывы являются неотъемлемой частью политической истории. Такие выражения не просто украшают политические события, но и активно участвуют в формировании общественного мнения. Можно предположить, что историки и лингвисты уже предпринимали попытки изучения политических выражений, учитывая их важность и привлекательность. Однако в этом случае часто возникают трудности с определением их истоков. Мы сталкиваемся с неподтвержденными заявлениями, неточными цитатами, непроверенными историями.

В качестве примера исследуем выражения, в которых название «Солт-ривер» символизирует политическое поражение. Действительно, подобные фразы не входят в активный словарный запас современных американских политиков. Однако более ста лет назад выражения «to go up Salt River» и «to be rowed up Salt River» использовались в значении «проиграть выборы», и старшее поколение их помнит. В словаре американской истории упоминается, что возникновение этих фраз связано с инцидентом, который произошел во время предвыборной президентской кампании Генри Клея в 1832

году. Клей, соперник Джексона, нанял лодочника, чтоб добраться из Огайо в Луисвилл, где он планировал произнести речь. Как свидетельствует история, лодочником оказался человек из окружения Джексона, который повез Клея по реке Солт-ривер, а поэтому дорога оказалась слишком длительной. Это привело к тому, что Клей пропустил свое выступление. Позднее поражение Клея на президентских выборах иронично стали связывать с этим происшествием. В словаре американской истории также указывается, что члену палаты представителей Александру Дункану из Огайо приписывается заслуга распространения данного выражения, поскольку он впервые использовал его в своей речи в 1839 году.

Читатель привык полагаться на приведенные в словаре факты, считая, что историки обычно дают точные ссылки. Но если читатель – неисправимый скептик? Он находит единственный источник информации в словаре американской истории и обнаруживает, что статья, например, про того же Клея, несколько изменена и в ней не упоминается член палаты представителей Дункан. В этом случае возможны два варианта: читатель принимает данные

сведения как факт или не верит им и начинает собственное исследование без какого-либо достоверного источника. Основанием для недоверия могут быть следующие вопросы: «Как Клей или кто-либо другой в здравом уме мог допустить ошибку и отправиться до Огайо по Солт-ривер?», «Если кандидат в президенты пропустил важную встречу, существуют ли воспоминания современников об этом инциденте?» Но эти вопросы не входили в сферу исследования историков.

Лингвистам удается достичь большего, они изучают этимологию выражений, или, по крайней мере, особенности их употребления. Например, в американском словаре Торнтонга указано, что авторами первых примеров с названием «Солт-ривер» были Франц М. Троллоп (1832) и Джеймс К. Полдинг (1833). При этом данные примеры были приведены как цитаты без какого-либо контекста. Миссис Троллоп представила выражение в виде цитаты из газетной статьи, в которой говорится про спор между Герцогом Саксен-Веймарским, который приезжал в Соединенные Штаты в 1825 году, и извозчиком. Во время спора Герцог угрожал извозчику бамбуковой палкой. Автор данной газетной статьи отмечает, что выражение «грести по Солт-Ривер» («a rowing up salt river») используется в диалекте в штате Джорджия как одна из угроз.

Учитывая, что Миссис Троллоп приехала в Соединенные Штаты на Рождество в 1827 году, а интерес к Герцогу Саксен-Веймарскому угас, вероятно, сразу после его отъезда, можно предположить, что эта история появилась, скорее всего, в 1827, а не в 1832 году, когда ее книга была издана. Х.Л. Менкен сомневается в том, что «после истории с Герцогом эта фраза так быстро вошла в обиход, что попала в книгу Миссис Троллоп» («American Language», приложение, ч. I, с. 282). В хронологии событий возникают и другие вопросы. Выборы проводились в 1832 году, но даже предположение о том, что инцидент с Клеем произошел в 1828 году, как свидетельствует предание Кентукки (см. В.А. Botkin «A Treasury of American Folklore», с. 4), вызывает сомнение. Трудно представить, что вскоре после вышеупомянутого события кто-то мог использовать данное выражение. Более того, кажется маловероятным, что фраза, которая появилась впервые в 1828, была использована в истории с Герцогом, которая произошла на три года раньше.

Однако важность истории Миссис Троллоп заключается в другом. По мнению автора, подобный случай приводит к выводу о том, что истоки данного выражения могут быть политическими. Но, если читатель прочитает этот рассказ без предубеждения, у него не возникнет мысли о его политической значимости, поскольку процитированная фраза означает угрозу физической расправы. Такой же смысл можно обнаружить в примерах Дж.К. Полдинга, в которых капитан плоскодонной лодки говорит моряку:

«Very well, old fellow, see if I don't row you up Salt River before you are many days older» (ч. I, с. 77; этот пример также приведен Менкеном в книге, изданной в Лондоне, под названием «Banks of the Ohio»). В этом же источнике можно обнаружить другой пример, «If I didn't, may I be rowed up Salt River» (ч. I, с. 78). Примеры с тем же значением приводит английский путешественник Е.Т. Кок. Он присутствовал на представлении Джеймса Х. Хэкетта в Филадельфии 2 или 3 июня 1832 году, и сообщил об этом в журнале «The Subaltern's Furlough» (1833).

Мистер Хэкетт умел создавать непристойные комедии. Говорили, что его представления на Западе вызывали у слушателей сильные эмоции, которые часто были направлены против него самого. Действующие лица называли всех «полулошадьми, полукрокодилами» («half-horse, half-alligator boys») и «желтыми лесными цветочками» («the yellow flowers of the forest»), что выводило зрителей из себя. Некоторые из них угрожали «отправить Хэкетта по Солт-Ривер» («to row him up Salt River»), если он еще осмелится репетировать нежелательный спектакль (ч. I, с. 35).

Примеры Полдинга и Кока важны тем, что в них содержится намек на речи западных хвастунов, к которым относится капитан из примера Полдинга. В большинстве приведенных историй обнаруживаются хвастливые реплики, при этом название «Солт-ривер» встречается в разных словосочетаниях. Одним из лучших примеров является вызывающий диалог Ральфа Стакпола в рассказе «Bird's Nick of the Woods» (1835). Действие этого рассказа происходит в деревне около Солт-ривер:

«Whar's your buffalo-bull,' he cried, 'to cross horns with the roarer of Salt River? Whar's your full-blood colt that can shake a saddle off? h'yar's an old nag can kick off the top of a buck-eye! Whar's your cat of the knobs? your wolf of the Rolling Prairies? h'yar's the old brown b'ar can claw the bark off a gum-tree! H'yar's a man for you, Tom Bruce! Same to you, Sim Roberts! to you, Jimmy Big-nose! to you, and to you, and to you! Ar'n't I a ring-tailed squealer? Can go down Salt on my back, and swim up the Ohio! Whar's the man to fight Roaring Ralph Stackpole?» (с. 49 в издании 1852 года).

Из данного отрывка можно понять, что существует большое количество ярких выражений с названием «Солт-ривер», которые передают хвастовство. В повествовании Ральфа Стакпола и в словах его героев поток реки понимается по-разному. Используя устойчивые выражения, сельские жители рассматривают реку то, как друга, то, как врага. Вот несколько примеров: ... the redoubtable Salt, the river of roarers ... (с. 15.); Such was the worthy, or unworthy, son of Salt River ... (с. 47.); At him, for the honor of Salt River ... (с. 54.); He has whipped the ramping tiger of Salt River, (с. 59.); ... I seed him as plain as ever I seed old Salt! (с. 99.); ... a world

of Indian scalps, and a whole Salt River full of Shawnee blood ... (с. 181.); ... them's got grit that'll go down old Salt on horseback! (с. 188.); Hurrah for Kentucky and old Salt-Cock-a-doodle-doo! (с. 275.)

Даже когда название «Солт-ривер» используется исключительно как географический термин, говорящие часто вводят элементы персонализации, показывая, что Солт-ривер – это не просто опасная река, а их любимая река: Arn't that old Salt now, looking as sweet and liquorish as a whole trough-full of sugar-tree? (с. 194.); Smash away, old Salt! (с. 190.); ... ar'n't I the crittur to shake old Salt by the fo'paw? (с. 185.)

Хотя подобные выражения с названием «Солт-ривер» воспринимаются как имеют окказиональные, они были широко известны и часто использовались, поскольку были яркими и запоминающимися. Тимоти Флинт подтверждает вышесказанное, приводя пример в журнале «The Knickerbocker Magazine» (1832). Он описывает девушку как «oddest compound of romance and matter of fact ... of prose-poetry, mock-sublime, Jersey-Yankeeism and Salt-river slang and roaring, that it has ever been my fortune to meet» (ч. VI, с. 177). В статье журнала «Athenceum» (1835) Флинт говорит следующее: «Известно соперничество между исследователями диалекта Даунинга в Новой Англии и диалекта Крокета или Солт-ривер на юге и западе США. Была собрана огромная коллекция остроумных выражений, из которых по крайней мере 80% являются вымышленными и только 20% – реально существуют» (с. 511/2).

Таким образом, трудно объяснить, чем отличается политическое выражение «rowing up Salt River» от других выражений, в состав которых входит название «Солт-ривер». Но это необходимо сделать, поскольку мы исследуем рассказ о Генри Клее. Вместо того, чтобы углубляться в различные неправдоподобные истории, нам следует признать следующий простой факт. Выражения «to row up Salt River» и «to row somebody up Salt River», используемые в реальном и выдуманном сленге, означают, соответственно, «быть вовлеченным в трудное и, возможно, неудачное путешествие» и «заставить кого-либо переносить трудности» или «побить кого-либо». Соответствующие политические выражения являются ничем иным, как обычным использованием этого названия в политических контекстах. Самые первые примеры такого использования:

1832, Вашингтон (Огайо) «Herald», 17 ноября 3/4: «Thank a kind Providence [sic], that with all the cold blooded machinations, and guilty intrigues [sic] of the adversary, the Jackson boys of Ohio have been enabled to give them another ride 'up Salt River'».

1834, «Life of David Crockett» (1902), с. 183: «... he made a speech that fairly made the tumblers hop. He rowed them up and over Salt River».

1836, Колумбия (Огайо) «Western Hemisphere», 21 сентября, 3/1: «The Whig Orators of Cincinnati 'rowed up Salt River'».

С того времени подобные примеры находят широкое распространение. Исследуемые политические фразы появились в 1832 году, и этот факт полностью противоречит утверждению в словаре американской истории. Кроме того, неправдоподобным оказывается и рассказ о члене палаты представителей Александре Дункане, которому принадлежит заслуга распространения данных выражений в их политическом значении. Таким образом, результаты нашего исследования раскрывают следующую историю возникновения выражений с названием «Солт-ривер». В газете «The New York Times» от 16 декабря 1923 года опубликована статья неизвестного, но, вероятно, хорошо информированного автора. В статье говорится: «Именно Дункан, который использовал фразу «rowing up Salt River» в значении «политическое поражение», и его единомышленники в течение сорока лет «двигались по Солт-ривер» босые и голодные» (с. 8/1).

Очевидно, нелепая ошибка составителей словаря американской истории заключается в том, что они сделали вывод на следующем основании: отрывок о Солт-ривер относится к 1839 году. Такое невнимательное отношение к истории доставило нам много проблем. Проведя исследование, мы узнали, что речь Дункана была произнесена в 1841 году («Congressional Globe», 25 января, с. 152, приложение). Таким образом, кто бы ни писал о возникновении тех или иных слов и выражений, ему следовало бы задуматься, по крайней мере, о вероятности того, что читатель может по-настоящему заинтересоваться и провести исследование, в котором упоминались бы не предположения, а факты и точные цитаты.

Практическая значимость нашего исследования заключается в том, что название «Солт-ривер» получило распространение в сфере политики не в результате политического инцидента, а благодаря популярности западного диалекта: хвастовство лодочника послужило основанием для возникновения устойчивых выражений, которые затем проникли в политическую терминологию. В 1838 году Бенжамин Дрейк описал спор между членами фракций на выборах в Кентукки: «half-horse half-alligator encountered all Pot-tawatomie-a Mississippi snag was loosed from its moorings by a full grown snapping turtle-the yaller flower of the desert bruised the nose of old Tecumseh...» («Tales and Sketches», с. 92). Это событие, конечно, выдумка, однако в ней есть здравый смысл. Не имея доказательств, мы не можем быть уверены, что выражения хвастовства, использованные в этом отрывке, имеют какую-либо политическую значимость, однако в этом примере показано, что существовали фракции, которые заимствовали свои названия из истории с полуживотными. В книге «The History of

American Graphic Humor» Уильяма Муррелла описаны две карикатуры 1838 года, изображающие сцены выборов в Нью-Йорке (ч. I, с. 145). В названиях фракций фигурируют «крючковатые хвосты» («ring-tails»), «ревущие из девятой палаты» («ninth-ward roarers»), «демократы с огромными лапами и крючковатым хвостом» («Ring-tailed Democratic Huge Paws»), и, связанное с той же темой, но не передающие хвостовство, «гремучие змеи из реки Олбани» («Albany Basin Rattlers»). Другой пример приведен в журнале «the Dayton Journal». Журналисты осудили действия властей по перераспределению избирательных округов в Огайо, назвав их предвыборными махинациями. В результате, вышел спецвыпуск, под названием «Byington, Spalding and Co's Menagerie». Идея создания карикатур на предвыборные махинации была реализована в многочисленных иллюстрациях, в которых были изображены новые избирательные округа и невероятные животные. Среди подобных фантастических животных – «ревущий из Ричленда» (the Richland Roarer), представленный, как полулошадь, полукрокодил, и описанный так:

«Ревущий» – это известное, но вымирающее животное на западе страны. Вряд ли, это животное исчезнет с лица земли. Несколько лет назад существовало несколько видов таких животных, наиболее распространенным из которых оказался «настоящий ревущий с крючковатым хвостом». Другие виды были похожи на агрессивную черепаху или пароход. Одни возникли из человеческой фантазии, другие – из Солт-ривер.

Говоря об отношении политического языка и политической карикатуры, мы можем указать, что река Солт-ривер появляется во многих сатирических набросках. Несколько характерных примеров можно обнаружить в «Albert Shaw's Abraham Lincoln»: история карикатур (ч. I, с. 100, 101, 117). Часто в различных вариантах высмеивается объявление об отправлении парохода. Например, 1838 г., «Daily Ohio Statesman» (Колумбия), 24 октября, 2/2: 'Will Sail Soon For Salt River, The Old Condemned Steamer, Ohio Whiggery.'

Другой вид политической пропаганды, в котором встречается название «Солт-ривер», – песни предвыборной кампании. Самые первые примеры были использованы во время кампании Харрисона в 1840 году. Песня «Blaine up Salt Creek», положила начало традиции и исполнялась, по крайней мере, в течение 40 лет: она была использована во время кампании Мугвумпа в 1884 году («New York Times», 8 ноября, 1884 год). Слово «creek» в этой песне, возможно, передает связь реки Солт-ривер с другим водяным потоком, которому, согласно легенде, не свойственно движение. Постоянные ссылки на «Солт-ривер» в речах, песнях и карикатурах приводит к очевидному выводу: подобные выражения рассчитаны на чувство юмора широких масс. Даже конгрессмены пользовались их юмористическим эффектом, когда им хотелось внести некоторую непринужденность в серьезные дебаты.

© Спербер Х., Тидвелл Дж. Н., 2010

© Камышева О.С. (перевод), 2010

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узко специализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах. Рукописи принимаются на русском, английском, немецком, французском, испанском языках, по согласованию с редакцией возможно представления рукописей и на иных языках. Публикация статей производится на русском языке. Перевод осуществляется сотрудниками журнала за счет средств редакции.

Авторы, предлагающие статьи для публикации должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы.

1. Политическая коммуникация. Включает статьи, посвященные институциональной и личностной политической коммуникации. Политическая коммуникация понимается широко, т.е. и как коммуникация, в которых политики выступают как адресанты или адресаты, и как коммуникация, связанная с политическими проблемами в рамках политического медийного, научного или иного дискурса.

2. Язык – общество – политика – культура. В этом разделе представлены статьи, в которых исследуются проблемы взаимодействия языка, общества, культуры и политики, в том числе имеющие важное социальное значение вопросы медиалингвистики и рекламной коммуникации. Подобные исследования, разумеется, связаны с социальной жизнью и политической культурой общества, но уже не настолько непосредственно, как публикации, включенные в первый раздел.

3. Классика политической лингвистики. В данном разделе представлены исследования, созданные на предшествующих этапах развития политической лингвистики и сохраняющие свою научную значимость в современных условиях.

4. Хроника. Рецензии. Письма в редакцию.

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам. Ежегодно мы ждем от потенциальных авторов статьи объемом от 6 до 30 страниц (двенадцатый кегль, до 40 строк на странице) до 1 февраля, 1 мая, 1 сентября и 1 декабря. Единственное ограничение – статьи должны полностью соответствовать проблематике сборника. Наиболее интересные статьи печатаются вне очереди.

Все статьи, представленные в журнал, направляются на рецензирование. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента. В случае отрицательного решения автору направляется копия рецензии.

Мы не платим гонораров, но и не берем с авторов деньги за подготовку статьи к публикации и тиражирование сборника. Это относится ко всем авторам, в том числе к начинающим исследователям (аспирантам и др.).

Журнал выходит ежеквартально. Срок выпуска каждого номера – не более двух месяцев. Наш журнал своевременно рассылается всем отечественным и зарубежным авторам.

Статьи печатаются именно в том варианте, в каком они присланы автором, который несет полную ответственность за содержание статьи и ее оформление. Редакция не считает нужным оплачивать работу литературного редактора и корректора. Поэтому вся ответственность за содержание и оформление статьи лежит на авторе.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343); 3361592 (проректор по научной и инновационной деятельности А.П. Чудинов). Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ar_chudinov@mail.ru.

Наш журнал включен в Каталог Роспечати и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России (индекс 81955).

Наш журнал включен также в международную систему научных журналов (ISSN), где имеет индекс ISSN 1999-2629.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, т.е., помимо основного текста, содержать следующие сведения, представленные на РУССКОМ и АНГЛИЙСКОМ языках.

1. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

- фамилия, имя, отчество автора полностью (если авторов больше чем один, указываются все авторы);
- должность, звание, ученая степень
- полное и точное место работы каждого автора в именительном падеже. Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы каждого автора. (Если все авторы статьи работают или учатся в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно);
- подразделение организации
- контактная информация (e-mail, город, корреспондентская контактная информация) для каждого автора

2. НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

3. АННОТАЦИЯ

4. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

5. НАЛИЧИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКИ (КОД)

- УДК и/или ГРНТИ, код ВАК по разделам номенклатуры научных специальностей
- либо другие библиотечно-библиографические классификационные и предметные индексы;

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ:

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76–86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75-85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. №. 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум – механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. – М.: Науч. мир, 2003. С. 340-342.

МОНОГРАФИИ:

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. – М.: Проспект, 2006. С. 305–412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. 199 с.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. ... канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. 18 с.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: Дис. ... канд. полит. наук. – М., 2002. С. 54–55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО, 2007. 39 с.

ПАТЕНТЫ:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. – Ярославль, 2003. 350 с.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11-12 сент. 2000 г.). – Новосибирск, 2000. С. 125-128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ:

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логина Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?номер=366> (дата обращения: 17.04.07).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения 23.08.2007).